

Министерство образования и науки Российской Федерации
Волгоградский государственный социально-педагогический
университет

Научно-исследовательская лаборатория
«Язык и личность»

В. И. Шаховский

**ТРИАДА ЭКОЛОГИЙ –
ЧЕЛОВЕК,
ЯЗЫК,
ЭМОЦИИ –
В СОВРЕМЕННОЙ
КОММУНИКАТИВНОЙ
ПРАКТИКЕ**

МОНОГРАФИЯ

Волгоград
Издательство ВГСПУ
«Перемена»
2017

УДК 81'1
ББК 81.006.5
Ш 321

Дизайнер обложки А. М. Зылёва.

Шаховский, В. И.

Ш 321 Триада экологий – человек, язык, эмоции – в современной коммуникативной практике: монография / В. И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2017. – 358 с.

В монографии обобщаются многолетние научные исследования автора по проблеме экологии языка и речи в тесной взаимосвязи с эмоциями человека в современном обществе. Демонстрируется модус экологичности коммуникации, коррелирующей с психоэмоциональными факторами и эмоциогенными ситуациями, в которые попадают языковая личность и общество в целом. Показана роль СМИ в изобретении неэкологичных креативов, воздействующих на коммуникантов и их язык. В научный обиход вводятся новые понятия эмотивной лингвоэкологии как раздела лингвистики эмоций. Поднимается и частично решается проблема триады экологий как взаимодействующих феноменов. В приложениях представлен понятийно-терминологический аппарат эмотивной лингвоэкологии, демонстрируется асимметрия экологичной и неэкологичной лексики и фразеологии современных СМИ.

Адресовано лингвистам, педагогам, журналистам, чиновникам госслужбы с целью привлечь внимание к актуальной проблеме коммуникации.

УДК 81'1
ББК 81.006.5

© В. И. Шаховский, 2017
© Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 2017
© Оформление. Издательство ВГСПУ «Перемена», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.	
ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВОПЛАСТИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ	6
Часть I. ОТ ЛИНГВИСТИКИ ЭМОЦИЙ К ЭМОТИВНОЙ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ	12
Глава 1. Зарождение эмотивной лингвоэкологии и ее научные основы	12
§ 1. Триада наук – экология, валеология и лингвистика – как основа эмотивной лингвоэкологии	12
§ 2. Предмет и параметры эмотивной лингвоэкологии	21
Глава 2. Процессы анализа лингвоэкологического языка	32
§ 1. Методология, методы и методики	32
§ 2. Лексикографический аспект проблемы лингвоэкологии	41
Часть II. ЭМОЦИИ КАК ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЭМОТИВНОЙ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ	46
Глава 1. Экология эмоционального сознания и речевого общения / коммуникации	46
§ 1. Экология эмоционального сознания	46
§ 2. Роль эмоционального интеллекта в адаптивном общении (тьюнинг на позитив)	52
Глава 2. Эмоции в языке / слове как лингвоэкологическая проблема	54
§ 1. Эмотивное значение слова в лингвоэкологическом аспекте	54
§ 2. Смешанные эмоции в амбивалентных и поливалентных коммуникативных эмоциональных ситуациях	64
§ 3. Лингвоэкология смешанных эмоций в речевом общении	73
Часть III. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЭМОТИВНОЙ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ	79
Глава 1. Экология функционирования языка	79
§ 1. Эмоции в языке: экологический аспект	79
§ 2. Экология коммуникативного пространства современной России: критический взгляд	85
Глава 2. Унизительная прагматика эмотивного слова	98
§ 1. Магическая власть слова как проблема эмотивной лингвоэкологии	98
§ 2. Унижение языком как фактор неэкологичности общения	104

Часть IV. МЕДИЙНАЯ ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ	110
Глава 1. Стилистика медийной лингвоэкологии	110
§ 1. Эмоции в современных СМИ	110
§ 2. Лингвоэкологическая ответственность СМИ	119
Глава 2. Роль эмоций в формировании экологичности медийной коммуникации	128
§ 1. Лингвоэкологичность стилистики медийного общения	128
§ 2. Эмоциогенность как доминантная компонента коммуникативного стиля элитарной языковой личности	140
Глава 3. Эмотивная креативность медийного дискурса	153
§ 1. Семиотические изменения эмотивности русского языка	153
§ 2. Креатемы как индикатор бесконечных потенциалов языкового развития	158
§ 3. Психоэмоциональная энергетика «детской кнопки» в манипулятивной предвыборной коммуникации	167
Часть V. ЭКОЛОГИЯ НЕГАТИВНОГО ОБЩЕНИЯ	177
Глава 1. Неэкологичность коммуникативного конфликта	177
§ 1. Тензионность и пассионарность общения	177
§ 2. Обида как причина неэкологичности коммуниканта	185
§ 3. Нетолерантность как признак неэкологичного общения	191
§ 4. Речевой перебив как разновидность нетолерантного общения	202
Глава 2. Неэкологичные эмоции в лживой коммуникации	212
§ 1. Лингвистика против homo mentiens	212
§ 2. Над эмоциональной пропастью во лжи	218
§ 3. Всеобъемлющая ложь как форма неэкологичного общения	225
§ 4. Коммуникация: информация vs пропаганда	237
Часть VI. ЭКОЛОГИЯ ПОЗИТИВНОГО ОБЩЕНИЯ	248
Глава 1. Глорификация как норма позитивного общения	248
§ 1. Гибкая стабильность языковой нормы	248
§ 2. Глорификация в позитивном общении	253
Глава 2. Экология романтического общения	261
§ 1. Амбивалентная экологичность вербальной и невербальной любви	261
§ 2. Полимодусность романтической коммуникации	268
§ 3. Знания, ориентирующие на позитивность коммуникации	276
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	288

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	299
ПРИЛОЖЕНИЯ	323
Приложение 1. Понятийно-терминологический аппарат эмотивной лингвоэкологии	323
Приложение 2. Асимметрия экологичных (+) и неэкологичных (-) номинаций современных дискурсов (фреймовая структура)	334
Приложение 3. Неэкологичная коммуникативная личность	357

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА. ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВОПЛАСТИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Предмет экологии, то есть природа в качестве среды обитания, создан долгим, многовековым развитием культуры, которая «расприроднивала» человека и оттесняла природу на периферию существования, превращала природу из самосушей и вездесущей реальности в «окружающую среду», в «экологический фактор». Вот почему экология – это не естественная, а гуманитарная наука, предмет которой – природа перед лицом культуры, точнее, природа как порождение и инобытие культуры.

М.Н. Эпштейн. Наброски к экологии текста

На смену соссюрдовской имманентной лингвистике пришла так называемая «человеческая» лингвистика, а это означает, что лингвистика стала изучать не только семантический аспект языка, но и его человеческий фактор. К этому времени интенсивно стала развиваться лингвистика эмоций (эмотиология), которая убедительно доказала, что центром любой языковой личности являются ее эмоции.

Данная монография посвящена эмотивной лингвоэкологии – новой отрасли языкознания, выросшей из лингвистики эмоций и ставшей актуальным направлением исследований, имеющим научную значимость и практическую ценность для многих сфер жизни человека и, прежде всего, для его общения. В этом смысле считаю своевременным появление новых научных понятий *средословие*, *чистота текста*, *чистый автор* [Эпштейн, 1997]. В многочисленных работах по эмотиологии описан широкий круг проблем языковой категоризации эмоций: выявлена эмотивная функция языка, которая обслуживает его эмотивный фонд; установлены единицы эмотивного фонда языка в их различных ипостасях и типы их эмотивной семантики; проведена дифференциация между различными типами текстов: нейтральным, эмотивным, эмоциональным, эмоциогенным и текстами с эмоциональными вкраплениями, а также описаны их взаимозависимость и взаимоотношения. На разноязычном материале установлены и описаны языковые (эмотивные) средства выражения эмоций на всех иерархических уровнях языка и текста.

Психолингвисты стали настаивать на том, что вся лексика любого языка потенциально эмоциональна / эмотивна. И не без основания. Когнитивисты ещё в 1987 г. объявили о том, что *cognition goes hand in hand with emotion* (Р. Данеш). Другими словами, эмоции сопровождают познание, они мотивируют его, облегчают и улучшают запоминание. Этот факт постепенно завоевал свое место и в научающей коммуникации. Как дети, так и взрослые не только с большим интересом познают новое, если оно эмоционально привлекательно, но и запоминают его прочнее и на больший срок (А.А. Леонтьев, П.П. Блонский, Я. Рейковский и др.).

Обширные знания, добытые лингвистами-эмотиологами, позволили включить в коммуникативную компетенцию такие конститuentы, как эмоциональная и эмотивная субкомпетенции. Коммуникативисты стали усиленно разрабатывать теорию эмоциональной коммуникации, выделив еще одну функцию у эмоций – коммуникативную. Эмоциосфера в языке и коммуникации приобрела статус классической области лингвистики и теперь воспринимается как фундаментальная и хорошо обоснованная теория. Существенным прорывом в лингвистике текста и лингвистической теории эмоций являются разработка понятийно-терминологического аппарата и вычленение такого термина, как «коммуникативная эмоциональная ситуация текста / общения», а также разграничение между текстом сообщения и текстом мнения. В последнем случае речь идет о дальнейшем его членении на эмоциональный и эмотивный тексты. Терминопонятие коммуникативной эмоциональной ситуации позволяет соотносить реальные психоэмоциональные ситуации, которыми переполнена наша современная жизнь, с языковыми возможностями их номинации, категоризации и их комментирования в СМИ и обиходной речи.

Естественно, что в языке постоянно ощущается нехватка соответствующих средств для комментирования тех или иных негативных психоэмоциональных событий. Поэтому журналисты изобретают всё новые и новые лексические и синтаксические единицы – креатемы, которые не только обозначают, но и одновременно выражают аксиологическую характеристику самого события и психоэмоциональных рефлексий, причем не только субъективных (индивидуальных), но и видовых. Именно через такие креатемы чаще всего происходят процессы десемантизации, ресемантизации и семантизации новых реальностей в том или ином коммуникативном социуме. В некоторых коммуникативных ситуациях, которые являются новыми для языкового сообщества, появляются новые тематические дискурсы (фреймы), а уже существующие дискурсы порой получают новое лексико-фразеологическое на-

полнение и развертывание (слоты). Поскольку все эмоции дискурсивны, то именно благодаря им происходят, с одной стороны, дискурсивные развертывания, а с другой – дискурсивные порождения. Это указывает на динамический статус языка и его тесную связь с социопсихологическими изменениями в коммуникативном пространстве конкретного языка. Представляется возможным говорить о спиралевидной динамике языка, синхронной с социокультурным развитием общества, говорящего на этом языке.

Дискурс СМИ является фактическим «гнездом» порождения новообразований, пополняющих уже имеющиеся дискурсы и образующие новые. В этом плане дискурс СМИ является интердискурсивным, т. е. связующим все тематические дискурсы, соотносящиеся с событийными / фактуальными референтами. Это же относится к современному творчеству и художественной коммуникации.

Вербализованные эмоции приобретают витальную значимость для человека: так, семантика слова и его прагматика через энергетическую мощь эмоций воздействуют на эмоциональное сознание и волю человека, что отражается на его физиологии. Очень часто это происходит в силу коммуникативной безграмотности участников всех сфер общения или по неосторожности, без учета возможных последствий. В ряде случаев это преднамеренное, как прием, т. е. запланированное манипулятивное, провокативное эмоциональное воздействие.

Вариативный модус экологичности эмоций объясняется амбивалентным и поливалентным характером ситуаций и их реализации. Причина неэкологичных эмоциональных действий и ситуаций определяется объективными и субъективными факторами: с одной стороны, действием сложившейся лингвистической универсалии – языковой асимметрии шкалы эмоций с явным доминированием негативно окрашенных единиц языка, их номинирующих; с другой стороны, нежеланием людей работать над созданием благоприятной коммуникативной среды через *чистые тексты*. Такие тексты могут создаваться только *чистыми авторами*, для которых противоестественно создавать информационный мусор, «загрязняющий» коммуникативную среду и ее участников. Как известно, нетолерантнее быть легче, чем искать единый позитивно-эмоциональный центр общения. В связи с этим особую значимость приобретает изучение образцов как экологичной, так и неэкологичной коммуникации и, соответственно, языковых и стилистических средств их «упаковки» в речи.

Регуляторами речевого поведения коммуникантов в эмоциональных ситуациях должны стать знание приемов эмоционального балансиро-

вания, амортизации конфликта и владение ими, эмоциональная толерантность и смягчение речевой агрессии, т. е. сдерживание своих вербальных эмоциональных проявлений, а также знания, умения и навыки выхода из конфликтных ситуаций. Эти знания должны включаться в эмоциональную / эмотивную / лингвоэкологическую субкомпетенции, входящие в коммуникативную компетенцию каждого носителя языка.

Таким образом, основы эмотивной лингвоэкологии позволяют сегодня учёным приблизиться к построению непротиворечивой методики рационализации эмоций как общественно полезной теории и способа практического действия, ориентирующего коммуникантов на позитивный вектор всех видов общения.

Эмотивная лингвоэкология, разрабатывая вопросы унижения и возвышения человека языком, комментирования событий и фактов, появляющихся в массовой коммуникации, межличностном и межкультурном общении, подняла проблему изучения роли эмоционального слова и эмоциональных речевых действий в жизни человека и общества. Речевые действия, как и другие виды человеческой деятельности, имеют общественную значимость, они тесно связаны со здоровьем нации. Существуют факты, события и ощущения человека, т. е. его переживания относительно этих фактов и событий. Кроме этого, существуют языковые комментарии как фактов и событий, так и самих переживаний, чувствований. От того, какие эмоции переживает в момент комментирования человек, зависит, какие языковые средства он использует в соответствии с конкретной эмоциональной ситуацией, если он искренен, а не намеренно провоцирует противоположные эмоции.

Это не может не оказывать своего негативного воздействия на качество языка и здоровье говорящего. Поэтому можно утверждать, что эмотивная лингвоэкология – это наука об охране «здоровья» языка, языковой среды, окружающей человека как части природы и здоровья самого говорящего. Человек-адресат под воздействием многочисленных ежедневных стрессовых ситуаций всё чаще и чаще теряет своё психоэмоциональное равновесие и здоровье. Интересным представляется мнение Б. Гройса о том, что «само название... “охрана окружающей среды” достаточно парадоксально: окружающее нельзя охранять – можно охранять только то, что находится внутри» (цит. по: [Эпштейн, 1997]). Это мнение интересно, т. к. оно вызывает сопротивление: язык и человек существуют в природе, которая, с одной стороны, их окружает, с другой стороны, они сами являются частью природы. Можно говорить о языковой среде, о человеческой среде (социумной) и о среде природной. Вышеприведенное мнение Б. Гройса поэтому является и правильным, и дискуссионным. Согласно мнению А. Гордо-

на, филологи ничего не придумывают, они только отслеживают меняющуюся норму и фиксируют её. Другими словами, лингвисты наблюдают за языком, его использованием и средой его использования. Возникает вопрос, где находится язык: внутри человека или за его пределами. На фоне того, что здоровье человека находится явно внутри его, а проявляется вне его, материал монографии позволяет поддержать данное дискуссионное мнение Б. Гройса.

Лингвистам уже давно известны попытки научить человечество позитивному общению. На это направлены максимы Дж. Лича и Г.П. Грайса, правило Н.И. Формановской, рекомендации Д. Карнеги, а также правила эффективного общения И.А. Стернина и других прагматологов. Данная монография демонстрирует вредность неэкологичного общения как для языка, так и для здоровья человека. В ней приводятся многочисленные коммуникативные эмоциональные ситуации с использованием экологически опасных креатива, запущенных в коммуникативный обиход современными СМИ и художественными произведениями. Эти примеры показывают, как не надо общаться, и настраивают коммуникантов на позитивное общение друг с другом. Любое общение должно приводить к взаимному улучшению самочувствия у коммуницирующих сторон и к повышению их самооценки по окончании общения.

В данной монографии рассматривается комплекс проблем, в разной степени связанных с эмотивной лингвоэкологией, а также их решение – далеко не окончательное, но показывающее, как мне кажется, пути к нему. Книга состоит из шести частей, заключения, списка литературы и приложений. В *первой части* прослеживается история зарождения и становления эмотивной лингвоэкологии, вначале – концепции, а потом и самой теории. Здесь же подробно рассматриваются предметы эмотивной лингвоэкологии и основные параметры экологичности общения, а также некоторые методы и приемы её анализа.

Во *второй части* проводится обоснование основного тезиса излагаемой теории – зависимости качества экологичного / неэкологичного общения от конкретной эмоции, в конкретной ситуации общения, доказывающаяся дискурсивность эмоций. Освещаются вопросы эмоционально-экологического сознания и экологического интеллекта, которые должны входить в коммуникативную компетенцию современного человека вместе с его эмоциональным интеллектом. В этой же части книги детально рассматривается проблема смешанных эмоций.

Третья часть книги посвящена экологическому пространству языка, магической власти слова и его унижительной прагматике. В *части четвертой* подробно рассматриваются проблемы медийной экологии. Особое внимание этим проблемам уделено потому, что все ново-

сти, особенно негативные, очень подробно освещаются в разных СМИ, причем во время комментирования негативных новостей журналисты зачастую сознательно занимаются игрой с языком и создают огромное количество неэкологичных креатива, запускаемых в массовое сознание. Отдельные главы этого раздела посвящены таким проблемам, как экологическая ответственность СМИ, авторитет журналиста, неэкологичная стилистика СМИ, влияние эмоций журналистов на их креативную деятельность в комментариях.

В *пятой части* рассматриваются многогранность негативного общения и его широкое распространение в современном коммуникативном пространстве России. Объясняется, почему нетолерантность является признаком неэкологичного общения и его конкретной разновидности на примере речевого перебива. Большое внимание в монографии уделяется лживой коммуникации, ее разновидностям, средствам, стратегиям и тактикам в силу ее массовой распространенности во всех сферах современной человеческой коммуникации и её вредности.

Шестая часть книги посвящена проблеме позитивного общения. В ней даются рекомендации по развитию у коммуникантов правил позитивного общения, демонстрируются признаки романтического общения и описывается глорификационная функция языка.

Завершается монография выводами по всем рассмотренным в ней проблемам современного общения.

При анализе практического материала я не разграничивал официальные и оппозиционные СМИ. Меня интересовали их языкоречевое поведение и креативная деятельность в сфере неологизации, окказионализации, а также в сфере формирования новых контекстуальных понятий через креативы. Моей задачей было выявление лингвистической опасности / безопасности запущенных в речевой обиход креатива для здоровья языка и человека. Все цитируемые в книге примеры – это цитации из разнообразных СМИ, современных кино- / телефильмов и художественной литературы.

В заключение хотел бы выразить свою искреннюю сердечную благодарность, в первую очередь, моей семье, особенно внучке Анастасии, а также тем моим ученикам и коллегам, кто помогал мне на разных этапах работы над книгой и в нужные для меня моменты оказывал всяческую поддержку.

Надеюсь, что книга будет полезна и интересна не только лингвистам, но и ученым, занимающимся проблемами экологии, валеологии, психологии. Буду благодарен всем, кто сможет прочитать книгу и сообщить мне свое мнение об этом труде.

Часть I

ОТ ЛИНГВИСТИКИ ЭМОЦИЙ К ЭМОТИВНОЙ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

Глава 1. ЗАРОЖДЕНИЕ ЭМОТИВНОЙ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ И ЕЕ НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ

§ 1. Триада наук – экология, валеология и лингвистика – как основа эмотивной лингвоэкологии

*Есть слова пострашнее, чем порох,
Чем снаряд над окопными рвами.
Я советую людям при ссорах
Осторожнее быть со словами.*

М. Матусовский

Лингвоэкология (эколингвистика) как новое научное направление в современной лингвистике является бурно развивающейся областью гуманитарного знания. Проблемное поле обуславливается уже самим названием этой дисциплины. Наш подход к исследованию предполагает постулат о том, что язык представляет собой естественную среду, на которую воздействует пользователь языка. По умолчанию такая среда идеальна для человека, но она не может оставаться неизменной.

Научно-технический прогресс дает человеку новые возможности для развития, более быстрого достижения искомым целей. Аналогичный процесс затрагивает и язык, пользователь которого стремится к максимальному комфорту, сокращению речевых усилий, когда говорящий ставит перед собой задачу коммуникативного взаимодействия в форме глорификационных и диффамационных тактик и стратегий. Желание быть понятым превалирует над намерением понимать другого хотя бы потому, что это занимает больше времени. Меняющиеся условия коммуникации оказывают как положительное воздействие на язык, стимулируя его развитие и обогащение, так и негативное влияние, что, как указывает Л.Г. Казарян, приводит к обеднению, упрощению, вульгаризации языка [Казарян, 2005].

Экология занимается природоохранительной проблематикой. Поскольку человек является частью природы, то, естественно, и экология человека входит в сферу интересов экологии. Если учесть, что язык является частью человека (язык не как часть тела, а как часть жизне-

деятельности человека), то и этот аспект должен находиться под пристальным вниманием экологии в ее первоначальной функции. Данный тезис подтверждает мнение о постепенности познания мира и человека в этом мире. Поэтому такое расширение функциональной стороны экологии, т. е. предмета ее деятельности, является как раз результатом расширения знаний о природе и ее адаптивном взаимодействии с человеком как частью природы.

Собственно история лингвоэкологии как науки начинается с Э. Хаугена, который впервые назвал этот термин и обозначил данную проблему, подчеркнув её серьёзность для здорового человеческого общения и «здоровья» самого языка [Haugen, 1972].

Э. Хауген также писал, что, по мнению многих исследователей, современный язык переживает период деградации [Haugen, 2001, р. 57–58]. Неприятие подобных упаднических настроений во многом и побудило цитируемого автора к введению в научный обиход понятия «экология языка». Было предложено изучать взаимодействие между языком и его окружением, т. е. не его грамматикой и лексикой, а обществом, которое использует его как один из кодов. Как следствие, языковая экология является проблемой и психологической (взаимодействие языков в сознании человека или би- и мультилингвизм), и социологической (взаимодействие языка с обществом).

В настоящее время наблюдается два основных подхода лингвоэкологических штудий: изучение языка во взаимодействии с его пользователем, т. е. исследование языковых процессов для установления их чистоты и (не-) загрязненности разного рода спорадическими образованиями (нецензурная лексика, слова-паразиты, безграмотность пользователей языка, внутренние преобразования языковой системы на всех ее уровнях и т. д.) и изучение языка в его взаимодействии с другими языками, т. е. это проблема языковой политики, сохранения языков, находящихся в опасности. Последний подход отражен и в определении понятия «лингвоэкология» (применительно к лингвистике) в словаре «Термины и понятия лингвистики» под редакцией Т.В. Жеребило: 1) изучение языков в контексте их функционирования; 2) исследование разнообразия лингвистических феноменов; 3) признание возможности сосуществования всех языков; 4) прикладной характер исследований, направленных на решение языковых конфликтов, повышение качества образования, поддержку и возрождение миноритарных языков; 5) исследование адаптивных стратегий языков и языковых экологических систем; 6) определение факторов, обеспечивающих высокую степень витальности языков [Жеребило, 2011, с. 118]. Примечательно, что и такое новое направление в рамках лингвоэкологии, как экология

перевода, также соположено исследованиям разнообразия лингвистических феноменов и усилиям, направленным на сохранение аутентичности и самобытности языка-источника и языка-перевода. Поэтому задача экологии перевода состоит, по мнению Е.М. Пылаевой, в соотношении мысли об экологичности перевода с такой его важной характеристикой, как гармоничность [Пылаева, 2011, с. 108].

Первый из обозначенных выше подходов привлекателен тем, что он опирается на достижения античной риторики. Теоретико-практические исследования по культуре речи также повлияли на активное развитие лингвоэкологии, ставшей новым витком на пути развития общей проблемы «чистоты языка». Укажем, что к основным критериям культуры речи относятся точность, логичность, выразительность (разнообразие, эстетичность, уместность) [Васильева, 1990, с. 12], ясность, доступность (доходчивость, простота, чистота), образность и действенность [Головин, 1980, с. 29] речи, поскольку «культурная речь представляет собой речь живую и оживляющую действительность» [Караулов, 2001, с. 27–28]. В данной цитате содержится наглядное указание на то, что не только человек влияет на язык, но и язык воздействует на человека. Причем это воздействие Ю.Н. Караулов определяет через понятие «жизнь», что указывает на еще одну межпарадигмальную плоскость исследования экологии языка – соотношение языка и здоровья человека, т. е. это связь лингвистики и валеологии, объектом которой выступает физическое и психическое здоровье человека и которая, собственно, является предметом еще одной науки – медицины. Рассмотрим подробнее основные положения представленных научных дисциплин (культуры речи, валеологии, экологии и лингвоэкологии) в их связи и взаимодействии. В первую очередь, возникает необходимость анализа проблематики культуры речи как прародительницы современной лингвоэкологии.

Экологический подход не ограничивается только рассмотрением языка, а всё более активно расширяет свою сферу влияния. Сегодня говорят об экологической культуре в целом, что должно стать одним из приоритетных направлений деятельности государства в борьбе против нравственных пороков общества, всё более основательно закрепляющихся в сознании его представителей [Сихынбаева, Жолдасбекова, Омарова, 2012], в экологическом мышлении [Полухин, 2009] и экологическом сознании [Шаховский, 2010].

В формировании нового лингвистического направления эмотивной лингвоэкологии участвует и этология как часть экологии. Объектом изучения этологии как науки изначально была природа инстинкта, а

также его влияние на социальное поведение животных, их общение друг с другом, механизмы сдерживания внутривидовой агрессии. Со второй половины XX в. появилась «человеческая этология», т. к. у этой науки появился новый объект – поведение человека. Семантика термина «этология» расширилась, и стало возможным говорить об этологической функции языка.

Так, А. Киклевич среди различных функций языка выделяет и этологическую функцию, которой он не даёт чёткого определения, но из его рассуждений взаимосвязь экологической и этологической функций становится очевидной. Их объединяют оптимизация прагматики человеческого общения в широком смысле и, следовательно, стремление избежать разного рода коммуникативных неудач, прежде всего, конфликтов. Продолжая мысль этого автора, отметим, что у каждого из коммуникантов своя прагматика одного и того же слова. Общеизвестно, что существует прагматика говорящего (инициальная интенция) и прагматика слушающего (терминальная интенция), неконгруэнтность которых мешает оптимизации общения. Для их оптимизации необходимо включение такого механизма, как эмоциональный тьюнинг, ибо, прежде всего, неконгруэнтная прагматика вызывает эмоциональный и когнитивный диссонанс, некооперативность и неуспешность коммуникативного события. Обе эти функции (этологическая и экологическая) основаны на биологической природе языка в его адаптивной функции и на эмоции как биологической основе сознания. Негативные эмоции (недовольство, раздражение, злость, ненависть, ярость и другие эмоции группы гнева), возникающие из-за неконгруэнтной прагматики коммуникантов, являются фактором, негативно влияющим на здоровье, причиной бытовых и социальных неурядиц во взаимоотношениях власти с людьми и людей друг с другом.

Поскольку качество языка обуславливает качество мышления, видения реальности, жизни человека, нельзя не согласиться с М.Н. Эпштейном, считающим, что понимание жизни не сводится только к биологии, ограничивающейся изучением жизни в материальной природе. Возникла необходимость в создании более широкой дисциплины – *биософии* (буквально – «жизнемудрие», от греч. *bio* – «жизнь» и *sophia* – «мудрость»), которая изучала бы жизнь во всех ее проявлениях: как материальных, так и духовных, как в природе, так и в культуре [Эпштейн, 2011].

Акцентирование внимания на взаимосвязи языка и жизни не является только метафорой. Такие научные направления, как лингвоэкология и валеология, имеют общую целевую установку на защиту человека (его физического и психического здоровья), в том числе и посред-

ством «очищения языка». Данные предметные области фокусируются на прескриптивной, а не дескриптивной установке. Это активная позиция, предполагающая обязательное формулирование рекомендаций по преодолению анализируемых проблем, на необходимость принятия которой указывается уже в трудах Платона: «Мы нуждаемся в таком знании, в котором сочеталось бы умение что-то делать и умение пользоваться сделанным» [Платон, 1990].

Предвестником становления валеологии как научного направления стало появление в 60-х гг. XX в. санологии благодаря трудам С.М. Павленко и С.Ф. Олейника. Объединяет данные направления их объект (здоровье человека), тогда как предметом санологии выступает противодействие организма болезни, а валеологии – обеспечение, формирование, сохранение здоровья человека [Брехман, 1990; Вайнер, 2001]. Таким образом, санология входит в парадигму валеологии как клиническая валеология, а усилия валеологов направлены на изучение индивидуальных и социальных, эволюционных, физиологических и психологических факторов здоровья.

Слово является мощной энергетической сущностью, воздействующей на сознание, волю Homo Sapiens и мотивирующей его на социальное конструирование или социальную деструкцию: *Есть слова пострашнее, чем порох, // Чем снаряд над оконными рвами. // Я советую людям при ссорах // Осторожнее быть со словами* (М. Матусовский). Воздействие слова, особенно эмоционально-экспрессивно-оценочного (т. е. эмотивного), на здоровье человека доказано физиологами и психоневрологами. Волновые генетики под руководством П.П. Горяева утверждают, что любая информация, которую получает человек, может быть записана в волновом гене: каждое слово представляет собой генетическую программу, которая отражается в действиях человека [Воронина, 2010]. Сказанное по-иному раскрывает и содержание метафоры «человек – текст».

Как отмечает А.В. Пузырев, отправляя в пространство отрицательные мысли, отрицательно окрашенные слова, мы ослабляем себя, выбираем саморазрушительный тип поведения и, сами того не осознавая, принимаем активное участие в самораспаде. Отрицательные же мысли происходят из «надорванного» массивованными информационными атаками нездорового организма.

Достаточно продолжительное время лингвоэкология использует такие термины и понятия, как «лингвизид», «язык вражды и ненависти», «язык агрессии», «болезни языка», «вульгаризация языка», «лингвоэкологические нарушения», «речевая вседозволенность», «дизлингвоэкологическая деятельность», «давление на языковую среду», «антро-

погенное загрязнение языка» и т. д. Примечательно, что данные понятия не лишены эмоционально-оценочного компонента в их семантике. На наш взгляд, знак эмоции является признаком экологичности / неэкологичности языка и речи. Возникновение эмотивной лингвистики позволило осуществлять анализ эмоций лингвистическими средствами и приемами.

Эмотивная лингвистика (лингвистика эмоций, эмотиология) является сравнительно молодой отраслью антропологической лингвистики, которая, в отличие от Ф. де Соссюра, отошла от имманентной лингвистики к «человеческой». Центром внимания антропоцентрической лингвистики явилось речевое поведение человека. А поскольку центральным конституентом человеческой психики и речепорождения являются эмоции (см. параграф о мотивационной основе), то, естественно, лингвистика должна была обратить внимание на эмоциональную сторону / аспект речевой и акциональной деятельности человека.

Долгое время не признавалась роль эмоций в языке (Блумфилд, Сепир, Звегинцев и мн. др.), в результате лексикологи / лексикографы признавали только рациональную лексику языка. Психолингвисты первыми доказали, что в языке наряду с рациональной лексикой существует и эмоционально-экспрессивно-оценочная, в смысловом содержании которой они выделили так называемый чувственный компонент.

Эмотиология выделила эмотивную функцию языка, эмотивный код языка, типы эмотивной лексики, семантики. Она ввела и обосновала понятия «эмотивный текст» vs «эмоциогенный текст», текста с эмоциональными вкраплениями, эмоционального текста, разработала структуру коммуникативно-эмоциональной ситуации (далее – КЭС) общения, подтвердила обоснованность мнения о том, что художественная коммуникация, в которой неизбежно представлено эмоциональное поведение персонажей, является стилизованным вариантом естественной коммуникации, которая невозможна без называния, выражения и описания эмоций. Эмотиология установила и другие формы категоризации эмоций человеком: имитация, симуляция, сокрытие эмоций, а также их использование в манипулятивных целях.

Все эти и многие другие знания, добытые эмотиологией, введены в научный обиход и стали решающим фактором в слиянии лингвистики эмоций с экологией и валеологией.

Так, в семантике любого слова присутствуют актуальные или потенциальные семы 'эмоция' и 'оценка', которые конкретизируются и определяют статус эмотивной семантики лексической единицы. Как следствие, можно говорить о словах с положительной и отрицательной эмотивностью. Однако не всегда слово сохраняет данный статус в

любой коммуникативной ситуации: в одном случае слово может оставаться положительным эмотивом, а в другом – способно трансформироваться в отрицательный. Данное наблюдение эмотиологов выразилось в формулировании и основательной теоретико-практической разработке таких проблем, как **эмотивная амбивалентность / поливалентность, реверсия оценочного знака эмотива, эмотивные приращения семантики, дискурсивность эмоций** и др. Такая нестабильность, на первый взгляд, играет некую дезорганизирующую роль. Но вывод о подвижности эмотивного компонента семантики важен потому, что это и положило начало использованию достижений эмотиологии для решения лингвоэкологических задач. Флуктуативность как одна из особенностей эмотивности расширяет представление об экологичном и неэкологичном, поскольку, как было отмечено выше, *то* нормально, что позволяет говорящему точно выразить свою мысль. В основе же любой деятельности лежат эмоции. Поэтому эмотивно-экологических или неэкологических слов как таковых не бывает. Правильнее говорить о словах, более или менее склонных к выполнению в тексте / коммуникации конструктивной или деструктивной функций. Например, актуальным является изучение проблемы памяти эмотивов. Известно, что каждое словоупотребление, в том числе и эмотивное, сохраняется в семантической «памяти» лексической единицы. Поскольку слово «помнит» те коммуникативные эмоциональные ситуации, в которых оно было употреблено, то и сами эмоции должны обладать способностью к запоминанию условий и последствий, в том числе и соматических, к которым привело их переживание.

Становлению эмотивной лингвоэкологии предшествовало сужение объектов исследования экологии, валеологии и эмотиологии до уровня изучения характера информационной среды (позитивный или негативный), средств ее языковой репрезентации и места эмоций в отражении информации. Так, объективная информация может отражать и позитивные, и негативные события, когда такая объективация предполагает эталонную обезличенную констатацию событий. Аналогично существуют положительные и отрицательные эмотивы.

Однако человека окружает не столько информационная, сколько интерпретационная среда, т. е. имеет место субъективное отражение информации с акцентом на выбираемой отправителем сообщения позиции. Внимание должны привлекать языковые средства представления информации, на отбор которых влияют эмоции говорящего. Именно от того, какая эмоциональная доминанта избирается автором сообщения, зависит реакция адресата, которая может принимать форму как конструктивного, так и деструктивного эмоционального резонирования.

От эмоционального резонирования субъективной информации будет зависеть направление рефлексии адресата, а также характер его действий и поступков.

Говорящий зачастую не прикладывает достаточных усилий для того, чтобы поддерживать позитивную тональность общения, диалог не только с партнером по коммуникации, но и с самим собой, что выражается в отказе от рефлексии, в импульсивности поведения и т. д. Речь является одним из наиболее заметных показателей трансформации человека в *Homo Debilis*. Объяснить данную тенденцию к ослаблению индивида может и анализ информационной / социальной среды, в которой он пребывает, и условий жизни, диктуемых современным обществом гиперпотребления. Таким образом, ослабленный человек, находящийся в негативно воздействующей на него среде, не способен и не намерен продуцировать «здоровые» высказывания.

Следует заметить, что целевая установка валеологии на защиту человека содержится и в экологии, поскольку от условий окружающей среды зависит жизнь человека. Эмоции определяют мировосприятие человеком действительности, а их переживание непременно сопровождается соматическими коррелятами. Соответственно, и слово, категоризирующее ту или иную эмоцию, также не лишено своего воздействия не только на процесс общения, но и на физическое состояние коммуникантов. Следующим этапом на пути формирования эмотивной лингвоэкологии стало создание установки на заботу о здоровье человека. Последнее, в свою очередь, стало общим предметом валеологии, экологии, эмотивной лингвистики и лингвоэкологии (культуры речи как предтечи лингвоэкологии), т. к. усилия лингвоэкологов направлены в первую очередь на борьбу за чистоту языка, когда за данным определением стоит и обеспокоенность, как минимум, состоянием мышления говорящего, не способного к четкому выражению своих мыслей; человека, ослабленного той языковой средой, в которой он пребывает.

Формулирование единого для всех перечисленных научных направлений предмета обуславливает появление эмотивной лингвоэкологии, к проблемному полю которой относятся не только эстетичность и этичность общения, но и вред или польза слова для здоровья человека. Предмет лингвоэкологии расширяется с примата языкоохранительной до здоровьесберегающей (терапевтической) функции. Указания на последнюю находим в многочисленных произведениях писателей, поэтов, философов, пытающихся заострить внимание на том, как выбор слова влияет на человека, возвышая или унижая его, разрушая или созидая его сущность. Одно неосторожное слово может привести к конфликту различного масштаба. В итоге язык ненависти, агрессии,

вражды не является характеристикой информационной среды, а выступает в роли катализатора культивируемого в человеке примата деструктивности. Такой язык свидетельствует о происходящих в сознании человека деградиционных процессах, ослабляющих его физически, психически и ментально.

Эмоции являются средством воздействия на человека, поэтому примат отрицательных эмотивов свидетельствует об эмоциональном «выгорании» и напряжении говорящего. Способом противодействия такого рода выгоранию также являются эмоции, а именно их прагматика. Необходимо трансформировать доминантную отрицательную эмоциональную среду в положительную, что должно привести к переоценке происходящего и, как следствие, улучшению психического, физического и ментального самочувствия человека. При отсутствии внимания к сказанному преобладающие эмоции будут культивироваться и аккумулировать свой деструктивный потенциал.

Эмотиология, на наш взгляд, предлагает способ решения обозначенной проблемы в форме анализа эмотивной плотности текста / коммуникации (в плоскостях количества и качества). В таком случае положительная эмотивность соответствует экологичным и конструктивным текстам и коммуникациям, а отрицательная характеризует их как неэкологичные и деструктивные.

За внешней простотой данного условия стоит множество факторов, усложняющих эмотивный анализ. К таковым относятся гибкий и динамичный характер эмотивности как семантической категории; тот факт, что за эмотивом скрыты уже видоизмененные эмоции, которые эквивалентны, но не адекватны испытываемым говорящим в данный момент; коммуникативное намерение говорящего, в основе которого лежит эмоциональное переживание.

Одна из основных задач заключается в проблеме декодирования положительного прагматического потенциала отрицательных эмотивов. К примеру, соотношение информации и её языкового выражения предполагает следующие виды:

- позитивная информация и ее позитивная языковая репрезентация;
- негативная информация и ее негативная языковая репрезентация;
- позитивная информация и ее негативная языковая репрезентация;
- негативная информация и ее позитивная языковая репрезентация.

Последний вид соотношения объективной информации и её субъективной языковой категоризации является наименее частотным, к примеру, в современном массмедийном пространстве. Однако такая форма отражения отрицательного события является эталоном экологичности, конструктивности, оказывает положительное воздействие на адре-

сата. В основе данной модели лежит регулятивная / адаптивная функция эмоций, когда на отрицательный стимул дается положительная реакция, что позволяет изменить предполагаемую тональность сообщения с отрицательной на положительную.

Действительно, в определенных типах коммуникативных ситуаций использование отрицательных эмотивов является абсолютно мотивированным ходом. Адресату сообщения, содержащего подобную изначально деструктивную единицу, нужно попытаться понять причину ее употребления, т. е. отказаться от примата эгоцентрической модели поведения в пользу ориентации на Другого. Особенно актуальна данная идея звучит сейчас, в эпоху бурного развития постмодернистской парадигмы социогуманитарного знания, предполагающей множественность интерпретаций, полифоничность слова и текста. В случае успешной выработки такого умения следующим этапом становится целевая установка на позитивизацию общения в целом, поскольку единственным способом борьбы против стрессогенной, деструктивной внешней среды является создание микроэкосистем на уровне малых групп (семья, друзья, рабочий коллектив), т. е. искусственное формирование благоприятных условий жизни человека (см. часть VI). Предположительно данные микроэкосистемы должны расширяться посредством переноса глорификационных и конструктивных тактик и стратегий поведения с группой Своих на общение с Другими (Stibbe, 2010).

Вышеизложенное, как мне кажется, убедительно объясняет объединение лингвистики эмоций, экологии и валеологии в триаду, позволившую появиться из своих недр новому направлению в современном теоретическом и прикладном языкознании – эмотивной лингвоэкологии, которой и посвящена данная книга (см. материалы Всероссийского семинара: [Эмотивная лингвоэкология..., 2013]).

§ 2. Предмет и параметры эмотивной лингвоэкологии

*Стоящие среди бегущих
и бегущие среди стоящих.*

Конфуций

Известно, что термин «культура речи» многозначен, когда под культурой понимаются: 1) совокупность и система коммуникативных качеств речи; 2) учение о совокупности и системе этих качеств [Головин, 1980, с. 7]. Вторит сказанному А.Н. Васильева, предлагая два значения культуры речи: 1) качество использования языковой способности; 2) наука о качестве пользования языком [Васильева, 1990, с. 5].

Показателем теоретико-методологической эволюции данного научного направления выступает постепенное расширение предмета исследования. Так, в культуре речи принято выделять несколько уровней, к которым относятся литературно-языковой, речестилистический, ситуационный и прочие уровни [Васильева, 1990, с. 5]. Если изначально усилия ученых были направлены на изучение «элементарной культуры речи» как науки о литературно-языковой норме, то впоследствии акцент сместился на проблему функционально-коммуникативной оптимальности [Там же, с. 6–7].

В многочисленных исследованиях, посвященных проблемам языковой нормы, содержится мысль о том, что последняя огрубляет речь, превращает ее в искусственный конструкт. Как писал С.И. Ожегов, то нормально, что позволяет точно выразить мысль. Поэтому норма носит, скорее, индивидуальный или узкогрупповой характер при всей кажущейся ошибочности данного мнения. В языке всё ситуативно, при этом только анализ конкретной коммуникативной ситуации, рассматриваемой как многоуровневое семиотическое образование, может показать (не-) успешность данного коммуникативного хода. Стремление же поставить язык в узкие рамки стандарта содержит в себе пренебрежение такой его особенностью, как динамичность. Как следствие, языковая норма должна рассматриваться не как статичное явление, а как гибкая и подвижная сущность.

Отечественные и западные ученые постоянно указывают на то, что современный язык является языком вражды, ненависти, насилия и дегуманизации (MacLeod, Horowitz). Определена категория языковых преступлений, когда отклонение языковых элементов и единиц от их прямой предметной отнесенности, носящее разрушительный характер, начинает тиражироваться в СМИ [Золотарева, 2010]. Имеют место искажение смысла, повсеместная ложь и манипуляция как скрытое и не всегда осознаваемое воздействие на сознание. И в такой деструктивной информационной среде вынужден пребывать человек.

В культуре речи сформирована ясная и однозначная позиция относительно мата: употребление нецензурных, непечатных слов, площадной брани «унижает слушающего, отрицательно характеризует говорящего, навязывая ему низменные стереотипы» [Караулов, 2001, с. 28]. По мнению Б.Н. Головина, «в словесной брани всегда есть отзвук <...> равнодушия и неуважения к другим» [Головин, 1980, с. 174]. Но и на мат, как и на любой другой тип оскорбления, может быть получена положительная реакция, если за сквернословием адресат будет способен увидеть эмоциональное переживание, отношение говорящего, его конструктивные коммуникативные намерения (например,

языковая игра). Заметим, что взаимные оскорбления в коммуникативной ситуации конфликтного, агрессивного общения являются своеобразным эмоционально-психологическим катарсисом, когда отрицательные переживания не накапливаются в человеке, а получают выход. В ситуации же приема оскорбительной информации из СМИ адресат не имеет права на ответную реакцию по принципу «его никто не спрашивает». В этом и заключается опасность «языковой деградации» [Сковородников, 1992], пагубно воздействующей на человека, приводящей к морально-нравственному опустошению. Заметим, что внимание А.П. Сковородникова к данной проблеме не ограничилось его давней публикацией. Он развивает свои положения в своей новой статье на материале публицистических и художественных текстов [Сковородников, 2013].

В то же время показателем высокой культуры речи является «умение найти наиболее доходчивое и уместное средство выражения мысли» при понимании нормы как социально-стилистической категории [Ожегов, 1974, с. 285–287]. Поэтому и нецензурная лексика может быть единственно верной применительно в конкретной ситуации, поскольку одно и то же явление в зависимости от ситуации может остаться незамеченным или быть воспринято как ошибка [Костомаров, Леонтьев, 1966, с. 4]. Проблема нормализаторства языка непременно соотносится с шаблонностью мышления. Появляется иллюзия легкости и простоты мысли, за которой стоят однотипность и скудность, равнодушие и притупленность [Головин, 1980, с. 218].

Понятие нормы применительно к трем частям риторики, выделенным М. Ломоносовым (изобретение, украшение и расположение), должно активироваться не на втором («декоративном») уровне выбора средств облечения своей мысли говорящим, а на первом. Возникает вопрос, насколько же современны сейчас правила ритора, сформулированные М. Ломоносовым: «Никогда не злоствуй и обид учиненных не помни» или «Мы любящих нас обыкновенно любим» [Ломоносов, 1986, с. 365]? Само «изобретение» сообщения, т. е. мотив, обязано быть «нормальным». А критерием определения последнего становятся эмоции говорящего, поскольку они есть мотивационная основа сознания. Но здесь важна форма выражения эмоций, в случае правильного выбора которой адресант может эксплицитно выразить свои переживания, осознавая, что это не приведет к нежелательным последствиям, т. е. не обидит адресата.

Каждое сообщение должно обладать терапевтическим воздействием, а не быть направлено на оскорбление и унижение, травмирование адресата. Интересно, что всё отрицательное ведет к тенденции активной качественной и количественной экспансии. «Больной» язык, т. е.

эмотивно неэкологичный, оказывает пагубное воздействие и на человека. Энергия материальна, и энергетическая мощь слова очень высока. Необходимо только лишь изменить деструктивный характер этой энергии на оздоровительный. Тогда уже «здоровый язык» будет улучшать жизнь его пользователя: «...умение найти нужные слова – залог морального и даже физического здоровья» [Головин, 1980, с. 252].

Отсюда особыми параметрами культуры речи являются этичность и эстетичность. А.Н. Васильева считает, что систематическое несоблюдение данных постулатов культуры речи приводит к созданию «антикультуры» как «сознательному и намеренному нарушению, искажению общепринятых принципов и критериев культуры речи <...> антикультура есть “извращение, агрессивный настрой, дезориентация, отравка речи”» [Васильева, 1990, с. 11–12]. В настоящее время на роль отдельного научного направления претендует и этическая лингвоэкология, корпус которой включает около пятидесяти базовых положительных этических концептов («вера», «любовь», «добро», «правда», «дом», «гармония», «мудрость», «толерантность», «справедливость» и др.), которые вмещает ядерный концепт «душа».

Экстраполяция термина аппарата валеологии в область лингвоэкологии (подобные усилия были предприняты А.П. Сковородниковым при формальном заимствовании и смысловом расширении терминов экологии) позволяет сформулировать следующие проблемы: **здоровый образ жизни языка** как поиск и создание условий улучшения языка, например, посредством увеличения эстетизации и этизации языкового пространства, окружающего человека; **двигательная активность языка**, что предполагает рассмотрение активности языка с двух позиций: 1) активность экологичная как творчество говорящего; 2) активность неэкологичная как следование деструктивной модели, к примеру, экспансия нецензурной лексики, обогащение парадигмы бранной лексики и т. д.; **лингвогомеостаз** как исследование внутренних ресурсов языка, способствующих экологизации коммуникативного пространства. Это важно еще и потому, что на здоровье языка влияет внешняя среда. Данное воздействие естественно уменьшает время, необходимое человеку для адаптации в новых условиях, и лишает его возможности рефлексии своего коммуникативного поведения для сопротивления неэкологичной внешней среде, а также осознания состояния последней; **«простудно-инфекционная болезнь» языка** [Штеба, 2012] как сопротивление деструктивным языковым образованиям, для которых характерны быстрая фиксация и редупликация, чтобы не позволить предсказанию М. Фуко сбыться: «...невроты будут конститутивными формами нашего общества (а не отклонениями от них)» [Фуко, 1998, с. 207].

Важно, что рекомендации по экологизации языкового пространства адресованы в первую очередь педагогам. К примеру, в 1995 г. в Ачинском педагогическом училище был проведен научно-методический семинар «Экология языка и культура речевого общения» при Красноярском университете. Выступивший с докладом А.П. Сковородников обозначил несколько задач лингвистической экологии, среди которых особенно примечательны установление путей и способов обогащения языка и совершенствование общественной речевой практики [Федосюк, 1995, с. 106]. Одним из главных способов реализации намеченной задачи является подготовка учителей школ и преподавателей вузов.

А.П. Сковородников через много лет возвращается в своей фундаментальной статье (2013) в новом электронном журнале «Экология языка и коммуникативная практика», основанном им в Красноярске, к проблематике лингвоэкологии (URL:<http://ecoling.sfu-kras.ru/>).

В отечественной науке впервые проблемы экологии русского языка были предложены для обсуждения Н.Я. Сердобинцевым (1996). Сегодня уже даже можно выделить несколько крупных центров, занимающихся различными проблемами лингвоэкологии: созданная в 1990 г. под руководством А.П. Сковородникова Лаборатория лингвоэкологии и речевой культуры (г. Красноярск); созданный в 2007 г. Сектор лингвоэкологии и лингвокраеведения (г. Тара); О.В. Загорская возглавляет Центр русского языка при ВГПУ (г. Воронеж); ассоциация «АЛЭП–Лексис» в Барнауле на базе Лаборатории юрислингвистики и развития речи Алтайского госуниверситета (директор – Н.Д. Голев); созданный в Пензе в октябре 2007 г. Центр экологии русского языка (руководитель – Е.Н. Сердобинцева); открытая в 2003 г. Лаборатория языковой экологии и лингвокраеведения как структурное подразделение Карельского ГПУ (руководитель – Л.В. Савельева). Подключаются к этим изысканиям и волгоградские лингвистические школы.

Надо отметить, что ни в одном из этих центров не рассматривается эмоциональная / эмотивная составляющая лингвоэкологии, за исключением кафедры языкознания Волгоградского социально-педагогического университета, на базе которой создана школа лингвистики эмоций (1989 г.) и эмотивной лингвоэкологии (2010 г.). В них больший акцент делается на чистоте, культуре, грамотности, сохранности языка и его диалектов.

Данные центры, а вслед за ними и ряд вузов (Пенза, 2007; Волгоград, 2012 и др.) регулярно проводят конференции, посвященные проблеме экологии языка и речи, на которых теперь уже обсуждаются и проблемы эмотивной лингвоэкологии.

С недавних пор в ряде современных работ по лингвистике эмоций поднимаются проблемы экологичности коммуникации [Солодовникова, Шаховский, 2010 и др.]. В них от культуры речи, экологии (природы) и валеологии (человека) исследователи приходят к экологии языка. На основе лингвистики эмоций разрабатываются параметры экологичности коммуникации. В зависимости от модуса эмоций различается экологичная и неэкологичная коммуникация. По критерию плотности эмотивов с определённым модусом эмоций в речевом / текстовом пространстве определяется степень качества экологичной / неэкологичной реальной / художественной / массмедиаальной коммуникации. Разрабатывается список проблем как план-проект дальнейших изысканий в этой отрасли теоретической и прикладной лингвистики.

Первооткрывателем в терминоворчестве лингвоэкологии, как указывалось выше, стал А.П. Сковородников. Естественно, что терминопонятия одновременно соотносятся с различными параметрами и проблематикой лингвоэкологии, а теперь и эмотивной лингвоэкологии, которая, в известной степени, базируется на понятийно-терминологическом аппарате эмотиологии.

Проблеме разработки своей собственной понятийно-терминологической системы, без которой не может произойти становление и признание лингвоэкологии как самостоятельной научной дисциплины, уже посвящено внушительное число специальных научных публикаций (см.: [Шаховский, Солодовникова, 2010 в] и др.). Сейчас можно наблюдать, что авторы лингвоэкологических по тематике публикаций широко пользуются не только общелингвистическими терминами и понятиями близкородственных дисциплин (культуры речи, стилистики, социолингвистики и др.), но и терминологическим аппаратом биологической экологии, разумеется, в соответствующем лингвоэкологическом переосмыслении, что только подтверждает естественную связь лингвистики с валеологией, биологией и экологией. Широко употребляются, например, такие термины, как *загрязнители языка / речи*, *лингвоэмиссия* (эмиссия языковая), *коэффициент загрязнённости речи (текста)*, *дигрессия языковая / речевая* (лингводигрессия), *синдром языковой* (лингвосиндром), *зона лингвоэкологической чрезвычайной ситуации*, *Красная книга или красный список слов*, *лингвотоксикология*, *буферная ёмкость лингвосистемы*, *лингвогомеостаз*, *ниша лингвоэкологическая*, *право лингвоэкологическое*, *правонарушение лингвоэкологическое*, *императив лингвоэкологический*, *мониторинг лингвоэкологический*, *экспертиза лингвоэкологическая*, *совет экспертов по вопросам окружающей язы-*

ковой (речевой) среды (лингвоэкологический совет) и др. [Сковородников, 2000, с. 71].

Я считаю, что наибольший интерес для лингвоэкологии представляют такие биоэкологические термины, которые можно использовать, соответствующим образом трансформировав их семантически и формально. Это касается случаев, когда отсутствует само понятие и, следовательно, его терминологическое обозначение. Приведём примеры предложенных А.П. Сковородниковым лингвоэкологических терминопонятий.

Лингвонекроз (по Фр. Данешу и С. Чмейрковой) – исчезновение отдельных языковых категорий, типов текстов и коммуникативных функций – интересен в связи с возможностью изучения проблемы исчезновения языковых категорий эмотивной этичности, эмотивно безопасных, «здоровых» текстов и терапевтической (возвышающей) функции языка [Шаховский, 2007].

Я считаю необходимым исследовать **предел толерантности языка** в связи с безраздельным доминированием мата во всех сферах функционирования русского языка, повышением плотности негативных эмотивов разной семиотической природы в текстовом коммуникативном пространстве России, ростом агрессии как вида деструктивного общения во всех без исключения сферах человеческой коммуникации. Очевидно, что предложенные А.П. Сковородниковым термины могут успешно применяться в рамках эмотивной лингвоэкологии.

Эмотивная лингвоэкология развивает достижения лингвоэкологии и эмотиологии и широко использует их терминологию. Так, например, **загрязнители языка / речи** позволяют определить коэффициент **загрязнённости текста** (можно подсчитать количество отрицательно оценочных эмотивов в конкретном тексте, фиксирующем определённый фрагмент общения). В ряде случаев в коммуникативном пространстве можно выявлять **зоны лингвоэкологической чрезвычайной ситуации и лингвистической опасности**. Когда оскорбление осуществляется через использование инвектив, можно говорить о **лингвотоксикологии**. Советы экспертов по вопросам окружающей языковой (речевой) среды (**лингвоэкологические советы**) осуществляют **лингвоэкологический мониторинг**, а **лингвоконфликтологи** и **юрислингвисты** проводят **лингвоэкологические экспертизы** (см. информацию о Гильдии лингвистов-экспертов ГЛЭДИС). Хотелось бы отметить, что цель Гильдии – «содействие через экспертную деятельность профессиональных российских лингвистов сохранению и развитию русского языка в отечественных СМИ, деловой сфере и современном россий-

ском обществе, и, главное, содействие вынесению судами всех уровней правосудных решений» [Горбаневский, 2012].

Любое новое научное направление включает в себя объект, предметы изучения, методологию, методы, методики, приемы и подходы. Всё это необходимо обеспечить специфическим понятийно-терминологическим аппаратом, который, естественно, не может быть абсолютно новым для данной науки, ибо любая новая наука опирается на достижения других наук и прежде всего – смежных с ней.

Выше были перечислены основные термины, которые красноречиво подтверждают высказанное только что положение: многие лингвоэкологические термины являются лексическими или семантическими дериватами терминов различных давно существующих наук. Что касается эмотивной лингвоэкологии, то она также базируется на терминологическом аппарате лингвистики эмоций, разработанной автором данной монографии [Шаховский, 2008].

С 80-х гг. XX в. лингвистика становится всё более интегративной наукой. Рассуждения о том, что она растворяется в других науках, теряет собственный объект и предмет, утратили свою актуальность после того, как Е.С. Кубрякова убедительно доказала полипарадигмальность лингвистики. Такой подход к новой лингвистике конца XX в. объяснил возникновение многочисленных парадигм, вторым компонентом названия которых стало слово «лингвистика»: социо-, психо-, тексто-, прагма-, нейро-, когнитивная, эмотивная, терапевтическая, компьютерная, коммуникативная, интер-, кросс-культурная, футуристическая и др. Объединение целого ряда наук вокруг лингвистики выявило её центральное место в системе наук и стало свидетельством того, что она стремительно превращается в общенаучную дисциплину.

Новым для терминологического аппарата эмотивной лингвоэкологии является интеграция данного научного направления с экологической и валеологической терминологией. Это полностью соответствует общей тенденции развития лингвистической науки на стыке XX и XXI вв., что стало естественным развитием и для лингвоэкологии.

Таким образом, эмотивная лингвоэкология является результатом тесной интеграции ряда наук, иногда через блендинг (как, например, культура речи вошла составной частью в лингвоэкологию и включилась в лингвокультурологию, ставшую частью концептологии, в которую вошла эмотиология, которая, в свою очередь, объединилась с валеологией и экологией). Главным объектом эмотивной лингвоэкологии стало изучение роли эмоций в их экологическом аспекте в сохранении или разрушении как самого языка, так и здоровья пользователей этого языка.

Предмет этой науки многосторонен и включает в себя огромное количество проблем. Подробный перечень проблем (предметов) и, соответственно, задач, стоящих перед данной наукой, изначально был разработан в эмотиологии [Шаховский, 2008; Сквородников, 2013; Пузырев 2013, с. 77–89].

Важнейшей задачей этой научной дисциплины, на мой взгляд, является установление того, как именно эмоции влияют на здоровье языка и человека: прямо, косвенно, реверсивно или чисто ситуативно. Предстоит этой науке также выявить по возможности максимальное количество тех КЭС, которые являются витальными не только для человека, но и для общества, потому что уже очевидно, что по доминирующей в социуме эмоции можно судить о здоровье данного общества и даже строить для него валеологические прогнозы.

В связи с этим привлекательным предметом данной науки является терапевтическая функция языка, которая, естественно, связана с его коммуникативной, эмотивной, этической и прагматической функциями. Так, С.И. Маджаева на примере записей общения врача с пациентом экспериментально подтвердила общеизвестный факт, что часто врач неверно разговаривает с пациентом и тем самым нарушает заповедь Гиппократова «Не навреди». Врач знаком с тезисом о целебной силе слова. С древних времён известно, что словом можно даже убить (унизить / оскорбить / уничтожить) или возвысить (похвалить / поддержать / помочь). Ибо и слово – дело. И это имеет особое значение в деятельности врача [Маджаева, 2013].

Терапевтическая функция языка всё больше и больше привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных лингвистов, однако она реализуется не только в институциональном общении «врач – пациент». Она всеобъемлюща для современной коммуникации: бытовое общение равных по социальной лестнице людей (их общение друг с другом) и общение людей, находящихся на разных ступенях этой лестницы (общение «власть – народ»), ибо оба эти типа общения могут создавать эмоциональные конфликтные ситуации и своей негативной энергетикой провоцировать отрицательные эмоции у одной или обеих сторон. Конфликтообразующим может быть любое слово, сказанное не вовремя, не тому человеку, не в той ситуации, не с той интонацией, с неправильно сориентированной инициальной / терминальной интенцией.

К числу предметов эмотивной лингвоэкологии относятся и параметры экологичности общения в зависимости от эмоций, которые мотивируют его. К параметрам экологичного общения можно отнести доброжелательность, стремление партнёров по коммуникации избегать негативных оценок личности собеседника, скоординированные действия

по созданию общего эмоционального центра, вежливость, сообразную ситуацию, солидаризацию, кооперативность, стремление встать на позицию партнёра, адресность высказывания через упоминание имени адресата, выбор общей темы и эмотемы для разговора, следование логике развёртывания текста, определение порога смыслового восприятия, отбор стилистических средств сообразно ситуации, умение слушать, умение не переутомлять адресата, умение организовать внимание слушающего, взаимную толерантность говорящего и слушающего друг к другу, уважение собеседника и переживание излагаемых им фактов, сдерживание негативных эмоций, поощрение, поддержку через эмоциональные «поглаживания», положительное оценивание, равные коммуникативные права, «хорошую речь», целесообразность речи и др. Важнейшим параметром экологичности человеческого общения является этичность, которая задает этическую функцию эмоций, тесно связанную с эстетической функцией [Шаховский, Волкова, 2015].

Все эти многочисленные параметры экологичного общения можно объединить термином «экологичная речь». Таким образом, термин «экологичная речь» коннотирует смысл термина «хорошая речь», но первое понятие является более объемным и расширенным – культура речи всего лишь часть экологичности общения.

К параметрам неэкологичного общения можно отнести нанесение обид, оскорблений, пренебрежение, следы от которых могут долго храниться в эмоциональной памяти адресата и переживаться им, использование негативных оценок как отдельных поступков, так и личности адресата, неуважительное отношение, формирование и расширение антагонистического круга, диффамацию, грубость, невежливость, негативную вежливость (холодную / уничижительную / подчёркнуто-оскорбительную), излишнюю категоричность, выдвижение в центр внимания собственного «я», разбалансировку в тематике, рассогласованность, подмену аргументации и базисных установок, злоупотребление снижением порога восприятия, которое может привести даже к взаимному отторжению коммуникантов, коммуникативное преследование, перебивы, параллельные говорению партнёра вставки, неумение слушать, умение слушать только себя, невыслушивание до конца, вмешательство в диалог, некооперативность, отсутствие экологического интеллекта / мышления / сознания; нежелание считаться с мнением собеседника, неспособность к психологическому айкидо, эмотивная / эмоциональная / экологическая некомпетентность, нетолерантность, неспособность сопереживать собеседнику, немотивированное «ты-общение»,

неуместное и неправильное использование иноязычных слов, использование иностранных слов с неправильным референтом, неумеренную игру с языком, намеренные риторические просчёты, нарочитую риторичность речи, слишком правильную речь («без грамматической ошибки я русской речи не люблю» – А.С. Пушкин), насилие, давление словом, стилистические нарушения, коммуникативные преступления и др. Все эти параметры неэкологичной речи можно объединить термином «нехорошая речь».

Разумеется, некоторые из этих параметров, хотя они в то время и не назывались параметрами экологичности общения и никак не были связаны с эмотивностью, были предметом изучения Дж. Лича, Г.П. Грайса (см. их максимы), Н.И. Формановской, И.А. Стернина, Г.Г. Матвеевой и мн. др. Особый интерес для становления эмотивной лингвоэкологии представляет теория эмоционального интеллекта [Гюлман, 2008], которая предложила принципы эмоционального тьюнинга (адаптации к ситуации общения и к конкретному речевому партнёру). Данная работа позволяет вычленить еще один предмет эмотивной лингвоэкологии – экологический интеллект, в который, как мне представляется, уже сразу можно включить все вышеперечисленные параметры, которые необходимо прививать всем коммуникантам уже с детства. Отсюда еще один важнейший предмет – разработка руководств, методических и учебных пособий, словарей. В этом отношении фундаментальную монографию О.И. Матяш и ее коллег можно считать первой «ласточкой», ибо она инновационного типа. В ней представлены не только результаты теоретических изысканий в области экологичного общения, но и система заданий и упражнений, а также правила экологичного общения [Матяш, Погольша и др., 2011]. Повторю, это не учебник по эмотивной лингвоэкологии или по развитию эмоционального интеллекта, но косвенно монография развивает и эмоциональный, и экологический интеллект у обучающихся говорению.

Решение всех перечисленных в данном параграфе задач, на мой взгляд, даст определенную сумму знаний, которые можно использовать для формирования у человека когнитивного ресурса для сдерживания и рационализации его эмоций. Таким образом, в общих чертах здесь перечислены основные базовые характеристики этого нового языковедческого направления: объект, предметы (проблемы, параметры) и задачи, предлагается довольно полный понятийно-терминологический аппарат. Предстоит рассмотреть не менее важную составляющую данной науки – методологию, методы, методики, приемы.

Глава 2. ПРОЦЕССЫ АНАЛИЗА ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Методология, методы и методики

*Познай истину
и истина сделает тебя свободным.*

Евангелие от Иоанна

Как неоднократно нами отмечалось ранее, с помощью эмоций мы имеем доступ к сфере *ratio* и *cognitio*, поскольку эмоция и когниция неразделимы [Шаховский, 1987; 2009]. Кроме того, переживание конкретной эмоции всегда сопровождается психосоматическими коррелятами, что говорит о невозможности рассмотрения сферы эмоционального в отрыве от ее влияния на здоровье (психическое и физическое) *Homo Sentiens*. Эмотивная лингвоэкология развивает идеи лингвистики эмоций, т. к. при разработке критериев определения экологичности / неэкологичности коммуникации принимается во внимание эмоциональное содержание используемых языковых единиц языка и характер категориальных эмоциональных ситуаций (КЭС). Если под лингвистической экологией понимать некую конструктивную силу, позволяющую разрешать проблемные ситуации, связанные с общением, то следует учитывать два аспекта применения лингвистических знаний: экологию языка (зависимость развития языка от человека и общества) и экологию человека (влияние на человека языковой и коммуникативной среды его жизнедеятельности) [Ионова, 2011]. В связи с этим актуальным оказывается знание не только об экологичном / неэкологичном языке и его использовании в речи, но и об экологичных / неэкологичных тактиках коммуникации и типах мышления человека.

В эмотивную лингвоэкологию транспонируются методы и приемы эмотивной лингвистики [Шаховский, 2008 а, б, 2013 б]; теоретико-методологические положения, вырабатываемые в этой области знания, сегодня получают все большую значимость для решения задач экологии языка, речи, коммуникации и самого человека. Остановимся на некоторых из них:

1. Существует три вида эмотивной семантики слова: собственно эмотивность, эмотивность как одна из реализаций семантики слова и ситуативная эмотивность, т. е. речь идет о таких трех статусах эмотивной семантики, как аффектив, коннотатив и потенциатив. Проблемным является вопрос взаимозависимости актуализируемых в коммуникации статусов эмотивной семантики (эмотивного фонда языка в его

коммуникативной реализации) и экологичности / неэкологичности порождаемых высказываний и текстов, т. е. всегда ли использование отрицательного эмотива задает неэкологичную тональность коммуникации. Интересным кажется и сопоставление перлокутивного эффекта сообщений, в которых доминируют слова с аффективным, коннотативным или потенциативным видом эмотивной семантики в лингвоэкологическом аспекте.

2. В результате вербализации эмоции могут быть названы (номинация), описаны (дескрипция), выражены (экспрессия). Вопрос о взаимозависимости формы экспликации эмоций и параметров экологичности/неэкологичности эмоциональной коммуникации является малоизученным и потому перспективным для будущих исследований (например, насколько адекватными с лингвоэкологической точки зрения являются выражения «Я ненавижу тебя» vs «Ты разорвал мое сердце»).

3. Способом реализации эмотивной функции языка является эмотивная валентность, которая одновременно выступает и потенцией к эмотивному приращению семантики любого слова, и реализацией данной потенции, что приводит к образованию нового эмотива. Кроме того, эмотивная валентность может быть использована как прием анализа эмотивной плотности (количественной и качественной) текста.

4. Эмоции коммуникантов регулируют тональность эмотивных высказываний и текстов. Это проблема текста-отношения, который характеризуется доминирующими в нем эмотивной и экспрессивной функциями, а также эффектом эмоционального воздействия.

5. В семантике слова эмоции фиксируются в форме специфических сем эмотивности, структура которых следующая: инвариантный семантический признак 'эмотия' и вариантный семный конкретизатор, определяющий конкретную эмоцию.

Логичным развитием указанных положений, всесторонне обоснованных в научных работах лингвистов, является выход за рамки семантики слова в семантику текста, в котором слово функционирует, в коммуникативную ситуацию и речевую деятельность в целом. Именно эти психолингвистические сферы являются наиболее актуальными для эмотивной лингвоэкологии.

Я исхожу из того, что эмоции пронизывают любую деятельность человека. Значит, они представлены на каждом из уровней анализа коммуникативной ситуации и в каждой ее целевой подсистеме. Соответственно, есть эмоциональный язык, эмоциональная речь и эмоциональная коммуникация, а также эмоциональное мышление, под которым понимается неразрывная связь рационального и эмоционального.

Наши наблюдения за различными эмоциональными коммуникативными ситуациями показывают, что вербализованные эмоции оказывают значительное влияние на психологическое и физическое здоровье человека. В связи с этим важным является вопрос о необходимости включения в коммуникативную компетенцию личности таких компонентов, как эмотивная и лингвоэкологическая компетенции, формирующие эмоциональный интеллект и способность говорящего рефлексировать над своими речевыми действиями и их потенциальным эффектом.

На начальных этапах разработки положений эмотивной лингвоэкологии мы высказывали положение о безусловной связи неэкологичности речи и негативных эмоций как наиболее очевидного стимула и результата таких речевых действий [Солодовникова, Шаховский, 2010].

Из общенаучного положения о том, что тождество структур ведет к тождеству функций, учеными и сегодня часто делается следующий вывод: употребление бранной лексики обязательно предполагает ситуацию конфликтного общения. Не отрицая онтологической и генетической связи отрицательных эмоций с неэкологичными по своей природе ситуациями, все же отметим отсутствие их прямой связи в лингвистическом выражении. Будучи опосредованными языковыми знаками, эмоциональные переживания включаются в сложные отношения с психологическим и физическим миром человека. И лингвистика эмоций позволяет объяснять эти не прямые и противоречивые отношения.

Так, например, существует множество коммуникативных эмоциональных ситуаций, среди которых есть негативные по содержанию и цели. Среди них выделяется ситуация агрессивного общения, располагающая своими категориальными признаками. Однако в реальной коммуникации на выходе из конфликта негативные эмоции могут трансформироваться в позитивные, когда агрессия меняется на эмпатию, сопереживание, сочувствие.

Эмотивная лингвоэкология исходит из того, что любая коммуникативная ситуация амбивалентна с точки зрения генетических особенностей мышления, а также амбивалентного потенциала семантики и прагматики любого знака. Возникает проблема установления факторов, объясняющих подобный эмотивно-когнитивный диссонанс и несогласование с эталонной схемой: «отрицательный стимул – отрицательная реакция». Эти факторы должны учитывать и отражать целый комплекс особенностей эмоциональной ситуации агрессивного общения на уровне мышления, языка, речи и коммуникации.

В публикациях современных ученых, разрабатывающих проблемы лингвоэкологии, уже предпринимаются попытки обоснования комплексного, многофакторного подхода к их анализу. В работах А.П. Сквородникова рассуждения об экологии русского языка неизбежно приводят к постановке вопросов о речевых компетенциях говорящих, вариативности языковых и речевых норм в коммуникации, коммуникативно-прагматическом и этико-речевом аспектах общения [Сквородников, 2013, с. 219]. В кандидатской диссертации Н.Г. Солодовниковой методологическая база эмотивной лингвистики применена к анализу экологичности / неэкологичности текста. Автором предложены следующие этапы его анализа:

- 1) установление вербальных эмотивных средств в текстах;
- 2) установление невербальных эмотивных средств в текстах;
- 3) установление способов реализации этих средств в текстах;
- 4) установление соотношения вербальных и невербальных эмотивных средств и способов варьирования экологичности текстов [Солодовникова, 2010, с. 5–6].

В качестве ведущего принципа эмотивной лингвоэкологии предлагается принять «хорошую речь», в которой приоритет должен отдаваться возвышению языком, а не диффамации адресата. В качестве методов эмотивной лингвоэкологии можно указать контекстуальный и ситуативный анализ, контент /интент-анализ, метод реверсивности эмоций, метод креолизации эмоций и др.

В исследовании А.В. Пузырева представлена семиуровневая пирамида признаков конструктивности / деструктивности текста, которую составляют физический, личностный, межличностный, этнический, социальный, принципиальный и интегративный уровни потребностей и установок личности [Пузырев, 2013, с. 77].

Отметим, что уже беглого взгляда на данную модель достаточно, чтобы установить деструктивность современного медиапространства, которое культивирует низшие потребности (физический уровень) в человеке, эгоцентризм (личностный уровень), враждебность к Другому (межличностный и этнический уровни) и т. д. Стратегия когнитивной аутотрансформации Homo Debilis в Homo Sapiens предложена филологической герменевтикой, когда чтение перестает быть заполнителем паузы и становится работой и, кроме того, выгодным инвестированием в свое будущее, при всей кажущейся авантюристичности подобного предприятия.

Исследователями Волгоградского государственного университета разработана методика эколингвистического мониторинга содержания медийного пространства печатных СМИ [Основы лингвистического мониторинга..., 2011, с. 56–86]. Данная процедура предполагает учет следующих параметров:

- 1) примат достоверной информации, которая должна соответствовать описываемой ситуации;
- 2) индекс упоминания имен и событий как свернутых ситуаций;
- 3) тональность представления события в новостном контексте.

Выделенные критерии представляются вполне применимыми к изучению текстов различных жанров. Е.М. Пылаева в своей работе (2011) предлагает следующие способы анализа материала: метод деконструктивного анализа, заимствованный у постмодернистов, и метод анализа текста по ключевым словам. Метод деконструкции предполагает анализ некоторого объекта либо через разрушение имеющегося по отношению к нему стереотипа, либо путем помещения данного объекта в новый контекст. Действительно, при рассмотрении определенно-го слова или словосочетания, например бранного, на позицию исследователя будет влиять стереотип или эталон, который навязывает понимание значения этой лексической единицы. Но смена контекста позволяет увидеть, что отрицательная оценка бранного слова может понижаться или меняться на противоположную, если это слово адресуется близкому человеку в ситуации доверительного общения либо конкретизируется положительно-оценочным или отрицательно-оценочным определением, которое стоит перед определяемым словом (*чертов урод vs урод чертов*).

Перспективной для эмотивной лингвоэкологии является методика выявления внутренней формы слова с позиции заключенных в ней рефлексивных векторов (рефлексем) фундаментальных предикатов сознания, предложенная З.Я. Кармановой [Карманова, 2010, с. 47–116]. Данные рефлексемы наглядно демонстрируют возможности слова, скрытую в нем смысловую энергетику, проявляющуюся тогда, когда оно становится «словом дискурса». Исследовательница выделяет два интенциональных рефлексивных вектора сознания. Первый связан с мировосприятием языковой личности: юмором, сатирой, сарказмом, иронией, остроумием, усмешкой, комизмом, прямолинейностью, агрессивностью, подхалимством и т. д. Второй интенциональный вектор согласуется с особенностями речевого акта, который, по Дж. Сёрлю [Сёрль, 1986], служит для выражения соответствующего состояния:

веры, страха, ненависти, нужды, одобрения, скорби, раздраженности и т. д. Другими словами, данные рефлексемы показывают, почему говорящий сказал именно так, а не иначе, а также вскрывают мотивацию некоторых коммуникативных ходов языковой личности.

Общим основанием обозначенных выше подходов, применимых к анализу экологичности / неэкологичности языка и речи, неизбежно выступает сфера эмоционального. Как мотивационная основа сознания, эмоции позволяют приблизиться к выявлению мотивов речемыслительности говорящего, ориентироваться не только на форму эмоциональных единиц общения, но и на их содержание и функциональную направленность речи, не только на то, как сказано, но и для чего говорящий выбрал именно данную форму для выражения эмоционального переживания. Так, использование в речи бранной лексики может ошибочно указывать на ее неэкологичность, и, напротив, литературная форма высказываний может скрывать в себе сильное негативное действие и нести разрушительную энергию слова в определенных ситуациях [Ионова, 2013].

Наблюдения за многочисленными частными приемами реализации экологичных / неэкологичных коммуникативных ситуаций позволяют сформулировать некоторые закономерности и промежуточные выводы в рамках искомого направления эмотивной лингвоэкологии [Шаховский, 2013 а, б, в].

1. Прием скорости промышления эмоций. Речь идет о влиянии выбора лексики, выражающей эмоции, на перлокутивный эффект общения. Например, в конфликтной ситуации говорящий может поддаться аффекту и прибегнуть к употреблению нецензурной лексики или (обладая достаточной эмотивной компетенцией) выбрать из синонимичной парадигмы не менее экспрессивную, но цензурную лексическую единицу, с помощью которой можно выразить свое недовольство, раздражение, не унизив при этом адресата. Важна и позиция слушающего, который выберет либо стандартную схему реакции на отрицательный стимул, либо ему удастся пренебречь данным «эталонном», чтобы найти причину раздражения говорящего. Так, частотное использование аффективов (допустим, что это бранная лексика) в повседневной речи отчасти стирает табуированность мата для говорящего. Но адресат, для которого оскорбительно уже только слышать мат, распознает этот отрицательный эмоциональный посыл, вызывающий у него чувство дискомфорта, и постарается предупредить коммуникативно-го партнера, что ему не следует так «выражаться». В этот момент го-

ворящий может не только идентифицировать негативную энергетику собственного слова, но и расценить это как поучение, критику или даже оскорбление. Инициатор оскорбления должен успеть не только просчитать возможные эффекты от сказанного им, но и переключиться на декодирование появившегося у адресата чувства негодования от услышанных назиданий, а также выбрать адекватную форму проявления / подавления новой эмоции.

2. Прием определения порогов коммуникативно-эмоционального эффекта высказываний. Эта проблема остается малоизученной и перспективной, поскольку нужны обстоятельные наблюдения за тем, как статус эмотивной семантики (аффектив, коннотатив и потенциатив), а также форма выражения эмотивности (номинация, дескрипция и экспрессия) преобразуют одну и ту же эмоцию: *disgust* (называет) – *phew* (выражает непосредственно – аффектив) – *anass* (выражает опосредованно – коннотатив) – *stupidly* (описывает).

Так, И. Фонажи, касаясь проблемы воздействия на читателя формы подачи информации, рассматривает природу гортанного приступа, влияющего на смысл сообщения. С первых месяцев жизни гортанный приступ непосредственно соотносится человеком с дискомфортом и отвращением (ср.: междометия *Ah! Oh!*, произношение которых сопровождается «твердыми атаками») (*attaques dures ou fortes*)).

Аналогичные «атаки» связываются с выражением таких отрицательных эмоций, как гнев, ненависть (*Je le hais*). Цитируемый автор задается вопросом: чем обусловлен прерывистый стиль (подобный стилю словного ударения немецкого языка) новостных передач по радио и телевидению, и предполагает, что это может быть обусловлено либо попытками говорящего усилить воздействующий эффект своего сообщения, либо отразить имманентную агрессивность политических комментариев как таковых [Fonagy, 1979].

3. Приемы субституции и контрастирования. Данные приемы позволяют устанавливать силу или активность эмоции, что подразумевает следующие три этапа исследования:

- а) толкование слова;
- б) пример с перифразой этого слова (замена в большинстве случаев на нейтральный вариант, который дается в толковании);
- в) контекст употребления слова, активность эмотивного компонента в семантике которого проверяется.

В последующем можно устанавливать, какие рефлексивные векторы потеряло сообщение после замены одного слова другим. Перспек-

тивными кажутся также наблюдения за преобразованием нейтральных слов в ситуативные эмотивы, поскольку в данном случае возникает необходимость уточнения этапов использования этого приема. В данном направлении исследований предполагается два аспекта анализа: от эмотива к его эмотивности через сопоставление с нейтральным вариантом (вышеописанные три этапа) и от нейтрального по форме слова / словосочетания к его эмоциональному содержанию через восстановление, к примеру, прецедента.

4. Прием эмотивной валентности единиц. Суть эмотивной валентности заключается не только в способности слов вступать в эмотивные связи на основе явных или скрытых эмосем, но и в использовании приема анализа эмотивной плотности (количественный и качественный аспекты) текста, а также его экологичности / неэкологичности. Предлагается три типа эмотивных валентностей слов на основе признака 'характер эмосем', лежащих в их основе: актуализация, экспликация (явные эмосемы) и инвенция (скрытые эмосемы). Инвенция (от лат. *invenire* – открывать, изобретать) представляет собой «нестандартный ассоциативный контекст слова» [Гридина, 1996, с. 12, 39], эстетически, этически, прагматически приемлемые аномально-нормальные выражения. Такого рода отклонения от принятых форм понимаются не как нарушение языковой системы, ее разрушение, а, напротив, как развитие и обогащение. Учет эмотивных валентностей служит средством активизации интерпретативных усилий адресата (см., напр., оксюморимы *злобро* или *адорай*, а также примеры в прил. 2), аккумулирующих в себе мощный энергийно-смысловой потенциал, действие которого исключительно благотворно. Учет выделенных типов эмотивных валентностей слова становится еще одним этапом анализа экологичности/неэкологичности знака на пути «смысл – текст». Лингвоэкологическая задача, стоящая перед языковедами, – установить признаки, по которым креативные решения языкового сообщества можно отграничить от квазикреативных, вносящих когитивно-когнитивные шумы и дестабилизирующие работу языка [Сорокин, 2008, с. 27].

5. Учет модуса экологичности в эмоциональной коммуникации. В своей книге «Русский язык на грани нервного срыва» М.А. Кронгауз отождествляет русский язык с говорящим на нем человеком. Автор справедливо замечает, что в результате регулярных негативных эмоций, транслируемых языком на его пользователей и на самого себя, все коммуникативное пространство русского языка в настоящее время находится в крайне негативном эмоциональном состоянии, граничащем

с нервным срывом [Кронгауз, 2013]. А поскольку язык – это часть нас всех, то эти изменения в обществе касаются каждого из нас, отражаются в нашем мироощущении. В результате преобразований, происходящих в языковом пространстве, изменяется характер эмоциональной коммуникации в межличностной, групповой и институциональной сферах. Все сложнее становится выражать свои позитивные чувства в силу того, что появляются все новые и новые средства для обозначения негативных эмоций и отрицательных явлений, происходит порождение эмоционально отрицательных сообщений и целых текстов. Сформированное с помощью языка негативное поле эмоциональности значительно активизирует негуманные, часто аморальные действия и отношение членов общества друг к другу: недружелюбие, равнодушные, хамство, зависть, ложь, подлость, предательство, агрессию и т. д.

Таким образом, языковые процессы оказываются напрямую связанными с нравственным, духовным и правовым состоянием общества. Параметры экологичности / неэкологичности общения должны включать в себя, по моему мнению, представления о модусе реализуемых эмоций в конкретной коммуникативной ситуации. Еще Аристотель, рассуждая о природе гнева, писал о том, что сама эмоция гнева не значит ничего постоянного вне конкретной ситуации: кто гневается, на кого, за что, как и какова эффективность конкретного гнева. С позиций экологичности можно говорить о противоположных модусах противоположных эмоций, а также о противоположных модусах одной и той же эмоции и, следовательно, о противоположных модусах ее экологичности. Отрицательные эмоции, например гнев, ярость, могут в определенных коммуникативных ситуациях быть экологичными, например: *Пусть ярость благородная вскипает, как волна // Идет война народная, священная война* – благородный гнев. Дискурсивные практики использования обценных выражений показывают, что ситуации их использования, как это ни странно, могут быть вполне экологичными с точки зрения их участников.

Экологичным является не такой текст, в котором выражены исключительно положительные эмоции, а такой, причиной создания которого является конструктивное, а не деструктивное намерение говорящего.

Приведенные здесь рассуждения имеют своей целью продемонстрировать значимость активно развивающегося нового направления лингвистики – эмотивной лингвоэкологии – для лингвистической теории и коммуникативной практики. Решение новых задач, которые ставит перед учеными современное общество, требует аккумуляции

всех знаний, накопленных традиционным языкознанием и лингвистикой эмоций, их уточнения, конкретизации с целью создания такого знания, «в котором сочеталось бы умение что-то делать и умение пользоваться сделанным» [Платон, 1990].

Можно констатировать, что на сегодняшний день уже не остается сомнений в том, что эмотивная лингвоэкология может рассматриваться как новое научное направление, располагающее своей теоретико-методологической базой, разработанным понятийным аппаратом и намеченным проблемным полем. Она развивает идеи лингвистики эмоций, адаптирует ее методы и приемы, которые возможно применять при установлении уровня экологичности / неэкологичности значительного числа коммуникативных ситуаций, поскольку все они, как правило, в разной степени опосредованы эмоциями. Свидетельством этого являются материалы Всероссийской научной конференции, проведенной Научно-исследовательской лабораторией кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета в 2012 г. [Эмотивная лингвоэкология..., 2013]. Было прослушано более 30 докладов ученых из разных городов России. Многие авторы впервые занялись проблемами эмотивной лингвоэкологии (ЭЛЭ) при подготовке к этой конференции и активно продолжили их исследование.

§ 2. Лексикографический аспект проблемы лингвоэкологии

Блеск и нищета словарей.

В.Д. Девкин

Выше отмечалось, что одной из задач эмотивной лингвоэкологии является составление словаря экологичных и неэкологичных эмотивов. В статье В.Д. Девкина «О неродившихся немецких и русских словарях» [Девкин, 2001] называлось очень много словарей, которые будущей лексикографии еще предстоит создать. Однако среди тех словарей, о которых писал В.Д. Девкин, не было упоминания даже о просто экологическом словаре. Эмотивная лингвоэкология поднимает вопрос о создании словаря, который включал бы разработанный на основе амби-/поливалентности эмоций список единиц языка и речи, а также классификацию КЭС, формирующих фонд средств экологичного / неэкологичного общения.

В связи с этим не могу не упомянуть о первом в мировой лексикографической практике «Словаре-справочнике лингвоэкологических

терминов и понятий» (СЛТП) [Сущенко, 2011]. Он представляет собой оригинальный сплав не только разных жанров, но и разных типов лексикографических источников: это одновременно и энциклопедический, и толковый, и терминологический словарь. Его создание обусловлено бурной экспансией лингвоэкологии, основные направления которой развивают достижения в области социальной и ареальной лингвистики, с одной стороны, и культуры речи – с другой. Накопленный за последние два десятка лет опыт исследований, выполненных в парадигме лингвоэкологии, позволяет говорить не только о научно-теоретической перспективности, но и о несомненной практической значимости подобных работ.

Анализ теоретических исследований показывает, что учеными разных научных школ уже предпринимались активные попытки создать терминопарат лингвоэкологии. Развитие терминопарата любой науки, как известно, требует его систематизации в форме анализа и синтеза сложившихся подходов, определений, направлений и т. д. Подобная систематизация терминологического аппарата лингвоэкологии своевременна потому, что данному научному направлению, как представляется, не хватает четких границ: ведутся споры относительно объекта и предмета исследований, требуется разработка теоретико-методологической базы, а также создание новых и/или адаптация известных методов, применимых к решению поставленных задач. Как следствие, наблюдается рост числа частных лингвоэкологий (этическая, информационная, лингвоэкология перевода и т. д.). Поэтому несомненным достоинством СЛТП можно считать его четкую композицию, что подтверждают следующие два раздела: «Лингвоэкологические термины и понятия созидательного характера» (с. 13–137) и «Термины и понятия, обозначающие лингвоэкологическую опасность», т. е. деструктивного характера (с. 137–200).

Автор не ограничивается указанными разделами и расширяет содержание СЛТП разделом «Основные лингвоэкологические качества хорошей речи» (см. с. 200–209). Следующие два раздела «Речевые средства выразительности лингвоэкологического дискурса» (см. с. 210–260) и «Понятия речевого мышления, общения и поведения, способствующие формированию нравственной языковой личности» (см. с. 261–323) в совокупности с ранее упомянутыми концентрируют в себе сверхзадачу автора: рассмотреть проблемы лингвоэкологии на уровнях мышления, языка и коммуникации. Неслучайным кажется и авторский акцент на проблемах влияния языка на здоровье человека, т. е. на соседство валеологии и лингвоэкологии.

Композиция СЛТП не вызывает возражений: например, за разделом «Этические нормы образцового речевого поведения» следуют такие разделы, как «Культура электронного общения и e-mail» и «Интернет в помощь любителям русского языка». С учетом компьютеризации современного коммуникативного пространства автор намеревается избежать постановки устрашающих диагнозов современной языковой среде и показывает, что последняя не лишена своей эстетики, преимуществ и достоинств. Сказанное означает, что нужно не столько возвращаться к истокам античной риторики и стилистики и имитировать последние, сколько, опираясь на них, адаптироваться к изменяющимся условиям языковой действительности, обусловленной бурным научно-техническим процессом, политическими, экономическими и международными событиями.

Несомненным достоинством словаря-справочника является детальный анализ терминов и понятий, выражающих лингвоэкологическую опасность, т. е. языковые явления деструктивного характера. Это особенно важно по той причине, что без выявления главной проблемы и ее производных (негативное воздействие на язык и его средства) невозможно объективное осознание опасности деформации языка и мышления.

Примечательно, что автор ставит своей задачей не только инвентаризовать и дефинировать понятия, составляющие частные предметные области современного уровня развития лингвоэкологии (*болезни языка, вульгаризация языка, лингвоэкологические нарушения, речевая вседозволенность, давление на языковую среду, антропогенное загрязнение языка* и мн. др.), но и предлагает пути решения обозначенных проблем. В соответствующем разделе (см. с. 200–209) приводится список признаков, по которым можно определять, является ли речь экологичной или нет. Приведем некоторые из них: благозвучие, богатство, выразительность, грамотность, доступность, живость, логичность, точность, ясность, лаконизм, уместность и т. д. Однако кажется, что наблюдаются пересечение, наложение или избыточность некоторых приводимых «качеств хорошей речи» (например, правильность и грамотность речи, благозвучие и красота, выразительность и изобразительность).

Содержательный анализ понятий и терминов, получающих толкование / определение в словаре-справочнике Сущенко, позволяет сделать вывод о том, что автор намеревался отразить в нем те терминологические единицы, которые используются или будут полезны в ходе изу-

чения некоего предмета в одном из следующих аспектов (по А. Филлу): 1) экология языков (где экологические идеи экстраполируются на язык; изучается связь языков и их воздействие друг на друга); 2) экологическая лингвистика, которая использует термины и принципы экологии для изучения языка. С одной стороны, акцент в СЛТП явно смещен в сторону эколингвистики, показателем чего является, в частности, высокое цитирование работ А.П. Сковородникова, активно разрабатывающего это научное направление современного языкознания. С другой стороны, без внимания, по моему мнению, остается языковая экология (по терминологии А. Филла), в основе которой лежат языковые данные, способствующие раскрытию «экологических» проблем. И конечно же, в данном словаре пользователь не найдет никакой связи экологической опасности / безопасности с эмоциями говорящего и ситуациями общения, которые всегда эмоциональны.

Представленность некоторых терминов в СЛТП только по причине их инновационного характера с содержательной и формальной точек зрения, как нам кажется, приглашает к дискуссии. К терминам и понятиям, обозначающим лингвоэкологическую опасность, автором отнесены, к примеру, *галлография* («ошибочный пропуск на письме одного или двух рядом стоящих слогов вследствие описки») (с. 145) или *грассировка звука 'р'* (с. 147). Как следствие, возникает ряд вопросов, главными из которых являются следующие: в чем опасность описки? картавости? Влияет ли нарушение произносительной нормы на норму орфографическую? Если нет, то в опасности может быть только экология коммуникации, а не языка. Всегда ли нарушение нормы и любое ли нарушение нормы неэкологично? А если ошибка допускается намеренно, например в стилистических или игровых целях?

Я полагаю, что всё зависит от восприятия, коммуникативной компетенции адресата при взаимодействии с говорящим, от ситуации общения и интенции говорящего. Автор совершенно не принимает во внимание такой важный коммуникативный компонент, как языковая игра. Ведь даже мат может быть совершенно экологически безопасным, особенно в его карнавальной и гедонистической функциях (см. следующие части) [Шаховский, 2012 б, в]. Если определенный дефект речи, что зачастую вызвано физиологическими особенностями говорящего, не препятствует взаимопониманию, то такое отклонение от нормы не может обозначать лингвоэкологическую опасность. Напротив, в ходе общения с человеком, который заикается, не заикающийся до этого собеседник также может произвольно копировать подобную мане-

ру речи. Но это совсем не значит, что адресат намеревался обидеть говорящего. Не скрывает ли это в себе врожденное стремление индивида к кооперации, к конструктивному общению; не являет ли это собой неосознанную языковую жертву с целью создания комфортных условий вербального взаимодействия для собеседника с дефектом речи?

Дискуссионной является и проблема воздействия на язык, особое место для которой отводится в СЛТП. Бесспорно, элитарная языковая личность способна влиять на него. При этом современным медийным пространством активно пропагандируется мода на невоспитанность и безграмотность. И, к сожалению, это привлекает внимание массы, когда употребление сленга и жаргона перестало быть маркером принадлежности к группе «Свои». Как следствие, умение употреблять жаргонную и сниженную лексику культивируется в человеке в ущерб литературному языку «неудачников». И уже тот, кто способен преобразовывать известный жаргон, придавать ему больше экспрессии, превращается в законодателя мод. Зачастую ни об одном признаке элитарности речь не идет. Как мне представляется, причина в том, что границы социальных и культурно-нравственных полей размыты, когда периферия всё более определенно занимает место ядра.

Повторю, что в анализируемом словаре-справочнике недостаточное, по моему мнению, место уделено роли эмоций в определении экологичности / неэкологичности языка и коммуникации, хотя модус экологичности задают именно эмоции и КЭС. Кроме того, получены первые выводы о том, что не существует прямой зависимости между знаком эмоции и характером экологичности, т. к. эмоции амбивалентны, нередко поливалентны и могут быть смешаны, а основной детерминантой является коммуникативная эмоциональная ситуация.

Часть II

ЭМОЦИИ КАК ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЭМОТИВНОЙ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

Глава 1. ЭКОЛОГИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ И РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ / КОММУНИКАЦИИ

§ 1. Экология эмоционального сознания

*Цинизм – способ защиты
от мира, от верхоглядства.
Циник не боится говорить то,
что другие думают.*

А. Гордон (ТВ: «Познер»)

Языковая экология сегодня рассматривается в качестве важнейшего механизма регулирования отношений «язык – человек». Когда говорят о языковой экологии, то, прежде всего, имеют в виду эмоциональную коммуникацию, энергия которой часто бывает сильнее социальных норм общения: эмоциональное слово, его энергетическая мощь часто сопоставимы с самыми сильными физическими действиями. С учетом безусловного доминирования негативных эмоций в любом языке, а также полной свободы выражения эмоциональных состояний в современной публичной речи можно утверждать, что и качество этой энергии часто является отнюдь не позитивным.

Из-за отсутствия должной эмоциональной / эмотивной компетенции у коммуникантов их высказывания в межличностном общении могут поражать рациональную и чувственную сферы адресата, а в массовой коммуникации наносить огромный ущерб психоэмоциональному состоянию общества. В отдельных профессиональных сферах уже выработаны специальные термины для обозначения вреда, наносимого негативной энергией языка: вред от слова учителя – дидактогенения, вред от слова врача – ядроления. Очевидно, что отрицательная энергия слов журналиста, политика не менее разрушительна.

Негативная информация при соответствующем способе ее подачи способна увеличивать плотность негативной эмоциональной ткани текстов, функционирующих в обществе, достигать через слово здоровьеразрушающего эффекта: нагнетать состояние внутреннего дискомфорта, стресса, тревоги и беспокойства, вызывать психологические и физические расстройства. При регулярном повторении эти механизмы

способны увеличивать индивидуальную и групповую агрессию, повышать непредсказуемость действий людей: человек, насыщенный негативной энергетикой, сам становится излучателем отрицательных эмоциональных стимулов (см. подробнее: [Шаховский, 2010]). Не менее вероятным следствием активного воздействия негативного потенциала языка на сознание является эмоциональная дезадаптация личности, утрата самого стремления к экологичному взаимодействию членов общества. Это в конечном счете может привести к потере позитивных ценностных ориентиров и возможному психоэмоциональному «выгоранию» личности.

Считается, что проблема эмоциональной коммуникации является чрезвычайно сложной, а порой неразрешимой, поскольку эмоции индивидуальны, у каждого человека имеется свой эмоциональный дейксис, который бесконечно варьирует эффекты общения людей друг с другом, чаще всего не понимающих друг друга до конца. Действительно, в отличие от сферы разума, логики, которую можно нормировать и социально контролировать, рациональное управление эмоциональными коммуникативными процессами в полной мере невозможно. В определенной степени коммуникация эмоций в социальном пространстве регулируется обществом, его стереотипами и нормативами (моральными, правовыми, этикетными), позволяющими нейтрализовать эмоциональный «экстрим». Однако не менее важным является само осознанное стремление коммуникантов к экологичному эмоциональному общению, интенциональный тьюнинг, учитывающий различия между эмоциональной прагматикой говорящего (инициальная интенция) и эмоциональной прагматикой слушающего (терминальная интенция), а также знание о приемах экологичного взаимодействия (см. § 2 данной главы).

Как правило, люди общаются на уровне общих смыслов значения слова. Они-то и приводятся в толковых и переводных словарях. Однако, как известно, ситуация никогда не повторяется полностью. Более того, даже одни и те же коммуниканты в одной и той же коммуникативной ситуации, особенно эмоциональной, не пользуются одними и теми же средствами и смыслами. Жизнь всё варьирует, в том числе и коммуникативное поведение человека. Эта варьируемость в значительной степени зависит не столько от коммуникативной компетенции человека, сколько от его эмоционального интеллекта, эмоционального индекса, психотипа и многих других факторов.

К сожалению, до настоящего времени лексикографы не смогли создать ни одного ситуативного словаря, а ведь именно ситуация варьирует общеизвестное кодированное значение слова / ФЕ. С этих пози-

ций чрезвычайно актуальным явился бы возврат к такой научной парадигме 70-х гг. прошлого столетия, как семная семасиология. Именно она вскрывает бесконечный микрокосм глубинной семантики слова не только дефиниционно-таксономическим анализом, но и ситуативным анализом использования слова / ФЕ. Такая важная и целесообразная лингвистическая работа могла бы значительно увеличить способности человека к эффективному общению в наиболее типизированных ситуациях. Приведу пример такой беспредельной глубины одного и того же семантического признака слова «одиночество» и его конкретизаторов, полученных методом ситуативно-контекстного анализа. Сразу отмечу, что выборка частичная, ибо невозможно одному человеку и без вспомогательных технических средств обработать весь мегатекст всемирной литературы и даже литературы одной национально-этнической культуры. Однако приведенный ниже пример убедительно доказывает правомерность моего тезиса: в процессе эмоционального общения люди никогда не понимают друг друга до конца, т. к. они не имеют соответствующего максимального набора всех конкретизаторов любого слова, в частности слова «одиночество».

Так, при анализе лексикографического материала на английском языке было выделено 115 лексем-конкретизаторов одиночества, из которых 18 позитивных, 55 негативных, 14 амбивалентных и 28 нейтральных. При анализе лексикографического материала на русском языке было выделено 149 конкретизаторов семантического признака одиночества. Из них 16 позитивных, 90 негативных, 22 амбивалентных и 21 нейтральный. Из подсчёта видно, что негативная оценка одиночества преобладает как в англо-, так и в русскоязычной лексикографии.

Кроме этого, в различных коммуникативных ситуациях на основе дистрибутивного и контекстуального анализа в частичной выборке фактического материала из художественной коммуникации на английском языке (беллетристика и песенный жанр) было выделено 143 лексемы-конкретизатора одиночества, из которых 25 позитивных, 111 негативных, 7 нейтральных. При аналогичном анализе фактического материала из художественной коммуникации на русском языке было выделено 190 конкретизаторов одиночества: 59 позитивных и 131 негативный. Как мы видим, и в англо- и в русскоязычной художественной коммуникации обоих жанров также преобладает негативная коннотация одиночества, а значит, его неэкологичность. Отсутствие амбивалентных конкретизаторов в художественной коммуникации объясняем тем, что амбивалентность здесь снимается за счёт конкретных эмоциональных ситуаций, в которых фигурирует эксплицитно или имплицитно эмотивный смысл одиночества. Это же касается и словарной нейтральности данного семантического признака: как и в преды-

дущем случае, у нее есть ситуативные конкретизаторы, т. е. в конкретной ситуации нейтральность приобретает либо позитивную, либо негативную оценочную окраску. Хотя бывают редкие случаи, когда из макроконтраста невозможно вывести оценочную окраску некоторых конкретизаторов (наличие нейтральных конкретизаторов в англоязычной художественной коммуникации). На материале обоих языков было выделено больше ситуативных конкретизаторов семантического признака одиночества, чем словарных, что подтверждает нашу гипотезу о том, что современные словари пока не могут отражать всех ситуативных конкретизаторов не только данного семантического признака, но и других. Данный вывод нам представляется теоретически важным и в прикладном аспекте.

В приложении к магистерской работе [Барашевская, 2016], из которой приводится данная статистика, дан также инвентарь конкретизаторов эмотивного признака одиночества. Всего данный семантический признак на материале двух языков в общей сложности содержит 549 семантических и ассоциативных единиц, при этом в англоязычном семантико-ассоциативном поле – 239, а в русскоязычном – 310. В приложениях 3, 4 приводится перечень семантических и ассоциативных конкретизаторов смыслового содержания признака одиночества, выделенных при анализе лексикографического и фактического материала в обоих языках и классифицированных по признаку оценочности знака и экологичности / неэкологичности.

Такое разнообразие семантических конкретизаторов, т. е. аллосмыслов или коннотаций у одного и того же эмоционального слова-понятия делает чрезвычайно сложной проблему межязыковой и межкультурной коммуникации как в устной, так и в письменной (художественной) речи, ибо адресант должен обладать высоким мастерством, семасиологической и переводческой компетентностью. Сложность такого процесса увеличивается многократно в сфере эмоциональной коммуникации, поэтому, конечно же, переводчик должен быть большим мастером слова. Аналогичный эксперимент был проведён мною совместно с аспиранткой Е.В. Димитровой на материале слова «тоска». В своем философском произведении Н. Бердяев при переводе русского слова «тоска» на французский язык использовал 30 заменителей, и все они оказывались неудовлетворительными. Это происходило именно из-за существенного различия в кластерах смысловых конкретизаторов (нюансов) русского и французского слов, которые не были отражены ни в переводных, ни в толковых словарях этих языков [Димитрова, 2001]. Прогресс в лингвистических исследованиях этой проблемы заключается в том, что ни в работе Е.В. Димитровой, ни в работах А. Вежицкой не была использована методика дефиниционно-таксономического

и семного анализа, т. к. парадигмы семной семасиологии в то время не существовало (см. также: [Вежбицкая, 1996]).

Вышеприведенная информация заставляет по-иному взглянуть на такие понятия, как *эмоциональное сознание*, *эмоциональное мышление*, *эмоциональная память коммуникантов*. В этой связи эмоциональное сознание, на мой взгляд, можно соотнести со следующими понятиями: *эмоциональное мышление / решение (выбор) / фактор; рационализация / регуляция эмоций; компетенция / компетентность / грамотность / культура / коммуникативная тональность* и некоторые другие.

Ключом к изучению человеческих эмоций является сам язык, который номинирует эмоции, выражает их, описывает, имитирует, симулирует, категоризует, классифицирует, структурирует, комментирует, изобретает искренние и неискренние средства для их экспликации / импликации, для манифестации и сокрытия, предлагает средства для языкового манипулирования и моделирования соответствующих эмоций. Выраженные и реально переживаемые эмоции не всегда совпадают, их асимметрия имеет разные варианты: эмоцию можно испытывать, но не выражать, можно выражать эмоцию, не испытывая ее, можно выражать эмоцию, отличную от той, которую реально испытывают. Эмотивность как механизм перевода эмоций из сферы психики в сферу языка является основой для использования приемов эмоционального / эмотивного тьюнинга, который должен способствовать развитию экологического сознания коммуникантов. В качестве приемов осознанной эмотивной обработки высказываний участниками общения могут быть предложены следующие:

- предварительная оценка коммуникантами характера эмоциональной ситуации;
- интенциональный тьюнинг – осознанное стремление к конструктивному эмоциональному общению;
- эмоциональная включенность коммуникантов в ситуацию и излагаемую проблему;
- прагматическая настройка друг на друга (эмоциональная эмпатия);
- применение тактик эмоционального айкидо [Литвак, 2011] – сознательного эмоционального отступления, согласия (в том числе в ситуациях диффамационного воздействия);
- умение нейтрализовать эмоцию путем ее точной дифференциации и номинации в слове;
- применение правил сублимации эмоции с помощью вежливых, эвфемистических, митигационных тактик, смягчающих негативное

эмоциональное воздействие или усиливающих глорифицирующий эффект высказывания;

- умение корректировать собственный эмоциональный индекс или его отсутствие (например, эмоциональную склонность *стоять насмерть и не поддаваться*);
- владение языком эмоций, представление о вариативных возможностях и средствах называния, описания, выражения эмоциональных переживаний, в том числе в косвенных формах (эмоциональная экспрессия);
- осознание голографичности эмоционального слова, восприятие речи во всем многообразии ее смыслов – признака и конкретизатора;
- сознательное обеднение сложности и полифонии своих эмоциональных переживаний за счет выделения и выражения их психологического и речевого ядра;
- постоянная рефлексия коммуникантов над эмоциональной тональностью речи, снятие противоречий между семантикой и эмоциональной просодией и интонацией;
- снятие эмоциональных «проб» силы реакций партнера;
- умение моделировать эмоции в речи, стимулировать порождение позитивных чувств (эмоциональная эвокация);
- знание об эмоциональном языке тела и умение считывать транслируемые знаки невербального общения и др.

Использование приведенных здесь приемов согласуется с принципами кооперативного общения и составляет основу эмоциональной компетенции коммуникантов. Как указывалось ранее, способности к эмоциональной настройке / адаптации / тьюнингу отчасти даются человеку от рождения и применяются на инстинктивном уровне. Но большая ее доля формируется вместе с опытом индивидуального / видового эмоционального общения: как подражание эмоциям персонажей художественной литературы, как закрепление опыта поведения в эмоциональной ситуации реальной коммуникации, как навыки, которые можно получить в обучающей коммуникации в виде правил и приемов эмоционального взаимодействия. Сказанное вновь подчеркивает необходимость лингвоэкологического образования всех участников коммуникативного процесса, включение в набор языковых компетенций носителей языка лингвоэкологической компетенции с целью формирования у коммуникантов лингвоэкологического сознания / мышления.

Проблема позитивизации эмоционального общения настолько сложна и актуальна для современного коммуникативного пространства, не только российского, но и планетарного, что в данной книге она будет рассмотрена отдельно.

§ 2. Роль эмоционального интеллекта в адаптивном общении (тьюнинг на позитив)

*Плебс уничтожает язык,
а народ – никогда.*

В. Познер

Наукой уже не оспаривается тот факт, что вся человеческая речь пронизана эмоциями. Понятие «эмоциональный интеллект», которое уже давно существовало в менталитете ученых-психологов, получило вербальное опредмечивание в трудах Д. Гоулмана. Благодаря этому наука приблизилась к ответу на вопрос о том, как же соотносить, соединить эмоциональную жизнь человека с его интеллектом, как привнести интеллект в эмоции [Goleman, 1997].

Интересно, что статистика Д. Гоулмана выделяет тенденцию к меньшему успеху в жизни людей с более высоким IQ, в то время как некоторые люди со средним IQ лучше приспособляются к разнообразным жизненным ситуациям и более успешны. Д. Гоулман объясняет этот факт эмоциональным интеллектом (здесь и далее – EQ) человека, специфической способностью управлять своими эмоциональными импульсами, считывать с вербалики и невербалики чужие эмоции и переживания, регулировать более деликатно свои эмоциональные взаимоотношения, способностью мотивировать свои эмоции, сочувствовать, способностью включенно картировать своё и чужое сердце, сострадать.

Квинтэссенцией интерпретации понятия «эмоциональный интеллект» могут послужить слова Д. Гоулмана о том, что эмоциональный интеллект помещает эмоции в центр адаптивной способности человека к жизни. Эмоциональный интеллект человека – это рационализация эмоций, а значит, сознательное управление ими в любых КЭС, в том числе стрессовых. Адаптация человека к жизни проходит в первую очередь через его вербальное и невербальное поведение. Особую роль в этой адаптации играет язык, прежде всего эмотивный. Д.С. Деннет утверждает, что биологическая природа сознания проявляется в его адаптирующей функции; она вступает в силу через врожденную способность человека приспособляться к условиям окружающей его среды, и это приспособление всегда сопряжено с переживаниями, т. е. эмоциями.

Эмоциональный тьюнинг включает в себя следующие этапы:

- 1) осознание коммуникантами эмоциональности ситуации и чувственной «температуры» друг друга;
- 2) определение конкретного вида эмоций, на который надо настроиться;

3) отбор из своей эмотивной компетенции необходимых вербальных и невербальных эмотивов (в том числе и теловых) и коммуникативных тактик для их презентации собеседнику;

4) замена их по мере необходимости на более успешные методом снятия коммуникативных «проб» друг с друга.

Адаптирующая роль языка в общении соотносится с его тьюнинг-функцией. Приспособление (настройка / тьюнинг) речевых партнеров друг к другу в прагматических целях приводит к взаимному коммуникативному успеху, поскольку их языковая адаптация к коммуникативному стилю друг друга формирует у них общий эмоционально-координационный центр и делает их общение гармоничным. Адаптация / тьюнинг соответствуют принципу кооперативности эмоционального общения. Нередко такая настройка / адаптация / тьюнинг начинается на фатическом уровне, на котором происходит снятие «эмоциональных проб» речевых партнеров друг с друга.

Таким образом, отмечу, что успех дискурсивных практик эмоциональной коммуникации во многом зависит от когнитивных ресурсов эмоциональной языковой личности, динамики эмотивного компонента коммуникации и различных форм его представления в тексте и дискурсе, наличия эмоционально-культурной памяти социума.

Введение в коммуникативную компетенцию всех компонентов эмоционального тьюнинга как знания, как владения этим знанием в конкретных эмоциональных ситуациях общения позволяет сориентировать его на позитив. Заметим, что проблема позитивизации общения людей друг с другом, власти с народом, народа с властью стоит в современном российском социуме очень остро. Общий негатив, пронизывающий коммуникативное пространство России на всех уровнях и во всех видах общения, оказывает нездоровое влияние как на общающихся, так и на средства общения. Отсюда основная задача эмотивной лингвоэкологии заключается в том, чтобы обратить внимание всего общества на необходимость экологического воспитания коммуникативной личности, которая, как отмечалось выше, является Homo Sentiens и которая должна уметь практически моделировать свои и чужие эмоции.

Говоря о гневе, Аристотель отмечал, что сам по себе гнев не опасен. Всё дело в том, что нужно знать, как правильно рассердиться, на кого именно и как, какими средствами это выразить, в какой ситуации, с какой целью и по возможности предусмотреть возможности своего гнева. Повторю, надо всегда предусматривать, предвосхищать последствия своего эмоционального поведения: они могут быть непоправимы как для дальнейшего общения, так и для собственного здоровья и здоровья собеседника.

В заключение можно отметить, что общество и соответствующие государственные структуры (например, Минобрнауки) должны рекомендовать ввести в знаиевые ресурсы общения информацию об эмоциональном интеллекте человека, который должен стать главной составляющей его экологического интеллекта.

Глава 2. ЭМОЦИИ В ЯЗЫКЕ / СЛОВЕ КАК ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

§ 1. Эмотивное значение слова в лингвоэкологическом аспекте

С мыслью можно бороться только мыслью.

А.Д. Сахаров

Коммуникативное поведение людей влияет на их психоэмоциональное и ментальное здоровье, а также на здоровье национального языка [Кононова, 2010; Кронгауз, 2012; Ларина, 2013; Романов, 2012; Шаховский, 2012 а, 2013 а, б, в и др.]. В последнее время этот факт все более и более привлекает внимание специалистов по теории коммуникации, а также философов, медиков, психологов и педагогов, в том числе семейных.

В связи с глобальной экспрессивизацией и эмоционализацией всех видов современного общения человека – межличностного, группового, институционального, социального, проявляющихся в фонации, просодии, интонации, лексике, фразеологии, а также в невербалике и паралингвистике, сила такого влияния значительно увеличивается. Так, в названии книги М.А. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва» четко обозначена прямая взаимозависимость между психоэмоциональным состоянием коммуникантов и используемым ими языком, который одушевляется и приобретает состояние, присущее говорящим, – быть на грани нервного срыва. Подобное состояние объясняется все увеличивающейся социальной и индивидуальной агрессией во всех сферах человеческого общения. В указанной книге приводится большое количество так называемой бандитской, гламурной и профессиональной лексики, заполнившей коммуникативное пространство русского языка в последнее десятилетие.

В работах Т.В. Лариной, посвященных изучению категории вежливости в языке, освещается коммуникативная роль эмоций, неуме-

ние управлять которыми обуславливает значительное число неудач и провалов в общении. Как показывает автор, коммуникативные неудачи во многом определяются эмотивной некомпетентностью говорящих, неразграничением в речи таких модальных категорий, как «хочешь», «можешь», «должен», смешением и неумением вербализовать важнейшие социальные ценности, взаимной нетолерантностью. Проводя сопоставление культуры общения русских и англичан, Т.В. Ларина подчеркивает «хмурость» и несдержанность русских в выражении эмоций, асимметрию в соотношении негативной и позитивной лексики современной русской речи, популярность обценной лексики в ней [Ларина, 2013]. На этот факт указывает и специальное исследование М.М. Козыревой, в котором автор обнаруживает популярность мата в современном коммуникативном пространстве и английской, и русской молодежи [Козырева, 2013].

Напомним, что во времена Ч. Диккенса даже слово *damn* считалось вульгарным, обценным и потому непечатным. Таким же было и слово *bloody*. Кстати, Б. Шоу был первым, кто устами Э. Дулитл, героини бессмертного «Пигмалиона», со сцены королевского театра «Ковент-Гарден» «запустил» в устное обращение это слово, и великосветская публика, особенно леди, с облегчением и удовольствием тут же подхватили его и вслед за профессором Пиккерингом в обиходной речи стали «лепить» это слово как эпитет ко всем существительным. В настоящее время в английской лингвокультуре оно обесцветилось и превратилось в слабый интенсификатор, на его место заступило слово *fuck* с бесчисленными дериватами. Так, в романе И. Шоу “At the Top of the Hill” персонажами-интеллигентами, журналистами и спортсменами используется более 80 дериватов этого слова. Современные исследователи пишут о распространенности данной единицы в современном англоязычном общении всех социальных слоев, отмечая, что это обценное слово также употребляется лишь как слабый интенсификатор, но не тенсификатор. Однако, к сожалению, в современных русско- и англоязычном социумах существует много других обценных слов и выражений, которыми не исчерпывается общение и которые делают его вульгарным и даже неэкологичным [Шаховский, 2012 б–д].

Не случайно сегодня со всей серьезностью встает вопрос о необходимости формирования специальных социальных фильтров, которые бы позволяли контролировать поток неэкологичных вербалий и невербалий в публичном общении. Помимо социальных фильтров должны действовать личностные механизмы, саморцензирующие, регулирующие и редактирующие речь каждого говорящего в межличностном, групповом, массмедиальном и межкультурном общении. Такие внутренние механизмы должны формироваться у каждого члена говоря-

шего общества вместе с освоением им языка и прививаться «с молоком матери». Именно поэтому лингвисты все чаще и чаще поднимают вопрос о важности лингвоэкологического подхода к языковому обучению и формированию коммуникативной компетенции говорящих: экологичный язык – залог развития экологичного интеллекта, экологичной коммуникации, а значит, формирования экологичного климата общения на всех его уровнях.

В экологическую компетенцию современных членов общества необходимо включить знания о самомониторинге общения, об эмотивной просодии как параметре экологичного общения и элементе культуры нации и языка; о ее стилистике как модусе экологичности высказывания и его вариантах в высказываниях с разной коммуникативной целью; о лингвоэкологической этике и о фиксации ее семиотических норм в специальных словарях. В перечень конститuentов этой компетенции необходимо также включить знание об экологической валентности слова, прежде всего эмотивного, об эгоэкологии и об эмоциональном тьюнинге (адаптирующем коммуникантов к условиям общения и речевому стилю их партнеров) и когнитивных ресурсах рационализации переживаемых эмоций во время общения, знание об эмотивности как стартовом механизме процесса смыслопорождения высказывания и его экологическом статусе. Для успешности общения людей друг с другом необходимы также специальные познания о конфликтообразующих ипостасях эмотивного слова и другие обширные знания из сферы конфликтологии как науки о видах деструктивного коммуникативного поведения, о чем в своих работах неоднократно писала Е.С. Кара-Мурза [Кара-Мурза, 2011].

Важными следует считать знания не только об эмотивном / эмоциональном общении, но и о возможности и необходимости приобретения эмоциональной / эмотивной компетенции. Значительный объем таких знаний можно почерпнуть из специальной теоретической литературы по лингвистике эмоций [Шаховский, 2008] и ее новому направлению – эмотивной лингвоэкологии [Эмотивная лингвоэкология ..., 2013], а также из недавно вышедшего в свет первого в истории лексикографии лингвоэкологического словаря [Сущенко, 2011], уникального по своей структуре контента, в регистрации двух модусов экологичности.

Наиболее интересным в указанном словаре, по нашему мнению, является выделение двух противопоставленных зон экологичности общения и их основных терминопонятий. Приведем примеры представленных в нем лингвоэкологических терминов, отражающих созидательный характер общения: **безопасность лингвоэкологическая** – со-

стояние общественной жизни, которое характеризуется лингвистическим благополучием, возможностью предотвращения языковых аномалий и катастроф, устранения их вредных последствий [Сущенко, 2011, с. 16]; **лингвистическая компетентность** – владение в качестве индивидуальной (государственной) ценности языковой культурой, влияющей на состояние информационного пространства, здоровье индивида и окружающих людей [Там же, с. 56]. Не менее значимыми следует считать выделенные в словаре понятия, отражающие аспект лингвоэкологической опасности коммуникативного поведения: **агрессивное поведение** – нападки на оппонента без учета ситуации и чувств, потребностей или прав объекта нападения [Там же, с. 13]; **детерриоризация лингвоэкологической среды** – ухудшение окружающей человека лингвистической среды (обычно в результате антропогенного загрязнения) [Там же, с. 149]; **синдром лингвоэкологического напряжения** – комплекс взаимосвязанных симптомов нарушения лингвистической целостности, связанного с этим нравственного самочувствия людей, характерного для зон лингвоэкологического бедствия [Там же, 2011, с. 183] и др. Термином, объединяющим две названные выше зоны экологичности общения, является термин **антропический (антропный) лингвоэкологический фактор** – воздействие человеческой деятельности на язык и языковую среду, как положительное, так и отрицательное [Там же, с. 14].

В то же время для экологичного общения одних только знаний недостаточно, необходимы еще умения пользоваться ими и устойчивые навыки в применении обширных знаний о модусе экологичности и его зависимости от сиюминутных эмоций коммуникантов. Сформировать эти навыки через специальные занятия и тренинги практически невозможно, экологичному общению следует учиться в реальной коммуникации и развивать свои коммуникативные навыки в течение всей жизни.

Наблюдения за речевым поведением публичных деятелей показывают, что многие из них, увы, реагируют не на рациональное содержание слов, а на их эмоциональный фон. По словам В. Шендеровича, они понимают только «чувственность». Значит, надо дать им почувствовать, что они не правы. Для этого язык располагает широкими возможностями: эмотивной интонацией, просодией, лексикой и синтаксисом, другими единицами с «чувственным» компонентом семантики. Некоторые из публичных деятелей в последние годы изъясняются все более эмоционально и агрессивно, не всегда осознавая свою аффективность, однако мгновенно реагируя на чужую. Такое общение умножает и без того вредоносное эмоциональное воздействие современной коммуникации, поскольку при этом создается общее эмоцио-

нально напряженное поле с отрицательной энергетикой не только во внутрirosсийской, но и в межкультурной коммуникации. Многочисленные примеры были зафиксированы Интернетом в общении руководителей нашей страны с политиками США, Англии, Германии, Франции и др. Их речь включала в том числе и личные взаимооскорбления и обценную лексику. Со всех сторон такое общение было явно вульгарным, неэкологичным. Высшие чиновники забыли о политеесе, поллиткорректности и дали волю своим эмоциям.

Примером подобного стихийного эмоционального взаимодействия коммуникантов [Романов, Костяев, 2010] может послужить речевая реакция депутата Государственной Думы А. Исаева на публикацию в «Московском комсомольце» под названием «Политическая проституция сменила пол» (URL: <http://mk.ru>), а также реакция депутата В.В. Жириновского, который назвал эту газету «Нью-Йоркским Комсомольцем», а «Эхо Москвы» попутно – «Эхом Вашингтона». Другим недавним примером воздействия на ощущения, но уже не политиков, а сотрудников «Аэрофлота» было эмоциональное высказывание телеведущего Л. Якубовича на неадекватное пятичасовое поведение сотрудников аэропорта, широко обсуждавшееся как в СМИ, так и в Интернете. Только после горячего слова Л. Якубовича сотрудники «Аэрофлота» начали выполнять свои обязанности, объяснять причины задержки самолета, предлагать бесплатно воду измученным долгим ожиданием вылета пассажирам. До этого «чувственного» аффектива Л. Якубовича все попытки рационального воздействия на сотрудников «Аэрофлота» были безуспешными, и лишь когда были задеты их личные и профессиональные чувства, они адекватно отреагировали на слова и приступили к действиям. Это совсем не значит, что Л. Якубович в своих оценках и стиле коммуникативного поведения был прав, но ему таким образом удалось заступиться за рядовых пассажиров, когда стало понятно, что по-другому воздействовать на персонал невозможно.

Эти и многие другие примеры речевого поведения, ежедневно транслируемые СМИ и обсуждаемые в обществе, показывают, что эмотивы в разных семантических ипостасях (прежде всего аффективы) все чаще используются в качестве эмоционального аргумента для достижения коммуникативного эффекта, а эффекты общения в значительной степени определяются модусом сиюминутных коммуникативных эмоций. Многочисленные коммуникативные ситуации демонстрируют случаи нервного срыва как у пользователей языка, так и у самого языка, настойчиво указывают на необходимость перемещения проблемы экологичности языка в центр исследовательской тематики и практических действий представителей науки, общественных организаций, пра-

вительства, чиновников всех уровней «вертикали власти», профессиональных корпораций и отдельных граждан. Именно поэтому для решения проблемы сбалансированного эмоционального модуса экологичности общения в обществе носителям языка необходимо иметь представление об эмотивной семантике слова, его эмотивном потенциале, контенте и функциональных вариантах.

Вопрос о том, что понимать под эмотивным значением единиц языка, до сих пор является дискуссионным в науке. Определение этому сложному понятию в разное время пытались дать многие ученые, в частности А.А. Потемкина считал все языковые значения способом представления внеязыкового содержания. В данном случае таким содержанием является аффект, а содержанием самого значения – обобщенное отражение этого аффекта в слове. Некоторые ученые возражают против подведения эмотивного значения слова под какое-либо понятие. Например, С.Б. Берлизон определяет эмоциональное значение как «своеобразный компонент смысловой структуры слова, реализующий эмоцию, а не понятие о ней и позволяющий выражать (но не обязательно вызывать) различные эмоции и эмоциональную оценку» [Берлизон, 1971, с. 57]. Ч. Огден, А. Ричардс, У. Эмпсон относят междометия, бранную и ласкательную лексику, инвективы (нецензурные слова) и другую лексику, непосредственно выражающую эмоциональные состояния (без их называния), к непонятной на том основании, что сами эти состояния непонятны. Перечисленные категории слов, по их мнению, никаких понятий вне контекста вообще не передают и не представляют (ср.: [Шаховский, 1987а]). По нашему мнению, если бы все эмотивные значения были оторваны от понятий и не представляли их ни в одном из своих слагаемых, они вряд ли были бы семантизированными и кодированными в словарях, а следовательно, и общепонятными. Ср. кодифицированные эмотивные значения у выражений типа *Кошмар!*, *Ужас!* с абсолютно личностными, закрытыми для других коммуникантов аффективными смыслами и их ситуативными конкретизаторами выражений типа *Убить веником!*; *Застрелиться и не встать!*; *Кино и немцы!*; *Блин горелый!*; *Жесть!*. Такими примерами могут служить и личностные аффективы Эллочка Людоедки – персонажа известного романа Ильфа и Петрова: например, *Мрачный!* (по отношению ко всему: *мрачный кот, мрачный случай*), *Мрак!*, *Жуть!*, *Жуткий!* («жуткая встреча»), *Знаменито!* и др. Э.С. Азнаурова пишет, что эмоциональное значение может быть определено как «лингвистическое образование, входящее в семантическую структуру слова в качестве одного из ее компонентов» (подчеркнуто мною. – В.Ш.), выражающее эмоциональное отношение носителя языка к соотнесенному со словом понятию или предмету» [Азнаурова, 1973, с. 113].

Много сделали для разработки общей теории эмотивного значения Ч. Стивенсон и Э. Станкевич [Stevenson, 1948, 1974; Stankiewicz, 1964]. В частности, Ч. Стивенсон понимал под эмотивным значением любое языковое выражение с целью произвести психологический эффект на слушателей. Другими словами, эмотивное значение равно эмоциональному эффекту слова. Такое мнение можно и должно оспаривать, т. к., с одной стороны, эмоциональный эффект могут производить на получателя и неэмотивные слова. С другой стороны, одни и те же эмотивные слова могут производить (или не производить) эмоциональный эффект на разных получателей в зависимости от ряда условий по-разному. Возражение вызывает и то, что Ч. Стивенсон объясняет все виды эмоционального эффекта слова и языковых выражений только эмотивным значением, при этом автором не разграничиваются случаи типа *home* (вызывание словом приятных ассоциаций), *nazi* (вызывание словом неприятных ассоциаций), *I loved you then* (описание своего прошлого переживания), *How awful!* (выражение своего эмоционального отношения) (более подробный обзор концепций см.: [Шаховский, 1987а]).

В приведенных определениях при всей их глубине и объективности не учитывалось, что эмотивная семантика языковых единиц неоднородна, не принималось во внимание наличие у слов эмоциональной коннотации, игнорировался тот факт, что все эмотивные компоненты семантики так или иначе опосредуются как минимум эмоциональными представлениями, и именно поэтому любое вербальное выражение эмоций имеет определенную содержательно-концептуальную базу. В то же время для ученых уже давно является несомненным само существование эмоционального феномена в языковой семантике, который необходимо учитывать и с которым нужно считаться: «Отрицать наличие эмоций в языке – значит вступать в противоречие с совершенно очевидным фактом», – писал В.В. Виноградов [Виноградов, 1950, с. 2].

Приведенные выше рассуждения направлены на то, чтобы подтвердить следующую мысль: в языке как результате опосредования, «переработки» эмоций языком, несомненно, есть эмотивная разновидность семантики, которая неоднородна. Среди различных видов этой семантики есть эмотивное значение. В этом случае эмотивность является самостоятельным содержанием слова или высказывания, а их денотатом / референтом – выражаемая эмоция. Таким образом, можно говорить о специфике эмотивного значения в следующем плане: его специфическим денотатом является выражаемая эмоция. Оно не поддается такому четкому и конструктивному определению, как логико-предметное значение: процесс перехода одного качества признаков (предметного) в другое (понятийное), а этого последнего в третье качество (семанти-

ческое) в случае эмотивного значения идет по явно укороченной программе. В его формировании участвует меньшее количество предметных признаков, с меньшей долей их объективности, с большими границами охвата референтов и т. д.

В связи с многообразием проявления эмоций в языке мною была предложена собственная концепция эмотивного значения, в которой разграничиваются название, описание и выражение эмоций и, соответственно, дескриптивное значение, эмотивное значение и эмотивная коннотация слова. Так, выражения типа *How disgusting!* (*wonderful, charming, etc.*); *Rats! That's horrible!* (*terrible, splendid*) используются не для регистрации и констатации рациональных дескрипций, а для выражения эмоций говорящих, т. е. их эмоциональных состояний и эмоциональных отношений. Эмотивное значение – единственное содержание аффективного слова или высказывания; других компонентов в их семантике нет, в отличие от коннотации, которая является «эмоциональной добавкой» к логико-предметному содержанию слова или высказывания. Ср.: *фу, ого, увы* (междометия), *душенька, голубушка, золотце* (аффективные адресативы), *общага, хайло, канючить, хавать, змея, свинья, соловей* (о человеке) (речевые коннотативы и аффективы). Одним из следствий неадекватного объяснения механизма семантических изменений в языке сторонниками эмотивизма явилось их утверждение, что метафора не обладает ясным когнитивным значением, т. к. она связана с эмоциями [Жоль, 1984, с. 95]. Ошибочность такого утверждения, а также других типов эмоционального переосмысления и обогащения семантики сегодня очевидна. Например, в английском языке с некоторых пор для обозначения подростков стало употребляться слово *teenager* после того, как его логический эквивалент *juvenile* приобрел неодобрительную эмоциональную коннотацию за счет контекста *juvenile delinquent / delinquency* («подросток-преступник», «подростковая преступность»).

Если учесть, что эмотивное значение можно определить как означивание лексического или синтаксического опосредования (т.е. языковой переработки) эмоций, получающее статус денотации, если считать язык практическим, действительным сознанием, а понятие – формой мышления, имеющей разновидность в силу потребностей людей в практической деятельности, а также, приняв во внимание коммуникативную функцию эмоций, их тесную связь с мышлением и сопряженность с представлениями и понятиями, то естественно признать, что любое слово потенциально является эмоционально «нагруженным» как для говорящего, так и для адресата речи [Шаховский, 1987б].

У всякого эмотива есть две стороны: сторона говорящего (выражение эмоций) и сторона получающего (восприятие / ощущение эмоций).

Эмотивное содержание высказываний и целых текстов вырабатывается с учетом представлений об обобщенной эмотивной семантике и совокупности коннотаций, имеющих в сознании коммуникантов и закрепляющихся в общественном сознании носителей языка. В качестве примера неэкологичной коммуникации, рассчитанной на эмоциональную реакцию адресатов, приведем провокационный текст наружной рекламы клуба «Родина» в Екатеринбурге *Продаем Родину, 60 000 за метр Родины* [Кара-Мурза, 2013], который вызвал бурю негодования и возмущения у жителей города и гневную дискуссию в Интернете и СМИ. Экологичность любого текста определяется системой ценностей, совпадающей или расходящейся у его авторов и получателей. Указанная реклама носила неэтичный (циничней) характер, т. к. она смещала представления о социальных ценностях, нарушала нормы морали и содержала текст, оскорбляющий патриотические чувства граждан.

Следует отметить, что данная скандальная реклама оказалась эффективной для продавцов клуба, которым удалось продать значительную часть площадей, в том числе благодаря достижению пристрастного (положительного и отрицательного) отношения к рекламе со стороны всех ее потенциальных читателей. Данный факт основан на возможности использования эмотивов не только как механизма выпуска «эмоционального пара» (неориентированное выражение эмоций), но и как сознательного приема воздействия на сознание получателя информации (ориентированное выражение эмоций), основанного на объективных, социально закрепленных компонентах эмотивной семантики и субъективных коннотациях.

Известно, что человек способен также к словесной симуляции эмоций, и если она искусна и незаметна для получателя, то ее восприятие может быть динамически эквивалентным псевдоэмоциональному намерению ее отправителя. Другим видом сознательного формирования эмотивного значения высказывания является вербальная имитация эмоций, которая наблюдается, например, при исполнении актером той или иной эмоциональной роли, которой зрители или слушатели верят и которой «заражаются», т. к. у них при этом возникает соответствующее (ожидаемое) эмоциональное сопереживание. Понимание вербально выраженной (истинной или мнимой) эмоции основано на знании получателем того содержания, которое несут знаки-эмотивы, и на предшествующем опыте коммуникантов, в том числе на их видовом эмоциональном опыте. Все эти регулятивные возможности эмотивной семантики используются в практике современного общения.

Примеры коммуникативных ситуаций «нервного срыва» не только в рекламном дискурсе, но и в других сферах речевого взаимодействия людей объясняются недостаточной изученностью и сложностью од-

нозначного определения параметров экологичности коммуникативного поведения, эмотивного значения, эмотивной валентности языковых знаков в бесчисленных эмоциональных ситуациях, а также отсутствием должного внимания к проблеме лингвоэкологии. Как представляется, начинать решение этой проблемы необходимо с изменения соотношения между негативной и позитивной информацией в коммуникативном пространстве общества и изменения форм общения.

Пожалуй, уже всеми осознается, что объем негативной информации в сфере СМИ и других видах публичного и индивидуального общения превышает все допустимые для психики человека нормы. Все чаще в социальных и межличностных сферах возникают примеры так называемого синдрома эмоционального выгорания коммуникантов, все чаще публично выражается идея о необходимости уменьшения негативной (а значит, неэкологичной) информации (прежде всего в СМИ). В начале 2013 г. депутатом О.Л. Михеевым от г. Волгограда в Государственную Думу был внесен законопроект о нормах соотношения негативной и позитивной информации в публичных сферах – 30 и 70% соответственно. Эту же цель преследует и создание так называемого общественного телевидения России (ОТР), которое по замыслу его авторов должно было передавать позитивную развлекательную информацию, не содержащую никакой рекламы, раздражающей телезрителей. Предпринимаемые меры свидетельствуют о том, что общество начинает осознавать значимость проблемы эмотивной коммуникации и искать пути ее решения. Но пока, увы, не находит.

Как известно, эмоции семиотичны, консервируются в языковых знаках, прежде всего в слове. Кодифицированность вербальной эмоции предполагает закрепление достаточно определенного для данного языкового социума обобщенного эмотивного содержания за тем или иным языковым знаком, которое конкретизируется в различных коммуникативно-эмоциональных ситуациях. Эмоциональная семантика языковых единиц «упакована» в лексические синтаксические структуры, предназначением которых является выражение эмоций говорящего и / или эмоциональное воздействие на слушающего. При этом эмоциональное отношение или состояние говорящего как предмет лингвистического обозначения особого типа является не одиночным (индивидуальным) фактом эмоционального переживания, а обобщенным, т. е. типизированным видовым представлением «категорий из области социально-психической деятельности носителей языка» [Уфимцева, 1986, с. 96].

Как в свое время утверждал Галилео Галилей, ничто великое не свершалось в этом мире без пристрастия. Это мнение многократно цитировалось как эмоциональный аргумент многих лингвистических и

психологических утверждений о природе человеческого Я и всей деятельности Человека.

Важнейшим из видов такой деятельности являются эмоциональная интерпретация мира и ее отражение в его языковой картине с помощью эмотивной семантики, в том числе и эмотивного значения. В ответ на слова Галилео Галилея можно сказать, что, к огромному сожалению, не только все великое свершается с пристрастием, но и все мелкое и подлое, различные виды предательства и унижений, и прежде всего через вербалику, совершается с не меньшим пристрастием современным Homo Sentiens, который все менее и менее делается похожим на Homo Sapiens. Современное агрессивное общение людей непосредственно способствует негативной интерпретации мира, а языковые средства своей эмотивной семантикой моделируют негативную языковую картину мира. Вот почему феномен эмотивного значения продолжает оставаться актуальнейшей проблемой психолингвистики, когнитивистики, а теперь и эмотивной лингвоэкологии. В связи с отмеченным выше чрезвычайно интересными становятся перспектива постижения эмоционального обмена мыслями, как экологичными, так и неэкологичными, и проблема их перевода в язык вербальный. В продолжение изучения этой проблемы также перспективным является составление лексикографами неэкологичных / экологичных конкретизаторов тех смыслов, которыми обмениваются люди в процессе своего лингвистического становления для всё более совершенного взаимопонимания.

§ 2. Смешанные эмоции в амбивалентных и поливалентных коммуникативных эмоциональных ситуациях

*Твои слова меня ранят и сносят крышу.
Милая – я тебя ненавижу!*

*Лишь для тебя живет мое сердце,
Лишь только ты греешь мою душу.
То далеко от меня, то ближе –
Я люблю тебя и ненавижу!*

Из песни группы “Delta Pro”

В настоящее время распространение получил межпарадигмальный подход к анализу любого объекта исследования. Объектом эмотивной лингвоэкологии является язык (как система и как действие), тогда как ее предметная область принципиально ничем не ограничена. К одному из частных предметов этого направления относится проблема регуляции негативной тональности общения.

С опорой на теоретико-методологическую базу эмотивной лингвистики, лингвофеноменологии, семиотики в данной части работы планируется показать заложенный в семантике любого слова амбивалентный смысловой потенциал, реализация которого позволяет обогатить возможность мены отрицательной тональности общения на положительную.

Обратим внимание читателя на выбор слова *хулала* в качестве предмета анализа, которое подтверждает асимметрию отрицательных и положительных знаков в языке, т. к. в результате блендинга образован именно данный окказионализм с доминированием *хулы*. Слово *хулала* суть пример открытия новой семантико-эмотивной валентности с образованием окказионализма. Другими словами, это «сплав» *хулы* и *похвалы*. В рамках морфологии данного композита его эмоционально-смысловая составляющая отрицательна по причине сохранения формы *хула*. Однако восприятие других реципиентов может быть иным. Действительно, помимо морфологической имеет место открытие ассоциативно-звуковой валентности, что соотносит этот композит с таким междоуметным образованием, как *трулала*, а по форме и по негативному (неэкологичному) контенту данный бленд соотносится с блендом *злобр*. В этом слове также на первом месте даётся первая форма *зло*, но в отличие от *хулала* смысловый вектор этого бленда меняется в зависимости от интонации и ударения (ср.: *злобр* vs *злобр*). Кроме того, слово *хулала* является аффективом, т. е. в его семантике превалирует эмоциональный компонент, что и обуславливает бесконечность интерпретации энергично-смыслового потенциала данного образования. Под энергетическим потенциалом семантики мы понимаем кинетику (движение) процесса понимания-мышления, по Г.П. Щедровицкому, что и позволяет адресату трансформировать выпущенный на него «эмоциональный пар» либо в лед (прекращение общения), либо в воду (положительная реакция на отрицательный стимул). Если обратить внимание собственно на переход воды из газообразного состояния в жидкое или твердое, то становится понятной необходимость понижения температуры. Данный физический процесс позволяет глубже осознать природу регуляции негативной тональности общения, когда на активное эмоциональное переживание (что зачастую связано с выражением актуального состояния / отношения в неприличной форме – высокая температура эмоций) нужно отреагировать сдержанно, толерантно, т. е. выбрать адекватный градус общения, который будет комфортным для дальнейшей коммуникации.

Для обоснования постулируемых тезисов обратимся к достаточно противоречивой концепции шизореальности В.П. Руднева. Автор по-

лагает, что за условностью знаков, используемых для категоризации действительности, стоит проблема принципиальной непостижимости реальности, которую представители разных языковых общностей видят по-разному, но всегда ошибочно. С позиции шизореальности мир, преломленный нашим языком, является иллюзорным, вымышленным. Истина скрыта от человека при уверенности каждого в реальности нереальной действительности. Именно поэтому «человек, который говорит про копы, что это кошка, гораздо умнее того, который называет это копьём» [Руднев, 2011, с. 8]. В работах А.Р. Лурии рассмотрена, в том числе, проблема слова как особой формы отражения действительности, основным положением которой является то, что «у человека, владеющего языком, удваивается мир. <...> Человек имеет двойной мир, в который входит и мир непосредственно переживаемый, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами». В результате человек получает возможность управлять этим миром, произвольно называя эти образы вне зависимости от их реального наличия [Лурия, 1979, с. 37]. Как следствие, языковая категоризация реальности только усиливает ее кажимость.

Если окружающая нас действительность есть вымысел, то семантика ничем не ограничена. Особенно это значимо для коммуникации, в которую «прорывается» данная семантическая потенция к амбивалентности. Отсюда множественность семантики миров. Поэтому абсолютно прав Ж. Лакан, утверждающий, что обращенная к возлюбленному (-ой) фраза *Уходи!* означает *Вернись!* (цит. по: [Larue-Tondeur, 2009, с. 22]). Подобная идея четко прослеживается в пьесе К. Каррера «Терраса»: <...> *on ne peut plus croire à ce que disent les gens. On vous dit oui, et ce n'est pas oui. Le langage ne joue plus son rôle. On ne peut plus lui faire confiance. Et pourtant les gens continuent de parler ça, c'est grave. – <...> нельзя более верить тому, что говорят люди. Вам скажут да, но это не да. Язык больше не играет своей роли. Ему нельзя доверять. Важно, что при этом люди продолжают говорить.* Отсюда всё общение проводится на смыслах и их конкретизаторах различной аппроксимации у каждого говорящего, и, соответственно, различны объёмы недопонимания друг друга за счёт их различной семантической компетенции. Люди никогда не будут понимать друг друга до конца. И в этом трагедия вербальной коммуникации: теловая и мыслительная более точны. Однако они ещё очень слабо изучены, особенно коммуникация мыслями.

Из условности языка происходит естественное несовершенство отражения действительности наряду с идеальностью ее интерпретации. Данное противоречие и обуславливает, на наш взгляд, возможность с

помощью одной лексической единицы выражать различные, даже противоположные, грани одного и того же понятия. Кажется, что такая неоднозначность противоречит постулатам коммуникации, где указывается на непрременную необходимость точности и ясности речи. Два последних требования входят и в понятие «культура речи», и в понятие «экология речи». Однако это и многоголосие, полифоничность дискурса, что маркирует новый качественный этап развития коммуникативной личности, на который косвенные указания имеются, например, у О. Де Бальзака: *Voilà mon cœur bien complet, j'y sens une haine profonde et un profond amour. – И вот мое сердце наполнено: я чувствую и глубокую ненависть, и бесконечную любовь.*

По причине принципиальной нереальности языковой концептуализации действительности слову свойственна и такая особенность, как референциальная неопределенность [Боронин, Сологуб, 2010, с. 156], поскольку за употребленным словом (его прямыми и переносными значениями, лексикографическими пометами) стоит говорящий и ситуация общения, прежде всего эмоциональная, что может стать средством реализации скрытой амбивалентности семантики любой лексической единицы, преобразуя последнюю в эмоционально-смысловом плане, но сохраняя ее форму и содержание. Как это было показано выше на примере слова *хулала*, в семантике которого сталкиваются и смешиваются два противоположных оценочных вектора, направление последнего определяет именно коммуникативная эмоциональная ситуация. К примеру, в большинстве толковых и энциклопедических словарей слово *человек* является нейтральным, на что указывает отсутствие соответствующих лексикографических помет. Однако как объяснить тот факт, что в одной ситуации данная лексема может становиться положительным эмотивом (*Ты – человек; Человек – это звучит гордо*) и выражать кластер эмоций с центром 'восхищение', а в другой – отрицательным, уничижительным (*Эй, человек!*).

Кажется недостаточным объяснять это только лишь влиянием контекста, поскольку известно, что в семантике любого слова присутствуют семы 'эмоция' и 'оценка'. Поэтому ситуация выступает конкретизатором этих сем, преобразуя слово из нейтрального в эмоционально-оценочное. И в таком случае имеет место сочетание не двух слов (*мерзкий человек*), а двух семиотических образований: коммуникативной ситуации и слова.

На современном этапе развития теории языка большинство учёных склоняются к мнению, что наступила эпоха новой парадигмы языкознания – объяснительной. Однако объяснять такое сложное образование, как язык, и его функционирование в напряжённых психологиче-

ских ситуациях очень сложно: не выработаны параметры, методология, методы, приёмы и методики объяснений. Тем более что объяснение должно быть аргументированным, а проблема аргументации разрабатывается робко и несистемно.

Декодированию амбивалентной смысловой составляющей слова благоприятствуют условия креативного общения, в рамках которого и удаётся распознавать тонкие смысловые конкретизаторы, закреплённые в семантике особых слов. Например, кинетику понимания и мышления активируют такие слова, как *любошь* (М.Н. Эпштейн) или *адорай* (С. Касьяненко) и *злобр* (М.Н. Эпштейн), где содержательная двуплановость сочетается с формальной. Но наряду с «особыми словами» (слово *хулала* и ему подобные), смысловое наполнение которых продолжает оставаться наиболее гибким, поскольку ещё не установлена (и вряд ли это возможно) четкая связь между формой и содержанием, семантика любого слова (и прежде всего эмотивного) динамична. Как следствие, если всеми членами данного языкового сообщества однозначно определяется отрицательная эмоционально-смысловая компонента некоторой лексической единицы, то в семантике последней возникает неравновесное состояние. Способом преодоления такого рода дисбаланса становится ситуативная трансформация отрицательного эмотива в положительный, когда говорящему, к примеру, удаётся декодировать положительный вектор семантики словосочетания *cœur de cristal* (букв.: *иметь хрустальное сердце*), которое наряду с устойчивым значением *быть искренним* во французском языке может выполнять превентивную функцию: *сердце из хрусталя не только чистое, но и хрупкое*.

Г.А. Глотова выделила несколько семиотических функций взаимодействия человека с другими людьми, среди которых особое внимание нужно обратить на следующие: *относиться к другому человеку как к знаку и относиться к самому себе как к знаку* [Глотова, 1990, с. 31]. (Коммуникология на основании многовекового опыта человеческого общения уже не сомневается в том, что каждый человек ждёт уважения и доброго отношения. Главное – не обижать человека, как бы он плох ни был, как бы он тебя ни задел.) Эти функции должны восприниматься как постулаты эффективного общения, когда осознание человеком того, что он сам является сложным семиотическим образованием, позволит ему отказаться от однотипных моделей поведения по принципу ‘отрицательный стимул – отрицательная реакция’. Конечно, коммуникативная реализация данного семантического потенциала должна представлять двунаправленный равноценный обмен, что и

приведет к созданию альтернативного мира общения на фоне мира конвенционального [Боронин, Сологуб, 2010, с. 151]. Возникает полиреальность, в которой обоим коммуникантам легче найти общую точку опоры для конструктивного и эффективного преодоления конфликтной ситуации (поиск общего эмоционального центра, единой или почти единой эмоциональной волны).

Нельзя забывать, что выбор одного знака продиктован влиянием другого знака, когда ситуация конфликта и «усвоенная» модель поведения в ней стимулируют, мотивируют говорящего использовать бранную лексику. Позиция же слушающего должна быть диаметрально противоположной: увидеть данную неосознанность в действиях говорящего, отразить исходящий от него отрицательный эмоционально-смысловой заряд и осознанно поменять его на положительный (правило Полишинеля). При условии отсутствия последующей позитивной реакции коммуникативного партнера в ответ на произведенное усилие по амортизации конфликта имеются все основания полагать, что говорящий действительно намерен оскорблять Другого. Благоприятное решение данной проблемы маловероятно. Однако вероятность моментальной регулятивной реакции (отрицательный стимул – положительная реакция) возможна только при условии высокого развития эмоциональной компетенции адресата, достаточного уровня близости коммуникантов. Поэтому можно говорить и об отсроченной регулятивности, когда именно следующая за ссорой рефлексия адресата о причине, побудившей адресанта оскорбить его, позволит увидеть актуальное противоречие между семиотикой и семантикой оскорбления. Рассмотрим следующий фрагмент из романа «День денег» А. Слаповского, где представлен разговор двух возлюбленных:

– Но только что...

– Только что было без пятнадцати, а сейчас без десяти! Бежит время!

– Убил бы тебя! – сказал он.

– Вот в это верю. А остальное выдумки, Пал Палыч. В вас все – выдумки. А жаль, человек-то вы, в принципе, хороший. И любить вас можно. Кто-то даже прямо до смерти полюбит, я вполне могу представить. Ох, не завидую ей!

– Почему?

– Потому что вы хоть замечательный, но тухлый. Впрочем, все тухлые, – тут же успокоила Мила Парфенова.

– Мразь. Сучка мелкая. Подстилка богемная.

– У вас богатый словарный запас. Вы поэт в душе, я всегда это знала. Но вы поэт в себе убили. Зачем?

В данном фрагменте в образе девушки при всей кажущейся циничности внимание автора уделяется и причине ее душевной черствости – разочарованность и недоверие к окружающим. Как следствие, она ни от кого ничего не ждет, т. е. образ Другого для нее не имеет никакого значения. Поэтому ее реакции на оскорбительные по форме высказывания сглаживают получаемые удары. Предваряло же данный диалог предложение мужчины возобновить прекращенные отношения (*Уж кого я в жизни любил, если честно, то тебя*). Это не может убедить девушку, что и приводит молодого человека в бешенство. Мы видим успешную нейтрализацию отрицательной тональности общения, когда обескураженный мужчина покидает дом героини. Однако подобная реакция девушки есть не более чем автоматизм, выработанный как реакция на предательство самых близких людей. Она просто не готова или боится снова сделать ошибку. Героиня осознает, что ею отвергнут тот, кто действительно любил ее, и пережить это она уже не в силах: *А Мила полежала, доела яблоко, встала, налила стакан воды, потом достала давно на этот случай припасенный пузырек с таблетками. Она высыпала таблетки на ладонь и горстями забрасывала в рот <...>*.

Из рассмотренного примера вытекают два важных принципа регуляции отрицательной тональности общения: 1) адресат, сглаживающий негативный стимул, заинтересован в мене тональности общения, что свидетельствует о недопустимости трактовки такого рода поведения как равнодушия; 2) адресат, сглаживающий негативный стимул, прикладывает усилия для этого и требует аналогичных устремлений от адресанта. Если таковые не имеют места, то тактика регуляции безуспешна, а это значит, что намерение адресата адекватно понято не было. Именно поэтому нужно еще раз сфокусировать внимание на полифоничности коммуникации, когда каждый из партнеров должен уметь играть на разных инструментах, когда грохот барабана может сменить мелодия флейты.

Нетрудно и выделить признак, по которому можно определять намерение коммуникантов вскрыть амбивалентный потенциал семантики слова, реализовав его в речи с целью регуляции тональности общения – это двуплановость и противоречивость действий коммуникантов (например, признание в любви и последующее оскорбление или равнодушие и последующий суицид). В реальной коммуникации данный семантический потенциал активизирует не столько актуальная ситуация *здесь и сейчас*, сколько фон, на котором она разворачивается. Этим фоном выступает опыт общения и, несомненно, некогда позитивные взаимоотношения.

Возникает новая проблема: как можно и можно ли вообще побороть эгоцентричную природу человека, чтобы он, в ущерб собственному успокоению, был способен независимо от ситуации стремиться к позитивизации общения. Бесспорно, подобное устремление неприемлемо к любой ситуации с любыми коммуникативными партнерами. Однако если рассматривать ситуацию ссоры в семейной паре или между хорошими знакомыми, понимание того, что оба коммуниканта хотя конструктивно преодолеть конфликт, становится более очевидным, чем в ситуации ссоры между незнакомыми людьми. Это не отрицает использования одним из участников бранной лексики. И уже от компетенции адресата зависит, сможет ли он сдержанно отреагировать на такое поведение адресанта. Слушающий может за оскорбительной и обидной формой увидеть психологическое состояние говорящего, который поддался воздействию на него аффекта и намерен как можно скорее прекратить данное взаимодействие, относя коммуникативно-го партнера к табуированной группе «чужих» посредством использования табуированной лексики. Однако за оскорблением нужно видеть не факт, а средство: это маркер пика коммуникативной эмоциональной ситуации ссоры, что зачастую становится точкой невозврата, языковым проявлением смешанных, склеенных, диффузирующих переживаний в момент конфликта. Отсюда возможны следующие фразы: «Я люблю и ненавижу тебя!», что наглядно лексикографически отражено в немецком языке в слове *Hassliebe*, чего, насколько мне известно, не существует в других языках.

В исследовании А. Стиббе внимание сконцентрировано на проблемах переоценки ценностей, изменения мировоззрения, вызванных излечением от смертельных болезней. Выздоровевшие пациенты утверждали, что теперь их видение мира и себя в нем кардинально изменилось, когда их подготовка ко «второй точке невозврата» (*preparing, then, for the second point of no return*) будет сопровождаться отличными от совершенных ранее поступками и новыми целями [Stibbe]. В таких ситуациях иногда происходит почти полная переоценка ценностей, самого себя и всего своего окружения. Это ещё раз доказывает, что все миры динамичны: и концептуальный, и семантический, и лексический, и реальный vs лингвистический.

А.Ф. Лосев показал, что смысловые валентности слова безграничны по причине нелимитированности действительности и мышления. Еще более усложняет взаимодействие триады «язык – действительность – мышление» положение об условности языкового знака, который и задает концептуализацию действительности. На сегодняшний день можно с уверенностью констатировать, что современные СМИ ру-

ководствуются только одной целью – прибылью. Средством достижения последней стало воздействие на инстинкты аудитории. Такая особенность печатных изданий и телевидения проявляется в планомерной агрессивизации человека, воспитании в нем культа страха, что провоцирует естественное желание его преодолеть, выражающееся в культивации ненависти и вражды к окружающим, но в первую очередь – к самому себе. Отсюда всё более распространяющееся мнение «Чем дольше живу, тем меньше мне хочется говорить с людьми». Не отрицается и тот факт, что язык СМИ переполнен сниженной и бранной лексикой, что обедняет и угнетает речевое пространство носителей языка, а значит, их видение мира и мышление. Ч. Бауэрс [Bowers, 2007] метко обозначил подобное психоэмоциональное состояние человека как *сознание Титаника (Titanic mind-set)*, когда общей культуре пришла на смену индустриальная, пропагандирующая сомнительные приоритеты, что вызвало «коллективную близорукость» человеческого сообщества, представители которого не осознают всей опасности столь небрежного и пренебрежительного отношения к своему языку (возник даже термин *лингвицид*).

Таким образом, в семантике любого слова заложен амбивалентный эмоционально-смысловой потенциал, который, в частности, может выполнять функцию регуляции негативной коммуникативной тональности, когда на отрицательный стимул дается положительная реакция, а в высказывании, содержащем бранную лексику, ощущается не намерение говорящего оскорбить адресата и отдалиться от него, а стать к нему ближе и приукрасить свою речь. Посредством окказионализма *хулала* (и ему подобных) в данном разделе книги предпринята попытка показать такую особенность семантики, как ее амбивалентность / поливалентность. Это не значит, что только индивидуально-авторские образования обладают данной характеристикой. Напротив, любое слово содержит в себе и вектор гармонизации, и вектор деструкции общения. В этом случае возникает правомерный вопрос о том, является ли анализируемая характеристика достоянием семантики слова или же она приобретает из ситуации употребления лексической единицы. Приведённые примеры показывают, что ситуация реализует данную потенцию, когда семантический признак ‘эмоция’ получает свою конкретизацию в форме любви, радости, ненависти, отвращения и др. Полагаю, что конкретизатор не является предельным таксоном смыслового содержания слова. При дефиниционно-таксономическом анализе можно выделить вначале поверхностный конкретизатор, потом глубинный и последующие. Скорее всего, такое членение не имеет предела и соответствует бесчисленным нюансам ситуативного общения человека. От-

сюда и сложность определения его эффективности для обеих сторон, и только лингвистика может докопаться до глубин разного семантического уровня. Такая кажущаяся противоречивость есть средство эмотивной экологизации общения, среди препятствий для которой можно выделить эгоцентричность человека, отказывающегося воспринимать Другого как знак, а также планомерное воздействие средств массовой информации на коллективное сознание, ослабляющее человека, что превращает его из *Homo Sapiens* в *Homo Debilis*.

§ 3. Лингвоэкология смешанных эмоций в речевом общении

*В иные мгновенья старое и новое,
боль и веселье, страх и радость
поразительно смешивались.
Я был то на небесах, то в аду,
чаще и тут и там одновременно.*

Г. Гессе. Степной волк

На современном этапе развития эмотивная лингвистика все более тяготеет к поиску прикладных аспектов применения накопленных знаний в области изучения языковой категоризации эмоций. Это выразилось, в частности, в использовании теоретико-практических разработок эмотиологии применительно к решению задач экологии языка и речи. Так, было предложено использовать эмотивную лингвистику в качестве методологической базы для решения практических задач лингвоэкологии [Эмотивная лингвоэкология..., 2013]. При этом эмотиология продолжает свое самостоятельное развитие, поскольку ее объект пронизывает абсолютно все сферы соприкосновения языка и действительности.

Эмоции и их языковая категоризация являются реактивными в своей основе, отражая тот или иной фрагмент материальной или нематериальной действительности. При этом один и тот же фрагмент действительности может вызывать противоположные оценочные эмоции даже у одного человека в зависимости, к примеру, от коммуникативной ситуации, психологического состояния говорящего и др. Такого рода наблюдения позволили прийти к выводу о принципиальной несводимости всех возможных интеракций в плане эмоциональной составляющей к моделям «отрицательный стимул – отрицательная реакция», «положительный стимул – положительная реакция». В то же время это дало возможность сделать заключение о флуктуативной природе эмотивно-

го компонента семантики, т. е. ее гибкости и подвижности. В ходе наблюдений за частными случаями эмотивной динамики слова / ФЕ внимание привлекает феномен смешанных эмоций. Следует отметить, что в лингвистике этому понятию должного исследовательского внимания не уделялось. Исключение, по нашим данным, составляет только научная работа М.А. Варзаевой, в которой смешанные эмоции являются предметом исследования, но только в литературоведческом ключе на примере творчества В.А. Жуковского [Варзаева, 2012, 2013а, 2013б]. Приведем примеры того, как в художественной литературе категоризируются смешанные эмоции, чтобы обозначить проблемное поле и в последующем попытаться выделить конститутивные признаки, отличающие смешанные эмоции от схожих с ними по структурным и функциональным аспектам эмоциональных переживаний: *И охваченный внезапным порывом, он бросился было на помощь друзьям; остановился, колеблясь, устыженно шагнул вперед, снова замялся и так стоял в муке стыда и боязни – без него ведь их убьют, а если присоединится, самого его убить могут* (О. Хаксли. О дивный новый мир), см. также эпиграф – цитата из Г. Гессе. Из приведенных примеров видно, что основу смешанных эмоций может составлять процесс объединения разнооценочных эмоций. Об этом свидетельствует и анализ синонимов смешанных эмоций, например, во французском языке: *mixtes, contradictoires, opposées* (смешанные, противоречивые, противоположные). Однако, кроме разнооценочных эмоций, основу смешанных эмоций могут составлять однооценочные эмоции, отличающиеся своей активностью или интенсивностью, например: *...Гнев вскипел в нем. Яростное горе, которому вот уже дважды помешали излиться слезами, обратилось в горестную ярость* (О. Хаксли. О дивный новый мир). Другим ярким примером смешения эмоций в определённой КЭС является дескрипция «холодная ярость» по Б. Акунину: *Холодная ярость – это когда внутри всё клопочет и обжигает, а голова беспощадно ясна и по телу – мураши, как будто от озноба* («Пелагия и чёрный монах»). Ещё одним примером смешанных эмоций являются: благородный гнев / ярость, одновременные переживания жалости, ненависти, зависти, любви, гнева; лютость – весь кластер негативных эмоций, жгучая ненависть, беспощадная любовь.

Смешанные эмоции представляют собой соединение в целое либо разнооценочных переживаний, представляющих собой контрарные понятия (любовь и ненависть, радость и печаль и др.), либо разнооценочных, но не контрарных (любовь и грусть), либо однооценочных, но отличающихся интенсивностью эмоций (горе как отрицатель-

ное пассивное эмоциональное переживание и ярость как отрицательная активная эмоция). Исследуемые эмоциональные переживания представляют собой целое, которое больше суммы его частей, что и отличает его от обычных словосочетаний, объединяющих номинации эмоций. Однако это не объединение данных номинаций, а создание нового понятия. На каком же принципе возникает это новое понятие и какой семантический механизм лежит в основе языковой категоризации смешанных эмоций? Если изобразить этот процесс с помощью кругов Эйлера, то смешанная эмотивность имеет следующую структуру: сферой А условно обозначено родовое понятие («Я испытываю смешанные эмоции»), а сферы В и С, представляющие собой номинации эмоциональных переживаний (любовь и ненависть), соединяются с гиперонимом на основе семы ‘эмоция’; при этом данная связь между видовыми понятиями опосредована родовым, что изображено в форме пересекающихся окружностей В и С. Однако это не исключает представления о подобном объединении как о целом, неделимом объекте. Рассмотрим основные типы смешанных эмоций:

– по способу категоризации выделяются: номинация: *Sa mère, sous le choc d'émotions contradictoires, accourt à son chevet. – Ego мать, испытывая смешанные эмоции, прибежала к изголовью* (здесь и далее перевод А. Штебы) (Le monde. 2012. 9 сент.), дескрипция: *J'éprouve à leur égard toutes sortes d'émotions: passion, déception, amour à nouveau. – К ним я испытываю различные эмоции: страсть, разочарование и снова любовь* (Le monde. 2013. 10 апр.), номинация и дескрипция: *Реконструированные в Театре ОКОЛО, это время и это место вызывают смешанные чувства – стыда и гордости, сожаления и ностальгии, тоски и умиления* (Театральная жизнь. 2004. 28 июня). Интересно, что в отличие от традиционного понимания названной эмоции как эмоции осознанной, а не актуально переживаемой (по К.А. Долину), смешанные эмоции, представляющие собой отклонение от нормы уже в своей конститутивной основе, бросающие вызов конвенции, нарушают и традиционный подход к языковой категоризации эмоций. Так, для описания эмоционального состояния номинацией выступают не случаи именованной эмоции (радость, печаль, ненависть и т. д.), а случаи использования словосочетания «смешанные эмоции». При этом дескрипция являет собой конкретизацию данного словосочетания посредством перечисления имен актуальных доминантных эмоций, одновременно испытываемых говорящим (а не описание эмоции, например, страха через бледность, тремор и т. д.). Таким образом, имена эмоций становятся при выражении «смешанных чувств» средством их описания;

– по характеру эмоциональной оценки выделяются: амбивалентные: *Toutes se présentent comme un curieux mélange de grandes émotions contradictoires: joies intenses et angoisses existentielles, émerveillement et dégoût devant le corps féminin transformé.* – *Его эмоции принимают форму интересного сочетания противоречивых переживаний: сильная радость и экзистенциальная тоска, восхищение и отвращение, вызванные изменившимся женским телом* (Le monde. 2012. 19 июня) и поливалентные смешанные эмоции, при образовании которых объединяются разнооценочные эмоции, не представляющие собой контрарных понятий: *Без стука входит восхитительная женщина. Это она. Она мягко отстраняет руки, сжимающие ее в объятиях. Брюнетка ли, шатенка, я не помню. Молодая. Сияющие глаза, в которых слились вместе томность, отчаяние, утонченность, жестокость* (А. Бретон. Надя); *J'aurais été déçue. En colère. Triste. Mais je n'aurais rien fait.* – *Я могла бы быть разочарованной. Разгневанной. Печальной. Но при этом я бы ничего не сделала* (А. Nothomb. Stupeur et tremblements). В данном случае мы имеем пример не смешения, а кластера эмоций, т. е. эмоций одной зоны, разнотемных и реализуемых не одновременно. Однако даже в случае кластерности или очерёдности в силу своих ассоциативных и семанτικο-психологических связей эмоции никогда не бывают одновалентными. Особого внимания заслуживают случаи языковой объективации именно амбивалентных смешанных эмоций, потому что они наиболее рекуррентны в бытовой коммуникации. Замечу, что проблема двойственности семантики, в том числе эмотивной, не перестает привлекать внимание исследователей своей феноменальностью, противоречивостью и идеальностью. Так, Б.Ю. Норман, рассматривая процесс антонимии в речемыслительной деятельности, пишет, что антонимы представляют собой незримый, но постоянный фон, на котором по принципу логического отталкивания происходит выбор слова. Если во внешнюю речь поступают оба конкурента, то это только придает тексту дополнительную организованность и риторическую выразительность [Норман, 2011]. Этим и привлекательны проблемы антонимии и энантиосемии, поскольку в них порядок создан из хаоса объединения двух противоположных начал, занимающих крайние точки на условной шкале пространственных или временных отношений, шкале оценки и т. д.

Далее проанализируем суггестивный потенциал выражения смешанных эмоций в коммуникации. Естественно, что неопределенность, возникающая вследствие одновременного выражения говорящим разнооценочных эмоций, вызывает коммуникативные трудности при декодировании намерения адресанта. Смешанные эмоции являются ма-

нипулятивным приемом скрытого воздействия на адресата, предвосхищающим возможную негативную реакцию собеседника: смешанные эмоции содержат в себе два противоположных оценочных вектора и, в отличие, например, от высказывания *я тебя ненавижу*, направлены на конструктивное взаимодействие. Выражение смешанных эмоций (*я тебя и ненавижу, и люблю*) предполагает такие условия, как искренность говорящего (номинаруя два противоположных эмоциональных полюса, оба из них соответствуют ситуативной действительности, т. е. реальному эмоциональному отношению говорящего к собеседнику в данный момент); экспликацию смешанных эмоций сопровождает эффект исповедальности, которым говорящий привлекает собеседника к поиску выхода из сложившейся ситуации, ставшей причиной двойственности эмоций. Слушающий отдает себе отчет в искренности коммуникативного партнера; исповедальность собеседника вызывает интерес слушающего и ориентирует его на конструктивное взаимодействие. В результате говорящий добивается согласия собеседника, как минимум, с одной частью выраженных им смешанных эмоций, что составляет общую координату последующего кооперативного диалогического общения (исключение составляют так называемые эпатажные исповеди артистов по ТВ; такие исповеди по своим мотивам являются самопиаром). Это утверждение не касается однооценочных эмоций разной степени интенсивности, таких, например, как раздражение, злость, ярость, входящих в кластер эмоций группы гнева. Как показывает анализ многочисленных КЭС, интенцией говорящего, выражающего смешанные эмоции, является попытка установления с собеседником общего контекста, комфортного для общения (учтены обе позиции, поскольку выражены амбивалентные эмоции). Таким образом, существование смешанных эмоций маркирует собой определенную ступень развития рефлексии сферы эмоционального – это путь к созданию целостного двойственного (и не только) эмоционального переживания. С точки зрения современного уровня знаний эмотиологии, смешанные эмоции представляют собой некую усложнённую модель амбивалентной природы эмоционального, поскольку имеет место явное указание на двойственность или множественность одновременно переживания эмоций и их дескрипции.

Основываясь на принципе зависимости экологичности / неэкологичности коммуникации от эмоциональной оценки и тональности общения (правда, не прямой), следует отметить, что смешанные эмоции являют собой некий лингвоэкологический эталон, если речь идет о контрарных понятиях, объединяемых номинацией «смешанные эмоции». И этот факт затрудняет адекватное общение, ибо, повторю, прагмати-

ка говорящего не совпадает с прагматикой слушающего, тем более в области коммуникации эмоций. Это также затрудняет достижение кооперативности общения.

Только некоторые ситуации кооперативного общения могут характеризоваться как экологичные. Это не означает, что конфликтогенный потенциал коммуникации снижен до нуля или разного рода «неэкологичная лексика» в ней употреблена не будет. Анализ эмотивной составляющей общения позволяет получить доступ к намерению собеседников. Если же доминантной интенцией является ориентация на Другого, стремление к диалогу, желание быть услышанным и услышать Другое сознание, то такое общение а priori экологично.

Среди различных типов некооперативного общения выделяется использование одного и того же неэкологичного номена, например, аперлатив *Сволочь!* в устах одного и того же говорящего в одной и той же синтаксической структуре, но применительно к разным адресатам и, соответственно, с полярной семантикой. Приведу пример из повести Б. Акунина «Креативщик», когда женщина, забиравшая ребенка из детского сада, позвонила своему мужу и в ходе краткого разговора с ним назвала его в прямом обращении сволочью (*Какая же ты сволочь!*). А через несколько минут в ответ на реплику сопровождавшего ее долгое время незнакомца-креативщика эта женщина ответила той же самой фразой (*Какая же ты сволочь!*). Но, как пишет Б. Акунин, в первом случае – интонация любовная, нежная, ласковая, а в обращении к незнакомцу это слово было произнесено с ненавистью и негодованием. Таким образом, внутри семантики одного и того же слова гнездятся противоположные эмоциональные смыслы, реализуемые раздельно, применительно к ситуации некооперативного общения. Однако внутри слова эта эмоциональная семантика смешана. Кодированно данное слово принадлежит к негативной зоне эмоций, ситуативно оно может быть отнесено к положительной зоне эмоций. Это не просто амбивалентность, а именно разновидность смешанности эмоций, заложенной в коммуникативно значимых единицах общения: кооперативного / некооперативного, а значит, экологичного / неэкологичного.

В заключение подчеркну, что категоризация смешанных эмоций включает в себя амбивалентные, поливалентные, кластерные, однооценочные, но с разной степенью интенсивности, контрадикторные (столкновение кластеров), диффузирующие и склеенные. Предполагаю, что это далеко не полный перечень типов смешанных эмоций.

Часть III

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЭМОТИВНОЙ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

Глава 1. ЭКОЛОГИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

§ 1. Эмоции в языке: экологический аспект

*Без человеческих эмоций никогда не бывало,
нет и быть не может
человеческого искания истины.*

В.И. Ленин

Среди многочисленных функций языка всё чаще упоминается его терапевтическая функция. Выше я уже приводил анализ С.И. Маджаевой записей общения врача с пациентом, в котором были экспериментально установлены факты неадекватных для коммуникативных ситуаций стилей общения врачей с пациентами, что приводит к частым нарушениям заповеди Гипократа «Не навреди» [Маджаева, 2012].

Терапевтическая функция языка всё больше и больше привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Но эта функция реализуется не только в институциональном общении «врач – пациент». Она всеобъемлюща для современной как горизонтальной, так и вертикальной (институциональной) коммуникации: бытовое общение равных по социальной лестнице людей (их общение друг с другом) и общение людей, находящихся на разных ступенях этой лестницы (общение «власть – народ»). Оба эти типа общения могут создавать эмоциональные конфликтные ситуации, своей негативной энергетикой провоцирующие негативные эмоции у одной или обеих коммуницирующих сторон. Конфликтообразующим может быть любое слово, сказанное не вовремя, не тому человеку, не в той ситуации, не с той интонацией, с неправильно сориентированной инициальной / терминальной интенцией.

Всем известны подобные случаи, т. к. каждый из нас наблюдал такой неожиданный конфликтообразующий эффект сказанного слова. Нередко такое слово приводило к порче настроения и негативным ощущениям. Поэтому естественно, что лингвисты первыми стали говорить о **здоровьесохраняющей функции языка**.

В связи с расширением применения термина «экология» в различных сферах жизнедеятельности человека и общества становится воз-

можно говорить об «экологизации» современной науки, в том числе человековедения и лингвистики. На это также указывает и расширение семантики термина «этология», и вычленение ещё одной функции языка – **этологической**, которая тесно связана с экологической и эстетической.

Этология как наука изначально имела объектом своего изучения природу инстинкта, его влияние на социальное поведение животных, их общение друг с другом, механизмы сдерживания внутривидовой агрессии. Со второй половины XX в. появилась «человеческая этология», т. к. у этой науки возник новый объект – поведение человека, поэтому семантика термина «этология» расширилась и стало возможным говорить об этологической функции языка как одной из важнейших составляющих человеческого организма, благодаря которой человек является социальным животным, общается с себе подобными.

Так, А. Киклевич среди различных функций языка как его экологическую перспективу вычленяет этологическую функцию, которой он не даёт чёткого определения, но из его рассуждений становится очевидной взаимосвязь между этими двумя функциями: экологической и этологической [Kiklewicz, 2008, с. 35–36]. Их объединяет оптимизация прагматики человеческого общения в широком смысле, а следовательно, стремление избежать разного рода коммуникативных неудач, прежде всего – конфликтов. Продолжая мысль этого автора, напомним, что значения слов находятся не в словаре, а в головах коммуникантов, и у каждого из них своя прагматика одного и того же слова. Общеизвестно, что существует прагматика говорящего (начальная интенция) и прагматика слушающего (терминальная интенция), неконгруэнтность которых мешает оптимизации общения. С целью их оптимизации необходимо включение такого механизма, как эмоциональный тыюнинг, ибо прежде всего неконгруэнтная прагматика вызывает эмоциональный диссонанс, некооперативность и неуспешность коммуникативного события [Шаховский, 2008г]. Обе эти функции (этологическая и экологическая) основаны на биологической природе языка в его адаптивной функции и на эмоции как биологической основе сознания. Поэтому негативные эмоции (недовольство, раздражение, злость, ненависть, ярость и другие эмоции группы гнева), возникающие в процессе общения с неконгруэнтной прагматикой, являются здоровьеразрушающим фактором и причиной бытовых и социальных неурядиц во взаимоотношениях власти с людьми и людей друг с другом.

Анализ эмоционального и эмотивного человеческого общения в рамках многочисленных категориальных эмоциональных ситуаций с экологических позиций позволяет выделить параметры экологично-

сти / неэкологичности общения. Иногда эти параметры могут составлять дуальные антонимические пары, но чаще можно наблюдать, что параметры неэкологичного общения более дифференцированы, поскольку всё негативное получает в языке более детальную проработку и выражение.

По сути дела, каждый из параметров экологичного и неэкологичного общения служит основой для соответствующих экологичных / неэкологичных функций эмоций. Перечисленные в первой части данной книги позитивные параметры экологичности формируют позитивные / экологичные функции эмоций: терапевтическая / здоровьесохраняющая, этологическая, вежливости, кооперативная, эмпатическая, адресная, стилистическая, аттрактивная / фасцинативная, толерантно-ориентирующая, глористическая и гедонистическая. К неэкологичным относятся функции невежливости (в ее разновидностях), нетолерантности, неэтичности, некооперативности, антагонистичности, агональности, эгоцентричности, вульгарности, ксенофобии, выпренности, принудительности (эмоционального давления), диффамационная, акоммуникативная (в ее разновидностях) и др.

Такой перечень экологичных / неэкологичных функций эмоций, разумеется, является терминологически приблизительным, ибо дифференцированные названия, к сожалению, в эмотивной лингвоэкологии пока отсутствуют. Тем более что многие из них находятся друг с другом в различных отношениях внутри каждой из подгрупп (инклюзивном, аддитивном, переключивающемся, эксклюзивном). Как видно из названия, экологическая функция эмоций может быть недואльной, т. е. не иметь оппозиита. Данная проблема, несомненно, является перспективной и требует особого внимания лингвоэкологов.

Анализ терминопонятий, разработанных и запущенных в научный обиход А.П. Сковородниковым (о чем уже говорилось в первой части этой книги), а также теоретической литературы по данной проблеме [Пузырёв, 2008; Сердобинцева, 2008; Миловатский и др.] вновь подтверждает приведённый выше тезис о том, что всё негативное в языке более дифференцировано и потому слов с негативной оценкой в слове и речи значительно больше. Так, среди лингвоэкологических терминов большинство соотносится не с положительными, а с отрицательными процессами, происходящими с языком и ментосферой человека, страдающего от этого языка. Это объясняется также и многочисленными негативными фактами, событиями, явлениями в конкретном социуме и за его пределами.

Здоровьеразрушающие потенции языка получают реализацию практически в каждой сфере современной российской жизни: в ЖКХ, БТИ,

больницах, аптеках, полиции и др. В троллейбусах, офисах, больницах все друг друга учат, делают друг другу публичные замечания, с возмущением комментируют те или иные поступки («Объявляют остановку, а он спит!» – замешкавшемуся пассажиру), поправляют, одёргивают («Ты не один тут расселся!»; «Чего лезешь без очереди?!»; «Женщина, я вам тыщу раз объяснила, вашей карточки нет, ищите, где хотите, нам эта макулатура не нужна!» – пациенту в регистратуре); пресса (жёлтая – красная – чёрная – цветная) пестрит сплетнями, полнится слухами, клеветой, ложью, не гнушается анонимными и подмётными письмами; в тюрьмах, СИЗО, следственных комитетах, судах происходит выбивание нужных показаний у невиновных людей и др. (напр. х/ф «Капкан»). Особенно хамскими по отношению к налогоплательщикам являются объявления с угрозами, вымогательством со стороны управляющих компаний (см. примеры: [Ионова, Шаховский, 2014]). Всё это свидетельствует о том, что здоровьеразрушающая коммуникация охватывает всю нашу жизнь, все более и более укорачивает её. Очень часто это происходит в силу коммуникативной и экологической безграмотности людей, по неосторожности, но, по определению, у профессионалов от власти (юридической и коммуникативной) – политиков, следователей, прокуроров, судей, преподавателей, учителей, врачей, начальников и даже родителей – неосторожно сказанное слово имеет как бы утяжелённый вес неэкологичности. Как часто походя оброненное слово, повернувшись своей самой острой и ядовитой и потому ранящей частью к воспринимающей стороне, вонзается в эмоциональную «плоть» человека, колет, рвёт, давит на его психо-, эмо- и ментосферы, уничтожает весь положительный эмоциональный заряд человека, лишает его эмоциональных сил, иммунитета против предстоящих в течение дня неприятностей и уверенности в себе, т. е. фактически разрушает (частично или полностью) всю систему эмоциональной устойчивости против эмоциональных ударов, подсечек, вывихов и прочих травм, которые возможны в течение дня. Другими словами, все это приводит к эмоциональному выгоранию человека и нередко делает друзей врагами. Отсюда и такой термин, запущенный в СМИ, – *пятиминутка ненависти* и др. (см. прил. 2). Неосторожно сказанное, мимолётно оброненное матерью дочери перед важным для неё событием (экзаменом, встречей): «Переоденься, что за безвкусица!» (когда уже некогда что-либо менять) может надолго испортить настроение дочери, заставить ее сомневаться в себе, нервничать, поскольку мать с самого начала через свою энергетику как бы задаёт ей негативную установку на весь предстоящий день. И, следовательно, напрямую воздействует на ее эмоциональное и физическое здоровье.

Ещё одним примером не только неэкологичного, но и просто опасного для жизни поведения сразу многих людей может послужить поведение пассажиров в маршрутных такси. Раздражённые, торопящиеся пассажиры не учитывают целый ряд стрессовых для водителя ситуаций на дороге и взвинчивают его до крайней точки эмоционального накала. Не принимая во внимание напряжённое движение на скользкой / ухабистой / узкой / кривой / с ямами дороге, повсеместную грубость других водителей, пренебрегая как правами других, так и собственными обязанностями, количеством неосторожных пешеходов, плохой погодой, временем суток (когда водитель может быть уже очень усталым), требовательные пассажиры со злобным удовольствием накидываются с претензиями за проезд лишних 5 или 10 метров, на просьбу водителя погромче повторить название остановки и др. То, с каким настроением, в каком состоянии будет ещё целый день возить других людей (детей, стариков) этот же самый водитель, которому только что нагрубили, хлопнувших дверью уже мало интересует. Человек, которого только что оскорбили, вряд ли моментально может восстановить эмоциональное равновесие и сам начать канализацию негативных эмоций. Это как цепная реакция, ведущая к разбалансировке не одного, а сразу нескольких (многих) людей. Представляется, что бесчисленные кластеры и подкластеры эмоций группы гнева, с эмоциональной доминантой «раздражение», могли бы быть сняты, если бы люди были более внимательны и терпимы друг к другу и обладали экологической компетенцией в сдерживании своих негативных эмоций. Однако, как известно, легче быть нетолерантным. Люди отказываются идти навстречу друг другу, перестают искать и выстраивать единый эмоциональный центр, выпячивая свой эмоциональный индекс. Когда это происходит, у каждого человека проявляется собственный, индивидуальный эмоциональный центр, заряженный тензиональностью и раздражённостью. А это неотвратимо ведёт к их коммуникативному столкновению (конфликту), поскольку спокойное сосуществование отрицательно заряженных эмоциональных центров невозможно: люди начинают «бить друг друга током» и отталкиваться друг от друга. Всё это приводит к возникновению разного рода и степени тяжести психотравм и увечий от сказанного или несказанного слова.

Интенсификатором, повышающим неэкологичность современного коммуникативного пространства, являются отечественные и зарубежные СМИ. Вместо того, чтобы преподносить негативные явления, которые сами по себе вредоносны для ментального, психического здоровья человека, используя экологическую функцию языка, официаль-

ные СМИ так их вербально упаковывают, что вредоносными в эмоциональном плане становятся сами слова (см. часть IV).

Приметой нашего времени стало безраздельное доминирование в текстах СМИ слов, обозначающих отрицательные оценочные понятия (см.: [Шаховский, 2015 а, б]). Поскольку все эти понятия соотносятся с эмоциями, то становится очевидным, что через лексику журналисты моделируют в обществе соответствующие эмоциональные настроения: страх, подавленность, неуверенность в себе, что не способствует прогрессу и положительной динамике морального климата в стране. Граждане России получают от СМИ в основном эмоциональные удары (strikes), а не положительные поглаживания (strokes): *музейные кражи, взрывы в храмах, пожары в соборах, торговля детьми, торговля человеческими органами, отказ от детей, педофилия, серийные расстрелы, заказные убийства, массовые пищевые отравления и отравления спайсами, грабежи, самоубийства, детская беспризорность, детское рабство, идентификация фрагментов трупов, зачистки деревень (поселков, городов), точечные бомбёжки, нападения, обстрелы, повышение тарифов, рост цен, задолженность по зарплате, слияние вузов и колледжей, межнациональные, межконфессиональные и внутриконфессиональные конфликты, разжигание национальной розни, взяточничество, бунты в тюрьмах, аварии, разбойные нападения, пожары в шахтах (школах, вузах, детских интернатах)* и др.

Однако многофункциональность языка позволяет интерпретировать социокультурные контексты и в терминах позитивного доминирования, а его разнообразные коммуникативные и эмотивные варианты предоставляют возможность реализовать функцию глорификации (возвышения языком), чтобы исходящие от русского языка импульсы и рефлексы не были бесконечно негативными и не вели к бессознательной агрессии и разрушению психоэмоциональной сферы человека. Не зря в праздничные дни ЦТВ демонстрирует советские фильмы, иррадирующие на зрителя радостные настроения и приятные переживания. К такому же позитиву можно отнести телеканал «Культура» и спортивные каналы.

Подводя итоги, постараемся коротко ответить на вопрос, в чём актуальность проблемы экологичного общения. Повторим, неэкологичностью пропитаны практически все сферы современной российской жизни, поэтому возможно говорить о (не)экологичности коммуникации, а следовательно, о выделении коммуникативно-экологической функции языка. Эта функция условно распадается на собственно экологическую (здесь можно говорить о здоровьесохранении языка) и её

подвид – коммуникативную (собственно здоровьесохранение или охрана здоровья коммуникативной личности от разрушительного воздействия языка). Обобщённо это можно сформулировать так: в современной коммуникации необходимо осуществлять охрану как самого языка, так и охрану от него же.

Поскольку коммуникативно-экологическая функция языка тесно связана с эмотивной, представляется, что помимо развития общекультурной и речевой грамотности языковой личности необходимо существенное внимание уделять формированию её эмотивной и экологической компетенций как составляющих общекommunikативной. И если теоретические знания об экологии коммуникации и не обеспечат умения избегать коммуникативных сбоев, провалов, различного рода травм, то, возможно, они облегчат и ускорят поиск средств по их ликвидации, а также научат общающихся использовать терапевтические ресурсы Слова.

Однако одних теоретических знаний об экологичной коммуникации недостаточно, т. к. необходимы ещё соответствующие умения и навыки экологичного общения. Но, полагаю, что даже они вряд ли обеспечат избегание коммуникативных помех и провалов в общении. Для этого необходимо в систему образования вернуть тесно связанную с ним систему воспитания, в том числе экологическую. У всех коммуникантов конкретного социума должны быть единые правила коммуникации по аналогии с правилами дорожного движения. Каждый коммуникант должен владеть экологическим кодом общения.

§ 2. Экология коммуникативного пространства современной России: критический взгляд

Не мудри с немудрецами.

Пословица

Отношение к родному языку как великому, могучему, мудрому идет у каждого человека из детства, от первых колыбельных песен и сказок, семейных легенд, от осознанных и прочувствованных поэтических строк и тургеневского высказывания-манифеста о русском языке, от имен и названий, окружающих человека и создающих привычную среду его обитания. Все это и есть языковое пространство, формирующее как личность отдельного человека, так и культуру целых народов.

В этой связи совсем неожиданно прозвучало в одной из западных публикаций обвинение русских в лингвонарциссизме: «Если в части

“правдивый и свободный” тургеневская похвала русскому языку восходит к пушкинским словам о жрецах, независимых от земных властей <...>, то в части “великий, могучий” она следует богатой традиции лингвонарциссизма» [Петрова, 2004, с. 1–3]. Практика современной российской коммуникации, однако, показывает иное: мы недостаточно любим родной язык, мы его забываем, зачастую относимся к нему пренебрежительно. По моим наблюдениям, пространство русского языка заметно изменилось, сузилось, становится ущербным и негуманным, видны явные признаки насилия над языком, состоящие в порождении языковой плесени [Горбаневский, 2012, с. 18], языковых «болезней» [Сергеева, 2009, с. 15], языковых «вирусов», заметно распространяющихся по «телу» языка. Поэтому проблемы языковой экологии все чаще поднимаются в исследованиях филологов-лингвистов (см., напр.: [Экология языка и речи, 2012; Экология русского языка, 2008–2012]), обсуждаются на страницах интернет-изданий, на форумах и в блогах носителями языка, всеми, кого волнует эта проблема.

В связи с этим следует упомянуть, что по инициативе проф. А.П. Сквородникова в Красноярске с 2013 г. начал выпускаться сетевой журнал «Экология языка и коммуникативная практика». В этом журнале публикуются статьи на злободневные темы по этой проблеме. Проведена международная научно-практическая конференция по проблеме экологии языка и речи (коммуникативная практика). Этой же проблеме, но с акцентом на роль эмоций в модусах экологичности современного русского языка, была посвящена Всероссийская научная конференция в Волгограде в 2012 г. (см.: [Эмотивная лингвоэкология..., 2013]).

Обращает на себя внимание тот факт, что экологией стали заниматься и другие фундаментальные науки: психология, философия, педагогика и медицина. Правда, медицина давно уже обращает внимание на экологию языка в рамках своей этиологии с акцентом на проблему терапевтической функции языка в процессе лечения больного. Таким образом, проблема экологичности, повторю, экологичности, а не культуры языка / речи, получает все больше и больше внимания со стороны представителей самых различных научных парадигм, что указывает на ее актуальность и ее методологию.

В необходимости экологического подхода к оценке состояния современного языка убеждает нас и ежедневное погружение в языковую стихию массовой коммуникации, которая сегодня во многом определяет стиль жизни, мыслей, эмоций и общения людей.

В своих ранних публикациях я уже обращал внимание коллег по цеху на явное доминирование лексики негативного содержания в современных СМИ, которую выбирают или порождают, а затем тира-

жируют медийные издания: *фальшивые имена, фальшивые валютчики, фальшивые продукты, фальшивая водка, фальшивые лекарства, массовые вспышки отравлений (питьевой водой, лекарствами, продуктами), криминалитет, бомбежка, банда, криминал, криминальная группировка, мэр-вор, губернатор-взяточник, фабрика звезд, однорукие бандиты, заказное убийство, сексуальные услуги, сексуальный маньяк, горячая точка, игорная мафия, организованная преступность, чиновничий беспредел* и др. *К ним сегодня добавились: «хорьки», бандерлоги* и др. (см. прил. 2).

Анализ словоупотребления в современной речи показывает, что на периферию лексики русского языка сместился целый пласт слов, обозначающих важнейшие понятия русской культуры, которые имеют длительную историю, вбирают в себя разные ее пласты, концептуализируют гуманистические представления о мире, накопленные человечеством: *сострадание, жалость, милосердие, сердоболние, участие, сочувствие, взаимопонимание, совесть, справедливость, радость, честь, стыд, стыдливость, добро, добродетель, уважительность* и др.

В христианском искусстве милосердие изображается в образе женщины, окруженной детьми, *либо* укачивающей ребенка, *либо* кормящей его. Она *часто* держит в руках *сердце* или *цветок*. Другими символами милосердия являются *ягненок, пеликан*, кормящий своих птенцов собственной кровью, *либо человек*, принимающий детей или ухаживающий за ними, а также *простой хитон* Христа [Агрессия ..., 2004]. Изгнание этого слова из нашего лексикона невольно заставляет задуматься о том, что содержание стоящих за ним образов больше не является ценностью для русского общества, вытеснено из нашей жизни вместе со словом.

Потеряли былое величие и возвышенность, а с ним частично и содержание слова *Родина, патриотизм, герой, гордость, человеческое достоинство, достижения, успехи, подвиг*. Их форма знакома носителям языка, но диапазон функционирования значительно уменьшился, их употребление автоматизируется, а содержание часто клишируется, превращаясь в коммуникативный штамп. Наглядным примером этого может служить ставшее крылатым высказывание, нередко используемое в адрес недобросовестных судей: *Ваша честь, где же Ваша честь?*, которое демонстрирует девальвацию слова *честь* в апеллятиве. Многие другие слова подвергаются процессу энантиосемизации. Так, слово *патриотизм*, ранее понимаемое как *любовь к родине, сокровенное чувство, находящееся глубоко в душе (подсознании), о чем судят не по словам, а по поступкам, преданность своему отечеству*, в современных контекстах чаще всего наполняется противоположным

содержанием, реализуемым в следующих контекстуальных употреблениях: «лжепатриотизм», «старая идеология», «последнее прибежище негодяя», «то же, что экстремизм» и т. д. Чтобы исправить сложившуюся ситуацию, государство, осознавшее такую дискредитацию семиотики формы *патриот*, *патриотизм*, решило создать *инкубатор патриотизма* (в терминах журналистов «Эха Москвы»). Имеются в виду планы создать центр специального патриотического воспитания. Идея представляется весьма интересной и полезной, но воспитывают не слова, а дела. Хотя, с другой стороны, и слово – тоже дело. Но расхождения между словом и делом в реальной жизни воспитуемых нужно свести к конгруэнтности, иначе такой центр будет только вредить формированию патриотизма.

За словами стоит картина мира говорящих, и стремительное сокращение оперативного лексикона, прежде всего позитивного, носителей русского языка свидетельствует о значительном сужении видения и понимания мира. При сохранении этой тенденции суженное пространство восприятия реальности может превратиться в щель, замочную скважину, в которую не смотрят на мир, а подсматривают за происходящим. В этом случае воспринимаемый мир будет не объективным, а всего лишь кажущимся, потому что это не тот случай, когда в капле воды отражается вся Вселенная [Семенова, 2006].

Академик Д.С. Лихачев, говоря о «чрезвычайных обстоятельствах», ведущих к сокращению и обеднению концептуального мира человека, еще полвека назад в своих работах поставил вопрос о витальной значимости слова в жизни человека. Приводя примеры изъятия из постоянного обращения текстов Библии, ученый демонстрировал процессы, приведшие к утрате в советское время важнейшего ценностного компонента сознания, а вместе с ним целого слоя исторических знаний и нравственных установок, характерных для русской православной культуры [Лихачев, 1997, с. 282]. С сожалением ученый отмечает большие потери, которые понесла русская культура в результате отмены изучения церковнославянского, долгое время служившего источником обогащения русского языка и сознания людей: многие церковнославянские слова, выражения и формы слов, оставшиеся в языковой компетенции современного носителя языка, будучи лишеными текстуального подкрепления и текстовых ассоциаций, перестали служить целям формирования концептосферы личности и зачастую воспринимаются как расхожие и лишённые должного смысла клише [Молодкин, Максимова, 2003, с. 283].

Действительно, обращение к истокам славянской культуры и истории языка во многом расширяет наши представления о природе исполь-

зуемых понятий, позволяет разграничить употребление ряда лексем, которые в нашей речи зачастую употребляются как паронимы или вовсе забыты: *денница* – ‘утренняя заря’, ‘падучая звезда’; *десница* – ‘правая рука’; *доброзачальный* – ‘красивый’; *дружина* – ‘товарищи’, ‘община’, ‘спутники’; *дряхла* – ‘печален’; *изрядный* – ‘превосходный’; *исповедати* – ‘приказать’, ‘рассказать’; *прелесть* – ‘обман’, ‘заблуждение’, ‘обольщение’, ‘дьявольские козни’; *пресловущий* – ‘знаменитый’, ‘прославленный’; *шиша* – ‘вор’, ‘бродяга’; *хытрец* – ‘художник’, ‘творец’. Например, обращение к глубинам слова позволяет вспомнить, что «управлять» значит *окармлиати*.

Сегодня процессы сужения оперативного лексикона стремительно развиваются, захватывая другие слои лексики родного языка. Язык эмоций также подвергается изменениям: шкала их имен становится все более асимметричной. Так, например, шкала для обозначения положительных эмоций (объективно и так менее развитая по сравнению со шкалой номинаций отрицательных эмоций в любом языке) становится еще ущербнее и короче в связи с утратой актуальности многих положительных эмоциональных понятий, их низкой востребованностью или полной невостребованностью в речи. При этом список обозначений негативных эмоций и их проявлений, и без того достаточно разветвленный в любом языке (*страх*, *враждебность*, *раздражение*, *отчаяние*, *гнев*, *печаль (грусть)*, *горе*, *отвращение*, *презрение*, *агрессия*, *ненависть*, *тревога* и др.), постоянно активно пополняется. Приметой нашего времени стало порождение все новых способов сокращения позитивного поля сознания, одним из которых является образование эмотивных оксюморонов – словесных мутантов *злоброе*, *исчадие добра*, *любовь-ненависть*, *hassliebe*, *убойная любовь*, *ужас восторга*, *достижение провала/неудачи*, *адорай* и т. д., вносящих в представления о позитивных чувствах негативный компонент, порождающая устойчивые коннотативные негативы (см. прил. 2).

Общеизвестно, что эмоции – ядро человеческой личности, и любые изменения в сфере эмоций преобразуют саму личность человека, смещают его эмоциональную доминанту. Отмеченные мной процессы в языке эмоций должны рассматриваться как индикаторы изменений в самом сознании человека, сигнализирующие о тенденции к значительному вытеснению из него сферы позитивного.

В результате преобразований, происходящих в языковом пространстве, изменяется характер эмоциональной коммуникации в межличностной, групповой и институциональной сферах. Все сложнее становится выражать свои позитивные чувства, но появляются все новые и новые средства для обозначения негативных эмоций и явлений, по-

рождения эмоционально отрицательных сообщений и целых текстов. В текстах современных СМИ, призванных выражать и формировать массовое сознание, безраздельно доминируют слова и выражения, обозначающие отрицательные оценочные понятия, порождаемые нашим временем (подробнее см. часть IV). Негативно заряженные слова образуют безрадостные и агрессивные тексты, так формируются информационная среда современного человека, информационно-языковое пространство его жизни.

Безусловно, медийные издания, стремясь к объективизму и реализму, отражают реалии нашего времени, среди которых есть место и негативным явлениям. Но это не снижает роли авторов и заказчиков журналистских текстов, которые имеют возможность через слово расставлять смысловые акценты, выбирать значимые (но чаще негативные) контекстуальные понятия, определять регулярность, частотность и устойчивость их воспроизведения и не акцентировать специально кровавые детали очередного теракта или техногенной катастрофы.

Следует заметить, что вина в этом ложится на журналистов, но уже многие пользователи интернет-паутины и сами изощряются друг перед другом, «выбрасывая» в YouTube свои многочисленные ненавистнические высказывания. Это всего лишь один из неприятных, неэкологических результатов так называемой внутрикультурной глобализации. А та поспешность, с которой граждане стремятся засветиться в Интернете с такой негативной информацией, явно указывает на испорченный вкус и на некоторое даже злорадство. Об этом следует задуматься специалистам в области педагогики образования и воспитания, соответствующим государственным структурам.

Негативные образы, порожденные языком, стимулируют новые состояния, мысли, действия, вызывают целый кластер негативных проявлений: состояния *беспокойства, отчаяния, неприязни, недоверия, настороженности, подозрительности, безразличия, неудовлетворения, возмущения, ярости, огорчения, скорби, удрученности, подавленности, уныния, тоски, боли, ужаса, разочарования, ненависти, отвращения, пренебрежения, презрения, злости, недоброежелательности, отчужденности, холодности* и др. Эти состояния, в свою очередь, проявляются в эмоциональном характере речевых действий, ставшем уже во многом привычным для межличностного, группового и институционального общения определенной группы людей: *неодобрение, возражение, протест, насмешка, издевка, язвительность, колкость, ироничность* и т. д. Как известно, эмоции являются мотивационной основой сознания, и сформированное с по-

мощью языка негативное поле эмоциональности значительно активизирует проявления негуманных, часто аморальных действий и состояний членов общества по отношению друг к другу: *апатию, недружелюбие, равнодушие, хамство, зависть, ложь, подлость, предательство, агрессию* и т. д. Таким образом, языковые процессы оказываются напрямую связанными с нравственным, духовным и правовым состоянием общества.

Тенденция к негативизации эмоционального языка отражается и на качестве межличностного общения, где сфера негативного также все больше доминирует, вытесняя нормы митигационного (смягченного, высокого) общения, размывая представление о дискурсивных нормах выражения эмоций. Все меньше у современных носителей языка остается потребностей вербально проявлять положительные эмоции с их индивидуальностью, неповторимостью, тонкими нюансами эмоциональных смыслов, все чаще они заменяются фантомными, имитирующими их знаками (см. смайлики в письменной электронной коммуникации, словесные «чмоки-чмоки» в устном общении и т. д.). Истинные чувства преобразуются в имитацию чувств (как бы переживания), легко симулируются, превращаясь в подделку. В связи с этим представляется неслучайным столь широкое распространение в современной речи «паразита интернационального», «панславянского масштаба» [Лихачев, 1997] – словокомплексов «как бы», «типа» в их современных дискурсивных проявлениях: *я как бы расстроен; у нас типа любовь; я как бы житель этого города* и др. Предмет разговора, а с ним и сознание говорящих все больше виртуализируются. Личностные и социально-культурные смыслы и истинные переживания, закрепляемые в сознании посредством эмоциональных знаков, уступают место форме, которая захватывает все больший объем содержания, тиражирует, унифицирует и обезличивает его.

И вот уже подрастает целое поколение с виртуализированным «как бы», «типа» сознанием, неосознанием, клиповым сознанием, отсутствием со-сознания, с атрофированной сферой эмоциональности, социальной бесчувственностью. На месте отсутствующего социального, культурного смысла появляются новые, чаще всего биологические, смыслы, связанные с явным стремлением к удовлетворению исключительно физиологических потребностей и эгоистических устремлений. Размывание социально-культурных смыслов ведет к расщеплению человеческого сознания, падению нравственности, энтропии личности и деформации языковой личности [Там же]. Известно, что при распаде любого вещества выделяется энергия, и этой ментальной и душевной энергией наполняется наша жизнь. В данном случае такая энергия яв-

ляется отрицательной и неэкологичной. С учетом безусловного доминирования языка негативных эмоций можно утверждать, что и качество этой энергии не является позитивным. Негативная энергия эмоционального слова еще более непредсказуема, чем слово вообще, ее мощностность и разрушающая сила оказываются сопоставимыми с самыми сильными физическими действиями.

Негативная информация при соответствующем способе ее подачи способна увеличивать плотность негативной эмоциональной ткани текстов, достигая через слово здоровьеразрушающего эффекта: нагнетать состояния внутреннего дискомфорта, стресса, тревоги и беспокойства, вызывать психологические и физические расстройства у читателей медийных изданий. При регулярном использовании эти механизмы способны увеличивать массовую агрессию, повышать непредсказуемость действий людей: человек, насыщенный негативной энергетикой, сам становится излучателем отрицательно-эмоциональных стимулов [Волкова, 2011; Шаховский, 2007а, б, г]. Вспомним мудрый совет профессора Преображенского (героя романа М. Булгакова): не читать никаких газет. Он стал еще более актуальным в наши дни. Следствием активного воздействия негативного потенциала языка на человека также является его эмоционально-ценностная дезадаптация, утрата ценностных ориентиров, способная в конечном итоге привести к деградации личности. Благоприятная языковая, информационная среда предоставляет условия для развития каждого человека, неблагоприятное окружение угнетает его жизненный и духовный потенциал, свидетельствует о разрушении гармоничной среды жизнедеятельности человека, его экологии.

Уже приведенные выше наблюдения над особенностями функционирования русского языка последних лет позволяют говорить о критическом экологическом состоянии языковой и информационной среды существования человека в современном обществе, об отсутствии внимания со стороны его членов и руководства к вопросам экологии языка и психосферы человека, которые были поставлены учеными-лингвистами еще несколько десятилетий назад.

Этот тезис убедительно доказывают результаты проведенного мною исследования, состоявшего в эмоционально-оценочном мониторинге телепередач, которые смотрит телезритель в течение года. Выбор материала исследования – наименования передач наиболее популярных каналов телевидения – не случаен: телевизор сегодня является элементом повседневности, основывающимся на принципах привычных способов действия и объяснения [Сердобинцева, 2008, с. 10]. Модель повседневности определяется такими чертами, как повторе-

мость (цикличность, серийность), замкнутость, усредненность, массовость, приватность, стереотипичность. Именно эти характеристики позволяют зрителю воспринимать телевизионную информацию не критично, а как привычную [Щеголев]. В то же время телевидение – это мощный социальный институт, при помощи которого формируются определенные стереотипы поведения, оценок, вкусов, задаются шаблоны восприятия мира.

При помощи языковых знаков (наименований передач) телевизионный континуум становится доступным для анализа и описания. Название рассматривается мною в качестве особой формы репрезентации-предупреждения текста телевизионной программы, оно является результатом компрессии его содержания, выступает в качестве его «семантической записи» (по А.Р. Лурия). В лингвистике уже обосновано положение о том, что за именем текста стоит его концепт – концентрированное содержание и выраженный смысл. Словесная форма выражения этого смысла делает его доступным для языкового сознания человека, всех носителей языка, а затем переводится и в общественное сознание. Заголовок – «идентифицирующий знак, под которым текст входит в текстовое пространство» [Руделев, 2012, с. 122], при этом одним своим вектором заголовок направлен внутрь текста, а другим – в пространство жизни. В этом случае поле наименований телепередач, так же как имена людей, географических объектов, произведений литературы, может восприниматься как часть нашей повседневности, «вещей», с которыми мы постоянно имеем дело.

Обозначенные в названиях телепередач сюжеты легко усваиваются адресатом вместе с их эмоционально-оценочными координатами. Благодаря социализированной форме языковых знаков векторы восприятия информации, заданные в наименовании, усваиваются большинством телезрителей автоматически. Очевидно, что совокупность наименований передач как их своеобразных синонимов, вторичных обозначений (Ионова, 2010) указывает уже не на единичные, а на типовые ситуации и задает стереотипы восприятия мира, его ценностные ориентиры.

Анализ полученного материала позволил выявить наиболее разрабатываемые телевидением тематические области, продуктивные в плане многообразия и количества используемых наименований тех сюжетов, которые лежат в основе передач и фильмов нашего ТВ. В соответствии с семантическими характеристиками наиболее активно используемых в заголовках ключевых слов наименования телепередач образуют следующие тематические группы: **«Мир расследований / правосудие»:** *Федеральный судья, Следствие вели, Внимание, розыск!, Адвокат, Судебный детектив, Безмолвный свидетель, Братья-детективы,*

Суд присяжных, Независимое расследование, До суда, Чистосердечное признание, Вести: Дежурная часть, Чрезвычайное происшествие, Модный приговор, Человек и закон, Прокурорская проверка, Закон и порядок, Вернуть на доследование, Висяки-2, Высшая мера, ГАИшники, Гражданин начальник, Даша Васильева: Любительница частного сыска, Дюжина правосудия, Косвенные улики, Паутина 2: Преступление будет раскрыто, Опергруппа; Опера: Хроники убойного отдела, Оперативный псевдоним, Агент национальной безопасности, Агентство «Золотая пуля», Алиби Перехват, Подозреваемый, Погоня за лидером, Преступление в стиле модерн, Тень полицейского и др.; «**Мир криминала**»: Жестокие игры (телеигра), Смех без правил, Криминальная Россия, Антикиллер, Бандитский Петербург, Улицы разбитых фонарей, Бригада, Братаны, Братва, Мыслить как преступник, В мире преступных страстей, Мент в законе, Ментовские войны и др.; «**Битва / борьба / война**»: Битва экстрасенсов, Территория выживания, К барьеру, Кулинарный поединок, Боец, Воин, Вызов, Бой с тенью, Битва за космос, Убойная лига, Убойной ночи, Убойный вечер; «**Деньги / богатство**»: Время – деньги, Всё золото мира, Банкириши, Богатая и любимая, Кто хочет стать миллионером, 10 миллионов, Золотая лихорадка, Алчность, Стирка на миллион, Ставка, Деньги не пахнут, 100 миллионов евро и др.; «**Секс / соблазны**»: Основной инстинкт, Секс с Анфисой Чеховой, Город соблазнов, Клубничка, Любовные авантюры; Стыд, Почему, за что мы любим секс, Бесстыдники, Блудливая Калифорния, Цена любви, Секс в большом городе, Бес в ребро, или Великолепная четверка, Билет в гарем и др.; «**Страх и смерть**»: Агония страха, Гибель империи, Мертвый живой, Вкус убийства, Ходячие мертвецы, Смерть Земли, Смертельный мяч, Фактор страха, Бухта страха, Наука страха и др.; «**Скандалы / конфликты**»: Скандальная жизнь с Ольгой Б., Школа злословия и др.; «**Зона**»: Запретная зона, Территория выживания и др.; «**Тело**»: Следствие по телу, Обрубок и др.

Приведенный список можно значительно увеличить за счет конкретизации и детализации содержания тех телепередач, названия которых хотя и имеют эмоционально нейтральную форму («Ты не поверишь!», «Максимум», «Дом-2» и др.), в то же время являются эмоционально маркированными по семантике, отражая огромный спектр негативной информации.

Так, содержание программы «Ты не поверишь», в анонсе которой говорится о том, что в ней приводятся «сенсационные факты», «невероятные, порой даже мистические истории», «шокирующие межлич-

ностные отношения и судьбы», пополняет тематическую группу «Сенсации», «Мистика», чаще всего делая акцент на негативных смыслах представляемых ситуаций. Тот же подход характерен во многом для телепрограммы «Максимум», которая акцентирует свое внимание на скандалах, интригах, сплетнях, слухах, расследованиях, в жесткой, ироничной форме рассказывает о громких криминальных делах. «Дом-2» разрабатывает семантическую область «Секс / соблазны».

Как видно из приведенных примеров, в числе наиболее продуктивных сфер языкового означивания в наименованиях телепередач (фильмов) нашего телевидения выступают преступные действия, часто включающие кровавые деяния, изощренные способы насилия; физиологические потребности человека (еда, секс, физиологические отклонения, извращения), его негативные ощущения (страх, боль, отвращение и т. д.). Поскольку человек – существо биологическое и социальное одновременно, то акцентирование негативного, сниженного, порицаемого, запретного в некоторых передачах современного ТВ идет сразу в двух направлениях: в актуализации физиологического начала в противовес духовному и в утверждении в качестве нормы ликоущемляющих, унижающих личность аспектов человеческих отношений.

Эта особенность наиболее отчетливо проявляется при сравнении приведенного выше материала с наименованиями телепередач советского периода, в составе которых, безусловно, преобладала лексика эмоционально положительного оценивания: *молодость, таланты, солнце, веселый, родной, русский, родник, здоровье, любовь, мама, мир, наш, душа, семья, героизм, подвиг, содружество, умелый, счастливый, друзья*. Применение в данном исследовании приема анализа «включенных» и «исключенных» тем (что *показывают / не показывают* и о чем *говорят / не говорят*) позволяет утверждать, что перечисленная лексика в названиях передач эпохи советского телевидения доминирует по отношению к лексике негативной эмоциональной окраски и маркирует пусть декларируемые, но позитивные ценности общества. Имеющиеся примеры лексики положительной окраски в передачах современного телевидения (*любовь, умники и умницы, свобода, справедливость, отчизна, здоровье, здорово, герой*) все же нельзя назвать доминантной: она используется в широчайшем контексте негативных обозначений реальности и коннотаций (*жесткий, жестокий, пропавший, запретный, паутина, омут, кровавый* и т. д.), наименования передач с позитивной оценочной семантикой являются, скорее, исключениями, а используемые «высокие» понятия нередко входят в состав сочетаний, девальвирующих их прямое позитивное значение: *последний герой, русская рулетка, цена любви, счастливый столик, слава за минуту (минута славы)*.

Совокупность вербальных знаков, используемых в названиях телепередач, образует неэкологическое языковое пространство, которое может служить своеобразным вербальным кодом доминантных смыслов, вырабатываемых в практике телевизионного вещания на протяжении большого временного отрезка.

С учетом регулярности, цикличности (серийности), продолжительности, повторяемости показа телепередач заложенная в них отрицательно оценочная семантика частично утрачивается, негативные смыслы нейтрализуются, достигается эффект привыкания телезрителей к агрессивному характеру телевидения. Массовый характер телепередач с психотравмирующими изображениями и текстами постепенно переводит в ранг рядовых, обычных фактов информацию о противоестественных явлениях: *убийствах людей, истязаниях детей, патологических сексуальных актах, садистских актах, людоедстве, членовредительстве, психопатии, насилии, детской жестокости* и т. д. Концентрация и разнообразие такой информации на экране, безусловно, не могут соответствовать негативному опыту одного обычного телезрителя, поэтому такие передачи в определенном смысле обучают, «просвещают», посвящают в «тайны жизни». Вот это и есть педагогика и дидактика современного телевидения. Защитные механизмы человеческой психики постепенно притупляют остроту естественных эмоциональных реакций на изображения зла: действия палачей на экране у многих уже почти не вызывают страха, отвращения, ужаса, протеста, возмущения, осуждения, а их жертвы – жалости, сочувствия, сострадания, острого желания помочь. Ведь (если верить анонсам названных выше телепрограмм) это всего лишь «захватывающая, привлекательная информация», «шокирующие подробности», «невероятные факты», «детальный рассказ», «достигнутый натурализм», «беспоощадно объективный анализ», «броская фасцинирующая журналистская форма». Эмоциональная доминанта личности телезрителя смещается, и на месте естественных реакций на резко негативные стимулы возникают амбивалентные и смешанные эмоции *равнодушия, безразличия*, затем интеллектуальные эмоции *удивления, интереса*, а от них один шаг до явно положительных эмоций *удовольствия, наслаждения*. Этот переход образно в своей статье передал А. Минкин: *Прилипли к экрану, так же, как мухи к липкой смерти* [Основы лингвистического мониторинга..., 2011].

Так пространство языка, во многом формируемое современными СМИ, порождает новый образ мира, который рядовой зритель легко может принять за истинный. Запущенные языковые механизмы спо-

собны выполнять деструктивную функцию языка по отношению к обществу и человеку, разрушительно влиять на параметры самого языкового пространства и стоящего за ним сознания людей. Именно поэтому представленные мною процессы следует считать нарушающими экологию языка и человека.

Выделенные мною критические аспекты современного языкового пространства, в которое погружен человек, призваны привлечь внимание к проблемам языковой экологии как важнейшему механизму регулирования отношений «язык ↔ человек», «человек ↔ человек». Лингвистическое сообщество осознает всю значимость решения задач языковой экологии и эмотивной лингвоэкологии и уже аккумулирует знания о критериях оценки экологического состояния русского языка [Сковородников, 1996; Словарь символов... и др.], языковых контактов [Молодкин, Максимова, 2003 и др.], речевой коммуникации [Голев, 2000; Горбаневский, 2012 и др.], разрабатывает проблемы сферы лингвоконфликтологии [Там же], решает комплекс задач в области эмотивной лингвоэкологии как области нового знания [Шаховский, 2010 а, б; 2011 б], разрабатывает методiku мониторинга экологического состояния языка отдельного региона [Клименко; Павлова, 2010]. Сегодня остро стоит вопрос об экологическом воспитании всех изучающих русский язык, о включении в круг языковых компетенций носителя языка лингвоэкологической компетенции, состоящей в том числе и во владении знаниями о средствах противодействия влиянию негативной языковой и коммуникативной среды.

Это в первую очередь касается всех чиновников, нанятых нами для руководства государственными структурами, ибо они обязаны следить за здоровьем общенародного языка и не выпаливать в народ обрывки сквернословия, оскорблений и страшилок: С. Иванов: *Ахинея! Галиматъя! Клевета!*; Р. Кадыров: *Я – пехотинец Путина; Я приготовил две VIP-палаты в лучшей психиатрической больнице для несистемной оппозиции; У моего мастино зубы чешутся на несистемную оппозицию*; во время митинга в Грозном множество плакатов *А. Макаревича на «Смак»!*; С. Иванов назвал снесённые в Москве торговые ларьки *гадюшниками*, а С. Собянин изрёк в ответ на возмущение пострадавших: *И нечего тут прикрываться бумажками, полученными жульническим путём*. Примеры такого унижения русским языком подчинённого чиновникам народа можно умножать ежедневно. Такие вербалии не украшают ни их авторов, ни те должности, к которым они приставлены народом. Это примеры явной экологической безграмотности, забрасываемой в сознание людей – граждан России.

Выступая на открытии V ассамблеи Всемирного форума «Интеллектуальная Россия», в ту пору министр связи и массовых коммуникаций РФ И.О. Щёголев заявил о необходимости формирования национальной «экосистемы интеллекта», которая будет способствовать эффективному производству конкретных информационных услуг и продуктов [Щёголев, 2009]. Вопрос о создании национальной программы сохранения эмоционального здоровья в сфере массовых коммуникаций поднимается пока преимущественно лингвистами.

Глава 2. УНИЗИТЕЛЬНАЯ ПРАГМАТИКА ЭМОТИВНОГО СЛОВА

§ 1. Магическая власть слова как проблема эмотивной лингвоэкологии

*Слово может больше убеждать,
чем золото.*

Демокрит

В Библии – самой мудрой из всех книг человечества – есть два упоминания о слове: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» [Ин 1, 1 – 5]; «Не хлебом единым будет жить человек, а всяким Словом из божьих уст исходящим» [Мф 4, 1–4].

Напомню, что христианское учение – это учение об общечеловеческих ценностях. И, следовательно, гуманное владение Словом и добрым воздействием его на души и умы людей также является одной из общечеловеческих ценностей, которой, однако, предстоит каждому желающему еще овладеть. Человек одарен словом. Но не каждый им владеет как мастер, чтобы уметь «глаголом жечь сердца людей» и чтобы с помощью слова зажечь факел увлеченности знаниями, заинтересовать и приохотить людей к учебе, ибо главным инструментом учителя любого предмета, политического деятеля, журналиста является Слово.

Восточная мудрость гласит: «Кто владеет словом, тот владеет миром». Мир, которым владеет учитель / любой руководитель, вплоть до руководителей государства, – это мир человеческих душ. С помощью Слова учитель / руководитель осуществляет педагогическое воздействие, а процесс такого воздействия – обращенная речь. Живое звучащее слово всесильно, оно несет знание, будит воображение, поддерживает внимание, воспитывает эмоции, поощряет и порицает, т. е. оценивает. Таким образом, Слово – основа любого человеческого общения. И есть такая наука, которая может научить этому владению Словом. Ее

имя – риторика и речеведение, а в современной терминологии – коммуникативистика / коммуникология.

Сегодня мы переживаем тот редкий период отечественной истории, когда коммуникологические знания (коммуникативная компетентность в полном наборе ее конститuentов: знание языка, культура речи, эмоциональный / эмотивный, лингвоэкологический, коммуникологический; можно добавить и многие другие) запрашиваются новым образом нашей жизни. Центральным конститuentом коммуникативной компетенции современного россиянина является коммуникологическая компетенция, которая неразрывно связана с лингвоэкологической компетенцией. Эти две компетенции зиждутся на элементарных знаниях, в том числе и на знании риторических приемов, которые М.В. Ломоносов называл красноречием [Ломоносов, 1986]. Сегодня каждому россиянину необходимы широкая образованность, владение речевой культурой, позволяющей ему более эффективно организовывать дело и этично, корректно высказывать и отстаивать свое мнение.

Риторике можно назвать высшим пилотажем в области общения людей. Ступеньками к нему являются грамотность и культура речи. Под грамотностью понимается не механически усвоенное знание некоего свода правил, а практическое владение всеми богатствами и тонкостями письменной и устной речи. Культура речи – это умение, во-первых, правильно говорить и писать и, во-вторых, употреблять языковые средства в соответствии с целями и условиями общения. Культура речи – часть общей культуры человека. По тому, как человек говорит, можно судить об уровне его духовного развития, о его внутренней культуре.

Эмотивная лингвоэкология добавляет к этим способностям еще и экологическую компетенцию, которая возможна только на базе экологического интеллекта, который, в свою очередь, проявляется в экологическом сознании и мышлении человека и которому никакие образовательные учреждения и другие государственные структуры еще не уделяли внимания.

Получается, что следует различать две задачи речевого общения: как правильно говорить и как лучше говорить (т. е. эффективнее). Современным коммуникологам, конечно же, известна магическая власть слова настоящего ратора. В обиходной речи использование риторических приемов представляется избыточным. Вспомним мусорщика Дулитла, отца цветочницы Элайзы, столь выпендренно вымогающего в доме у мистера Хиггинса взятку за свою дочь, которую профессор решил обучить правильной фонетике, поскольку правильное произношение и грамотность речи должны были ввести Элайзу в высший лондонский свет. Речь мусорщика произвела неизгладимое впечатление на Хиг-

гинса, Пикеринга и их прислугу миссис Пирс, т. к. главными риторическими приемами Дулитла были анафорические повторы и патетическая интонация. Хиггинс и Пикеринг одновременно отметили его риторические приемы и согласились, что ему предстоит продвижение по жизни. Как мы помним, их ожидания оправдались. Оправдались они и относительно Элайзы (В. Shaw).

Вот почему в России до середины XIX в. уделялось так много внимания риторике в образовательных учреждениях и в быту дворян. Еще Данте, Латини, Бруни и другие древние мыслители утверждали о необходимости специальных занятий риторикой в целях формирования личности. Например, образцом риторического мастерства, до сих пор никем не превзойденного, является кумир итальянского Возрождения Цицерон – оратор, философ, сильная языковая личность. Не меньшим красноречием отличались Цезарь и Квинтилиан, которые поэтому были успешными властелинами. Другими примерами сильной языковой личности были Бухарин, Троцкий, Ленин, Гитлер, А. Собчак, А.Я. Вышинский.

Риторическое выступление – это сообразное ситуации и цели правильное грамматически, красивое, артистичное, эмоционально-выразительное выступление с соответствующей постановкой голоса, дыхания, манеры держаться и потому магически воздействующее на слушателя. Можно привести высказывание М.В. Ломоносова о риторике, которое до сих пор является самым полным и точным: «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем склонять других к своему об оной мнению» [Ломоносов, 1986, с. 345].

В настоящее время забытая риторика в западных и восточных странах переживает Ренессанс. Этот Ренессанс не остался незамеченным и в России. Данный курс введен в учебные планы гуманитарных вузов страны, прежде всего педагогических и журналистских факультетов отдельных вузов, издаются специальные учебники и хрестоматии по теоретической и практической риторике для обучающихся в учебных заведениях различных типов и уровней образования.

Универсальность риторики как науки заключается в ее необходимости человеку любой профессии, чья деятельность связана с умением общаться, говорить. Риторика может быть наполнена любым предметным содержанием (политическим, экономическим, юридическим, педагогическим, военным). Например, педагогическая риторика призвана научить будущего учителя более качественно (четко, ясно, точно, логично) излагать предмет речи в различных педагогических ситуациях (родительское собрание, классный час, беседа с администрацией школы, с коллегами, с учащимися и т. д.).

Цель педагогической риторики – развить целую систему профессиональных качеств будущего учителя:

- культура мышления (самостоятельность, самокритичность, гибкость, оперативность, открытость мышления, эрудиция);
- культура речи (правильность, точность, логичность, эмоциональность, выразительность);
- культура общения (уважение к собеседнику, управление поведением аудитории, привлечение единомышленников, ответственность за свое слово);
- культура поведения (вежливость, тактичность, корректность, раскованность);
- экологичность, параметры которой были подробно рассмотрены в данной книге.

Эти же компоненты различных типов коммуникации должны учитываться не только в педагогической, но и в других сферах человеческой деятельности, т. е. в современной терминологии, в сферах различных социальных полей. В связи с этим в лингвистической парадигме коммуникологии передвигается в центр исследовательской тематики экологический компонент коммуникативной компетенции *homo loquens*. В науке уже существует достаточно четкое определение объекта, предмета лингвоэкологии (эколингвистики), ее терминологии и категоризации.

А. Филл был первым, кто разработал четкую терминологию для разных областей эколингвистики. Всего он выделил три области:

- эколингвистика — общий термин для всех областей исследования, которые объединяют экологию и лингвистику;
- экология языка – исследует взаимодействие между языками с целью сохранения языкового многообразия;
- экологическая лингвистика – переносит термины и принципы экологии на язык (например, понятие экосистемы).

Лингвистическая (языковая) экология изучает взаимосвязь между языком и «экологическими» вопросами. На данный момент выделяется три аспекта экологии языка:

- интралингвальный (связан с *культурой речи, стилистикой, риторикой* и включает исследования нарушений правильности, ясности, логичности, выразительности и других коммуникативных свойств речи);
- интерлингвальный (связан с полиязычием как средой обитания отдельного этнического языка и с проблемой исчезновения языков, а значит, и с уменьшением лингвистического разнообразия на Земле);

- транслингвальный (связан с использованием единиц, средств, реалий одного языка, одной культуры в контексте и средствами иного языка, принадлежащего другой культуре в *фольклоре, художественной литературе, публицистике*).

Можно добавить к этой категоризации и такое направление эколингвистики, как эмотивная. Целому комплексу проблем этой отрасли лингвоэкологии был посвящен проведенный в октябре 2012 г. Общероссийский научно-теоретический семинар «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве» (г. Волгоград) [Эмотивная лингвоэкология... , 2013].

Магия слова, как устного, так и письменного, напрямую связана с участием эмоций человека в его общении: межперсональном, групповом, массмедийном (см., напр.: [Шаховский, 2010]). Уже на словарном уровне семантика многих слов обладает магической эмоциональной энергетикой. Этот факт позволил Г. Клаусу говорить о властной силе слова [Клаус, 1967]. В его книге находим такие примеры с амбивалентной прагматикой, как *Brotgeber vs Blutsäger (о работодателе), arbeitslos vs arbeitsfrei (о безработном)* и др. Для сравнения приведем внетекстовые слова из русского и английского языков: *мэриози (мэр + мафиози) vs безумительный (безумный + изумительный), блистенький (блестящий + чистенький); stink vs scent (вонять vs пахнуть)* и др. Будучи использованной в оценочном дискурсе, такая лексика оказывает психоэмоциональное воздействие на адресата. Именно поэтому в любом языке существует определенный стилистический выбор синонимических средств применительно к конкретной эмоционально-коммуникативной ситуации общения в экологических целях.

Анализ человеческого общения в рамках многочисленных КЭС с экологических позиций позволяет выделить параметры экологичности / неэкологичности общения (см. часть I). Иногда эти параметры составляют дуальные антонимические пары, но чаще можно наблюдать, что параметры неэкологичного общения более дифференцированы, поскольку все негативное получает в языке более детальную проработку и выражение. Безусловно, можно выделить эмоции, которые изначально содержат в себе экологический / неэкологический заряд. Соответственно, и лексика, фиксирующая и воспроизводящая эти эмоции в своей семантике, укладывается в шкалу эмотивности: экологичность / неэкологичность аффективов, экологичность / неэкологичность коннотативов, экологичность / неэкологичность потенциативов.

Потенциально даже самое экологичное на уровне инициальной интенции по своей семантике слово может на уровне терминальной ин-

тенции превратиться в неэкологичное: любое слово может стать магическим еще и потому, что оно «летит» к речевому партнеру и может оборачиваться по достижении его совсем не той «стороной», которой планировал адресант. Отсюда и эффект, противоположный задуманному. Участвует в этом процессе и прагматическая закономерность: значение слова находится не в словаре, а в головах коммуникантов. Поэтому прагматика одного и того же слова в голове адресанта может не совпадать с его прагматикой в голове адресата. Таким образом, научающая коммуникация всегда должна быть направлена на формирование эколингвистических, прагматических, коммуникативных, эмотивных умений и навыков.

Программа обучения должна строиться в соответствии с риторическим канонам, который включает следующие знания, умения и навыки:

- определение цели речи и темы, выработка основного тезиса, подбор аргументов;
- выбор способа доказательства и композиционно-логическое построение речи;
- важнейшие качества ораторской речи – правильность, логичность, точность, чистота, уместность, эмоциональность, выразительность;
- произнесение речи, голос, мимика, жесты, движения;
- создание экологической атмосферы общения через формирование экологического интеллекта, который включает в себя внутреннюю экологическую цензуру у каждого речевого партнера;
- формирование эмоционального интеллекта [Goleman, 1997].

Занятия должны проводиться в системе разнообразных активных форм: деловые игры, учебные дискуссии, психологические тесты. Эта программа призвана вооружить будущего специалиста методами адекватного пользования словом, ибо, как было замечено величайшим русским философом Н. Бердяевым, слово имеет огромную власть над нашей жизнью, власть магическую. Он писал, что мы заколдованы словами и в значительной степени живем в их царстве [Бердяев, 1990].

Из вышеизложенного становится очевидным, что эффективность человеческой коммуникации зависит в значительной мере от экологического интеллекта / мышления и от экологической компетентности коммуникантов, которая включает в себя эмоциональный и эмотивный компоненты. Не менее важна при этом и риторическая компетентность коммуникантов. Несомненно, существуют люди с врожденным лингвистическим чутьем. Для всех остальных необходимы теоретическая подготовка и тренинг в формировании экологичной коммуникативной компетенции со всеми ее конституентами. И только тогда, когда люди овладеют и «золотым», и «платиновым» правилами коммуни-

кации («Говори так, как ты хочешь, чтобы говорили с тобой»; «Говори так, как того хочет твой речевой партнер»), они смогут, наконец, эффективно общаться. А пока мы все совершаем бесконечные коммуникативные промахи, спотыкаемся о барьеры, падаем в провалы и даже совершаем ненамеренно языковые преступления. Вопрос об экологическом интеллекте поднимается впервые в данной работе и в ней даются основы для формирования такого интеллекта.

§ 2. Унижение языком как фактор неэкологичности общения

*Не бери у власти корм с ладони.
Ладонь может свернуться в кулак/фигу.*

А. Меняйлов

Как говорили древние философы, ветру нельзя приказать, в какую сторону дуть. Язык, как и ветер, никого не слушается, поэтому борьба за чистоту русского языка есть всегда процесс, ограниченный законами жизни самого языка. Насильственное обращение с языком также невозможно. Тем не менее, вопреки приведенному утверждению, насилие над русским языком сегодня явно ощущается почти во всех сферах его функционирования. Современное языковое пространство все больше замусоривается через СМИ и псевдоискусство, вербализованное на общенациональном уровне, поэтому проблемы языковой экологии все чаще поднимаются и обсуждаются в специальных исследованиях и газетных статьях (Л.П. Крысин, Т. Миронова, М.А. Кронгауз, А.П. Сквородников, В.В. Колесов – ссылка из статьи А.И. Орловой). В этих работах отмечается пассивность государства в сохранении чистоты русского языка и в стремлении хотя бы ослабить насилие, совершаемое над ним в СМИ (особенно в молодежном и политическом видах дискурса).

С другой стороны, сама жизнь Homo Sentiens, его коммуникативное поведение требуют, чтобы в языке все время появлялись слова, которые провоцируют его на новые ощущения. Это объясняется вечной жаждой экспрессии, свойственной Homo Sentiens. В наибольшей степени эта потребность характерна для речевого поведения молодежи: стремление к экспрессивизации общения с представителями своего поколения и людьми старшего возраста, склонность к примитивной диалогизации общения, неспособность к рациональным монологическим высказываниям. Во многих публикациях отмечается, что современное состояние литературного языка характеризуется наложением на него

многочисленных слайдов вульгаризмов, гибридов, американизмов, развитием процессов заигрывания с языком и смешения функциональных стилей. И уже не так легко снять эти слайды, чтобы увидеть и услышать чистый и великий русский язык, о котором писал И.С. Тургенев. Все сильнее ощущается необходимость в совершенствовании закона о государственном языке и контроле его выполнении.

Как неоднократно мною отмечалось, вначале была Эмоция. Она породила слово, сочетания слов породили предложения, соотнесенные с определенными жизненными ситуациями. Именно эмоции лежат в основе выбора обозначений для новых или высокочастотных контекстуальных понятий, обозначающих реалии нашего времени, почти ежедневно появляющиеся в коммуникации всех видов: *фальшивые имена, фальшивые валютчики, фальшивые продукты, фальшивая водка, фальшивые лекарства, массовые отравления (питьевой водой, лекарствами, продуктами), криминалитет, пластилиновый полицейский, банда, криминал, криминальная группировка, детские сексуальные услуги, игорная мафия, черный вторник (пятницы, четверги и т. д.), чиновничий беспредел* и др.

Особую роль в их порождении и популяризации играют современные СМИ: именно журналисты расставляют смысловые акценты в номинации новых контекстуальных понятий, они гоняются за «жареными» фактами как папарацци и спешат опубликовать не всегда проверенные факты, касающиеся сферы политики, шоу-бизнеса, личной жизни известных людей. Этот процесс («сплетневедение») особенно обостряется в период очередных выборов в органы власти разных уровней.

Поскольку все событийные / ситуативные понятия соотносятся с негативными эмоциями, то становится очевидным, что через новую лексику и ФЕ журналисты моделируют в обществе соответствующие психоэмоциональные настроения (страх, подавленность, неуверенность в себе), что не способствует прогрессу и положительной динамике морального и духовного климата в стране. Граждане России получают от СМИ в основном эмоциональные удары (strikes), а не положительные поглаживания (strokes): *музейные кражи, взрывы в храмах, пожары в соборах, торговля детьми, торговля человеческими органами, отказ от детей, педофилия, расстрелы, грабежи, самоубийства в армии, гуманитарные катастрофы, детская беспризорность, пропажа детей, детское сексуальное рабство, детская проституция, гомосеки, заказное убийство, идентификация фрагментов трупов, повышение тарифов, рост цен, приватизация здравоохранения (вузов, образования, земли, природных ресурсов), межнациональные / конфессиональные конфликты, откатная экономика, сговор кор-*

рупционеров, бунты в тюрьмах, пожары в шахтах (школах, вузах, библиотеках, жилых домах, детских интернатах и домах для престарелых), взрывы боеприпасов на складах, осиротелые родители, бандформирование, страхоустойчивость и мн. др.

Лексика / ФЕ публикаций современных СМИ, заряженная отрицательными эмоциями, которые отражаются в семантике, коннотациях и ассоциациях рождённых текущими событиями слов, коррелирует с определенной категориальной ситуацией российского социума. Для каждого россиянина в словах *Курск, Беслан, Норд-Ост* доминирует не топонимическое, а трагическое эмоционально-ассоциативное значение, мотивированное осознанием фактов социальной незащищенности рядовых граждан страны и прежде всего детей. Эти понятия стали новыми концептами современной российской действительности, которые войдут в неофициальную историю и останутся в ней навсегда.

В нравственном и экономически здоровом обществе в общении должна превалировать лексика положительного оценивания (*Родина, герой, гордость, честь, совесть, человеческое достоинство, достижения, трудовые успехи* и т. д.). Эмоции, как показано мною в ряде работ, являются мотивационной основой сознания [Шаховский, 2003, 2005]. Однако сегодня в текстах официальной информации почти не употребляются такие положительно мотивирующие слова и выражения, как *уражай, повышение производительности труда, достижения в отечественной промышленности* и т. д. (россияне представления не имеют о том, что производит наша страна, кроме нефти, газа, алмазов, и автоматов Калашникова и другого вооружения на экспорт), а некоторые из них используются в противоположном и даже ироническом значении (*инкубатор патриотизма, патриот, патриотический*): см. ситуации многочисленных случаев убийства иностранных студентов представителями так называемых «пропатриотических» группировок. Слова *гордость, рекорды* (за исключением спортивных), *совесть, дружба*, к сожалению, вышли из русского речевого обихода, что не способствует сохранению духовных скреп нации и здоровью языка. А ведь эти слова – языковые знаки вечных ценностей, возвышающие человека, его душевные порывы и его языковое поведение, украшающие язык, это пассионарные толчки – толчки к возвышению таких чувств, как любовь к родине, самоуважение, восхищение или, как минимум, удовлетворение делами и поступками соотечественников, уважительное отношение к другим. Такие возвышенные текстощущения невозможно вызвать посредством использования лексики с негативным значением и через «мрачные» словосочетания, обозначающие новые российские контекстуальные понятия: *флешмоб без*

штанов, период дожидая, положить лицом на асфальт, внезапный миллионер, словесные протезы, киднепинг, черный риэлтор.

Читают ли будущим журналистам курс валеологии, учат ли антиципации и пониманию того, как их слова будут отзываться в душах читателей и слушателей, какие эмоции и настроения могут формироваться и доминировать в обществе благодаря языку СМИ? Если журналистов учат бережному отношению к слову и объясняют им, что народ, не сохраняющий чистоту своего родного языка, утрачивает полноту корня, то почему так цинично изощраются они в расшатывании норм литературного языка, в гибридизации его форм (*ремейково, менаджерша, френдовый* и др. [Шаховский, 2000, 2003]). Вместо формирования позитивного психологического поля в языковом сознании россиян они закрепляют за вербализованной информацией отрицательные ассоциации, которые, концентрируясь в *ratio* и *emotio*, приводят к ухудшению имиджа России в языковой картине его носителей (и за её рубежами), к неуважению ими своей родины, вытравливанию патриотизма, депрессии и агрессивному вербальному и авербальному поведению. Лингвисты все чаще пишут и говорят о тенденции русскоговорящих к девербализации [Карасик, 2009]. Языкознание и валеология тесно связаны, т. к. здоровый язык означает нравственное здоровье горящего на нем человека и страны в целом. Здоровье нации невозможно без здоровой экологии языка.

Свобода слова в экспрессивизации через публичный мат, гибриды и другие словообразовательные и преобразовательные уродцы открыла шлюзы для засорения русского языка, а через него – общественного сознания и, следовательно, поведения. Особенно преуспевают в этом телепрограммы «Максимум», «Русские сенсации», «Русские бабки», «Дом-2», «Пусть говорят», «Говорим и показываем», «Comedy Club», «StandUp», тексты многих молодежных хитов: «Хочешь, я убью соседей, что мешают спать...», «Ты и накрашенная страшная, и накрашенная...», «Я знаю три слова – три матерных слова...», «Вот какая ты зараза, отказала мне два раза...», «Я беременна, но это временно...», «Я взрослая уже, ты целуй меня везде...», «Может, дам, что ты хошь...» и др. Школьники, которые сегодня практически не читают произведений классической художественной литературы и смотрят в основном низкопробные фильмы по Интернету (Интернет / цифровая зависимость) – хорроры, триллеры, порно, – не сумеют выйти из узкого круга формируемого вышеперечисленными медийными средствами языкового сознания, не смогут возвыситься в своих чувствах и эмоциях. Писатели и публицисты по моделям СМИ тоже используют в основном негативные номинации для описания явлений совре-

менной жизни, социальных событий, фактов. Даже театры зачастую снимают с себя задачу нести благие вести через Слово. Рядовые пользователи языка с удовольствием порождают окказионализмы, неологизмы с доминирующей негативной семантикой: *подворовывать, депресняк, толпарь, торчок* и др. [Шаховский, 2005а].

Под влиянием негативной психоэнергетики, затеняющей своими слайдами национально-культурную специфику русского литературного языка, закрепленную генетически в русском языковом сознании и культурном коде и сохраняемую в родовой памяти людей, нарушается межпоколенная связь, а значит, порождаются поколения иванов, не помнящих своего родства и своих корней, порывающих с ними. Это не может не привести к изменению русского менталитета, к ложному когнитивному и коммуникативному поведению и разобщению людей. Лингвисты обязаны об этом говорить и предупреждать о реальности подобной угрозы.

На вопрос английской исследовательницы Дж. Эйтчисон «Языковое изменение – это прогресс или упадок?» (см.: [Шаховский, 1998 г]) можно с уверенностью ответить следующее: процесс деривации (развития) русского языка способствует его прогрессу, даже в случаях негативного изменения неизбежно и его развитие [Шаховский, 2002 а, б].

В такой деривации русского языка самым активным способом является языковая игра, с помощью которой СМИ порождают огромное количество креатива. Многие из таких креативов вызывают у адресата неприятные ощущения и потому являются неэкологичными, т. е. заставляют переживать их непонимание.

Таким образом, негативные социальные факторы (ежедневные несчастные случаи, происшествия и трагедии), их естественное и игровое имянаречение в СМИ, концентрация негативных эмоций и их трансляция на обывателя как журналистский прием, искажение фактов в их интерпретации (тоже как журналистский прием), а также сокрытие истинных событий формируют и навязывают получателям информации негативную реакцию на нее [Шаховский, 2005 б, Хинштейн, 2004]. А это и есть, по моему мнению, унижение языком в коммуникативном пространстве современной России. Но если у старшего и среднего поколений унижение языком вызывает неприятие информации, ее осуждение, возмущение, протест против такого речевого поведения СМИ, то молодое поколение россиян считает, что тот язык, который они слышат вокруг себя и которым они пользуются сами, и есть естественный русский язык.

Константин Паустовский писал: «Человек, равнодушный к родному языку, – дикарь, потому что его безразличие к языку объясняется

полнейшим безразличием к прошлому, настоящему и будущему народа». Единый русский язык делает россиян соотечественниками, а тот факт, что младшее и старшее поколения говорят иногда почти на разных его вариантах, разрушает их соотечественность, ведет к столкновению видов мышления, сознания и поведения. Кто должен обязать российские СМИ вернуть своим соотечественникам-современникам старые добрые слова, которые бы смягчали описательный психоэнергетический потенциал мутного потока недобрых слов?

Часть IV

МЕДИЙНАЯ ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ

Глава 1. СТИЛИСТИКА МЕДИЙНОЙ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

§ 1. Эмоции в современных СМИ

*Падение человека
влечёт за собой падение языка.*

Р. У. Эмерсон

*Падение языка
влечёт за собой падение человека.*

И. Бродский

Приведённые эпиграфы отражают тесную взаимосвязь между человеком и его языком. Языком, который создан человеком и которым человек пользуется в различных речевых актах, в различных коммуникативных ситуациях. Напомню, что человек – это часть природы. Язык является частью человека и, следовательно, также частью природы.

Из биологической теории происхождения языка следует, что человек приспособляется к природе в целях самосохранения. Это осуществляется с помощью биологической адаптивной функции. А поскольку человек живёт в социуме среди подобных ему *Homo Sapiens / Homo Sentiens*, то он вынужден приспособляться к себе подобным по-разному, в том числе и через адаптивную функцию языка. Считаю эту функцию главной функцией языка, потому что даже его коммуникативная функция обслуживает адаптивную.

На взаимосвязь природы, человека и языка в прошлом веке неоднократно указывал человеческому сообществу академик Д.С. Лихачёв. Особое внимание он обращал на экологию культуры, т. е. нравственную, духовную экологию, куда включается язык человека. Так, в одной из своих работ он писал, что в экологии есть два раздела: экология биологическая и экология культурная, или нравственная. Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, а убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной. Он также подчеркивал, что нет между ними пропасти, как нет чётко обозначенной границы между природой и культурой [Лихачёв, 1985, с. 50–62]. Из данного мнения Д.С. Лихачёва выводится следующая мысль: обе экологии одинаково ценны для чело-

вечества, они не противопоставлены друг другу, и нарушение каждой из них может погубить человека.

По мнению ряда учёных, к которому я полностью присоединяюсь, особое внимание современной лингвистики, и прежде всего коммуникативной, должно быть сосредоточено на втором виде экологии, а в ней более всего – на лингвистической экологии [Горбаневский, 2009; Леонтович, 2015; Сердобинцева, 2008; Сковородников, 2000; Postman, 2000] и др. Лингвоэкология произрастает из теории культуры речи, стилистики и неориторики и соединяет в себе установку на изучение эффективного общения, способов достижения запланированных перлокутивных результатов с нормализаторским пафосом применительно к речеповеденческим объектам. Относясь к коммуникативной парадигме, в конкретных штудиях лингвоэкология легко объединяется с другими дискурсивными дисциплинами, как, например, с лингвистической эмотиологией и этологией (см., напр.: [Солодовникова, Шаховский, 2010; Kiklewicz, 2008]).

Я же предлагаю иной подход к проблеме лингвоэкологии и считаю, что её теоретической базой должна стать лингвистика эмоций. Это объясняется тем, что в процессе своей адаптации к природе и обществу человек выстраивает различные тактики, в том числе коммуникативные, по защите и отстаиванию своих интересов; и он всегда переживает этот процесс эмоционально. Общеизвестно также, что всё речевое поведение человека в связи с вышесказанным является всегда эмоциональным [Шаховский, 2008 а–г].

Аксиоматичны следующие методологические положения современной лингвистики о роли эмоций в формировании экологичной коммуникации:

1. Любая мысль рождается в форме эмоционального образа.
2. Эмоции являются мотивационной основой сознания. Можно продолжить – мышления (в том числе речевого) и речевого поведения.
3. Эмоции и чувства рождают желания, желания рождают мотивы, мотивы рождают интенции (интенция – дитя мотива), интенции рождают намерения, которые формируют тактики достижения результативности коммуникативных стратегий, в том числе и эмоционального эффекта.
4. Для достижения эмоционального эффекта коммуникации необходимы специальные (эмотивные) номинации, в которых консервируются и воспроизводятся в соответствующих КЭС эмоции человека.
5. Возможна коммуникация эмоций не только с помощью слов, но и с помощью тела человека, а также с помощью паралингвистических

средств (искусство, живопись, скульптура, цветы, подарки, приглашения, запахи и мн. др.).

Данные положения являются теоретической базой для выделения в отдельный раздел коммуникативистики такого направления, как *эмотивная лингвоэкология*. Создание такого направления в рамках коммуникативистики, на мой взгляд, диктуется острой необходимостью контролировать социальную и языковую ситуацию в современной России, которая представляет собой константно эмоционально напряжённую действительность с превалированием негативных событий и их негативной вербальной упаковки в различных СМИ и бытовом общении. Эта негативность разрушительна для духовной культуры общества, языка как культурного компонента, а также для здоровья и психики человека – носителя культуры, нравственности и самого языка. Таким образом, речь идёт одновременно как о здоровье языка, так и о здоровье человека, пользующегося им правильно или неправильно.

Как отмечает М.В. Горбаневский, цель борьбы с негативом в языке – ни в коем случае не ограничение свободы слова, возможно, крупнейшего и весьма хрупкого завоевания российской демократии, и не обличение изданий и журналистов, а целенаправленная и профессиональная, многотрудная и постоянная работа по оптимизации лингвоэкологии печатных, электронных и эфирных СМИ в современной России.

Наблюдения за языком массмедиа показывают, что большинство ключевых слов в общении власти с народом являются в основном эмотивами с негативной семантикой. Современные СМИ играют особую роль в их порождении и популяризации (не напрасно А. Меняйлов называет их «СМИсителями»). Отсюда возникают такие номинации журналистов, как *журналюги*, *журнализы*, *СМИюги*, *журнаглисты* и *лжурналисты*. В этих именах выражены, конечно же, неэкологичные негативные оценки потребителей их продукции.

Приметой нашего времени стало безраздельное доминирование в текстах СМИ слов, обозначающих отрицательные оценочные понятия, соотносимые с негативными эмоциями: *взрыв*, *пожар*, *авиакатастрофа*, *убийство*, *серийное убийство*, *ограбление*, *насилие*, *самоубийство*, *обнищание*, *банкротство*, *терроризм*, *стихийные бедствия*, *акция протеста*, *осиротевшие родители*, *взрыв Невского экспресса*, *взрывы в московском метро*, *взрывы снарядов на военных складах*, *взрывы пассажирских самолётов*, *распродажа детей на органы*, *пытки в СИЗО* и др. Очевидно, что через языковые формы журналисты моделируют в обществе соответствующие негативные эмоциональные настроения, что мешает прогрессу и положительной динамике психоэмоционального климата в стране.

Лексика, фразеология и стилистика текстов современных СМИ, зачастую заряженная журналистами отрицательными эмоциями, которые отражаются в семантике, коннотациях и ассоциациях используемых ими слов, в каждом случае коррелирует с определенной категориальной ситуацией российского социума. Скрывая истинную сущность происходящего, многие официальные источники через СМИ маскируют негативные явления благонадежными, по их мнению, номинациями: отсутствие демократии успешно скрывается в речи прилагательным *суверенная* в словосочетании *суверенная демократия*; разновидность смеси коррупции, преступного нарушения законов и самоуправства, когда чиновники используют служебное положение, чтобы повлиять на исход выборов, именуется вполне благопристойным *административным ресурсом*; элементарное казнокрадство именуется ныне *нецелевым расходом бюджетных средств*; когда государство платит долги деньгами своих граждан, это называется *дефолтом*; когда не хватало бюджетных средств для покрытия расходов, появился *секвестр*; когда государство влезало в долги, не выплачивая зарплаты, пенсии и пособия, появилась *реструктуризация*; когда весьма сомнительными способами крали деньги, уходя от налогов, миру явилась *оптимизация налоговых платежей* (примеры приводятся по: [Горбаневский, 2009, с. 5–6]). Однако подобные эвфемизмы лишь усиливают негативное содержание обозначаемых реалий, втягивая в круг эмоционально отрицательных обозначений все новые и новые средства. Однако многофункциональность языка позволяет интерпретировать социокультурные контексты и в терминах позитивного доминирования, а его разнообразные коммуникативные и эмотивные варианты предоставляют возможность реализовать функцию глорификации, т. е. возвышения языком, чтобы исходящие из СМИ импульсы не были бесконечно негативными [Шаховский, 1998 г].

В части III мы указывали, что в нравственном и экономически здоровом социуме в СМИ должна превалировать лексика положительного оценивания (*гордость*, *честь*, *совесть*, *благородство*, *добродетель*, *человеческое достоинство*, *достижения*, *трудовые успехи* и т. д.). Будучи собранными в едином словнике, современные лексемы синтезируют макротекст, коррелирующий с соответствующими коммуникативными ситуациями. По аналогии с блоковским «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...» через каждое отдельное слово этот текст создаёт образы-картинки, формирующие как мозаика панно цельного довольно мрачного текста. Эти ключевые слова современных СМИ также выступают мозаикой, формирующей негативно-эмоциональную картину бесконечной цепи негативных социальных событий в стране. Анализ

фактического материала (тексты предвыборных газет претендентов на должность главы администрации г. Волгограда в 2006–2007 гг.) показал, что неэкологичными могут быть даже сами заголовки газетных публикаций (специально придумываемые журналистами), которые при сложении образуют текст-каркас единого газетного макротекста. Такой тип экспериментального текста, искусственно созданного из заголовков предвыборных публикаций, служит для более яркой экспликации неэкологичности коммуникативных интенций претендентов. Приведу пример такого типа текста, синтезированного мною только из заголовков статей в «Первой газете», диффамирующих одного из претендентов: *Митволь добрался до волгоградских чиновников. Росприроднадзор выявил нарушения в Волгоградской Рублевке. Жилье для бедных пока строить не будут? Городским властям не нужны ни молодежь, ни старики... Волгоград – один из самых загрязненных городов мира. / Сколько мы переплачиваем по ипотечным кредитам. Хомохапиенс. Нынешний и.о. градоначальника получал деньги из «черной кассы» мэрии. И снова повышение! В росте цен на хлеб виноваты городские власти. Пенсионерам приготовили подачку. В виде бесплатных обедов. Городские власти выжили детей из санатория. А на его месте возвели элитные особняки. Власть играет в социалку. Насколько искренними являются благие намерения чиновников в вопросе оказания помощи малоимущим волгоградцам. Изнанка «добрых дел». Чиновники раздают многодетным семьям или недостроенные квартиры, или клетушки в хрущевке. Городское здравоохранение обнищало. В Волгограде не хватает вакцины от гриппа. Застройка вместо парка? Власти в очередной раз наплевали на интересы волгоградцев. «Ваш дом надо взорвать!». Городские власти предпочитают убежать от проблем, а не решать их. Тысячам волгоградских пенсионеров отказано в получении жилищных субсидий. Образование у барной стойки. Детско-юношеский центр поселили в одно помещение с питейным заведением. «Пачка сигарет доступна чуть ли не младенцу». Массовые аресты в мэрии. Прокуратура взялась за людей, назначенных нынешним и.о. Мэрские инсинуации. Городская власть готова пойти на все, чтобы поднять чиновничий авторитет у населения. Арка триумфального безразличия властей к жителям отдельно взятого дома. Не пей, мутантом станешь! Жители Авиагородка могли стать жертвами безалаберности муниципальной власти. «Конец» света. Из-за халатности и равнодушия городских коммунальщиков жители двух домов в центре Волгограда остались без электричества. Кладезь проблем. Волгоградцы рискуют лишиться уникальнейших памятников приро-*

ды. Как же мне не злиться – где я буду мыться? Жители Кировского района опасаются, что в новом году им будут недоступны услуги социальной бани. Назначенные на хлебники. В канун Нового года исполняющий обязанности мэра Волгограда подписал постановление об индексации заработной платы городским чиновникам за 12 месяцев 2006 года на 20 процентов на 174 миллиона рублей. «Мы не просим помощи у властей. Пусть только не мешают». Тяжба жителей Краснооктябрьского района с городскими чиновниками за землю продолжается. Пишите письма мелким почерком. С нового года увеличилась и стоимость услуг почтовой связи. Правда, цены на письма взлетели еще в октябре 2005 года, но теперь придется платить больше и за телеграммы. Учителя не смогли нормально отпраздновать Новый год. Волгоградским работникам образования до сих пор не выдали зарплату за декабрь. Лекарственный беспредел. Тысячи волгоградских льготников не могут получить жизненно необходимые препараты. Афера. Временное руководство города тратит бюджетные резервные деньги для малоимущих на совершенно другие цели... Город подводят к банкротству. От пенсии до пенсии живется им невесело... Денежные выплаты наших стариков не поспевают ни за инфляцией, ни за ростом коммунальных тарифов. Город имени безвластия. В Волгограде незаконно переименовывают остановки. Игра на первобытных инстинктах? Кто дал «добро» на открытие сомнительного мужского салона в центре города-героя? Долговая яма Волгограда. Финансовые аппетиты власти шокируют даже городскую контрольно-счетную палату. Игровая эпидемия. Несмотря на критическую ситуацию, власти города разрешают открывать новые игровые клубы прямо возле волгоградских школ. Коммунальная пощечина. ЗАО «РЭС» через суд требует с детского дома девять тысяч рублей, которые даже не предусмотрены договором. Временщикам пивнушки важнее детских площадок? Хериановая доля, или Грустный рассказ о том, как ставленники Иценко детей обирают. Без крыши над головой осталась Красноармейская районная организация Всероссийского общества инвалидов. Волгоградским дорогам требуется хозяин. Право на воздух. Исполняя решения временной власти, в Волгограде продолжают вырубать парковые зоны. Улица, которой нет? Мусорная свалка из-за равнодушия муниципальных чиновников растет день ото дня чуть ли не в центре Волгограда. Несветлый город. Целевая программа об освещении Волгограда на поверку оказывается очередной профанацией. Власти говорят «Ура!», где нужно кричать «Караул!». Природные зоны города-героя на-

ходятся под угрозой. На «легкие» нет денег. Программа озеленения и благоустройства Волгограда – не более чем очередной проект нерадивых властей. Зачем власть лжет учителям? В бюджете Волгограда на 2007 год не заложено ни копейки на увеличение зарплат учителям! Качество воды со знаком минус, или Кому выгодно «травить» волгоградцев [Первая газета].

В этом искусственно созданном тексте можно проследить, как один из претендентов получает серию негативных оценок в прессе. Данный текст составлен из 48 заголовков статей, опубликованных в диффамирующей Р.Т. Херианова «Первой газете». 48 заголовков называют 48 поступков одного из кандидатов на пост мэра Волгограда, которые подвергаются негативной оценке со стороны Р.Г. Гребенникова. Имплицитно – это 48 аргументов для того, чтобы не выбрать Р.Т. Херианова на должность главы города. Каждый заголовок – это определённый тактический шаг. А сам текст как целое – мощный тактический выстрел для достижения стратегической цели – опорочить оппонента.

Неэкологичность данного текста формируется как за счет перечисления целого ряда негативных явлений в жизни волгоградцев, так и за счет большой плотности отрицательно оценочной лексики, называющей, выражающей или описывающей эмоции авторов (в предвыборных публикациях, по нашему мнению, автор всегда является коллективным: журналист + пиар-группа претендента. – В.Ш.). Этот синтезированный текст является одновременно и эмоциональным (за счет значимости каждой из обозначенных проблем города для избирателей) и эмотивным (за счет выражения отношения к Р.Т. Херианову). Вектор его неэкологичности направлен одновременно и на избирателей, и на кандидата. Содержанием этого сверткста являются смысловые валентности, создающие бесконечное ассоциативное поле негативной информации, обладающее мощной эмоциональной энергетикой неэкологичности, воздействующей на психику читателя / избирателя.

Проанализируем данный текст на плотность эмотивов. В заголовке *Митволь добрался до волгоградских чиновников* фамилия *Митволь* является эмотивным потенциативом. В контексте того, что он выявлял нарушения в деятельности городской администрации (имплицитно – под руководством Р.Т. Херианова), фамилия приобретает некоторую символичность. Митволь становится как бы олицетворением справедливого наказания для нарушивших закон чиновников. Этим объясняется коннотативная оценочность. Потенциально эмотивными в контексте предвыборной ситуации становятся такие слова, как *старика, пенсионеры, молодежь, город, Волгоград, волгоградцы, мэр, власти, чиновники, жилье, проблемы* и др. Эти нейтральные по сво-

ему словарному значению слова получают из контекстов заголовков потенциальную эмотивность, поскольку именно о них все время идет речь в предвыборных публикациях. И ситуации, в которые попадают жители Волгограда «благодаря» усилиям мэрии, получают даже в самих заголовках имплицитную и эксплицитную отрицательную оценку со стороны авторов этих заголовков. Согласно заголовкам, содержание этого искусственно созданного текста является следующим: волгоградцы страдают от деятельности временной власти, в городе разрушены и не ремонтируются дороги и дома, людям не хватает жилья, вырубается парки, переименовываются исторические места города, имеет место задолженность по зарплате, пенсии не соизмеримы с уровнем инфляции, город оказывается в опасной экономической ситуации и т. д.

Ожидаемые эмоции в приведенном тексте называются, описываются и выражаются: *Улица, которой нет? Мусорная свалка из-за равнодушия муниципальных чиновников растет день ото дня чуть ли не в центре Волгограда; От пенсии до пенсии живет им невесело... Денежные выплаты наших стариков не поспевают ни за инфляцией, ни за ростом коммунальных тарифов, Херианова доля, или Грустный рассказ о том, как ставленники Ищенко детей обирают; Власти говорят «Ура!», где нужно кричать «Караул!».* Природные зоны города-героя находятся под угрозой. Известно, что эмоция формирует ситуацию и наоборот – ситуация формирует эмоции. Целый кластер отрицательно заряженных эмоций провоцируется самими реалиями жизни. Но не только ими. Важной является сознательная вербальная упаковка этих событий, а также дозированная подача таких упакованных в слова событий, отраженных в предвыборных публикациях претендентов. Вместо того, чтобы негативные явления, которые сами по себе вредоносны для психического (интеллектуального и эмоционального) здоровья жителей Волгограда, преподносить, пользуясь экологической функцией языка, предвыборные СМИ так их вербально упаковывают, что вредоносными в эмоциональном плане становятся сами слова.

Приметой анализируемой коммуникативной ситуации стало доминирование в предвыборных газетных текстах слов, обозначающих отрицательные оценочные понятия. Поскольку все эти понятия соотносятся с эмоциями, то становится очевидным, что через лексику предвыборные газетные тексты моделируют у избирателей соответствующие эмоциональные настроения и подвигают их на правильный (запланированный) выбор. Приведённые выше примеры убедительно указывают на очень низкий культурно-экологический и профессиональный уровень тех волгоградских журналистов, которые участвовали в пиаре своих заказчиков.

Теперь вернемся к началу анализа, в котором утверждалось, что приведенная последовательность заголовков представляет собой единство, не выраженное эксплицитно. Итак, диффамирующий Р.Т. Херианова интертекстуальный смысл имплицитно связывает все эти заголовки в одно текстовое целое. Заголовки, которые представляют собой скомпрессированные тексты, можно поделить на тексты-стимулы и тексты-реакции. Приведем примеры заголовка-стимула и заголовка-реакции. Рассмотрим для примера диалог двух газет:

Заголовок-стимул (репликовый шаг № 1):

Памятник расточительству? Бронзовая статуя все-таки появится в Волгограде уже в конце февраля?, Памятник тщеславию. И архитекторы, и сотрудники ГАИ искренне недоумевают, кому понадобился монумент в центре площади («Первая газета»).

Заголовок-реакция (репликовый шаг № 2):

Символ доблести и единения. 24 февраля, в морозный ясный день, на площади Павших Борцов состоялось долгожданное и волнующее событие – открытие памятника известному русскому полководцу князю Александру Невскому («Город героев»). Каждый заголовок коррелирует с конкретным событием, которое является определенной вехой предвыборной кампании как политического события.

Среди методологических положений современной лингвистики выше была упомянута взаимозависимость мотивов, интенций и эмоций. В результате, если пропустить промежуточные звенья, мотив руководит поступками: словами, делами, а для реализации этих слов и дел продумываются тактики и стратегии.

Известно, что все виды стратегий объединяются тем, что они представляют своего рода гипотезы относительно будущей ситуации и обладают большей или меньшей степенью вероятности [Дейк, 1989]. Добавим также, что коммуникативные стратегии и тактики взаимо конвергируемы. Как показывает наблюдение за текстами СМИ, эти тактики и стратегии обусловлены эмоциями обеих коммуницирующих сторон. И под воздействием эмоций тактики и стратегии могут меняться местами. Стратегии и тактики могут быть ближними и дальними. Достижение ближайшей стратегии трансформирует её в тактику для достижения следующей (дальней) стратегии.

В современных СМИ ключевые слова создают негативный психо-семантический текст [Губайловский, 2008; Кронгауз, 2013; Чудакова, 2007 и др.]. Эти слова-символы бомбардируют психику человека: с их помощью власть создаёт очередной новояз и иногда пытается быть недостоверной (недостоверная информация как тактика, дозировка информации как мена тактик и стратегий).

Новоязом пытаются полностью зашорить получателей информации: негативные слова – это хотя бы какая-то информация, а новояз – вообще «обрезание» информации, т. е. её сокрытие. Однобокое использование ключевых слов только в негативных целях приводит к тому, что в современных СМИ имеется очень много негативной информации, вредной для здоровья, особенно детского. Развитие данной тенденции наиболее очевидно на примере Интернета. Там происходит навязывание и провоцирование негатива, из-за него сложно отыскать нужную информацию.

Конечно, экологичная коммуникация существует. Но баланс сдвинут в сторону негатива. Это нарушает впечатление о языке. СМИ должны учитывать, как такой негативный язык влияет на здоровье получателей их информации. Если говорить только на таком негативном языке, то есть вероятность того, что останется только он, а вся положительная часть языка забудется. Новое поколение живёт в определённом языковом круге. Такое однобокое использование языка ведёт к нарушению, искажению психики, формированию образа врага везде и всюду. Никто не будет «своим», все будут «чужими». Должен быть баланс положительной и отрицательной лексики в передаваемой через СМИ информации. Митигация в этом случае состоит в том, что позитивная часть языка не используется, а негативная подменяется новоязом, что может привести к тому, что позитивная лексика постепенно выйдет из употребления и атрофируется. Журналистам и всей вертикали власти необходимо пересмотреть свою языковую политику и более или менее соблюдать баланс негатива и позитива в информировании населения и активизировать терапевтическую, а не разрушительную функцию языка. Иными словами, необходимо сделать общение экологичным.

§ 2. Лингвоэкологическая ответственность СМИ

Язык – это город, на построение которого каждый живший на земле человек принёс свой камень.

Р. Эмерсон

Лингвистика является базовой наукой почти для всех современных наук. Долгое время она существовала в виде отдельных, сменяющихся парадигм: сравнительно-исторической, структурной, дескриптивной, антропоцентрической. Как только лингвистика стала антропоцентрической, т. е. когда в её объект был включен и человек – создатель и пользователь языка и текстов, лингвистика стала кластироваться с други-

ми науками. Так появилась социолингвистика, объектом которой стало изучение того, как язык влияет на общество и как общество влияет на язык. Затем – психолингвистика, объектом которой стало изучение психотипа человека, психологии человека, его языка и механизмов порождения речи. Несколько позже появилась прагмалингвистика, объектом которой является эффективность языкового воздействия в различных сферах деятельности человека. Появилась также текстолингвистика, которая изучает человека в тексте, человека как автора текста. Как отмечал Ю.Н. Караулов, наконец-то лингвисты осознали, что за текстом стоит человек, текст предназначен для человека и текст создаётся человеком. Поскольку важнейшим психологическим фактором человека являются эмоции, психолингвистика тесно связана с лингвистикой эмоций. Эмоции являются центральным, стержневым качеством человека. Его эмоциональный тренд, его эмоциональный индекс управляют выбором языковых средств в зависимости от ситуации общения. Эмоции моделируют не только вербальную, но и невербальную деятельность человека, не только его слова, но и его поступки.

Хотя Р. Декарт в своё время и утверждал, что тот, кто владеет языком, тот владеет миром, данная проблема дискутируется до настоящего времени. Так и не выяснено до конца: язык управляет человеком или человек управляет языком.

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся», – провозгласил известный поэт. А это «как отзовётся», оказывается, может очень глубоко ранить, вызвать обиду, ненависть, а может – любовь и целую гамму других эмоций.

Поскольку экология занимается природоохранительной деятельностью человека, то, по аналогии с ней, среди различных функций языка следует выделить и языкоохраняющую функцию. Поэтому вначале говорили об экологии природы, затем об экологии культуры, а потом и об экологии языка и речи, поскольку язык человека является, с одной стороны, составной частью природы, а с другой стороны, частью общества / культуры.

С тех пор, как лингвистика эмоций установила типы их категоризации языком через лексику, семантику, тексты [Шаховский, 2008 а–г], с тех пор, как был установлен эмоциональный интеллект, эмоциональный дейксис, стали говорить и писать об эмоциональном мозге [Симонов, 1981] и, соответственно, об эмоциональном мышлении и эмоциональной памяти, тогда возник вопрос и о терапевтической функции языка. Терапевтическая функция языка рассматривалась вначале до его экологии, но постепенно исследователи пришли к мысли о том, что эта функция языка очень тесно связана со здоровьеохранительной

деятельностью человека, в том числе и через язык. Таким образом, валлеология как наука о сохранении здоровья человека переплелась и с терапевтической функцией языка, и стало возможным выделить как отдельное научное направление лингвоэкологию языка [Сковородников, 1992, 2000 и др.].

Целью лингвоэкологии языка стало изучение того, как язык сохраняет сам себя, т. е. сохраняет здоровье человека или (в результате его неправильного использования человеком) постепенно подходит к лингвициду, т. е. к порче, разрушению и самоуничтожению. Таким образом, лингвоэкология изучает двойственную функцию языка: правильное его использование сохраняет язык и здоровье человека, неправильное – разрушает.

Выше мы писали, что в своём объекте лингвоэкология тесно переплетается с наукой о культуре речи, которая существовала давно и изучала грамотность речи и её чистоту. Отсюда возникло такое метафорическое понятие, как «хорошая речь», – речь чистая, культурная, эстетически и этически выдержанная. Всё это можно считать различными параметрами культуры речи (подробнее об этом см. часть I). Поскольку вся речевая деятельность, как и прочие виды деятельности человека, сопровождается эмоциями, интересно было посмотреть, как эмоции влияют на сохранение самого языка и на сохранение или разрушение с его помощью здоровья человека [Солодовникова, 2010]. Анализ многочисленных текстов художественного, медицинского, политического, педагогического и медиального дискурсов подтвердил нашу гипотезу о том, что эмоции непосредственно влияют на качество языка / речи, здоровья и жизни человека. Отсюда возникла необходимость говорить об экологичности языка / речи.

Скрупулезный анализ различных жизненных ситуаций, которые включают в себя и огромное количество эмоциональных коммуникативных ситуаций, показал, что эмоции могут приводить как к порче языка (использование грубых, бранных, жестоких слов) в состоянии ссоры, гнева, обиды, ярости, так и к порче здоровья человека (подъём АД, ухудшение самочувствия, инсульты, инфаркты). Поэтому сегодня встал вопрос о необходимости включения в коммуникативную компетенцию общающихся таких её компонентов, как эмотивная и эмоциональная компетенции. Науке уже известно, что отрицательные эмоции (как и положительные) руководят селекцией речевых / языковых и стилистических средств в различных коммуникативных ситуациях и тем самым как бы задают тональность общения.

Иллюстрацией данного тезиса может послужить анонимное письмо пользователя Интернета Председателю Правительства РФ во время

августовских пожаров 2010 г. Возмущённый бездействием властей дачник из Тверской области рассказал в своём письме о состоянии противопожарной оснащённости в стране на примере своего района. Текст письма включает 630 слов. Из них – 19 крайне грубых (матерных) выражений (как базовых, так и дериватных), воспроизведённых в полной орфографии. Они свидетельствовали о беспредельном возмущении автора ситуацией, складывавшейся в течение многих лет, когда стало некому и нечем бороться с пожарами. Эти 19 нецензурных выражений, наиболее популярных в русском речевом общении, эксплицируют аффектированную доминанту эмоциональной тональности письма и его автора. В официально-вежливом ответе премьера автору данного послания также прорывается целый комплекс эмоций. Их как раз и выдаёт стиль автора ответа, упакованный в иронию (*И Вы, безусловно, одарённый литератор. Если бы зарабатывали писательским трудом, могли бы жить, как и любимый писатель В.И. Ленина – А.М. Горький – на Капри*), насмешку и скрытую издёвку (*При наличии Вашего адреса рынду получите у губернатора незамедлительно*) и даже некоторую якобы отеческую снисходительность (*Вы, конечно, удивительно откровенный и прямой человек. Просто молодец. Несмотря на все проблемы и трудности, надеюсь, до пенсии мы с Вами всё-таки дотянем*). Это пример эмоционального диалога, демонстративно неэкологичного, с одной стороны, и скрыто неэкологичного – с другой. Но оба коммуниканта находятся в эмоциональном состоянии, различающемся по вербальной упаковке. Данный коммуникативный акт, несомненно, подтверждает наш тезис о зависимости экологии общения от эмоционального состояния коммуникативных партнёров и их эмоционального интеллекта.

Аналогичная зависимость экологии языка / речи от эмоций ежедневно и многократно демонстрируется СМИ. Массмедиальная экология [Леонтович, 2015] нарушается через чрезмерную экспликацию отрицательных эмоций в лексике, синтаксисе, просодии, транслируемых СМИ на аудиторию. Приведём примеры: *бунт хорьков; гречневая лихорадка; жемчужный прапорицк; Это – брехня; Пришлём к вам врача (в смысле – силовые структуры вас полечат); спецнокрафия; либерасты; дерьмократы; расчехлить говномёт; весь в дерьме; дымобилизация* и др.

На ТВ мало передач о знаменитых людях: учителях, врачах, учёных, студентах, рабочих, однако много времени уделяется информации и специальным передачам о «ворах в законе» (дед Хасан, Япон-

чик, Тайванчик, Паша Цветомузыка и др.), транслируются их похороны (как национальных героев). Дикторы Центрального ТВ рассказывают об их убийствах в разных городах страны. В связи с этим напомним, что, по мнению специалистов, голос может обладать или не обладать терапевтическим эффектом, он завораживает, отталкивает, вызывает страх, тревогу, что подтверждается данными компьютерной диагностики Центра биокрибнетики голоса (старшее поколение помнит прекрасные, сочные, наполненные красотой голоса М. Магомаева, Ю. Левитана, В. Татарского, торжественно-возвышенные интонации диктора радио О. Высоцкой, телеведущего И. Кириллова, а также чарующий и проникновенный голос И. Андронникова с его устными рассказами по ЦТВ, эстетике которых внимала вся страна). А когда в голосе ведущего слышны тревожные нотки, в эфире концентрируется давящая атмосфера подачи информации [Устинова, 2010, с. 58].

В эфире и прессе повторяются клички криминальных авторитетов (Зот, Дюпре, Ёлка, Кокос и др.). Возникает предположение, что уже давно в российском информационном пространстве недостаёт нормальной, экологичной информации (а та, что есть, зачастую формирует тревогу и страх, в том числе за счёт просодической семантики). На ТВ и радио много времени уделяется психологии преступников, что не может не отпечатываться в сознании зрителей и слушателей. Под влиянием таких словных и видеорядов люди (и особенно дети) начинают подражать этим ТВ-героям. И случается, что даже взрослые грамотные люди не могут вырваться из плена неэкологичных коммуникативных ситуаций и начинают расстреливать людей просто так. Чего стоит только один пример с майором Евсюковым, из которого очевидно, что психика государственного чиновника – представителя правоохранительных органов – под влиянием таких вербальных и видеорядов мутировала в психику правонарушителя. В этом же ряду находятся и серийные расстрелы 2014-го и 2015 гг., а также расстрелы в армии и даже в школах.

Достаточно также посмотреть такие ТВ-программы, как «Русские сенсации», «Чрезвычайное происшествие», «Кухня Муз-ТВ» и др., бесконечные кровавые сериалы, например, «Улицы разбитых фонарей», «Бригада», «Бандитский Петербург» и др., демонстрацию деталей различных техногенных катастроф и терактов, почитать «закулисный» журнал «Тайны звёзд», чтобы убедиться в этом. Приведём примеры заголовков статей из этого журнала: *Какие тайны примадонны унёс в могилу верный водитель?; Лиза Боярская изменила мужу с*

Меладзе; Я отрезала у себя всё, что можно (Лолита); Помогите. Моя аура...вся в дырках (Лайма); Мне нужен второй муж. Я очень страдаю от измены мужа. Я простила мужу все его измены (Н. Королёва); Геннадий Малахов хотел покончить жизнь самоубийством; За что Филипп Киркоров отравляет жизнь Николаю Баскову?; Перед свадьбой она занимается сексом по телефону (о Лолите); На мне и сейчас нет трусиков (Лолита). Такая вербальная информация, сопровождаемая соответствующими фотографиями, по сути дела является «клубничкой со сливками», и у нормальных людей она не может не вызывать эмоционального протеста, т. к. она является неэкологичной: она нарушает параметры этики и эстетики человеческой коммуникации, в данном случае массмедиаальной.

Современный русский язык засорён огромным количеством неэкологичной лексики, изобретённой и запущенной в оборот СМИ: *ненавистливый, цитатливый, бюрократида, бюрокрады, клеветон, арестократ, тюремек, портвейнгеноссе, моготырь, творянин, глажданин, буриданствовать, коллюзия, либидоносец, травматургия, словелас, лживопись, лжизнь, писун* и др. Многие из этих слов / речем являются результатом языковой игры, мотивом которой выступают негативные эмоции. Референтом таких эмоций являются новые контекстуальные понятия, отражающие новые социальные феномены, или переосмысление старых понятий с их переноминацией для новых коммуникативных условий. Они представляют собой, по словам Л. Веккера, концептуальный «мост» между мозгом и сознанием, а затем и коммуникативным поведением [Веккер, 1998]. Через такие и аналогичные им номинации эксплицируется негативность этих понятий, закодированная и воспроизводимая в их семантике.

Эмоционально отрицательное отношение пользователей русского языка к этим новым понятиям делает их неэкологичными, равно как и коммуникативные ситуации, в которых они используются. Напомним, что не только определенные коммуникативные ситуации вызывают эмоции Homo Loquens, но и сами эмоции Homo Loquens могут создавать эмоциональные коммуникативные ситуации. Это говорит о тесной взаимозависимости эмоций и коммуникативных ситуаций. Такая взаимозависимость превращает Homo Loquens в Homo Sentiens [Шаховский, 2008], который порождает все новые и новые дериватные эмоции. Среди таких Homo Sentiens достаточно много журналистов и других работников СМИ. К таким неэкологичным новообразованиям относятся, например, следующие: *беруша (ласково взяточник), абиту-*

риентский туризм, брехлама (реклама, которая и брехня, и хлам), нехоть (состояние, когда ничего не хочется), зомбоящик (телевизор), самозвонец (тот, кто всюду звонит о себе, саморекламущик), трепортёр (многопустословный репортёр), стабилизец, объЕГЭ-рить, фуфломизин, голодообразующее предприятие и т. д. (примеры М. Эпштейна).

Необходимость в таких новообразованиях и тяга к ним указывают на потребность коммуникантов в неэкологичном общении. Появляется нечто схожее с наркозависимостью, которая тоже является неэкологичной. Только в первом случае процесс касается разрушения языка, а во втором – здоровья человека, хотя и не через язык. Полагаю, что такая жажда новообразований не имеет ничего общего с жаждой экспрессии по Г.О. Винокуру. Аналогичные новообразования, несомненно, экспрессивны, но, прежде всего, в них закреплена резко отрицательная эмоциональная оценка фрагментов современной социальной жизни России.

Следует указать, что достаточно популярным в настоящее время способом фразообразования в СМИ является сочетание слов с полярной семантикой: *государственное предпринимательство, суверенная демократия, регулируемый рынок, криминальный авторитет* и т. д. Наиболее оригинальными по своей неожиданности неэкологичными новообразованиями являются так называемые оксюморонимы – энантиосемичные по содержанию, оксюморонные по форме. Оксюморонимы говорят об очень сложном мыслительном процессе. Это не просто зеркальное отражение, а результат осмысления коммуникантами морально-этических и социальных реалий и их эмоциональная рефлексия, получившая игровую вербальную упаковку и транслируемую через многочисленные СМИ: *думрак, злобро, смертозод, смерма, солночь, равнолюбие* и др. (примеры М. Эпштейна).

Из этих оксюморонимов и оксюморонимов становится ясным, как происходит кристаллизация негативной мысли в слове. В неологизмах проявляется креативная функция мышления и языка. Смыслоформирование и смыслооформление – кристаллизация мысли в слове плюс отрицательное эмоциональное оценивание, в результате чего происходят рождение новых эмоциональных / эмотивных контекстуальных понятий и их вербализация.

Трансляция людям через СМИ негативных фактов, демонстрация негативных событий и использование негативных лексических и синтаксических новообразований для их описания и изображения задают неэкологичный формат общения и поведения в социуме и провоциру-

ют соответствующие эмоциональные состояния адресата, которые могут привести к ухудшению его здоровья. Вот наглядная связь валеологии, экологии и эмотиологии, о чем мы писали в части I. А само слово «новообразование» коннотирует смысл «опухоль» в организме человека, а в данном случае – «опухоль» в организме языка.

Ранее говорилось, что учёные-исследователи доказали прямую связь между экологией языка и валеологией человека, в частности, между матерными идиомами, включающими названия гениталий, и их использованием в коммуникативных актах и способностью людей к деторождению. Так что демографические «ямы», по-видимому, могут быть обусловлены, в том числе, и обилием мата во всех видах коммуникации, поскольку частотное использование таких идиом разрушает деторождающую функцию как у мужчин, так и у женщин (см.: [Эпштейн, 2009]).

Интернет причислен к массмедиа. И, следовательно, возникает необходимость исследовать экологичность его текстов, словных, креолизованных, клипов и видеорядов, совмещающих музыку и текст. Наглядным и, можно сказать, взрывным примером явился в Интернете видеоклип группы «Ленинград» на песню «Экспонат». Вроде бы на эстетическую тему представлен в изощрённо-уродливой форме планируемый визит на выставку Ван Гога. Для любителей такой классики привожу полный текст этой креатемы, которую можно назвать развёрнутым эмотивом: *Водил меня Серёга. // На выставку Ван Гога. // Там было тёлок много. // И нервы, как канат. // Но я не недодрога. // Дала понять с порога. // На выставке Ван Гога. // Я главный экспонат. // На лабутенах нах. // И в оху*тельных штанах. // На лабутенах нах. // И в оху*тельных штанах. (x2) // Мы с Генкой и Маринкой. // Ходили в «Мариинку». // Послушать чисто Глинку. // Партер, туды-сюды. // Там сразу без заминки. // В партере «Мариинки». // Все поняли блондинки. // Я прима, без п*зды. // На лабутенах нах. // И в оху*тельных штанах. // На лабутенах нах. // И в оху*тельных штанах. (x2) // Штанах... штанах... // Водил меня Серёга. // На выставку Ван Гога. // Там было тёлок много. // И нервы, как канат. // Но я не недодрога. // Дала понять с порога. // На выставке Ван Гога. // Я главный экспонат. // На лабутенах нах. // И в оху*тельных штанах. // На лабутенах нах. // И в оху*тельных штанах. (x2) // Штанах... штанах...*

Хотя для данной группы, как меня уверяют знатоки, этот «фольклор» является стилистической нормой, у широкого круга интернет-пользователей он вызвал противоречивые эмоции. Поскольку данный клип не был удалён вопреки закону о запрете мата и получил мгновен-

ное распространение по некоторым радиостанциям FM, его продолжают слушать всё новые и новые слушатели всех возрастов, включая субтильный. Для последнего круга слушателей такой текст может стать нормой общения и примером для подражания. Вряд ли такие видеоряды способствуют духовному и патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Не буду проводить его лингвоэкологический и стилистический анализ, ибо для меня он однозначно вреден и не имеет ничего общего с искусством, которое должно возвышать человека, а не беспрестанно его унижать. За это унижение, по моему мнению, должны нести ответственность продюсеры, режиссёры, авторы, исполнители и министерство культуры.

Неэкологичные новообразования, т. е. неэкологичное пользование языком, – это ещё одно свидетельство персональной ответственности каждого конкретного журналиста перед теми, с кем он общается. Вышеприведённый материал, как мне кажется, достаточно убедительно указывает на необходимость теоретической и практической разработки нового направления – эмотивной лингвоэкологии, ибо эмоции, этические нормы коммуникативного поведения и здоровье человека конверсируемы.

Представленный в данной части работы материал наводит на мысль о том, что неэкологичное общение со СМИ заточает коммуникативных партнёров в тесный языковой круг, в котором на бессознательном уровне происходит процесс трансформации / мутации, т. е. разрушения психотипической и лингвистической целостности языковой личности. Когда школьников спросили, почему они матерятся, они, не испытывая смущения или стыда, ответили, что всё это слышат от взрослых, по ТВ и в Интернете, театре и кино. Иными словами, социум сам снижает свои нравственно-этические нормы. В результате влияния массмедиального, их видеоряда и текстов, вербального и невербального поведения социума формируется так называемая «другая языковая личность». Вербальная неэкологичность является параметром *другой языковой личности*. Новая / другая языковая личность является нравственно-этическим последствием неэкологичного общения и неэкологичного вербального и визуального массмедиального поведения.

Совершенно очевидно, что к уже выделенным эмотивной лингвоэкологией параметрам экологичности общения [Шаховский, Солодовникова, 2009] должен быть добавлен параметр этичности. А он непосредственно связан с влиянием коммуникативных эмоций на тип экологичности: экологичное vs неэкологичное общение.

Глава 2. РОЛЬ ЭМОЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЭКОЛОГИЧНОСТИ МЕДИЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ

§ 1. Лингвоэкологичность стилистики медийного общения

Русский язык – молодой язык, но он неминуемо, пройдя путь, который прошли другие языки, придёт к упрощению, и мы будем говорить на птичьем языке потомков.

А. Минкин

Данный параграф посвящен экологичности стилистики публично-го общения политиков (отмечу, что не даётся никакой оценки этих политиков как личностей). Экологический аспект исследования избранных политиками стилистических средств и приёмов предполагает изучение этики выражения ими через эту стилистику своих положительных и отрицательных эмоций.

Прежде чем обратиться непосредственно к анализу фактического материала, раскрою те положения эмотивной лингвоэкологии, с учётом которых выполнено данное исследование. Утверждение о том, что человек постоянно подвержен влиянию окружающей его биологической и социальной среды и что общение является доминантной формой человеческого существования, аксиоматично. Поскольку вся коммуникация человека связана с эмоциями (по Ш. Балли, В.Г. Гаку и др., без эмоций нет общения) и зачастую в определённых коммуникативных ситуациях *Homo Loquens* превращается в *Homo Sentiens*, стало необходимым говорить о его этологии – т. е. социологизации и установлении этических норм общения [Шаховский, 2008]. Мы полностью разделяем мнение В.Г. Руделёва, что самым главным требованием к языку является «уважение к Человеку, к его правам, к его высочайшему назначению, к его роли в жизни общества, к красоте его Бытия. В этом смысле наиболее важным моментом в жизни языка является отражённый в нём и закреплённый в правилах этикет» [Руделёв, 2011, с. 15]. Таким образом, лингвистический подход к изучению экологических проблем рассматривается как часть науки «экология человека» (при этом языковые и речевые явления выступают в качестве средств сохранения / нарушения экологичной жизнедеятельности человека), а этический параметр может являться одной из главных составляющих экологичности его общения.

Известно, что слово воздействует на физиологические и химические механизмы регулирования жизнедеятельности человека через его

эмоции. Через изучение эмоций в человеческом общении в коммуникативной парадигме лингвоэкология и эмотивная лингвистика объединяются общностью базовой проблематики и понятийной системы. Эмотивная лингвоэкология как их синтез, таким образом, изучает этику, культуру выражения эмоций в языке. А на связь культуры и филологии указывал в своё время ещё академик Д.С. Лихачёв: «...да, будьте и филологами, то есть “любителями слова”, ибо слово стоит в начале культуры и завершает её, выражает её» [Лихачёв, 1989].

В настоящее время в значительном количестве публикаций высказывается явная тревога лингвистов-экологов как за здоровье языка, так и за здоровье его пользователей. Эта тревога связана с тем, какие эмоциональные смыслы он транслирует системой своих средств – изгнание милосердия, добродетели, эмпатии и нагнетание агрессии, ненависти, страха и т. д. [Экология языка и речи..., 2012 и др.]. Учёные обращают внимание на негативное влияние информационной среды на человека, на всё возрастающую эмоционализацию глобального коммуникативного пространства и интенсификацию социальной, этнической, конфессиональной и межкультурной напряжённости, зачастую переходящей во вражду и агрессию. Исследователи причин экспансивности негативно окрашенной эмоциональной коммуникации призывают государственные институты заняться проблемой повышения уровня терпимости в коммуникативном сообществе и предлагают свою помощь в просвещении всех желающих через формирование эмоциональной / эмотивной компетенции коммуникантов и интеллектуализацию эмоций. И с этим нельзя затягивать, поскольку, повторю еще раз, баланс эмоций в современной коммуникации всё чаще сдвигается в сторону негатива: отрицательные эмоции реже скрываются и меньше подавляются. Распространение же агрессивных эмоций, как неоднократно отмечалось многими исследователями, вредно для здоровья – неэкологично с позиций общественного поведения [Волкова, 2011; Шаховский, 2010 а–г; Ренц, 2011; Шаронов, 2004 и др.].

Смещение коммуникации в сторону неэкологичности особенно заметно в публичном общении политиков, отражённом в массмедиа. Социальные факторы информационного воздействия могут задаваться политическими решениями представителей власти, составлять часть манипулятивных тактик авторов или редакций медийных изданий [Ионова, 2011]. В данной связи показательно мнение А.В. Кротова, опытного путешественника автостопом. На вопрос своих читателей «А ведь говорят, всюду преступность растёт, и всюду всех насилуют, берут в заложники, убивают...» он отвечает: «Такая иллюзия предстаёт перед

людьми, познающими мир через средства массовой информации. Реально говоря, в мире в миллион раз больше мест спокойных, чем неспокойных, в миллион раз больше хороших людей, чем насильников и убийц, каждый день в миллион раз больше людей живёт, чем умирает... Но журналисты, стараясь получать побольше денег, повысить рейтинг своих СМИ, специально обшаривают весь мир и ищут такие вещи, которые происходят как можно реже, и сообщают только о них. “На Филиппинах произошёл переворот... На Ленинском проспекте столкнулись 5 машин... Под Иркутском упал самолёт... 90-летнюю бабушку изнасиловали в подезде... Над Москвой пронёсся ураган... В Канаде обнаружили женщину, заболевшую смертельным вирусом Эбола... В США взорвали Пентагон и два небоскрёба...” и т. д. Вот такие новости мы читаем и не отдаём отчёт, что это специально выбранные редкие случаи из миллионов обычных случаев, о которых все знают, но умалчивают. <...> Если бы какая-нибудь газета хотя бы раз напечатала ВСЮ ПРАВДУ об окружающем мире, она бы тут же разорилась, ибо была бы очень толстой, дорогостоящей – и, увы, скучной! Так уж устроен человек, что ему хочется узнать о НЕОБЫЧНОМ» [Кротов, 2001]. Указанный приём намеренного мультиплицирования негативных фактов через кластеры отрицательных эмоций провоцирует соответствующие психоэмоциональные состояния получателей такой информации – создает эффект сплошной негативной кажимости.

В этом и аналогичных случаях эмотивная лингвоэкология рекомендует политикам и журналистам пересмотреть свою языковую политику и более или менее выдерживать основной параметр экологичности – этичность в трансляции эмотивных смыслов (через баланс отрицательного и положительного модусов эмотивности) в СМИ. Учёные призывают быть более милосердными, бережными к получателям информации, не вызывать у них только отрицательные эмоции, тем самым негативно влияя на их здоровье (об унижении языком и изгнании милосердия см.: [Шаховский, 2007 а–в; Шаховский, Ионова, 2012]).

В связи с вышесказанным обширным материалом для лингвоэкоэмотивного исследования выступили телевизионные программы В.Р. Соловьёва «Поединок» (ранее – «К барьеру»). Данная часть книги включает примеры из предвыборных дебатов В.В. Жириновского с М.Д. Прохоровым от 28.02.2012. Тексты выступлений обоих кандидатов на должность президента фиксировались нами вручную при просмотре записи программы на интернет-канале “YouTube”.

Ранее уже упоминалось, что существует несовпадение в прагматике одного и того же слова (и одной и той же информации) у адре-

санта и адресата. Именно неконгруэнтность их инициальных и терминальных интенций и рефлексии может мешать оптимизации прагматики общения, вызывать когнитивно-эмоциональный диссонанс, некооперативность, неуспешность коммуникативного события и приводить к неэкологичности общения, т. е. деструкции здоровья языка и его пользователей. Для создания общего эмоционального центра необходимо включение механизма эмоционального тьюнинга и автотьюнинга коммуникантов.

Известно, что эмоции есть только там, где есть интерес и отношение. Они отражают не свойства предметов и явлений реального мира, а их значение для жизни человека. В названной программе манифестируемые В.В. Жириновским и М.Д. Прохоровым эмоции отражают их отношение друг к другу и избранной ими теме предвыборных дебатов – политической ситуации в стране и партийному строительству. Эмоции данных участников во время предвыборных дебатов указывают на оценку их значения друг для друга и через неё являются информацией о состоянии их внутренних «я», сознания и психики. Чтобы подтвердить сказанное, приведём примеры их публичного общения.

Негативное отношение В.В. Жириновского к М.Д. Прохорову проявлялось с самого начала их поединка. В тексте 45-секундных тезисов В.В. Жириновского можно наблюдать сложную конвергенцию стилистических средств и приёмов, целый кластер отрицательных эмоций. Так, его тезисы выстроены на градации и многочисленных повторах – нарастании обвинений в адрес М.Д. Прохорова: *Это они разрушили нашу страну при Ельцине!; Они ограбили нас!; Погибло 15 миллионов граждан России за то, чтобы они стали миллиардерами!; 9 миллионов беженцев, <...>; из страны все уезжают! Все деньги увезли!; Дети выбрасываются из окон! Падают сосульки, убивают людей! Горят дома каждый день... Это всё они сделали!* (подчеркнуты ключевые обвинения В.В. Жириновского в адрес М.Д. Прохорова как собирательного представителя российских миллиардеров. – В.Ш.). Нагнетание тенциональности достигается через использование негативных эпитетов *остановленные* (заводы), *погибшие* (колхозы), *брошенные* (медицина и образование). Эти эпитеты призваны вызвать у аудитории неприязнь к М.Д. Прохорову. Сравнение *Это всё они сделали! Таким, как они, не место в кандидатах в президенты!* также работает на формирование у аудитории неприязни к М.Д. Прохорову. Апогеем недоброжелательности В.В. Жириновского является косвенное пожелание смерти своему оппоненту: *Ельцин от стыда умер, Гайдар умер, и мы должны отправить туда же таких же, как Прохоров!*

М.Д. Прохоров выступает вторым. Он вынужден защищаться, учитывая уже прозвучавшие обвинения В.В. Жириновского. В сравнении с выступлением В.В. Жириновского текст тезисов М.Д. Прохорова больше транслирует позитивные эмоции, а вкрапленные в его речь негативные эмоции всё же менее интенсивны, чем у его оппонента. Так, даже в своём обращении к избирателям он начинает с эпитета *дорогие*. Это обращение призвано быть более тёплым, сердечным, чем обращение В.В. Жириновского *Граждане России!* М.Д. Прохоров обращается к избирателям на «мы»: *нашей страной, давайте, вместе*, стремится к демонстрации своей приобщённости к избирателям, единения с ними. Он употребляет в своём выступлении позитивные эпитеты, призывая вместе построить *нашу новую, прекрасную* (страну), взявшись за неё *нашими мозолистыми* (руками). Если речь В.В. Жириновского почти полностью выстроена на обвинениях *таких, как Прохоров*, то тезисы М.Д. Прохорова менее критичны, более вдохновляющи. Однако и он не забывает ответить своему противнику через косвенный намёк на несостоятельность и продажность В.В. Жириновского (*Три думских старца изображают из себя оппозицию, обманывают вас, продавая ваши голоса*). Через противопоставление и эпитеты *Я – новый человек в политике. Голосуя за них, вы голосуете за эту неэффективную власть. Я предлагаю: доверьте мне свои голоса. Я вас не подведу* М.Д. Прохоров транслирует избирателям уверенность, надёжность, выдержку, показывает, что может дать отпор, подчёркивает противопоставление: я – свой (ваш), он – чужой (не ваш).

В.В. Жириновский говорит в основном восклицательными предложениями, громко, резко, отрывисто, с чёткой интонационной синтагматической разбивкой. Его выступление сопровождается экспрессивная невербалика – резкие рубящие жесты, тыканье пальцем, размахивание руками. Всем своим видом он показывает своё негативное отношение к оппоненту. Он может создавать впечатление человека, который распаляет себя и провоцирует М.Д. Прохорова на грубость или срыв.

М.Д. Прохоров говорит чётко, но не громко, выразительно, выдерживая паузы, неспешно. Демонстрирует уверенность в своей правоте. Во время своего выступления В.В. Жириновский сжимает ладонь в кулак (жест концентрации), он несколько бледен и снисходительно улыбается. Отметим, что вербальную и невербальную стилистику конкурентов задают, моделируют их ментальный стиль и экологичность / неэкологичность их интеллекта.

Когда изложение тезисов завершено, В.В. Жириновский агрессивно пытается обернуть слова М.Д. Прохорова против него самого же. Он подхватывает эпитет, употреблённый оппонентом: *Вы сказали:*

«Мозолистые руки». Это вот считать деньги, отобранные у народа? Далее следует целая череда обвинений в адрес М.Д. Прохорова. На вопрос ведущего: *Михаил Дмитриевич, Ваш вопрос. Кстати, диплом-то фальшивый или нет? А то людям же интересно* В.В. Жириновский, не давая конкуренту вставить слово, перебивает: *Фальшивый диплом. С какого вуза Вы в армию сбежали?* М.Д. Прохоров иронично парирует риторическим вопросом: *Потому... Потому что красный? Поэтому фальшивый?* В.В. Жириновский параллельно задаёт сразу несколько риторических вопросов и вопросов в эмоциональном повествовании: *Почему Вы в такой вуз пошли, финансовый? Где информация об окончании вуза? Где? Когда поступил студент Прохоров на первый курс? Нету. Когда окончил? Нету. С какого вуза ушёл в армию?* Его вопросы и ответы негативны как по форме (гневная интонация), так и по содержанию. Эта череда крикливых обвинений завершается оскорбительным намёком: *В армию кто уходит? Когда выгоняют из вуза. Дурак? И выгоняют на улицу. Чё Вас в армию взяли? Почему Вас в армию взяли?* М.Д. Прохоров, не перекиривая, улыбается: *Я всегда был отличником.*

В.В. Жириновский не даёт себя остановить, даже не обращая внимания на замечания ведущего: *Время! Время!* Он агрессивно отвечает угрозой, снова используя в своём ответе подхват: *Время кончилось Прохорова. Его мы арестуем сейчас. После окончания передачи.* Такое агрессивное поведение свидетельствует о его неуважении к коммуникативным правам своего конкурента и нежелании его выслушивать.

В.В. Жириновский продолжает диффамировать своего оппонента через антитезу и сарказм: *Умный, с красным дипломом! Вдруг пошёл в солдаты...* М.Д. Прохоров: *Ну... Пусть покричит. Жалко, что ли?* В.Р. Соловьёв: *Соблюдайте Ваше время. Есть время. Есть закон. Его надо соблюдать.* В.В. Жириновский снова отвечает через повтор и подхват: *Соблюдайте Ваше время. Говорите. Говорить нечего? Я буду говорить.* Он очень часто использует стилистические средства подхвата и перебива, что может усиливать его эмоциональное воздействие на слушателей. Он обращает слова своего противника против него самого же, нарушая за счёт такой грубой стилистики нормы этики и речевой экологии.

Когда ведущему всё-таки удаётся убедить В.В. Жириновского придерживаться регламента и не тратить время, предоставленное его конкуренту, М.Д. Прохоров отвечает своему противнику. Он задаёт своему оппоненту прямые вопросы, выстроенные по принципу противопоставления себя. Это противопоставление также осуществляется через целый ряд эпитетов: *Владимир Вольфович, у меня к Вам один очень*

простенький вопрос. Когда мы говорим о борьбе с коррупцией, нужно быть абсолютно честным перед собой, перед гражданами, перед Вашими партийцами. Скажите, пожалуйста, на что живёт Ваша партия? Вот мой бизнес весь прозрачен. Я – самый крупный налогоплательщик. Я делаю всё по закону, по лучшим стандартам.

Иронизирует: *Вы сейчас стали уже открываться. Молодец. Показываете Ваши майбахи, дворцы. Этими высказываниями он пытается диффамировать В.В. Жириновского. Однако, в отличие от него, он не использует оскорблений, т. е. хулы. Раздражение, агрессия его ощущаются в многократном повторе слова «когда» и угрозе-обещании арестовать В.В. Жириновского: Когда Ваша партия начнёт жить прозрачно? Когда она покажет все доходы, на которые она живёт? И когда Вы продекларируете свои доходы? Когда Вы будете честным гражданином? Потому что, если Вы этого не сделаете, при Президенте Прохорове Вы без депутатского мандата и месяца не будете на свободе. Я вам обещаю (звучит как угроза).*

В.В. Жириновский не испугался такого обещания. Всячески выдвигая в центр всеобщего внимания собственное «я» и противопоставляя себя своему конкуренту, В.В. Жириновский продолжил хулить М.Д. Прохорова: *Объясняю, гражданин Прохоров. Когда Вы, ещё будучи агентом КГБ, после окончания вуза, студентом, сразу получили должность начальника управления в банке, где все в погонах сидели, я уже возглавил политическую партию. В этой самой страшной стране, где никто не имел права слово сказать: ГУЛАГ, психушка, эмиграция! Я возглавил партию, и 23 года за меня голосуют миллионы наших граждан. За Вас никто ещё не голосовал, ни одного голоса! Я 23 года лидер партии, я депутат, заместитель председателя Государственной Думы! Вы никем ещё не были! Вы только воровали наши заводы, наши деньги. Всё это у Вас за границей находится. Вы покупаете там спортивные клубы, потому что Вы готовитесь туда уехать. Вы – пятая колонна. А мы боремся каждый день, каждый час. Поэтому Вы никогда не будете президентом. Вы даже забудьте про Кремль! Я Вам обещаю хорошее содержание в Лефортово! Многократное повторение «Вы» является стилистическим приёмом прямого обвинения кандидата в президенты М.Д. Прохорова. Повтор антитезы «вы – мы» передаёт глорификацию себя и диффамацию оппонента.*

М.Д. Прохоров парировал упрёком также через повтор противопоставления «мы – вы» и подхват: *Вы – самый активный агент Кремля! Вы поддерживаете власть, которая избрала козла отпущения – наш бизнес и наших квалифицированных людей, которые вка-*

лывают каждый день. Что ни происходит, виноваты они. Почему? Потому что вы сидите в Думе, болтаете языками, мешаете людям работать, зарабатывать. Вам нужны крепостные, крепостные, которые день и ночь ходят, протягивают руку за вашим университетским социальным пакетом! Вся эта лексика – очень сильные негативные эмотивы-аффективы, говорящие о его отношении к оппоненту. Он отрицательно оценивает всё, что связано с В.В. Жириновским.

Стилистика обоих политиков призвана обличать, разоблачать друг друга, чтобы переориентировать электорат, перетянуть его на свою сторону. Плоский печатный текст, лишь описывающий просодию, фонетику, интонацию, значительно обедняет его психоэмоциональный эффект / прагматику. А вот звучащий в эфире и в записи текст можно сравнить с киносеансом в формате 3D, где я, как слушатель и зритель, могу находиться между двумя откровенными врагами как соучастник этого сверхэмоционального действия и с нервным тиком поворачивать голову то к орущему В.В. Жириновскому, то к сдерживающему свои негативные эмоции М.Д. Прохорову, и не могу не видеть, с каким трудом обходится ему эта сдержанность. Но он подчиняется своему внутреннему экологическому цензору, который напрочь отсутствует у В.В. Жириновского. Стилистика обоих оппонентов позволяет декодировать степень неэкологичности их общения в целом, но в разной степени: В.В. Жириновский является, очевидно, безнадежным «пациентом» для эмотивной лингвоэкологии. Такого же мнения были и телезрители, которые предпочли В.В. Жириновского в своем голосовании (к сожалению, такой же диагноз можно поставить и зрителям): наш народ не любит внезапных миллионеров и принимает с восторгом «страшилки» В.В. Жириновского.

Все выделенные в тексте эпитеты, повторы, антитезы, сравнения и другие стилистические средства и приёмы свидетельствуют о высоком накале эмоций и тензиональности данных предвыборных дебатов. Из приведённых примеров видно, что ни о каком стремлении оппонентов найти общий эмоциональный центр речи не идёт; они не хотят понять друг друга, а только с разной степенью неэтичности пытаются принизить, обвинить, изобличить, разоблачить друг друга в явной конфликтной ситуации. Со стороны В.В. Жириновского это сплошная хула, обвинения и издёвки. Коммуникативный стиль М.Д. Прохорова в целом более этичен. В отличие от В.В. Жириновского, он не переходит на «ты», не кричит, не перебивает, но в целом ряде случаев он прибегает к иронии и сарказму. Например, на заявление В.В. Жириновского *Ельцин от стыда умер, Гайдар умер, и мы должны отправить туда же таких же, как Прохоров!* он по технике психологического

айкидо «отзеркаливает»: *У Вас сегодня замечательный могильный костюмчик. Он Вам очень к лицу. Вы – могильщик оппозиции. Вы всегда были могильщиком всего будущего, светлого.* Через семиотическую глорификацию (эпитеты и подхват) семантически он диффамирует В.В. Жириновского: *Вы создали партию. Да, Вы – талантливый человек. Но я не поклонник Вашего таланта. Потому что Вы свой талант в землю зарыли. Вы используете его для того, чтобы продавать ваши голоса. Продавать голоса наших граждан, которые нуждаются и верят.* Замечу, что слово «продавать» нашло отклик в региональной прессе. В частности, в волгоградской газете «Блокнот» (2012. № 36 (580). С. 2) была позже опубликована статья под заголовком «Почему Жириновский продал своих избирателей».

В самом начале программы её ведущий В.Р. Соловьёв охарактеризовал предстоящие дебаты как «поединок двух непримиримых противников». И весь ход этой встречи только подтвердил данное мнение. В.В. Жириновский и М.Д. Прохоров для самоглотификации демонстрировали эмоции групп «упрямство» (настойчивость, неподатливость, неуступчивость), «радость» (бодрость, хороший настрой, приподнятость духа). Во избежание самодиффамации они оба всячески избегали проявления эмоций групп «замешательство» (конфуз, смущение, в тупике, запутанность, сбивчивость, растерянность), «несчастье» (подавленность, грусть, неудовлетворённость, скука, огорчение, обида). Они оба также пытались не демонстрировать податливости переменам настроения – мрачности, угрюмости, задумчивости, сварливости, т. е. стремились в определённой степени к самоконтролю, рационализации своих эмоций и одновременно разбалансировке эмоций друг друга. В этом их обоих объединяет стремление к собственному успеху и поражению противника. Для самоглотификации и ликозовышения оба прибегали к похвале самих себя и собственных достижений, а для диффамации и ликопонижения оппонента – к хуле друг друга. Однако семиотика и семантика хвалы и хулы (хулалы) у обоих политиков различны в зависимости от степени невыдерживания ими этического параметра, который, по моему представлению, регулирует все остальные параметры экологичности / неэкологичности их публичной предвыборной борьбы за пост Президента РФ.

Как показали данные дебаты, В.В. Жириновский проявил для диффамации оппонента многочисленные эмоции из следующих групп: «гнев» (раздражение, злоба, злость, негодование, ярость, бешенство), «ненависть» (неприятность, враждебность, отвращение, презрение, антипатия, недовольство, досада), «сомнение» (недоверие, скептицизм, подозрительность). Для самоглотификации это были преимущественно

эмоции групп «гордость» (уверенность, достоинство, тщеславие, надменность, самодовольство, презрение), «антиципация» (взволнованность, страсть, рвение, пыл). Со стороны М.Д. Прохорова для самоглотификации это были преимущественно эмоции групп «умиротворение» (спокойствие, безмятежность, уравновешенность), «уверенность» (непоколебимость, достоинство), «уважение» (почтительность, справедливость). Они же служили ему одновременно и для диффамации оппонента.

Перечисленные эмоции выражались обоими политиками, чтобы вызвать у оппонента и зрителей эмоции групп «сожаление» (угрызения совести, упадок духа, раскаяние, стыд, вина), «страх» (волнение, озабоченность, беспокойство, неуверенность, нервозность, напряжённость, уныние, испуг, ошеломление, паника, ужас), «шок» (изумление, поражение, обида, испуг), «подавленность» (безвыходность, смущение, запутанность, расстройство, неудовлетворённость, удручённость, раздражение).

Анализ стилистики предвыборного публичного общения В.В. Жириновского и М.Д. Прохорова выявил целый ряд этических нарушений. В этом смысле менее экологичен (этичен) коммуникативный стиль В.В. Жириновского, потому что он транслировал на своего оппонента, аудиторию и даже на ведущего целые кластеры негативных эмоций, упакованных в грубую стилистику, а в качестве доминантной тактики диффамации М.Д. Прохорова в основном использовал хулу: переходил на грубости, на личность М.Д. Прохорова, упрекал, обвинял и оскорблял его. В.В. Жириновский, как показывает контекстуальный анализ, эксплицитно и намеренно игнорировал право собеседника на ответ, перебивал, опровергал, высмеивал, говорил одновременно с ним, иронизировал, проявлял нарочитую категоричность в формулировках, старался всячески задеть самолюбие М.Д. Прохорова, обидеть, унижить и ликозушить его и тем самым понизить его статус и оторвать от него часть электората. М.Д. Прохоров больше старался придерживаться этики публичного общения, возможно, потому, что он действительно впервые выставлял свою кандидатуру на выборах президента страны и ещё не сформировал свой политический имидж. Он не превышал регламент, не спорил с ведущим, не перебивал В.В. Жириновского, почтительно относился к его возрасту, обращался по имени и отчеству, на «Вы», не выдвигал излишне в центр всеобщего внимания только себя, не переходил на грубость. Однако, как видно из анализа, его негативное отношение прорывалось в таких параметрах неэкологичности, как взаимные обвинения и манифестация негативных эмоций и оценок.

Всё это свидетельствует о том, что оба политика в целом не выдерживали до конца параметры экологичности общения, нарушали его этику. Это нарушение, по моему мнению, в первую очередь, связано именно с их эмоциями. И хотя для коммуникативного стиля М.Д. Прохорова в большей мере характерна рационализация эмоций, накал предвыборной борьбы приводил к тому, что и он транслировал негативные эмоции на аудиторию. Согласно моей концепции, это неэкологично, хотя полностью избежать проявления негативных эмоций в общении трудно. Это связано, на мой взгляд, с невозможностью полной рационализации эмоций в ситуации эмоциональной тензиональности, особенно такой, как предвыборная борьба.

Как показал анализ коммуникативной ситуации, в их публичном общении друг с другом всё-таки доминирует неэкологичность. Следовательно, их общение обнаруживает и доминирование негативно-оценочных стилистических средств над позитивно-оценочными. Такой сдвиг эмотивности в сторону негатива считаю нарушением параметра этичности общения. А само это общение является неэкологичным и может быть неприятным как для обоих дуэлянтов, так и для многих слушателей и зрителей. Это объясняется тем, что стилистические средства, использованные ими, провоцируют негативные эмоции и едва ли укрепляют как здоровье их самих и наблюдателей, так и их языка, потому что они привели к кристаллизации негативных смыслов внутри всего языкового круга их общения.

Для В.В. Жириновского как публичного деятеля вообще является характерным несдерживание своих эмоций – реальное или демонстративное. Полагаю, что в данном эпизоде его эмоции скорее демонстративны, заготовлены впрок, т. е. не все из них спонтанны. Во многих случаях, которые мы наблюдали за все годы его парламентской деятельности, в этом сочетании – искренности vs заготовленности – нередко преобладают истинные взрывы его эмоционального темперамента. Таковыми, например, я считаю его вербальное и теловое поведение в пасхальные дни в коридоре парламента, когда он набросился на журналисток не только с грубостями, но и с хамством, потребовав от своих телохранителей изнасиловать их прямо в коридоре. При этом через каждый инвектив он восклицал: «Иисусе воскрес!» и крестился. Кстати, это случилось вскоре после принятия Думой закона об оскорблении религиозных чувств, и при этом РПЦ промолчала: именем Иисуса Христа в пасхальные дни с матом на устах в здании парламента обращение к женщинам-журналистам в вульгарной форме (РПЦ безмолвствует?!). Таким же, на мой взгляд, был и его взрыв 15.09.2015 г., направленный на депутата И. Роднину, когда он обозвал не только её, но и «Единую

Россию» предателем. Речь была настолько хамской и оскорбительной, что возмутилась вся Дума, а В.В. Жириновский поднял свою партию, и они покинули заседание (а И. Роднина безмолвствует?!). Совершенно безобразным по своему хамству было и другое публичное выступление В.В. Жириновского, транслировавшееся по ТВ, а потом получившее широкие отклики в СМИ и Интернете. В той своей аффективной эскапде он настаивал на ограждении всего Кавказа колючей проволокой, на запрете там многодетности, на ограничении передвижения кавказцев по России и т. д. Самое интересное, что своими непарламентскими публичными выпадами и оскорблениями В.В. Жириновский ни разу не заинтересовал ни СК, ни прокуратуру, ни ФСБ. Не реагирует на его поведение и комиссия Госдумы по этике.

Поскольку всё это транслируется СМИ и комментируется, порою смачно, журналистами и Интернетом, то у избирателей возникает двойственная реакция: с одной стороны, людей возмущает такая бездеятельность правоохранительных органов, ибо его высказывания нарушают права многих избирателей своей неэкологичностью и негативным влиянием на их здоровье, а с другой стороны, они увеличивают электорат ЛДПР. На что и намекнул ему В.В. Путин в разговоре на Первом канале: «Вам незачем агитировать свой электорат – он у Вас и так большой» (по поводу кавказской тематики).

Данный материал ещё раз подтверждает тезис об ответственности СМИ (её стилистики) за экологическую безопасность страны, её жителей и её языка. Соответственно, и об ответственности политиков за их публичные выступления, транслируемые всеми СМИ и обсуждаемые в обширных комментариях, выступающих в функции бесконечного хвоста взорвавшейся / пролетевшей кометы.

Повторю ещё раз важнейшую основу эмотивной лингвоэкологии общения: в экологичной коммуникации адресант в идеале должен превыше всего ставить коммуникативное благополучие адресата. Этого можно достичь через бережное, этичное обращение с его эмоциями и реализующими их семиотическими знаками. Человек «упаковывает» свои эмоции в систему эмотивных средств языка и воспроизводит их в КЭС (ссоры, исповеди, покаяния, конфликта и т. д.). Лингвистикой эмоций установлена следующая зависимость: ситуации формируют эмоции, которые влияют на выбор реализующих их семиотических знаков. Установлена и обратная зависимость: эмоции также формируют ситуации. Примером является ситуация эмоционального заражения (социальная улыбка вызывает приятные ощущения и чувство комфорта; обратный пример – иррадиация паники и страха). Поэтому баланс позитивно- и негативно-оценочных эмотивов способствует экологич-

ности коммуникации. Владение своими эмоциями, их рационализация, хотя бы частичная, позволяют коммуникантам отбирать лучшие слова для лучших эмоций, т. е. служат для стилистических и этических целей общения. Именно для этого разработана концепция эмоционального тьюнинга как стремление к позитивному вектору общения, в основе которого лежат пять конституентов эмоционального интеллекта, самым главным из которых является самомотивация, а вспомогательными – опознание эмоционального состояния своего и речевого партнера в конкретной КЭС и способность моделировать (тьюнить) оба эти состояния друг на друга с целью создания более или менее общего эмоционального центра, иначе ни о каком кооперативном общении речи быть не может. Поэтому данная книга предлагает не рецепты, а мысли, ориентирующие на конструктивное общение с учетом ряда психологических, лингвистических и экологических теорий и практик коммуникации людей друг с другом, власти с народом и народа с властью.

§ 2. Эмоциогенность как доминантная компонента коммуникативного стиля элитарной языковой личности

*Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий
о судьбах моей родины, ты один мне поддержка
и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный
русский язык!*

*Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего,
что совершается дома? Но нельзя верить,
чтобы такой язык не был дан великому народу!*

И.С. Тургенев

Политическая лингвистика как раздел языкознания, в частности политический дискурс, является объектом многочисленных исследований в связи с особо политизированной ситуацией современной России. Не исключена возможность её интенционального политизирования. Свидетельством тому являются непрерывающаяся цепь предвыборных кампаний на всех уровнях вертикали власти и соответствующие страсти вокруг них; и, конечно же, главным выразителем этих страстей выступает великий и могучий Русский Язык. Помимо предвыборных СМИ «кипят» и другие страсти вокруг бесконечной череды политических событий, в которые превращаются и «социалка», и экономика, и образование, и здравоохранение, и культура, и даже турпоездки, торговля, т. е. все сферы современной жизни россиян.

В связи с этим представляется чрезвычайно актуальным изучение коммуникативного стиля не только отдельных политиков как языковых личностей, но и представителей СМИ, среди которых особый интерес для меня представляет коммуникативный стиль журналиста «Московского комсомольца» (далее – «МК») А. Минкина, избравшего оригинальный жанр для своих публикаций – в форме писем к президенту (2007–2016).

Целью данной части работы является изучение коммуникативного стиля А. Минкина, эксплицируемого в новых контекстуальных понятиях, созданных этим автором. Его коммуникативный стиль, как показывают контент- [Романов, 2004] и интен- [Ушакова, Павлова, 2000] анализ его писем, определяется его личностным эмоциональным дейксисом, гражданской позицией, эмоциональными валентностями и их актуализациями в создаваемых им стилистико-эмотивных единицах языка и речи.

Письма представляют и социальный, и политический интерес, т. к. А. Минкин высказывается об основных политических и социальных событиях России последних лет. В данном разделе мы остановимся лишь на вербализации его эмоциональных валентностей. Укажем, что какой бы оценочной экспрессивной эмотивной лексикой А. Минкин ни характеризовал своих персонажей, он, прежде всего, характеризует сам себя – свой ментальный и коммуникативный стиль.

В этой части книги я рассматриваю языковой и стилистический аспекты его писем, потому что, на мой взгляд, А. Минкин креативно пользуется скрытыми эмотивными валентностями единиц языка, их многослойным прагматическим потенциалом и вскрывает их через создание своих собственных креативов. Методом сплошной выборки из писем 2006 г. выявлены лексические и грамматические стилистические средства как жанрообразующие маркеры его индивидуального стиля.

В политическом дискурсе рассматриваемых здесь писем А. Минкин через выделенные языковые и стилистические средства объясняет происходящие политические события, комментирует их и фиксирует эти события, вводит их в историческую память как самого языка, так и в оперативную память его носителей, особенно за счет новых контекстуальных понятий. Контекстуальные понятия осмысляются, концептуализируются, семантизируются, лексикализируются / фразеологизируются (т.е. номинируются) журналистом как его авторские креативы. В них читатель наблюдает необычное использование и открытие новых семантических и грамматических валентностей русского языка, прежде всего, эмоциональных.

А. Минкин в письмах показывает свое видение этих событий, роль и место власти в них; власти в триаде изображения: 1) власть, какой она хочет казаться и как она изображается властными СМИ; 2) власть, какой она видится оппозиционным СМИ; 3) власть в глазах народа. Само взаимодействие составляющих этой триады и его отражение в письмах А. Минкина к президенту в данной работе не рассматриваются. Моя цель – чисто лингвистическая. И понятно, что наибольший интерес данная работа представляет для лингвистов, которых занимают тайны имплицитности и эксплицитности единиц языка, их функционирование в политическом дискурсе. Кроме этого, интерес чисто лингвистический представляют письма А. Минкина еще и потому, что они являются иллюстрацией вербализации эмоционального интеллекта, экологического интеллекта конкретного журналиста и его отражения в когнитивно-дискурсивной фиксации.

Почему в книге анализируются не все журналистские работы А. Минкина, а только его письма к Путину? Потому что я считаю, что президент В.В. Путин является определяющим фактором всего российского политического дискурса: он, конечно же, в курсе всех событий, он реагирует на эти события и пытается повлиять на них, он определяет поведение всех фрагментов власти и своего окружения. Таким образом, он является автором политического Текста власти, который и анализирует журналист А. Минкин. А. Минкин пишет письма именно ему об этих событиях и пытается выяснить, что же все-таки происходит в стране на самом деле; отсюда его эмоционально маркированный коммуникативный стиль, поскольку большинство этих событий негативны и провоцируют противоречивую рефлексию их свидетелей.

Жанр политического письма не нов: вспомним хотя бы переписку Курбского с Иваном Грозным, Вольтера с Екатериной Второй, Черчилля со Сталиным. Историческим фактом является и письмо донских казаков турецкому султану. Последнее уже ближе к нашей теме, т. к. фактически было письмом народа к властителю, хотя и заморскому. К местному и региональному начальству (власти) российский народ пытается достучаться издавна. К Верховному Властителю люди тоже обращались, и часто – со своими челобитными. Из советского периода известно, что люди писали и Ленину, и Сталину, и Хрущеву, и Брежневу, и всем последующим кремлевским небожителям. Так что А. Минкин в этом смысле не является изначально оригиналом. Оригинален он в том, что последователен: на протяжении многих лет он регулярно открыто пишет свои письма одному и тому же человеку. И этим че-

ловеком является Верховный Главнокомандующий, гарант российской Конституции, создатель «Общероссийского народного фронта», президент страны. Эта регулярность проявляется и в том, что все его письма являются неотсроченной рефлексией на очередное несчастье России. Несчастий в России вообще много (к сожалению, не только дураки и дороги), а за последние годы они стали не только ежедневными, но и многократными в течение одного дня. Конечно, есть причины, не зависящие от человеческого фактора, например ураганы, смерчи, наводнения, засуха и т. д. Но есть несчастья другие, в том числе человекогенные, социальные и экономические.

А. Минкин написал нашему президенту более 300 писем. И каждое из них было посвящено очередному большому несчастью страны (естественно, он рефлексировал не каждое несчастье). Если ретроспективно пройти по основным российским событиям, которым посвящены его обращения к президенту, то придется еще раз (а может быть, и не раз) пережить сильнейший эмоциональный стресс в связи с осознанием полномасштабной фальсификации многих пищевых продуктов, лекарств, спиртного, реализуемых в торговле России (Меньше народу – больше кислороду. 13.04.06; Пьяный – проспится, дурак – никогда! 07.07.2006)*; шокирующим приветом израильскому президенту (Свой в доску. 20.10.2006); регулярными точечными зачистками неугодников (термин А. Меняйлова) и бесконечной нераскрываемостью убийств А. Меня, В. Листьева, Л. Рохлина, Д. Холодова, А. Политковской (Мокрая политика. 09.10.2006) и других (например, Б. Немцова). Особую боль у А. Минкина, судя по языку и стилю его писем, вызывает отношение власти к ветеранам: *Весной перед 9 мая у людей начинается болеть война, и чиновники, целый год абсолютно бессердечные к пенсионерам, вдруг становятся страшно чувствительными* (Война после победного конца. Скоро главный праздник Родины. 05.05.2006). Такое отношение власти к бывшим воинам, конечно же, наша общая боль и беда, обусловленная «человеческим» фактором нашей власти, о чем А. Минкин и сообщает президенту. Боль от осознания повсеместной горизонтально – вертикально – диагонально – целостно – фрагментарно – округло – сквозной голографической коррупции власти (Куски вертикали. Недорого. 20.03.2006); роста все более молодых неофашизма и национализма (Мухи отдельно? Или вместе? 28.03.2006; Гитлер взял Ленинград. 27.03.2006); боль от непони-

* Здесь и далее в круглых скобках даны названия статей из газ. «Московский комсомолец».

мания, как понимать президента (Ху из мистер Путин? 10.02.2006); от осознания собственной усталости от жизни по принципу «сурка» (Жизнь суркова. 02.02.2006); от ампутации совести у власти (Ампутация совести. 27.01.2006) и от осознания собственного бессилия перед этой властью (Убийственный народ. 30.01.2006); боль от того, что дети превращаются в товар и «пластиковую карточку» (Товар – дети – товар. 12.05.2006) ... Даже сами названия российских событий 2006 г. уже указывают на эмоциональную поливалентность его писем и используемых им средств номинации этих событий через негативные, неэкологичные эмотивы.

Для современной коммуникативной, прагма-, социо- и психолингвистики наибольший интерес представляет вербальная интерпретация следующих событий в письмах А. Минкина: зверское проявление дедовщины по отношению к солдату Сычеву и круговая оборона военной власти, переводящей стрелку на самого Сычева (Ампутация совести. 27.01.2006); признание власти в многомерно-бездонной коррупции (Куски вертикали. Недорого. 20.03.2006); нарушение прав россиянина (Не трожьте веру. 09.02.2006); доминирование заграничной продукции над отечественной (вопреки призыву поддерживать отечественного производителя) (Ты русский язык понимаешь? 17.02.2006); чиновничье забвение своих обязанностей по отношению к ветеранам и героям войны (Почем медали? Письма блокадника в неприступный Петербург. 07.04.2006); дифференцированная дружба с властями богатых и бедных стран (Мухи отдельно? Или вместе? 28.03.2006) и др.

Интересуют А. Минкина и многие другие темы, затрагивающие интересы, нравственность, здоровье нации и ее заслуженное благополучие, и их лингвистическая упаковка. Я лингвист, и даже в предыдущей части данного текста мною были невольно использованы не только мысли А. Минкина, но и их словесное оформление. Это одно из проявлений эмоциональной валентности его писем: ее заражающей силы, эмоциональной иррадиации.

Эмоциональны сами события, факты, о которых А. Минкин сообщает президенту. Они тоже эмоционально валентны. Эмоциональны заголовки его писем. Но не только эмоциональны. Они и эмотивны. В первом случае он выражает собственные эмоции по поводу того, о чем пишет президенту. Во втором случае он хочет, чтобы президент эмпатировал его эмоциям. Журналист, конечно же, не сомневается, что президент не знает о событиях, о которых он пишет ему. Но каждое из его писем имеет эмоциональное обрамление, и эта рамка (кольце-

вой повтор как стилистическое средство) тоже эмоционально валентна: «Владимир Владимирович! – ... что Вы по этому поводу думаете, Владимир Владимирович?». Внутри этой рамки журналист А. Минкин композиционно вставляет еще одну рамку – смысловую, являющуюся эмоционально-смысловым повтором (это еще одна особенность индивидуального стиля этого талантливого журналиста, пишущего в парадигме политического дискурса, еще одна характеристика его индивидуального стиля). Этими смысловыми повторами А. Минкин не менее двух раз утверждает ключевую мысль каждого письма, тем самым поддерживая и укрепляя его конструкцию, делая ее незыблемой и несокрушимой никакими «цунами и землетрясениями» политреакции и эмоционально подкупая своих читателей честностью и искренностью интерпретации и непридуманностью, общеизвестностью фактов (вспомним такие события, как Курск, Норд-Ост, Беслан, которые давно уже стали не фактами ономастики, а символами отношения вертикали власти к народу).

Доказательством такого отношения власти к народу является трагедия и челябинского военнослужащего Сычева: **История челябинского солдата взорвалась как бомба. Но общество не взрывалось.** Владимир Владимирович, это письмо вам, но не про вас. Надо же иногда и о народе подумать. Чуть было не написал «о вашем народе», а потом спохватился – он же наш (общий), что мы с вами его составная часть. И солдат, которого искалечили, – его составная часть. И те, кто калечил, тоже. **История челябинского солдата взорвалась как бомба.** Знаем, какие органы ему ампутировали, знаем, кто истязал, кто арестован. Но этот парень – один из сотен (а может, из тысяч), с которыми произошло примерно то же. **Но общество не взрывалось. Не знало?** (Убийственный народ. 30.01.2006). Убийственный народ, ампутация совести, русская антинародная сказка – это креатемы А. Минкина, оязыковляющие новые контекстуальные понятия, созданные им по данному эксиденту.

Оригинальным авторским приемом являются рисунки А. Меринова, визуализирующие ключевую фразу и замысел конкретного письма. Сам по себе эмотивный текст письма становится креолизованным [Анисимова, 2003], что усиливает фазцинативный эффект рисунка.

Функция рисунка – прологовая. Рисунок – надстройка над базисом текста, как пролог, анимирующий его персонажей. Все эти рисунки являются как бы аллюзиями на российскую историю и действительность (Гулливер в стране лилипутинцев. Русская антинародная

сказка. 08.09.2006; на картинке изображен лилипут в скоморошьем облике, стоящий на цыпочках на вершине горы отрубленных голов царей-великанов, и кричит народу «несколько слов о милосердии», а сама статья – «простые наблюдения за действиями власти».) Все это – еще одна разновидность эмотивной валентности коммуникативного стиля А. Минкина.

Эпидейктическое высказывание, так же как и любое поэтическое выражение («*Все мое*», – *сказало злато*; // «*Все мое*», – *сказал булат*. // «*Все куплю*», – *сказало злато*; // «*Все возьму*», – *сказал булат* (А.С. Пушкин) или пословица (*Меньше народу – больше кислорода*. 13.04.2006; *Ласковый телок двух маток сосет*. 28.03.2006), представляет собой правдивое сообщение, исходящее из реальности бытия. В техническом плане эти высказывания имеют некоторые характеристики, которые и придают им такой статус. Во-первых, такие высказывания являются полифоническими: говорящий не излагает сам высказывание, оно предстает как «уже сказанное» и приписывается мудрости нации или какому-либо авторитетному лицу. Во-вторых, эпидейктические, поэтические или пословичные высказывания всегда являются правдивыми.

Эпидейктическое высказывание создает у читателей впечатление уже знакомого феномена, и это узнавание или псевдоузнавание вызывает эмоцию. Чувство узнавания достигается посредством образа или топоса, общего для всего социума.

Коммуникативный стиль и коммуникативная тональность как составляющие стиля А. Минкина реализуются широчайшей палитрой языковых экспрессивных средств, стилистических приемов, выбор и комбинаторика которых высвечивают эмоциональную позицию журналиста и его соответствующее эмоциональное языковое поведение не только как Homo Sapiens, но и как Homo Sentiens, вызывающее адекватные эмоции у множества читателей, о чём свидетельствуют их отклики на данные письма.

Когнитивно-дискурсивный анализ этих стилистических вербальных и креолизованных средств автора показывает, что его доминирующим тоном являются ирония, сарказм, антипатия, гнев, с одной стороны; симпатия, сочувствие – с другой. Такая амбивалентность А. Минкина объясняется концептуальной необходимостью вскрыть фреймовую структуру и содержание рассматриваемого политического события.

Этот кластер эмоциональных валентностей А. Минкина реализуется через конвергенцию следующих стилистических приемов: эпи-

тет – *родной товар, мокрая политика, пушечное мясо, проклятый русский вопрос*; сравнение – *А пока Великая Отечественная бо-лит, как ампутированная нога. Фантомные боли* (Война после победного конца. Скоро главный праздник России. 05.05.2006). *Конечно, за шесть лет любому надоест сидеть как таракану* (Любовь до гроба. 30.06.2006). *Вы пролились на наших женщин золотым дождем (как Зевс на Данаю)* (Товар – дети – товар. 12.05.2006); метонимия – *Прокуратура допрашивает еле живого парня. Прокуратура допрашивает то, что от него осталось* (Битва над телами. Мародеры питаются пушечным мясом. 21.03.2006); метафора – *Державный орел! Одну голову гордо задрал на США и другие ядерные державы, клюет волков. А другую сунул в песок, чтобы не видеть пугающих проблем* (Битва над телами. Мародеры питаются пушечным мясом. 21.03.2006); аллюзия, внутри которой – конвергенция многих средств одновременно (Гулливер в стране лилипутинцев. Русская антинародная сказка. 08.09.2006). Особо следует подчеркнуть характерную особенность ментального стиля А. Минкина: ни в одном из его писем нет ложной гиперболы или мейотического средства. И это объясняется тем, что он пишет прямо, открыто, не лукавя, готов лично объяснить свою позицию президенту. Только прямая коммуникация без двойных смыслов – для большей уверенности в единстве возможностей концептуализации и вербализации событий.

Анализ лингвистических и стилистических средств провоцирует у читателя вопрос: кому же, все-таки, предназначены письма А. Минкина – тому, к кому он обращается прямо, или к тому, о ком он пишет? Или они адресованы непосредственно читателю, народу?

Попробую через контент-анализ его писем доказать свою гипотезу, что не президенту пишет журналист А. Минкин, что их адресат является фигурой стилистической, адресность которой привлекает внимание рядового читателя. Настоящим адресатом его писем является российский народ. И то, какими средствами Минкин разъясняет якобы президенту происходящее в стране на примере конкретных фактов, является свидетельством его коммуникативного поведения как компонента его коммуникативного стиля и тональности его обращений. Эта тональность – горестно-сожалеющая, с искринкой надежды, что власть имущие услышат его слова и обратят внимание на интересы народа.

Сопоставив языковые и стилистические предпочтения А. Минкина, нельзя не заметить специфическое своеобразие в использовании вертикали и горизонтали перлокутивных интенций. Конечно, самым частот-

ным является эпитет (*Борьба с алкоголизмом была грандиозная – нынче пьют как никогда. Моральным кодексом строителя коммунизма насильовали нас непрерывно – дело обернулось тотальным взяточничеством и первым местом по экспорту проституток. Конечно, есть и успехи. Успешно отняты льготы, успешно убиты почти все террористы в Беслане...* (Жизнь суркова. 02.02.2006), который прямо, открыто реализует его эмоциональную саркастическую валентность. Другими активными стилистическими приемами являются ретардация и градация (*Мои старшие сыновья отслужили в армии. Один из них – на Дальнем Востоке. Периодически его за строптивость сажали в карцер. Термометра у него не было, но лед на стенках был. Товарищ Верховный Главнокомандующий, буду стараться, чтобы младший не попал в армию. Но и чтобы он стал стеречь эзков – тоже не хочу, от поступления в армию постараюсь отговаривать* (Ампутация совести. 27.01.2006), а также обилие модальных слов (*похоже, еще как, придется, впрочем, видимо, увы, ведь*), влияющих на тональность писем. Кроме этого, средствами являются антитеза (*Времени осталось мало. Первого января начнется невероятный бум рождаемости. Я бы даже сказал «бум – бум – бум». Но, увы, перед январским бумом будет страшный спад в декабре. Если молодая мамаша сама не догадается, ей объяснят: «Ты дай в роддоме кому надо, а ребенка запишут, будто он родился в январе»* (Товар – дети – товар. 12.05.2006), в том числе аффективная (*Когда говорят, что жизнь хренова или сурова – это значит, плохая или строгая...* (Жизнь суркова. 02.02.2006); *Что это – искреннее обожествление? искренний идиотизм? лицемерная лесть? издевка?* (Хоть святых выноси. 21.04.2006) и деривационная (*сурковая жизнь* (Жизнь суркова. 02.02.2006)) лексика и мн. др.

Для синтаксиса А. Минкина характерны параллельные конструкции: *...Вернемся к двум наказанным. Один отошел от швейной машинки, другой – не привел девок; А солдата били и насильовали целую ночь. А потом он несколько дней хромал и падал* (Ампутация совести. 27.01.2006); побудительные предложения: *Владимир Владимирович, приближается Пасха, самое время подумать о высоком* (Хоть святых выноси. 21.04.2006); *Владимир Владимирович, присмотритесь к народу. У него опасное направление ума и дурные склонности* (Родной товар. 17.03.2006); вопросы разных типов: *Вам не кажется, что люди предпочли бы выбрать себе шведского депутата (варяга), который ездит в парламент в трамвае?* (Родной то-

вар. 17.03.2006); *Владимир Владимирович, кажется, вы так и не ответили на удивительную загадку: почему жизнь становится все лучше, а продолжительность жизни все короче?* (Жизнь суркова. 02.02.2006); повторы: *Против строгих правил глупо возражать, строгость нужна. Внимательный надзор нужен, очень нужен* (Ампутация совести. 27.01.2006).

К вертикальным стилистическим средствам, используемым журналистом, относится, во-первых, переключение стилей не только внутри одного письма: *Владимир Владимирович, хорошо, что у вас есть друзья на все случаи жизни. Для великосветских торжеств – всякие Б. (Буш, Блэр, Берлускони). Для взаимопомощи по удержанию власти – Иран, Рамзан, Туркмен и Лукашенко. Вместе эти группы ваших друзей никогда не собираются. Так вы воплощаете в жизнь свой собственный призыв: «Мухи – отдельно, котлеты – отдельно». Это вы как раз Лукашенко сказали, когда он в очередной раз изображал острое желание немедленно с вами объединиться. Вы его сильно этими мухами остудили, он обиделся* (Мухи отдельно? Или вместе? 28.03.2006), но и внутри одного высказывания: *Военная политика – где ее взять?; ...стодолларовая бумажка – это документ, Владимир Владимирович, на ней подписи есть, а на наших денежных подписей нету* (Жизнь суркова. 02.02.2006). Уже не стоит говорить о таком переключении стилей от письма к письму, что также эксплицирует коммуникативный стиль А. Минкина и его дискурсивное мышление. К вертикальным средствам относятся также языковая игра и конвергенция стилистических приемов внутри одного высказывания.

Часто используется в письмах А. Минкина аллюзия, которая по своей смысловой сути является голографическим приемом. Примером многомерной аллюзии выступает отрывок, обвиняющий власть во всех смертных грехах. Но, как выясняется из дальнейших пояснений самого А. Минкина, он не может быть наказан за этот страшный силы обличительный текст, который по форме является цитатой, а по содержанию и функции – аллюзией, что подтверждается прологовой иллюстрацией, делает этот текст креолизованным и относит его к авторству много лет назад умершего Дж. Свифта. Именно вневременная и внепространственная действенность этой цитаты-аллюзии и создает ее многомерность (текст внутри текста). Именно это триединство и превращает данный прием в стилистическую голограмму, очень редко используемую другими журналистами. В терминах современной кинотехнологии прочтение этого текста производит 3D-эффект.

Самым ярким и поражающим приемом А. Минкина в его письмах, на мой взгляд, является формирование при реализации своей эмоциональной валентности новых контекстуальных понятий, например: *ампутация совести, липутиницы, куски вертикали, сакс-скандал, война после победного конца, страна-малина* (о России), *министры без штанов, орден Правды, партийный кулачок, по уши в волне, сурковость жизни, «двуногая саранча»* и др.

Эти авторские контекстуальные понятия указывают на стилистическую многомерность текстов А. Минкина и семиотически маркируют письмо к президенту. Несомненно, что по своей семантике они являются понятиями авторского отношения к описываемым событиям, эксплицирующими эмоциональные валентности А. Минкина и вызывающими различные реакции у читателей его писем: осуждение, иронию, сарказм, презрение, высмеивание и др. Некоторые из этих рефлексий амби- / поливалентны. И, соответственно, они являются экологичными, неэкологичными или экологично-неэкологичными. Перечисленные выше валентности направлены на чиновничью вертикаль, такие, как *сурковость жизни, страна-малина* (о России), направлены на народ. Они реализуют коммуникативную тональность А. Минкина – сочувствие, эмпатию, а порой и смешанные эмоции.

Контекстуальные понятия, создаваемые им, как ещё одна характерная черта его креативного журналистского стиля, возбуждают живодействующие эмоциональные смыслы и образы у читателя. Невидимые до определенного времени сущности (Беслан, Норд-Ост, невыполненные обещания политиков) объективируются в слове. А. Минкин не унижает ничего человеческого достоинства, в отличие от чиновников-«обещалкиных». Все языковые средства, которыми он пользуется, это не интерпретация, а переосмысление на эмоционально-рациональном уровне с помощью воспроизводимых и создаваемых им самим языковых знаков. И даже его контекстуальные понятия относятся к их числу.

Эмо-единицей интент-анализа писем А. Минкина является его эмоциональная валентность, т. е. кластер тех эмоций, которые он выражает по поводу топоса каждого своего письма. Единицей контент-анализа его писем является эмотивность его мыслеформ, фактически тех эмоций, которые А. Минкин хочет вызвать у адресатов (президент, его чиновники, читатели «МК», участники события / факта), и их вербально-стилистика упаковка.

Оба вида анализа, результаты которых представлены в данном параграфе, указывают, что авторский коммуникативный стиль и его тональность представляют собой яркую психоэнергетическую перлюкцию описываемого им политического дискурса и говорят о мультикрасочной эмоциональной валентности его коммуникативного стиля.

Журналист А. Минкин освещает каждое событие / факт (эмотему) в жанре политического письма, рационализируя свои эмоции, тем самым пользуется языком в его возвышающей функции. Он терпеливо разъясняет причины, источники, последствия события / факта, что делает его коммуникативную тональность компонентом его коммуникативного стиля, индивидуально-своеобразным проявлением его лингво-экологичности. Редкая способность журналиста – не смаковать жареный факт, а рационализировать его эмоциональное осмысление и вводить его в языковое сознание народа и власти.

Стилистика коммуникативного поведения А. Минкина указывает на его обширный и глубокий эмоциональный, экологический интеллект и его способность управлять своим внутренним экологическим цензором как на признаки элитарности его языковой личности.

И коммуникативный стиль, и коммуникативная тональность писем Минкина А. вызывают определенные эмоциональные впечатления у читателя, которые «наступают» на его рацию и заставляют, как минимум, задуматься, т. е. они эмоциогенны. В условиях российского социума эмоциональные и рациональные процессы между СМИ и медиапотребителями имеют коммуникативную функцию. Более того, они, по мнению некоторых ученых, имеют движущее начало: соматическое, ментальное, вербальное, поведенческое [Романов, Сорокин, 2004; Ренц, 2011]. В этом и заключается эмоциональный резонанс писем А. Минкина. Такой резонанс основан на взаимодействии автора и читателя: субъект писем через свое языковое поведение «распыляет» свои эмоции, чтобы их смог разделить, испытать читатель этих писем.

Его валентности многослойны. И контент-анализ вербалики писем Минкина вскрывает широкие языковые возможности для элитарной языковой личности обратиться к разным фрагментам вертикали власти и разным слоям российского общества. На многовалентность таланта данного журналиста указывают и другие его работы. Приведу здесь небольшой фрагмент, иллюстрирующий литературную эрудицию А. Минкина. Тонкое знание русской культуры и русского языка позволило только А. Минкину внести коррективы в многочисленные переводы романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин». И сделал это он в 2013 г. во время своего доклада на международном семинаре в Михайловском, куда съехались 25 переводчиков самого высшего класса из разных стран.

Его доклад на этом семинаре назывался «С русского на русский». В нём А. Минкин особое внимание уделил некоторым культурным реалиям / традициям того времени. Упомяну здесь только такую бытовую реалию, как процесс одевания / переодевания тогдашнего дворян-

ства (*с утра одета* – о Татьяне; *одета* здесь, в этом дискурсе, значит «одета для приёма гостей»). Это ежедневный ритуал специального одевания (такого ритуала в современной русской культуре нет. – В.Ш.).

Вспомним, как Онегин приехал в театр и ушёл, не дождавись конца спектакля: *А уж Онегин вышел вон // Домой одеться едет он*. В театр – один костюм, на бал другой: *Одет, раздет и вновь одет*. Это пример одной реалии (культуры), которая современному иноязычному переводчику может быть и не понятна, т. к. такие переодевания для современной русской культуры не типичны.

Другой пример тонкости эстетики русского слова у А.С. Пушкина – это как раз тот случай, который впервые высветил именно А. Минкин. «... Онегин получил письмо, двое суток мучил девушку неизвестностью, приехал, нашёл её в саду и говорит: *“Но я не создан для блаженства; // Ему чужда душа моя; // Напрасны ваши совершенства; // Их вовсе недостойн я”*. Что такое “ваши совершенства”, когда речь идёт о 17-летней девушке? Это так называемые “девичьи прелести”. А через три года Онегин влюбился в замужнюю Татьяну и написал ей письмо: *“Нет, поминутно видеть вас, // Повсюду следовать за вами, // Улыбку уст, движенье глаз // Ловить влюблёнными глазами, // Внимать вам долго, понимать // Душой всё ваше совершенство, // Пред вами в муках замирать, // Бледнеть и гаснуть ... вот блаженство!”* (жирный шрифт мой. – В.Ш.).

Опять эта рифма “*блаженство / совершенство*” – как же так? Были “совершенства”, стало “совершенство” – единственное число! Совершенство (в единственном числе) – это душа. Совершенство души. Онегин же говорит “*понимать душой*”. А душой только душу и понимают. Те совершенства (прелести) его сейчас не интересуют.

А. Пушкин, возможно, рассчитывал, что какой-нибудь внимательный читатель заметит, поймёт и усмехнётся. И, возможно, такие читатели были. Но ни у Лотмана, ни у Набокова (в гигантском комментарии к “Онегину”), ни в одном переводе, даже самом лучшем, этот гениальный фокус, где с изменением числа отменяется тело и возникает душа, – нигде, никогда ни слова ... Переводчики ахнули» [Минкин, 2013].

Надо поистине быть глубоко эрудированным литературно и лингвистически, семасиологически, т. е. лингволитературно, чтобы настоящему правильно пользоваться русским языком в своей журналистской деятельности. А тот факт, что мы, лингвисты, анализируем свои лингвистические проблемы с помощью литературы, ещё раз подтверждает тесную связь этих двух научных парадигм – литературоведения и лингвистики.

Глава 3. ЭМОТИВНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

§ 1. Семиотические изменения эмотивности русского языка

*Язык переодевает мысли. И притом так,
что по внешней форме нельзя заключить
о форме переодетой мысли,
ибо внешняя форма одежды образуется
совсем не для того, чтобы обнаруживать
форму тела.*

Л. Витгенштейн

Последнее пятилетие характеризуется бурными социальными изменениями в нашей стране. Язык не может не отражать эти изменения. И, прежде всего, через лексику. Ибо, по мнению О. Есперсена, слова – это «милые веки истории». Выражаясь иначе, в них фиксируется динамичность эпохи, но фиксирует эту эпоху не сам по себе язык, а люди, его создавшие и творящие с ним чудеса.

Мне кажется, что в последние 2–3 года русский язык уже перешел грань «нервного срыва», о которой писал М. Кронгауз, и стремительно удаляется от нее к истерии. Причем не только своей лексикой, но и фонетикой, и грамматикой. Авторами этих изменений в том числе являются журналисты.

Еще в 1991 г. Л. Михайлова написала статью «Спасите наши уши: отдаем язык родной на заклятие времени. С чем останемся?» [Михайлова, 2011, с. 77–79]. Мне также пришлось в статье «Унижение языком в контексте современного коммуникативного пространства» [Шаховский, 2007, с. 40–45] писать на эту тему, потому что некоторые общественные деятели и журналисты в своих экспериментах сегодня зашли уж очень далеко, заигрались с языком и потеряли чувство меры, поскольку отсутствуют фильтры, их останавливающие, а внутренней саморцензии их, видимо, никто не обучал. Достаточно раскрыть бесчисленные газеты и журналы, особенно молодежные, послушать спортивные комментарии (я полагаю, что комментаторы – это тоже журналисты), посмотреть бесчисленные каналы нашего телевидения, послушать «говорящие головы» в разных телепрограммах, чтобы начать сомневаться, русский ли это язык, о котором писал И.С. Тургенев (*О, великий, могучий ...*). Самое интересное заключается в том, что наше субтильное поколение, находясь в таком языковом круге и не слыша никакого другого языка, думает, что это и есть он, «великий и могучий».

Лингвисты давно спорят о порче русского языка англицизмами, давно бьют тревогу о мате как коммуникативной приправе [Шаховский, 2011, с. 79–92], об отмене стилистических норм и стирании граней между функциональными стилями устного и письменного общения. Вспомним грубость и вульгарность В.В. Жириновского в Госдуме в адрес парламентских журналисток, его оскорбления журналистов «Эха Москвы» Гананольского и Нарышкина, которых он назвал подлецами, а саму радиостанцию обозвал «Эхо Вашингтона». Газету же «Московский комсомолец» Жириновский переименовал в «Нью-Йоркский комсомолец». И всё это истеричным тоном и явно за всякими этическими пределами нервного срыва. В то же время политик не брезгает «Эхом» и часто через него рекламирует ЛДПР и выступает по различным вопросам со своим мнением. Напомним также неэкологичную креатему тогдашнего президента теннисной академии Ш.А. Тарпищева в передаче «Вечерний Ургант», который назвал известных в мировом спорте теннисисток сестер Уильямс *братьями*. Эта неэкологичность объясняется тем, что, во-первых, эти теннисистки темнокожие, что ассоциирует креатему Тарпищева, судя по многочисленным журналистским комментариям, с расизмом, а во-вторых, их внешний вид, согласно комментариям журналистов, ассоциируется с сексизмом. Все это после многократного прокручивания журналистами, а также многочисленных постов и репостов блоггеров в Интернете является со всех точек зрения неэтичным и потому неэкологичным, т. к. вызывает негативные эмоции и ощущения у читательской аудитории. Такая шутка с точки зрения этики на любом языке может быть оскорбительной. Тиражирование таких и им подобных новостных деталей и вульгарностей через СМИ негативно воздействует на психоэмоциональное здоровье адресатов, не украшает журналистов, «жующих» такие события, и не улучшает международный имидж страны, которую они обязаны представлять. Кроме этого, такие комментарии вредят и здоровью русского языка, и его духу, ибо, как известно, язык – живой организм (Л. Вайсгербер, В. фон Гумбольдт).

В последнее время появилось много новых семиотических знаков, эмоционально характеризующих динамические процессы в обществе: *злокачественная бюрократия, неуправляемая коррупция, «распил» бюджетных средств* (креатема-то какая: *распилить*), *воровство диссертаций – диссернет, диссергейт, диссеркэт, заказные убийства, хакерские ограбления банков, премьерзидент, мобильный крематорий* (в контексте украинского дискурса), *страхоустойчивость, агрокремация, криптовалюта* и т. д., которые журналисты широко используют в своих комментариях и по долгу своей профессии, и по

обязательствам перед работодателем. Но дело в том, что все негативные события, происходящие в российском обществе, в хронотопе, некоторые журналисты смакуют и смакуют на разные мелодии и в разных цветовых гаммах, точно так же, как телевидение, которое показывает кровавые куски человеческих трупов с мест различных катастроф и терактов. Однако трансляция этих семиотических знаков дурно сказывается на психологическом самочувствии отдельного потребителя и страны и препятствует созданию гражданского общества.

Кстати, мат уже давно не коммуникативная приправа, а «смачный пир» многих политических и неполитических гурманов. И СМИ это с удовольствием воспроизводят. Зачем? С целью их диффамации или с целью пропаганды такого речеповедения как образца экологической функции их эмоций? Как новой культурной нормы? Думают ли журналисты, что все это слышит и видит наше юное поколение, которое поглощает такие видео с удовольствием и интересом. Возрастные ограничения, введенные на СМИ, телефильмы и различные ток-шоу, редко выдерживаются, а детям уши не заткнешь и на глаза повязку не повяжешь. Вот и учатся они без всяких учебников благодаря журналистским изощренным перлам: *останкинская двустволка, патриотический угар, православные рубливцы, дурацкие законы* и т. д.

Недавно стало известно, что и в бизнес тоже вползли «эмоциональные страсти» и «многоязычие эмоций». У интеллигентной публики, читающей, слушающей и смотрящей СМИ, уже набрался солидный багаж искажений русского языка. Эти искажения изобретаются журналистами сознательно. Их креатемы все дискурсивны. Искажения начинаются с языковой игры / игры с языком в иронических, саркастических и даже юродствующих креатемах, они создают новые контекстуальные понятия через импортные средства словообразования и словопреобразования: конверсию, телескопию, спунеризмы, инфиксацию, через сочетание несочетающихся друг с другом слов и синтаксическую компрессию (*крымнаш, околоремля, советинскоешампанское* и т. д.).

Вот вдруг СМИ, как по команде, прицепились к сексуальным меньшинствам, которые всегда существовали, были незаметны, никому не мешали. СМИ создали даже специальный дискурс «Сексуальные меньшинства», взбудораживший русскую словесность. Функционирование этого дискурса обеспечивают такие лексико-фразеологические средства: *голубое хобби, гей-парад, гей-клубы, гей-тусовки, однополые браки / семьи / пары, закон Думы о запрете однополых браков, гомофобия, гомосек, антигейский закон, контрольная закупка интим-услуг, протестное движение геев, гейропа* и др.

Усиление нездорового внимания к этой проблеме вызвал возмущивший отечественную журналистику фильм о лесбиянках «Жизнь Адель» – победитель Каннского фестиваля. Актом борьбы с гей-движением явилось принятие в нашей стране закона о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди детей. Но этот закон вызвал панику у будущих участников сочинской олимпиады, в связи с чем в международных СМИ долгое время муссировались заявления об отказе некоторых зарубежных делегаций от участия в этой олимпиаде, а наши журналисты встречными текстами парировали комментарии зарубежных коллег и занимались их репостом. Это значительно увеличило нездоровый (неэкологичный) интерес российской аудитории, включая и детскую. Все это послужило привлечению внимания не только далеких от этой темы и даже не знавших о ее существовании людей, но и школьников, студентов и очень взрослого населения, что спровоцировало пересуды (и не только, т. к. были даже физические расправы над геями вплоть до убийства). А тут еще Иван Охлобыстин (не последний человек в стране), известный всей журналистской братии, официально призвал в СМИ сжигать всех геев, о чем журналисты довольно долго с упоением вешали.

Среди журналистов по всем современным событиям ведется активный «кулачный бой», особенно по украинскому дискурсу. Наиболее энергичны «бойцы»-журналисты: с одной стороны – Киселев, Соловьев, Проханов, Леонтьев и Шевченко и др., а с другой – Веллер, Шендерович, Муратов, Быков, Гусев, Белковский, Пархоменко, Навальный, Н. Троицкий, А. Красовский, О. Кашин и др. Между ними – Павловский, Сванидзе и др.

Господин Волин объявил конкурс среди журналистов на «молодцов и подлецов». Интересно, какие из названных имен он отнесет к какой группе? К сожалению, никаких итогов в 2014 г. не было объявлено, и до сих пор мы так и не знаем, кто же из названных журналистов «молодцы и подлецы». Возможно, что он так и не определил их дифференцирующие признаки.

Журналисты высказывают в блогах, статьях свои мнения, которые бывают часто противоположны на уровне эпитетов, на уровне хвалы-хулы и «хулалы». И как же тут «бедному крестьянину» разобратся, где тут правда, а где вранье, где тут информация, а где пропаганда. Распри между этими журналистами провоцируют разброд идей среди обывателей в производственных, межличностных отношениях и даже приводят к семейным конфликтам и трагедиям. Такие противоположные мнения журналистов дезориентируют аудиторию в формировании собственного мнения. Улучшает ли такое информационное

поле экологию здоровья людей, экономику страны (*экономика больна, страна на коленях, язык болен* и т. д.)? Создают ли журналисты своими креатемами – оружием информационной войны и инфотейментом (кстати, тоже семиотическая примета уровня развития нашего общества) – радостную перспективу общества? Или это всё информационный шум, слив, сброс информации с целью создания и взрыва информационной бомбы?

А как же живет самими журналистам, которые друг друга называют *журналюги, журнализы, папарацци, журнаглисты, СМИюги, СМИпротворцы* и др. Современные журналисты, описывающие олимпиаду, не отставали от спортивных комментаторов в индивидуальных метафорах: *кипяток мировой лыжни* (ср. с метафорами спортивного комментатора Романа Трушечкина: *шахматы на льду, бильярд на льду*, а местами даже – *«Чапаев» на льду*). А Кирилл Набутов запустил в эфир такой комментарий: *Настоящий мужчина начинается после 40 лет и, к сожалению, быстро заканчивается* (про легендарного норвежского биатлониста Уле-Эйнара Бьерндалена).

Характерна для спортивных комментаторов не только сногшибательная метафора, но и масштабная гипербола. Так, комментатор Виктор Гусев на встрече сборной России по хоккею с командой США «вычислил» скорость, с которой оглянулся Александр Радулов, сказав, что *хоккеист оглянулся со скоростью 111 километров в час*. Другой гиперолой-сравнением является мнение комментатора футбольного матча Германия – Бразилия на чемпионате мира Владимира Стогниенко: *На фотках у бразильцев такие лица, будто у них умерли все родственники разом; Немцы есть немцы, а рыдает вся Бразилия*. Вот какова энергетика эмоций вне зависимости от национальности человека, если они отражают социально значимое событие. Иногда они вербализуются даже в очень неприличной форме: *немецкая машина раздавила обезьянок; избивание младенцев* (об этом же матче).

Журналисты изобретают и запускают в оборот, а молодежь подхватывает и распространяет такие их креатемы, как *трендить, трендяшка, эходром, пусточатиться, телехунта, пропагондоны, брехлама, деза, троллинг, печеньице / печенюшка, газпода, святоблуды, автостерва, интиллигены, уллучшаинг, жритель, гденукович, вдохновенная пошлость, депутаты и депутаты, настоящие киприоты России, нарушать общественные неприличия, клятва Герострата, расслабухать, майданутый, Майданюк, размандатить, пьятница, печалька, манипулятор* и др.

Зачем-то СМИ распространяют различные речевые искажения, например грамматические (*Я тебя наберу*), фонетические (*писательЯ*).

Такие искажения русского языка «правильные» журналисты (М. Веллер) допускают регулярно. Зачем?

Полагаю, что на все эти общественные и семиотические изменения под влиянием динамических процессов в языке в хронотопе надо бы обращать внимание в обучающей коммуникации всех филологов – словесников и, конечно, при обучении самих журналистов. Для этого предлагаю в учебные программы журналистских факультетов ввести дисциплину «Эмотивная лингвоэкология» [Эмотивная экология... , 2013]. Детское и взрослое русскоязычное население, чтобы избежать бесконечных коммуникативных рисков, обусловленных непониманием или недопониманием новых слов, новых смыслов, новых коннотаций и интонаций (т.е. новых семиотических знаков эмотивного языка), тоже должно знакомиться с ними в учебных заведениях и через специальные обучающие телепрограммы. Для этого необходимы не только специальные научные исследования, но и дидактические пособия, которые предупреждали бы коммуникантов о подобных коммуникативных рисках в ситуативных речевых практиках, чтобы уметь ориентироваться в новой социальной и новой лингвистической реальности, правильно осмыслять ее, чтобы разграничивать обман чувств и сбой рассудка у представителей СМИ и, соответственно, у адресатов их работы.

Поскольку журналисты, как видно, сами с собой совладать не могут, то, полагаю, что им нужна помощь со стороны, в том числе и от законодателей. В результате общих усилий должна сформироваться компетенция журналистов в амбивалентных принципах экономных усилий в разграничении экологии языка, речи и экологии культуры речи, особенно в связи с новой коммуникативной ситуацией – эмоционализацией и экспрессивизацией общей тональности русскоязычного общения.

§ 2. Креатемы как индикатор бесконечных потенциалов языкового развития

*Есть ли, чёрт возьми, такие вещи,
о которых не принято говорить вслух?*

Наполеон Бонапарт

Как показывает жизнь, общаться без эмоций нельзя. Люди и рождаются, и живут, и умирают в сопровождении более пяти тысяч эмоций. К сожалению, библиотека эмоций пока не составлена никакой наукой. Поскольку голос эмоций вокруг себя необходимо опознавать и адекватно реагировать на него, человек должен обладать сформированной

эмоциональной / эмотивной компетенцией. Известно, что все эмоции дискурсивны, а потому дискурсивна и природа смыслов. И рациональных, и эмоциональных.

Без эмоций коммуникации не существует. Причем даже в бизнесе, в дипломатии, в науке – сферах, которые до настоящего времени многими учёными ещё считаются чисто рациональными. Интернет изначально тоже был сферой рационального общения, а теперь в ней в открытую кипят страсти. И вот уже понадобились юридические регуляторы такого общения, поскольку коммуникация – это больше, чем передача информации. Поскольку мы говорим / пишем и чувствуем / переживаем одновременно, то мы транслируем / воспринимаем эти переживания.

Как известно, в процессе коммуникации производятся смыслы, которые объединяются в поля, причем смысловые поля у коммуникантов никогда не совпадают. Это объясняется тем, что все коммуниканты – языковые Личности. У каждой языковой Личности индивидуальная языковая картина мира, поэтому смысловые поля не могут совпадать полностью. В процессе общения коммуникативным партнёрам часто бывает трудно (а порой и невозможно) координировать смыслы одних и тех же слов: прагматика говорящего не адекватна прагматике слушающего.

Особенно это относится к сфере эмоциональных смыслов. Все речевые действия имеют эмоциональные последствия, которые могут быть синоминутными или отсроченными. Последние могут быть более обострёнными, как, например, хитрость и коварство (всегда обман), которые обнаруживаются через некоторое время. Любого умного человека хитрый и коварный может обманывать долгое время. Но это не значит, что обманываемый глуп. Он искренне верил, а неискренние своей доверительностью его надули. И уж точно не любой негатив, запоздало опознанный, можно исправить на позитив; и тем горше для обманутого будет дальнейшее восприятие этого хитроумного обманщика.

Вечная лингвистическая проблема «Язык и Общество» в парадигме коммуникологии [Матьяш и др., 2011] приобретает новое звучание и превращается в голографическую проблему, т. к. коммуникология обнаруживает в ней бесчисленное множество граней. Одной из таких граней является роль эмоций во взаимодействии языка и общества [Шаховский, 2008]. Именно благодаря изучению этого взаимодействия и вскрываются новые механизмы развития языка как в его прогрессе, так и в его разрушении. Но это и есть диалектика языка – всё движется по спирали. А поскольку и общество движется по спирали, то язык не может не реагировать на это движение. В нём сейчас явная эскала-

ция напряжения, т. е. тензиональности [Остринская, 2014]. Одной из форм реагирования языка на эту тензиональность является языковая игра с включёнными в неё эмоциями игроков. Потенциал этого очень креативного способа бесконечен. Одним из видов этой игры является разного рода смысловая деривация лексики, фразеологии, малого синтаксиса. По дериватам, рождённым языковой игрой в современный период, исследователи будущего могут представить и описать напряжённость истории отражённого в словах периода, т. е. в его репрезентантах (многочисленные примеры см.: [Кронгауз, 2013]).

Самыми яркими продуктами языковой игры в современном русском языке являются бленды различной формации. Словообразовательный процесс блендинга по духу полностью отвечает закону экономии языка, в одной из его форм – компрессии. Блендинг (телескопия) для русского языка является чрезвычайно продуктивным средством словообразования. Ещё недавно само слово *бленд* для русского языка было новым контекстуальным понятием (далее – НКП. – *В.Ш.*). А теперь с его помощью ежедневно рождается множество НКП. Достаточно, например, познакомиться с материалами проекта «Слово года», развиваемого М.Н. Эпштейном.

Все концептуальные и лексические бленды являются эмоциональным реагированием на «злобу дня» современного общества. Так, например, не успел М. Ходорковский обустроиться в Германии, как к нему потянулись журналисты из России, которых народ тут же поименовал *ходорки* (по аналогии с *ходоки к Ленину*). Военнослужащие без шевронов в Крыму тут же получили в народе название *вежливые люди* и *зелёные человечки*. В дискурсе “Comedy Club” было рождено НКП, которое получило лексикализацию *бабушка-трансформер*. В контексте современного экономического спада появилась идиома *полёт рубля*. В контексте событий на Украине для их эмоциональной репрезентации появился бленд *евромайдан* (см. также часть II о дискурсах). В контексте бурного технического прогресса, породившего цифровые бытовые приборы (фотоаппараты, телевизоры и т. д.), родились НКП в форме композитов *цифровая зависимость*, *цифровое слабоумие* (по аналогии с наркозависимостью), *цифровые деньги*. Эти и им подобные НКП появились сначала в форме семантической идеи, потом прошли концептуализацию (осмысление) и вербализацию. Эти вербемы вышли из лона своего дискурса и вошли в обиход. И кто же будет оспаривать эмоциональную подоплёку этих смысловых блендов?

Приведём ещё несколько креатем, активно функционирующих в различных жанрах, прежде всего в СМИ, в сети Интернет, в бытовом дискурсе. Они отражают реакцию языка и его носителей на современ-

ную жизнь социума: *эгохондрия*, *криминальный интернационал*, *антиязык*, *голубое хобби*, *неопатия*, *нехоть* и др.

Разумеется, не все эти НКП и их лексикализованные формы являются неологизмами. Некоторые из них пока ещё окказионализмы, которые могут перейти (а могут и не перейти) в неологизмы, а затем в обиходные слова, которые будут зафиксированы в новых словарях. Они производят адекватный эффект только на тех пользователей языком, которые имеют хотя бы частично общий эмоциональный координационный центр и включены в соответствующий дискурс.

Исходя из того, что язык является системой возможностей, особого внимания современной лингвистики заслуживает его креативная функция, прежде всего в сфере лексикализации НКП, экспликации их смыслов, признаков и конкретизаторов. Ибо только в последних инкрустированы глубочайшие и сложнейшие оттенки как позитивных, так и негативных интенций и мотиваций коммуникантов.

Несомненно, креативная функция языка тесно переплетена с его игровой функцией. Именно поэтому всё больше внимания лингвисты обращают на разработку теории креатива, креатем, а также их стилистических потенциалов. Уже предложен термин для нового научного направления – креативная стилистика [Купина, 2014].

Ключевым терминопонятием этой науки является креатема. Как пишет Н.А. Купина, креатемы включают преднамеренно отобранные, преобразованные, изобретённые средства, нацеленные на создание стилистического эффекта и связанного с последним эмоционально-эстетического впечатления [Там же, с. 140].

В широком смысле креатив сопровождает всю жизнь человека. Даже рождение самого человека – креатив. Любое художественное произведение, любое открытие, научное сочинение – текстовый креатив. И все креативы обязательно соотносятся с экологией человека, его культуры и языка. В связи с этим напомним читателю еще раз о необыкновенно занимательном произведении Б. Акунина «Креативщик» (под псевдонимом А. Борисова).

Данный параграф посвящен такой разновидности креатем, как бленды (концептуальные и лексические), а также их пути от окказионализмов к неологизмам. Особое внимание мы уделим соотношению прагматической и этико-эстетической составляющих креатем, а также их социально-политической обусловленности. Язык порождает не только прекрасное. Всем известно, что также существует и эстетика безобразного. Эстетика неразрывно связана с этикой. А поскольку эстетический параметр является главным в модусе экологичности [Шаховский, Солодовникова, 2010], то все речевые и языковые дериваты маркиро-

ваны либо экологичностью, либо неэкологичностью. Поэтому авторы креатива должны координировать соотношение экологических и неэкологических речей, чтобы негативное эмоциональное поле не превалировало во всех видах коммуникации.

Как факт создания креатива, так и факт её функционирования обнаруживают эмоционально-эстетическую маску её прагматической установки. Выявить это возможно только на основе вскрытия эмотивно-когнитивных механизмов формирования смыслов креатива и того дискурса, в котором креатива появилась. Специально подчеркнём компонент *эмотивно-* в словосочетании *эмотивно-когнитивные механизмы*, поскольку любой когнитивный процесс сопровождается эмоциями, а мотивы и интенции продуцирования креатива основаны на эмоциях человека и производятся в КЭС.

Мы упомянули, что язык является системой бесконечных возможностей рече- и текстопорождения, а креатива – это результат реализации такой возможности и потребности в ней. Но возникает вопрос: чья это потребность – власти или общества (народа), которые постоянно находятся в состоянии социокультурных антиномий.

Каждая из креатива является фактически рефлексивом массмедийного и виртуального пространств на какое-то событие. Это событие является знаковым для определённого момента, иначе оно не было бы замеченным. Оно не бытовое, а социальное. Следовательно, креатив-рефлексив является комментатором и фиксатором этого события. С этой точки зрения такое расширение коммуникативного корпуса русского языка не сравнить с иноземными заимствованиями. И это ещё одна причина того, что не стоит их опасаться. Они тоже являются мильными вехами истории.

Но в отличие от тех *mile stones*, о которых писал О. Есперсен, креатива являются маркерами текущей повседневности и результатом смехового, карнавального (по М.М. Бахтину), эпатажного, т. е. игрового процесса, порой сиюминутной деривации языка. Все они имеют собственные дискурсы, в центре которых находятся определённые события. Они содержат оценки, каждая из которых имеет семантический признак и семантический конкретизатор. Через них коммуниканты идентифицируют информацию и / или пропаганду внутри коммуникации.

Пропаганда всегда ощущается как манипуляция через признаки и особенно конкретизаторы. Это отражается в креативах. Пропаганда воспринимается в ощущениях, как бы смысловые ни изошрялись в открытых и имплицитных смыслах высказываний.

Наблюдения показывают, что большинство креатива как рефлексивов на пропаганду ироничны, саркастичны, дерогативны, критичны,

а их прагматический эффект часто прямо противоположен инициальной прагматике. Особенно это касается креативного класса (креатив) современного социума. Хочу заметить, что *креативному классу* – словосочетанию с позитивной / экологичной семантикой – пропагандисты легко придали неэкологичный смысл, превратив его в неблагозвучный *креатив*. Эта неэкологичность формируется фонетической неблагозвучностью. Поэтому в зависимости от цели высказывания один и тот же референт имеет антонимические номинации. На обычную информацию креатива могут быть амбивалентными, т. е. как положительными, так и отрицательными. Как правило, нейтральные реакции на информацию редки. Всегда найдутся адресаты, которым любая информация может показаться не нейтральной. В этом и заключается суть слова «мнение». Однако в отличие от пропаганды информация может быть и экологичной, и неэкологичной. Пропаганда же, как правило, неэкологична (особенно для думающих людей), что фиксируется в соответствующих креативах.

Пропаганда преследует цель формирования только положительно-го образа чего-то или кого-то или всей страны. Однако никакие слова, слоганы, «патриотемы» и прочие «шаманские мантры» не могут исказить смысл конкретных наблюдаемых событий, который существует независимо от их презентации в пропаганде. Конечно, мнение можно сформировать сетью словоблудия, но опыт может это мнение очень легко разрушить. Как говорил М. Ломоносов: «Любой опыт я ставлю выше тысячи мнений, рождённых игрой воображения».

Предварительная категоризация многочисленных креатива в виде блендов, окказионализмов, НКП, а среди них оксюморонных и оксюморонимных, позволяет выделить следующие дискурсивные фреймы (сферы) современного российского социума в двух доминантных коннотативных зонах: положительной и отрицательной. Прежде всего, привлекает внимание то, что общество рефлексивует происходящее вокруг отрицательно (как минимум, иронично). При этом более всего, выделяется два дискурсивных фрейма: «характеризация человека» по видам его деятельности и «политика», внутри которого выделяются слоты «внутренняя политика», «внешняя политика», «экономическая политика» и «социальная политика». На третьем месте находится дискурсивный фрейм «СМИ», в котором очень чётко эксплицируется явно негативное отношение к представителям этой сферы. Недовольна общественность и состоянием транспортной сферы, хотя в последнее время появляются и положительные номинации. Контексты и ситуации (т. е. сам дискурс) реализации креатива указывают, скорее, на неэкологичность номинативных знаков, т. к. они, с одной стороны, яв-

ляются результатом негативных ощущений и рефлексии, связанных с конкретным событием, которое, соответственно, получает номинацию, начинённую негативными коннотациями и, в свою очередь, транслирующую негативные ощущения. С другой стороны, номинации вызывают негативные переживания у получателей, создавая тем самым общее негативное эмоционально-коммуникативное поле. Представим фактический материал в виде фреймовой категоризации креатем.

Фрейм 1 «Характеризация современного человека».

Слот 1 «Технологическая обусловленность»: *хвостогрэм, Интернет / цифровая зависимость, цифровое слабоумие, видиот, твитнуть, ретвит, аськоголизм, лайкбище, пусточатиться, жритель, инобуквица*.

Слот 2 «Сексуальная обусловленность»: *нелюбвижу, репутана, экстазм, дамы /амазонки / женицины / сердцеедки Сердюкова, генитально, застелье, голубое хобби*.

Слот 3 «Алкогольная обусловленность»: *пятница, буходные, алкогольвица, алконавт, алкогольдранец, закусерий, трезвое опьянение*.

Слот 4 «Интеллектуальная ущербность»: *обалдайсы, олигофренд, отравоядные, пчеловек, религарх, свинтурист, мразья, ублюди, «Какая же ты, Варь!», десциенция*.

Слот 5 «Поведенческая обусловленность»: *сатаньяк, килогоды, взрослыеши, скрупулительный, свекрёца, доносема, неустаюноша, джигурдашка, жадлобный, мерзоблагостный, печалька, тренди, первопрохладец, дружестранец-вражестранец, бабушка-трансформер, эгохонория, расслабухать, неопатия*.

Слот 6 «Интеллектуальная обусловленность»: *креакл, интеллигены*.

Фрейм 2 «Политика».

Слот 1 «Внутренняя политика»: *взбесившийся принтер, новые бедные, налогообложение, наномитинг, гинекология протеста, ебелдосы, демшиза, протестная мода, болотники, болотное дело, выдвигенщина, православные дружинники / отряды, ойлигархия, размандатить, тандемагогия, доносема, пятая колонна, стабилизец, стабильная нестабильность, панк-молебн, чурова победа, чуровщина года, тайная амнистия / награда, смысловики, сталинобус, москватизация, оператявки, гривро, двушечка*.

Слот 2 «Внешняя политика»: *евромайдан, отмайданить, майданутые, открывзнуть, зелёные человечки, национал-предатели, вежливые люди, перезагрузка, меркози, гденукович, депардировать, криминальный интернационал, Лондонград*.

Слот 3 «Экономическая политика»: *планолизировать, гривро, экономикадзе, бананотехнологии, кокаколонизация, алтын (деархивация)*.

Фрейм 3 «СМИ».

Слот 1 «Характеризация журналистов»: *трепортёр, информафия, лжурналист, журналюга, журнализа, журнаглист, папарацци, циничка*.

Слот 2 «Характеризация информации»: *диссергейт, антиязык, музоль, эпиродия, телевредение, трепортаж, инфотира, клеветнический туризм, новотека, ховости, «сгорающие сообщения», сетература, сетезяз, минутка / пятиминутка / инкубатор ненависти, медийный страх, эхономика, инфотейнмент, фейк-новости, клеветон*.

Фрейм 4 «Социальная сфера».

Слот 1 «Транспорт»: *ё-мобиль, ё-дороги, ё-мобилизация, дуруги, автостервиз, паркомат, добролёты, дешеволёты*.

Слот 2 «Разное»: *пищевой геноцид, вертикальное государство, квартирания, бомжмаркет*.

Многочисленные новообразования в виде блендов (концептуальных, лексических, окказионализмов) являются речемами, порождёнными языковой игрой, игрой с языком всех слоёв российского социума. В этой языковой игре с большим интересом участвуют политические деятели (*двушечка, болотники, болотное дело* и др.), журналисты (*пятиминутка ненависти, взбесившийся принтер, фейк-новость, инфотейнмент* и др.), конформисты (*тандемагогия, налогообложение, наномитинг, гинекология протеста* и др.), блоггеры (*сетевые хомячки, аськоголизм, лайкбище, лайкать* и др.).

Анализ приведённых примеров с точки зрения их стилистики показывает, что абсолютное большинство креатем содержит негативную стилистику: от иронии (*кокаколанизация, бананотехнологии* и др.) до сарказма (*цифровое слабоумие / зависимость, голубое хобби* и др.) и издёвки (*выдвигенщины, алкогольвица, свекрёца* и др.). Среди новейших креатем очень интересны и прагматичны оксюмороны: *вкусные вредности, трезвое опьянение, заклятый друг, дружестранец-вражестранец* и др. Среди креатем есть и единицы с амбивалентной семантикой (стилистикой): *интеллигены, тренди* и др., а есть и с нейтральной оценкой: *ретвит, сталинобус, новотека* и др.

Таким образом, социальные события и мотивируют, и индуцируют как потенциал русского языка, так и эмоциональный и экологический интеллект креаклов. Иллюстративный материал убеждает, что многие из креатем недостаточно экологичны с точки зрения параметров эмоциональной лингвоэкологии. Для того чтобы людям было приятно и инте-

ресно общаться друг с другом, они должны общаться экологично и лексически, и синтаксически, и стилистически, и интонационно. А также и авербально. Ибо человечество обречено на общение друг с другом. Коммуниканты должны на уровне ощущений, а не на уровне словоформ, одинаково воспринимать смыслы друг друга. В связи с этим напомним замечательные слова Д. Конрада, которые подтверждают всю концепцию лингвистики эмоций в парадигме коммуникологии и эмоциональной лингвоэкологии: «Как бы я хотел, чтобы Вы читали моё письмо в таком же состоянии духа, в каком и я пишу Вам своё письмо». Это высказывание обращает внимание коммуникантов на необходимость их настройки друг на друга ещё до начала разговора, на чём настаивал Д. Гоулман в своей знаменитой книге об эмоциональном интеллекте [Гоулман, 2008]. Другого выхода у нас нет, если мы хотим общаться друг с другом, «мы должны принять тот факт, что либо мы умрём вместе, либо будем жить вместе; и если мы выбираем последнее, то нам необходимо общаться» (Э. Рузвельт). Это означает, что общаться надо экологично, т. е. вызывать друг у друга приятные ощущения и не вредить здоровью друг друга негативными переживаниями. А для этого нельзя обижать друг друга своими мнениями: «Берегите здоровье друг друга // У природы мы малая часть // Мы кому-то ответили грубо // Чью-то жизнь сократили на час» (А. Дементьев).

Лингвисты давно уже активно и успешно занимаются проблемами экологии культуры, языка / речи через многообразные коммуникативные практики в самых различных дискурсах, хотя многочисленные события и влияют на вектор нашей экологичности в отношении друг друга.

Естественно, референция той или иной креатемы к неологизму (концептуальному или лексическому), к НКП и др. является условной и требует детального дефиниционно-таксономического компонентного анализа их семантики, что может быть выявлено самостоятельным исследованием. С другой стороны, даже в таком виде данная фреймовая категоризация свидетельствует о пробуждающемся гражданском обществе и его попытке осмыслить происходящие в стране события через интерес к игровой функции языка. А это явно указывает на существование в стране креативного класса как позитивно направленной социальной группы, а также на ироничное / критическое осмысление ею различных событий и фактов, их концептуализацию, лексикализацию и трансляцию через разные способы и формы общения.

В заключение отмечу огромную роль креатем и их создателей, прежде всего журналистов, в своевременной языковой фиксации бесконечных, всё новых и новых событий, как экологических, так и неэкологических. И в этом отношении креатемы выполняют функцию компаса в турбулентной эмоциональной атмосфере современного общества.

§ 3. Психоэмоциональная энергетика «детской кнопки» в манипулятивной предвыборной коммуникации

*Провокация – увеличительное стекло,
чтобы извлечь человека.*

А. Гордон (ТВ: «Познер»)

Поскольку политика и политики интересуют людей с древних времён, а политическое общение существовало всегда, оно не могло рано или поздно не стать предметом науки о языке. Так как лингвистика со второй половины XX в. начала расширять свои объекты и предметы и интегрироваться с другими науками, стали появляться вначале контуры, а потом и чёткие парадигмы различных новых лингвистических направлений. Среди них особое место заняла коммуникативная лингвистика в её психоэмоциональном аспекте, которая с недавнего времени и заинтересовалась общением современных политиков друг с другом и с народом, в том числе и через СМИ, а также их языком (т. е. языком политиков) и его энергетикой. В результате родилась политическая лингвистика, которая активно развивается в настоящее время: защищены кандидатские [Бакумова, 2002; Белова, 1995; Вершинина, 2002; Енина, 1999; Иванова, 2003; Кунина, 2001; Миронова, 2002; Невинская, 2006 и др.] и докторские [Андреева, 1998; Крючкова, 1991; Шейгал, 2000 и др.] диссертации, создаются школы: московская, волгоградская, екатеринбургская и др. В Москве в течение ряда лет проводились школы-семинары по различным аспектам русского политического дискурса (см. сборники «Политический дискурс в России» 1996–2007 гг.), публикуются монографии [Романов, 2002; Шейгал, 2004 и др.] и учебные пособия [Чудинов, 2008 и др.], выпускается специальный журнал «Политическая лингвистика» (ред. А.П. Чудинов), публикуются многочисленные статьи [Баранов, Караулов, 1991; Кара-Мурза, 2009 и др.].

Усиливающаяся роль государства и обострение контроверзы «власть – народ», появление феномена «пиарства» и активное использование языка в борьбе за власть актуализировали в общей теории коммуникации проблему политической коммуникации, поскольку она является одним из видов человеческого общения. Как известно, политическая коммуникация семиотична, т. к. она осуществляется с помощью системы знаков, маркированных политической семантикой и коррелирующих с различными политическими референтами. Поэтому разработка частных предметов политической коммуникации способствует углублению и совершенствованию общей теории человеческой комму-

никации, расширяет познания о средствах, приёмах, тактиках, стратегиях, используемых в ходе политических дуэлей.

Актуальность данной области исследования обусловлена интерактивным взаимодействием языка и общества. Как известно, жизнь людей и их судьба в значительной мере зависят от конкретных, обладающих властью политиков и от их харизмы и проводимой ими политики. Поэтому люди вынужденно втянуты в неё. По мнению Р. Chilton, исследование политической коммуникации может проводиться в русле дескриптивного или критического подходов. И если в рамках дескриптивного подхода исследователь остаётся нейтральным, независимым экспертом, то для критического анализа, как считает Р. Водак, характерна ангажированность исследователя: подразумевается, что исследователь открыто занимает сторону лишённых власти и угнетённых (цит. по: [Шейгал, 2004, с. 9]).

Данное исследование выполнено в русле критического подхода к языковому поведению политиков и эксплуатации ими в свёрхтексте выборов такой специфической темы, как тема детства как *стратегема* в их манипулятивных целях (здесь и далее по всему тексту выделены курсивом ключевые понятия, формирующие эмоционально-смысловое поле функционирования метафоры «кнопка детства» в свёрхтексте избирательной кампании).

В отличие от дескриптивного, т. е. нейтрального, подхода, который, по моему мнению, в политической лингвистике невозможен, анализ исследователя, остающегося в рамках критического подхода, всегда будет содержать оценки, эмоции и экспрессию, потому что сам исследователь принадлежит социуму, который он описывает, и является вольным или невольным участником анализируемых и переживаемых им событий. Полагаю, что дескриптивный анализ, в принципе, возможен, если исследователь занимается только анализом научных фактов, лично с ними никак не связан, т. е. не вовлечён в их переживание и безучастен к ним. Во всех остальных случаях исследование различных аспектов политической коммуникации не может быть нейтральным, потому что в той или иной степени оно «ангажировано» личными мотивами, системой ценностей и заинтересованностью самого исследователя; оно не безрассудно, пристрастно, а значит, эмоционально-оценочно, т. е. критично. И это критичное отношение учёного к анализируемым им фактам и явлениям будет достаточно прозрачно, а анализ, в любом случае, будет содержать критические вкрапления.

Поскольку предвыборная борьба политиков всегда интенциональна и мотивирована заветной целью получения власти (на что указывает и всё возрастающее на всех выборах количество самовыдвижен-

цев), то ими изобретаются всё более и более изощрённые тактики манипулирования электоратом (подробный перечень см.: [Солодовникова, 2007, с. 274–280]).

В данной части работы мы хотели бы обратить внимание сторонников политической лингвистики на эксплуатацию политиками в предвыборной кампании даже такой личной для каждого избирателя темы, как «детство». Я называю это манипулятивным использованием психосемантики «детской кнопки», которая как тактическое средство механически, но интенционально, время от времени нажимается в ходе всей предвыборной кампании. Эмоционально-энергетические слова *детство*, *дети* почти у каждого человека вызывают тёплые, радостные, счастливые ассоциации, коннотации и эмоции, потому что детство было у каждого, а значит, это слово наверняка находит душевный отклик в сердцах большинства людей. Напомню, что эта тема и сами дети и в советские времена тоже вовлекались в политические события.

В частности, старшее поколение россиян должно помнить облетевшую всю мировую прессу фотографию с изображением И.В. Сталина, держащего на руках девочку с огромным букетом цветов. Это случилось на одном из первомайских парадов на Красной площади, когда по политическому сценарию эта девочка выбежала из колонны демонстрантов и поднялась на мавзолей В.И. Ленина к Вождю. Во время всех партийных съездов также по политическому сценарию в Кремлёвский дворец входила колонна пионеров с приветственными речёвками, прославляющими партию, правительство и лично Вождя. Многие ещё помнят известный в нашей стране слоган «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!», в течение долгого времени тиражировавшийся в советской прессе и напоминавший всей стране о том, что детство в ней – счастливое.

Фотографии зарубежных политических деятелей с детьми также часто публиковались в советских и зарубежных газетах во время их предвыборных кампаний. Будущие президенты гладили детей по головкам, брали их на руки, целовали, демонстрируя добрые, отеческие качества. Подчёркивали они и свою демократичность в отношении детей разных этнических групп и социальных классов Америки, в которой в те времена буйствовала расовая дискриминация, приводящая, порой, даже к линчеванию. Использование «кнопки детства» в предвыборной борьбе политиков довольно регулярно и многообразно, о чём, например, свидетельствуют газеты, буклеты, календари и др. (в том числе и раздача подарков детям на площадях, улицах и в школах) предвыборных волгоградских кампаний 2003–2004, 2006–2007, 2007–2008 гг., которые послужили материалом для данного параграфа.

Понимание газетного текста представляет собой сложный ментальный процесс, который управляется смысловыми доминантами. В нашем случае такой смысловой доминантой являются концепты «детство», «дети», «ребёнок». Каждый из этих концептов имеет глубокие эмоциональные личностные смыслы у каждого избирателя. Эти смыслы – своеобразные чувственные струны, на которых и играют как сами претенденты, так и их пиар-группы. По мнению В.А. Пищальниковой, эти личностные смыслы образуют ряды, которые не всегда совпадают у их продуцентов и их получателей [Пищальникова, 2010, с. 48]. Поэтому необходимо связующее смысловое звено с общим стереотипом. Таким стереотипом и является в данном случае «детская кнопка», вызывающая адекватную чувственную реакцию. «Детская кнопка» в предвыборной кампании часто не только вербализуется, но и креолизуется, в частности, через фотографии детей. Так, волгоградские политики довольно часто публиковали в своих предвыборных газетах фотографии с детьми, в том числе со своими собственными. Фотографии самих претендентов доходят до родительского электората в форме красочных календарей разного формата, открыток, буклетов, школьных тетрадей и дневников. Часто публикуются детские фотографии в собственных газетах претендентов, которые бесплатно раскладываются по почтовым ящикам в подъездах избирателей. Использование таких фото в тактических целях объясняется их особой впечатляющей глаз функцией – фасциативно-смысловой. Другими воздействующими функциями фотографии в предвыборных текстах являются: повышение параграфической активности текста – увеличение эмотивного воздействующего потенциала текста за счёт его креолизации через фотографию; глорификация или диффамация претендентов – возвышение или унижение за счёт ассоциативной семантики фотографии с детьми; аргументация – подтверждение или опровержение информации, выраженной в тексте вербально; смыслорасширение – повышение прозрачности текста, возможное только за счёт включения в его смысловую сетку визуальных битов информации (срабатывает принцип: «фотофакт лучше один раз увидеть»); рекламная – демонстрация и привлечение к себе внимания и др.

Как показал анализ, высокая плотность фотографий как смыслового компонента в предвыборном свертке является эмоциональной доминантой психосемантического воздействия на избирателя. В газете каждого из претендентов были представлены различные детские фотосюжеты. Проиллюстрирую сказанное на примере газет основных претендентов. Газета «Первое чтение в Волгограде» Р. Гребенникова (тогдашнего мэра г. Волгограда) разместила в № 15 за 05.12.2003 г.

его фотографию в кругу семьи (жена и дочь). И в 2006 г., когда «Первое чтение» превратилось в «Первую газету», в ней 29.12.2006 г. также были опубликованы две фотографии Р. Гребенникова с семьёй: одна почти полная копия той, о которой речь шла выше, вторая запечатлела счастливых, улыбающихся Р. Гребенникова и его уже семилетнюю дочь Анастасию за игрой в шахматы. Если сравнить фотографии 2003 и 2006 гг., то увидим определённое сходство в эмоциях запечатлённых на них Р. Гребенникова и его семьи: они улыбаются, им хорошо вместе. Их дочка – любимый и очень счастливый ребёнок. И у этого ребёнка действительно счастливое детство.

Однако не только в газете Р. Гребенникова появлялись фото с семьёй и детьми. В 2007 г. избиратели могли увидеть красочные календари с фото Н. Волкова с дочерьми Машей и Зоей с надписью «Жить ради детей, работать на благо Родины!» (интересно, что имелось в виду под словом «дети»: все дети Волгограда или только Маша и Зоя?); календарь с портретом О. Михеева с надписью «Строим детям Волгограда счастливое будущее». Из буклета еще одного претендента на пост главы городской администрации Р. Херианова мы узнаём, что «сегодня Роланд и Анна растят двоих детей». В этом буклете размещены цветные фото, на одном из которых он и его супруга держат на руках своих маленьких детей: Р. Херианов – сына, а его супруга А. Кувычко – дочь, о которых рассказывается, что «сыну Владимиру уже полтора года», а «дочке Даше – четыре с половиной», и что «она ходит в детский сад, занимается балетными танцами и учится в школе выходного дня». Эти дети тоже счастливые, как видно из фотографий.

«Кнопка детства», эксплуатируемая в таких фото, предназначена навести избирателя ассоциативно на мысль, что эти претенденты могут сделать счастливыми и других детей города, если их выберут во власть. Буклет Р. Херианова (как и предвыборные агитационные материалы других претендентов) содержит и рассказы о родителях. Приведём фрагмент из упомянутого буклета: семья Роланда Херианова живёт по традициям, которые в детстве привили ему родители. И в этом они оказались с Анной единомышленниками. Роланд и Анна венчаны, дети крещёные, и в их семье с греческими корнями свято чтят русские православные традиции.

Отмечу, что, на мой взгляд, вовлечение Р. Хериановым в свою предвыборную кампанию темы детства по сравнению с другими претендентами имело свою особенность. В свете иронии соперников по поводу национальности данного претендента для доказательства своей прорусскости Р. Херианов привлекал и тему собственного детства (в данном случае особенность заключается не в том, что только Р. Хери-

анов рассказывал о своём детстве, а в том, что даже детские воспоминания должны были работать на опровержение того, что грек по национальности не может стать мэром русского города).

Приведу очередной отрывок из текста его буклета под названием «Родом из детства»: «Наше отношение к людям приходит из детства. Глядя на своих родителей, Роланд всегда знал, что жить надо фундаментально. Так говорил и, самое главное, этим словом руководствовался его отец – красивый, сильный и добрый человек. Кстати, это именно он выбрал имя своему первенцу. А фамилия их пришла из Греции, из времён Александра Македонского. Отец говорил, что фамилия Хериановых переводится как “благоденствие”», что также многозначительно и призвано вызвать у избирателя эмпатию.

Другой отрывок носит название «Город любви»: «Родители Роланда встретились и полюбили друг друга в Волгограде. Супруги очень мечтали, чтобы их первенец родился и жил в Волгограде. Но пришло известие о болезни отца, и они уехали. Но разговоры об удивительной атмосфере Волгограда Роланд слышал с самого детства». В свете активной диффамационной кампании со стороны Р. Гребенникова все эти довольно интимные факты про детство выглядят защитой, а не изначальным желанием Р. Херианова просто рассказать о роли детских воспоминаний в решении стать мэром «города любви». Даже фотографии с детьми на руках на фоне одной из церквей Волгограда, равно как и фотография церемонии венчания Анны и Роланда, – это использование темы детства в рамках самогlorификации: 1) венчание – как благословение детей Божьих на брак, который даст новую жизнь (жизнь ребёнка); 2) дети на руках родителей у церкви, возможно, той самой, к которой родители вернулись как благодарные дети.

Эти фотографии прекрасны, очень убедительны, но тот факт, что такими личными вещами претендент делится не с самыми близкими, а с 50 тыс. случайных горожан (такой тираж указан на обложке буклета), наводит на вопрос об искренности его намерений. В качестве диффамационного фотофонда, направленного против Р. Херианова, газета Р. Гребенникова публиковала фотографии бедствующих в неотопливаемых, негазифицированных, без света и воды, домах, неотрмонтированных школах, библиотеках, детских садах, что являлось эмоциональным аргументом отношения к действующей на тот момент власти в лице Р. Херианова как и. о. главы администрации города.

Поскольку вся предвыборная кампания Р. Херианова была построена по принципу защиты от нападков-обвинений других претендентов, то и фото выданных им молодым многодетным семьям новых квартир были призваны опровергать обвинения и демонстрировать его заботу

о детях и их счастье. Р. Херианов, как уже упоминалось ранее, также использовал своих детей в саморекламных, глорификационных целях, т. к. эти личные фотографии, иллюстрирующие его отеческую заботу, имели интенцию экстраполировать эту заботу и на детей избирателей, т. е. ассоциативно вызвать у родительского электората надежду на его будущую заботу обо всех детях Волгограда.

В газете претендента О. Михеева «Блокнот» тоже помещались фотографии детей, рассказывающие избирателям о финансовой поддержке им ряда детских мероприятий: КВН, соревнование по боулингу для детей-инвалидов, развлекательные мероприятия с клоунами, раздача письменных принадлежностей и сладостей на площади Дзержинского и др.

Несомненно, фотографии претендентов из их собственного детства тоже призваны воздействовать на эмоции избирателей, т. к. все детские фотографии трогательны и обаятельны, с претензией на то, что они вызовут подсознательно у избирателя мысль о том, что претендент остался таким же «лапочкой». Различные фотографии с детьми выступают в роли текстовой проекции этих тёплых чувств к детям на родительский электорат. Иными словами, предвыборные благодеяния претендентов были зафотопротоколированы.

Однако были и другие благодеяния, которые просто описывались вербально в газетах в виде репортажей с мероприятий, откликов избирателей и рассказов самих претендентов о выполнении наказов избирателей по детским нуждам. Так, в «Хорошей газете» претендента Н. Чувальского (№ 2 (21) за 02.02.2007 г.) в виде таблички помещён настоящий финансовый отчёт об адресной помощи детям из его собственного бюджета. Таблица называлась «Реализация наказов избирателей», и из 26 перечисленных в ней пунктов 23 – о помощи детям. Среди них были: «Ремонт спортивного зала средней школы № 39», «Приобретение ксерокса и детских игрушек для детского сада № 355» и др.

Эмоционально-чувственная тактика презентации произведённых Н. Чувальским затрат и комментарии из письма сотрудников детского сада № 183, опубликованного в «Хорошей газете» № 18 за 22.12.2006 г., вызывают довольно внушительный чувственный эффект: оплачен жарочный шкаф на сумму 29 тыс. рублей, что способствовало решению вопросов по улучшению питания, охране жизни и здоровья детей.

Все претенденты на должность мэра г. Волгограда вдруг срочно полюбили детей и начали соревноваться в своей (материальной) заботе о них. Например, В. Горюнов стал спешно красить «облезшие» здания школ в разных районах города и делать на них надписи: «Мы любим детей!», но поскольку его никуда не выбрали, у него внезапно закончи-

лась краска. В результате, например, здание школы № 29 до сих пор стоит наполовину зелёное, наполовину недокрашенное. Здание ДК им. Гагарина осталось таким же, поскольку Р. Херианова также не избрали.

Многие детские учреждения выиграли от этой предвыборной борьбы материально, т. к. получили в подарки компьютеры, школьную мебель, сифоны для очищения воды, школьное оборудование, не считая большого количества бесплатных новогодних ёлок, спектаклей, утренников, что, конечно же, делает честь политикам, если бы только сразу после выборов у них не начинались серьёзные проблемы с памятью, зрением и слухом.

Представляет интерес для лингвистического анализа текст открытого письма к своей матери М. Минчевой, которое во время предвыборной кампании было растиражировано в количестве 8500 экземпляров и доставлено в почтовые ящики избирателей. Письмо составлено стилистически очень эффектно и демонстрирует глубокую лингвистическую эрудицию его автора (интересно, кто он?). Главным стилистико-тактическим приёмом является эмоционально-ритмический синтаксический повтор (параллелизм): «Твоя дочь выросла, мама, выросла». Каждая строка этого письма, начинающаяся с этой эмоциональной фразы, оброчена, якобы, к её матери, а фактически является намёком-обращением к другим матерям, которым М. Минчева настойчиво внушала, что она уже достаточно взрослая, чтобы быть избранной во власть и отвечать за жизни других людей, хотя ей всего только 25 лет («Ты так боялась, мама, а она выросла, она смогла, сама, и ты можешь гордиться ею, мама, она так хочет этого»). Она пыталась доказать («Твоя девочка выросла, мама, выросла. У неё всё те же холодные пальчики, но она так редко вкладывает их в твою ладонь, предпочитая брать под руку»), что, несмотря на свою молодость, так же, как и свою маму, она сможет поддерживать под руку и своих избирателей («Твоя дочь выросла, мама, выросла. И её телефон звонит теперь чаще твоего, и уже она помогает тебе решать твои взрослые проблемы. И уже ты прислушиваешься к её советам и суждениям»).

Одной из самых сильных по своему диффамационному потенциалу была статья в № 8 (94) «Первой газеты» за 23.02.2007 г., которая называлась «Херианова доля, или Грустный рассказ о том, как ставленники Ищенко (тогдашний мэр г. Волгограда. – *В.Ш.*) детей обидают». В этой газете пиар-группа Р. Гребенникова опубликовала копии документов (за подписью Р. Херианова), доказывающие, что детский санаторий на территории Латошинки был отдан под строительство особняка для супруги Р. Херианова А. Кувычко. А в № 13 за 23.11.2006 г. были опубликованы две фотографии Латошинского санатория: одна с подпи-

сью «2003 год. Корпус Латошинского санатория» и другая – «2006 год. “Скромная хижина” волгоградского истеблишмента». Статья называлась «Власть играет в социалку» и содержала язвительный комментарий: «Сначала власти прикрыли санаторий, в котором проходили курс реабилитации тяжелобольные дети, выстроили на его территории элитные особняки, а теперь устраивают показательные вручения материальной помощи для этих же детей».

В тактике «детская кнопка», как показано выше, особая роль отведена эмотеме детей в разных фотосюжетах, потому что «впечатлениям глаза» человек доверяет больше, чем буквенному тексту. Впечатление глаза, прибавленное к впечатлению знаний, интенсифицирует воздействие на сознание избирателей за счёт экспрессивизации транслируемой информации и влияет на принятие решения. Все вербальные и невербальные тексты публикаций волгоградских избирательных кампаний открывают эмоциональные валентности претендентов избирателям и индуцируют соответствующие эмоциональные валентности избирателей [Шаховский, 2007 б, с. 287–299], в чём и заключается эмоциональный тьюнинг [Шаховский, 2008 б, с. 478–481].

При помощи эмоционального тьюнинга создаётся общий эмоциональный центр смоделированного взаимодействия обеих сторон в конкретном коммуникативном пространстве. Это коммуникативное пространство окрашивается эмотивной семантикой речевого и неречевого (акционального и телового) поведения политиков и создаёт общее эмоциональное поле всей избирательной кампании как категориального, коммуникативного события. Любое общение, в частности общение политиков с избирателями, – это общение смыслами, в том числе и эмотивными. Вот почему текстами и конкретными делами для детей, с помощью которых политики агитируют за себя, они намеренно вызывают прямые и косвенные положительные эмоции у родительского электората и самих детей. В свою очередь, дети тоже воздействуют на своих родителей, находясь под положительным впечатлением от добрых дядей и тётей-претендентов.

Как известно, биологическая связь между детьми и родителями является мощнейшим фактором влияния детей на решения родителей, поскольку ребёнок – самое дорогое для них, и они готовы ради него на всё. Таким образом, втянутый в политику ребёнок оказывается невольным помощником пиар-групп. Ведь своему ребёнку родитель поверит больше, чем любому агитатору. Психологи в пиар-группах это знают и используют это знание, чтобы сориентировать претендентов на использование детской психологии в своей тактике влияния на родительский электорат.

Следовательно, всё вышеизложенное и весь фактический материал, собранный для данного исследования (волгоградские газеты и буклеты), свидетельствуют о том, что дети используются политиками как тактическое средство для победы на выборах и что они являются всего лишь эмоциональной «кнопкой», которую они нажимают во время предвыборных кампаний. Все эти объятия, прикосновения, поглаживания детей и материальная забота о них являются знаками обманной невербальной семиотики [Крейдлин, 2004]: сигналами заботливости, любви и доброты, которые, конечно же, известны пиар-группам и находятся в арсенале их предвыборных тактик и манипуляций с избирателями.

На неискренность, мимирию этих проявлений указывают факты мгновенного забвения политиками своих обещаний детям после завершения выборов. А во время этих предвыборных проявлений в ядре сознания каждого избирателя может продуцироваться такое мнение: «Этот человек – добрый, внимательный, заботливый. Он любит детей. Ему можно доверять. Его нужно выбрать. За него буду голосовать». Для политиков, претендующих на «коридоры власти», метод «детской кнопки» является предвыборной мимикрией, т. к. они уверены в успешности такой тактики и, как правило, не ошибаются. Но мимикрия остается мимикрией [Кашкин, 2001], на что указывает упомянутая выше послевыборная забывчивость претендентов относительно детских проблем и своих обещаний: они сразу же сбрасывают эту предвыборную шоу-маску по завершении кампании.

«Детская кнопка» может служить методом изучения общественного языкового сознания. И как показывает избирательная практика, этот метод срабатывает безукоризненно. Такой метод на материале предвыборной кампании может быть применен для изучения когнитивного стиля в прикладной лингвистике массовой коммуникации [Лукашевич, Погодаева, 2009]. «Детская кнопка» в предвыборной коммуникации, таким образом, является психосемиотическим феноменом [Боронин, 2009], обладающим манипулятивной энергетикой в силу своей аттрактивности и заманчивости для доверчивого электората. Перспективным является рассмотрение данной проблемы в этнопсихолингвистическом аспекте, которое, несомненно, будет варьировать эмоциональную доминанту «детской кнопки» в разных национальных регионах России.

Часть V

ЭКОЛОГИЯ НЕГАТИВНОГО ОБЩЕНИЯ

Глава 1. НЕЭКОЛОГИЧНОСТЬ КОММУНИКАТИВНОГО КОНФЛИКТА

§ 1. Тензиональность и пассионарность общения

*We are always in some mood.–
Мы всегда в каком-нибудь настроении.*

Дж. Р. Серль

Огромное количество публикаций из различных разделов современной науки – психологии, психолингвистики, социологии, социолингвистики, философии, лингвофилософии, биолингвистики, компьютерной лингвистики, эмотиологии, концептологии, лингвокультурологии, коммуникативистики и др. – свидетельствует о всевозрастающей эмоционализации глобального коммуникативного пространства, интенсификации социальной, этнической, конфессиональной напряженности, переходящей в активную агрессию. По сути дела, ни один институт на государственном уровне не занимается повышением социального уровня терпимости в современном коммуникативном сообществе.

Ученые разных специальностей обеспокоены такой затяжной экстремальной ситуацией и пытаются через различные тактики и методики ослабить эту напряженность. Поэтому я обратил внимание на экологию эмоционального общения и пытаюсь доказать через соответствующую аргументацию зависимость здоровья языка, общества и конкретного индивида от правильного пользования языком, ценнейшим естественным средством общения, формирования и формулирования мысли, ее сокрытия и даже сокрытия ее отсутствия у говорящего субъекта.

Эмоции действительно бросили серьезный вызов и Homo Sapiens, и его языку и фактически трансформировали Homo Sapiens в Homo Sentiens. Отсюда доминирующее несдерживание эмоций во всех сферах человеческого общения, вплоть до деловой и даже дипломатической, взаимные обиды, непонимание во внутрисоциальном и в межгосударственном общении. Доказательством этого является напряженность взаимоотношений между Россией, странами Евросоюза и США, а в последнее время и между странами Восточной Европы в связи с событиями на Украине и в Сирии.

Не зря Е.С. Кара-Мурза вопрошает, что может быть эмоциональнее реакции оскорбленного человека и что, оказывается, может быть на-

столько манипулятивным, как такая реакция [Кара-Мурза, 2013]. Приведем пример: *"I'm not", she said tearfully, "a wart hog. From hell" ... The tears dried, her eyes began to burn instead with wrath* (Fl. O'Connor). Женского персонажа одного из рассказов Фл. О'Коннор назвали грязной жирной свиньей. Миссис Х настолько глубоко была оскорблена, что собралась и поехала на соседнюю ферму, где был свиарник, чтобы посмотреть на живых свиней и убедиться, насколько справедливо было ее сравнение с ними. Такое оскорбление вызвало у Миссис Х кластер сильнейших негативных эмоций (омерзение, отвращение, ненависть, ярость, обиду и т. д.). В данной коммуникативной эмоциональной ситуации произошло адресное выражение оскорбления в эмоциональной форме, т. е. семиотика оскорбления явилась конгруэнтной его семантике, что и усилило его перлокуцию (эмоционально-прагматический эффект).

Аналогичным является пример из другого художественного произведения: М. Митчелл «Унесенные ветром»: *"You're a fine honest rogue, Scarlet!" A rogue! Queer that the term should hurt. She wasn't a rogue, she told herself vehemently*. На сильнейший негативный эффект от оскорбления (rogue) указывает авторская ремарка: *Странно, что это слово может так глубоко ранить* (перевод мой. – В.И.).

Уже не раз отмечалось, что оскорбление не является бесконечно унижительным для адресата. Как известно, любое речевое противодействие является имманентной характеристикой речевого взаимодействия [Черенков, 2011], и после первой инстинктивной рефлексии на семиотику оскорбления его семантика все чаще и чаще получает реверсивное переосмысление адресатом, который начинает видеть его причину и начинает корректировать свое отношение как к самому оскорбленному, так и к адресанту, а значит, менять свое поведение, в том числе и коммуникативное. Соответственно положительные эмоции имеют креативную энергию (отрицательные эмоции имеют ее в потенции): как ни странно на первый взгляд, оскорбление может быть педагогичным, т. е. оказывать положительное влияние на человека.

Как утверждает К.А. Переверзев, «лингвистике малоинтересны данные беспристрастной действительности: она рассматривает мир сквозь призму языка и в модусе субъекта» (цит. по: [Семенова, 2006, с. 6]). Через модус кажимости можно усматривать воспитательный (положительный) потенциал любого конфликта, включая, в частности, и личностные оскорбления. Это со временем приводит адресата в чувство и заставляет меняться в лучшую сторону. Но это не значит, что надо

всем и всех оскорблять для улучшения «породы». Все-таки доброе слово, особенно вовремя сказанное, «породу» улучшает более безболезненно, не говоря уже о том, что «доброе слово лечит», «доброе слово и кошке приятно».

С другой стороны, бесконечно добрыми словами, комплиментами и особенно лестью («Облить грязью похвал») можно избаловать и испортить человека. И тогда в чувство его привести можно только оскорблением или через лексику очерняющую, умаляющую, унижающую человеческое достоинство захваленного коммуникативного партнера [Кара-Мурза, 2009 а], т. е. через тенциональность общения, смоделированную даже искусственно в воспитательных целях. Иными словами, с одной стороны, получается замкнутый бесконечно конверсируемый языковой круг, в котором вращаются добро и зло (*зло-бро*), а с другой – этот круг подтверждает вечную справедливость гениального философского закона о единстве и борьбе противоположностей [Шаховский, 2012а].

Под тенциональностью [Остринская, 2014] текста понимается концентрация (плотность) фонетических, графических, лексических, синтактико-стилистических экспрессивных средств, которые используются автором в композиционном построении текста. Тенциональность возникает за счет концентрации выразительных средств языка в кульминации текста.

Тенциональность текста связана с некоторыми текстовыми категориями интенсивности, экспрессивности, образности, аргументативности. Лексические средства относятся к языковым средствам выражения тенциональности текста. Имеется в виду не весь словарный состав языка, а его маркированные элементы. К таким элементам можно отнести в первую очередь эмотивную и экспрессивную лексику.

Дискурсивные практики эмоционального общения демонстрируют открытое игнорирование всяких норм толерантности. Толерантность – это внутреннее или внешнее явление (ненавижу, но внешне должен выражать терпимость). Вынужденная толерантность обусловлена правовыми нормами. Но и эти нормы оказываются гибкими для каждого субъекта.

В специальной статье, посвященной сопоставительному анализу множества разнообразных определений толерантности из всех существующих на данный момент словарей, показано, что ее единое понимание отсутствует, особенно в области законодательного права. Это еще раз доказывает справедливость мнения о невозможности универсаль-

ных дефиниций одного и того же феномена и даже об их вредности, ибо каждая дефиниция является прокрустовым ложем, которое неизбежно огрубляет, обрубаёт понятие феномена и превращает его в усеченное понятие, т. е. в деформированное, неполное, кажущееся полным в целом, но для каждого субъекта всегда отличным от его интерпретации другим субъектом.

По свидетельству Е.С. Кара-Мурзы, сегодня в России список матерных лексем почти составлен, и на повестку дня выдвинут вопрос о привлечении к ответственности за публичное использование мата (из специальной программы «НТВшники: Россия без мата» за 22.10.2010 г.). Эти слова Е.С. Кара-Мурзы справедливы не только для мата, но и для любого другого оскорбления в любой форме: обзывание, клевета, распространение слухов и другая диффамация [Шаховский, 2011]. Трудность заключается лишь в дефиниционном разграничении мата как оскорбления и мата как аффектива. А для этого необходим правовой толковый словарь аффективной (инвективной) лексики, фразеологии и выражений с когнитивно-дискурсивными дефинициями, которого пока еще нет даже в проекте. Его составление может быть одной из ближайших лексикографических задач эмотиологии. Мат является одной из форм тензионального общения, если он не используется во вторичных карнавальных, игровых функциях – где роль противоположная – для расслабления, снятия напряженности.

Так и непонятно до конца, что же такое толерантность: всегда ли это преодоление себя, своего несогласия и невыражение последнего коммуникативному партнеру? Ведь за счет фактора субъективности у каждого коммуниканта порог толерантности свой, соответственно, и порог реагирования на вербальные стимулы-инвективы тоже свой. Отсюда то, что одни субъекты пропускают мимо ушей, для других является оскорблением и унижением личного достоинства. Приведем несколько примеров из специальных англоязычных словарей оскорблений: *Calling you stupid would be an insult to stupid people; Do you want to die stupid; Don't think it may sprain your brain* [The Insult Dictionary, 1988; Cassell Dictionary of Insulting Quotations, 2000]. В английской лингвокультуре существуют и специальные словари вежливых оскорблений [The Giant Book Of Insults, 2000]: например, ситуация в парикмахерской – *"I have asked to shave me, not to scratch"*; в ресторане (возмущенно) – *"Have you added your age to the bill?!"*. Жаль, что нет аналогичного словаря в русской лексикографии. И это тоже может быть перспективной задачей для эмотиологии.

Как отмечалось уже выше, в коммуникативном обществе наблюдаются общее снижение толерантности, повышенная обидчивость, обострение конкурентности, зависти, утрата добродетельности: нарушение нагорной проповеди Иисуса Христа и библейской проповеди «Непротивление злу насилием»; «Если тебя ударили по правой щеке, то подставь левую»; «Помолись за здоровье своего врага»; «Возлюби ближнего своего как самого себя».

Многое из обидного можно не замечать, если ввести в общение коэффициент «модус кажимости»: очень часто говорящие имеют в виду совсем не то, что слышат адресаты. Форма слов все-таки значима, и каждый слушающий начинает эту форму своим смыслом. Отсюда и коммуникативные неудачи.

Только эмоционально «тупой» субъект может быть всегда толерантен к окружению. Субъекту с нормальной эмоциональной психикой приходится всегда реагировать на неприятные для него высказывания других субъектов либо внутренне, либо внешне (интериоризация/экстериоризация толерантности). Эти оскорбления могут быть реальными, т. е. интенциональными, а могут быть и кажущимися, т. е. ненамеренными и даже вообще не оскорблениями по своей семантике, хотя по форме они могут быть семиотично оскорбительными. Примером могут выступать такие КЭС, когда явное по форме оскорбление (вульгарное слово) с одинаково известной всем словарной семантикой не расценивается с правовой точки зрения как оскорбление. Особенно если оно часто используется в бытовом общении и находится на грани сниженной и обиходной (стандартной) лексики языка.

Н.Д. Голев приводит случай, когда в актерской среде Станислав Садальский публично назвал певицу Азизу Мухамедову *бл***. Фрагмент соответствующего интервью, содержащего эту инвективу, был опубликован в «Экспресс-газете» и поэтому стал достоянием общественности. Кажущееся по своей форме оскорблением, данное слово лингвистическая экспертиза не признала оскорбительным в силу контекста своего употребления. Такой констатацией (дискурсом) послужил сам стиль данной газеты, для которого слово *бл*** является «не ругательным, а своим, житейским, находящимся на самой грани просторечной лексики» [Голев, 1999, с. 24]. В данном случае Азизу несколько подвела неконгруэнтность семиотики и семантики этого слова в данной дискурсивной практике, а также ее субъективно-личностная ассоциативность этой инвективы. Этот факт можно объяснить тем, что «истина или видимость находятся не в предмете, поскольку его созерцают, а в суждении о предмете, поскольку его мыслят» [Кант, 1964].

Напротив, в статье А.В. Минкина «О вежливости» приводится случай, когда совершенно простой и дежурный вопрос журналиста Р. Томсона Президенту РФ Д.А. Медведеву «Будете ли Вы выставять свою кандидатуру на пост президента в будущем году?» вызвал у него почти что оскорбительную реакцию («будто бы Вас оскорбили». – *А.В. Минкин*). Вопрос был обрамлен в красивую лирическую эмотивно-экологичную рамку и в достаточно искреннюю просодию. Этот вопрос действительно тогда волновал весь мир. Ответ президента получился пространным и продемонстрировал его обиду, а по форме он оказался менторским и наверняка, в свою очередь, обидел задававшего вопрос репортера да и некоторую часть аудитории, присутствовавшей на форуме. Это тот самый случай, когда ни один, ни другой не собирались никого обижать. Обида все-таки имела место, а ситуация их общения превратилась в конфликтную.

Частично научное объяснение такому положению вещей в мире может дать теория лептонов из другой сферы научного знания. Согласно этой теории, лептоны являются носителями человеческих чувств и мыслей. Существует единое лептонное поле всего человечества, внутри которого находится ядро, а вокруг него расположены его информационно-энергетические «двойники». Квантовая оболочка особо энергонасыщена и при определенных условиях может быть видимой (например, у святых, и не только у них, по изображению в иконописи светящегося нимба над головой). Экспериментально доказано, что усилием воли можно выделять из себя своего лептонного двойника, информационно-энергетические мысли и чувства (эйдосы).

Эта область знаний еще совсем не использовалась лингвистикой эмоций, а между тем, по биологической теории языка [Матурана, Варела, 2001], эмоции человека составляют важнейший биологический фактор, который может формировать еще один язык эмоций. Я уже писал о многоязычии эмоций [Шаховский, 2009].

В силу амбивалентности всех эмоций и их зависимости от ситуативной актуализации они могут быть поливалентными. Каждая из эмоций способна становиться дуальной, конверсироваться, реверсироваться, конвергироваться / кластироваться, что усугубляет тензиональность межперсонального, группового, социального, массового общения, поэтому в каждой конкретной КЭС бывает сложно определить даже знак, не говоря уже об оттенках. Отсюда и обида может быть напрасной, а оскорбление может различаться по форме и по содержанию: по форме это может быть оскорбление, а содержательно – нет или наоборот.

Многоязычие эмоций подтверждается и их так называемым фантомным языком. Это язык без слов, он биоэнергетический, он обвола-

кивает фигуру человека в виде биологического скафандра, одним из материалов которого являются лептоны. В отдельных случаях эти скафандры, по моей гипотезе, могут отделяться от человека, создавая его двойник, что также работает на теорию модуса кажимости, ибо эти двойники могут казаться, создавать видимость своего оригинала. Такие двойники являются очень субъективными, поскольку они вторичны по отношению к самому субъекту. Они также могут оказывать вторичное влияние на субъект, образ его мышления, могут провоцировать оригинал на приписывание словам, предметам, феноменам той семантики, которая является не сущностной для них, а приписываемой, т. е. кажущейся. Эти фантомы не являются клонами, это всего лишь биологические сгустки человеческой эмоциональной энергетики, довольно мощной по своему информационному потенциалу. А протуберанцы этих сгустков в виде биомагнитных волн, как мы предполагаем, могут достигать в длину десятков и сотен километров и тем самым обеспечивать общение с помощью беззвучного языка мыслей на расстоянии. Примером могут быть события, описанные Б. Акуниным, когда персонаж может общаться мысленно со своим партнером, не только находясь рядом, но и в десятках километров от него (нее) (Б. Акунин «Особый дар»). Впервые этот феномен мысленной коммуникации был художественно изображен в романе И. Ефремова «Час быка» в 70-х гг. XX в. Конечно, это возможно в условиях тензионального общения. Художественные исследования это подтверждают, а научные – находятся всё еще в стадии попыток аргументировать наличие такой человеческой потенции. Возможно, что зачатки научных исследований в данном направлении – это описание случаев телепатии, телекинезики и экстрасенсорики. Всё-таки при всей критике в адрес Кашпировского и Чумака телепатическое воздействие на некоторых индивидов имело место, и это отрицать сложно. Отмечу, что такое общение, конечно же, основано на определенной эмоциональной напряженности обеих коммуницирующих сторон и на специфическом настрое, само внушении реципиента.

По имеющемуся в электронном ресурсе определению, лептоны – это класс элементарных частиц, не участвующих в сильных взаимодействиях, т. е. лишь в электромагнитных, слабых и гравитационных взаимодействиях. К лептонам относятся электрон, мюон, электронное и мюонное нейтрино и др., а также соответствующие им античастицы. Все лептоны имеют спин 1/2, т. е. являются фермионами. Название «лептон» (от греч. *leptós* – тонкий, лёгкий) связано с тем, что их масса меньше масс всех других частиц (БЭС). Следует указать, что, несмотря на эту тонкость и лёгкость, лептоны не только укрепляют фантомный скафандр человека, но и усиливают энергетическую мощь его эмоций.

Суммируя вышесказанное, укажем, что не любое семиотическое оскорбление является семантическим и прагматическим. Оно может лишь казаться оскорблением, являясь на самом деле всего лишь эмоциональным выплеском, экспликативом говорящего – эмоциональной реакцией на внешний стимул со стороны речевого партнера, но не оценкой его и потому кажущимся оскорблением. Для некоторых объектов оценки фантомные скафандры являются барьером, не пропускающим смысл оскорбления до их сознания. А некоторые фантомные скафандры через свои лептонные слабости и тонкости пропускают семиотику совместно с семантикой таких вербалий, и последние либо кажутся, либо на самом деле являются интенциональными оскорблениями. Ср.: *Вот, бл***, *какие у нас дела!*, *Какая же ты все-таки бл** полная!* Одна и та же инвектива в первом случае является неоскорбительной экспликативной частицей, а во втором – адресным оскорблением.

Непонимание, незнание сильного слова, но ощущение его интонационной энергетикой ведут к неадекватному эмоциональному восприятию, чувственному и рациональному, к конфликтам, обидам, ответным неадекватным высказываниям и даже судебным искам, разрыву личных отношений, распаду семьи и т. д.

Таким образом, тензиональность общения предполагает концентрацию эмоций в определенных КЭС и проявляется в разнообразных речевых формах, наиболее типичными из которых являются мат в своей оскорбительной функции, другие виды оскорблений (нематерные, например, просодико-фонационно-интонационные) и различные проявления как внутри-, так и межъязыковой нетолерантности. Особенно часто в настоящее время наблюдается конфессиональная нетолерантность, причем не только между разными видами конфессий, но и внутри одной. Ср. мусульманскую религию и ИГИЛ (запрещена в РФ), православие в разных странах и даже в одной стране («Божья воля», православные отряды, православные фанатики и т. д.). Примером также является существующая с давних пор непримиримость старообрядцев и православия [Кислякова, 2013].

Все сказанное выше приводит к необходимости разработки специальной методики обучения говорению с целью предотвращения тензиональности в общении всех уровней (индивидуальном, групповом и институциональном), ведущей неизбежно через любой языковой контакт к конфликту, а конфликт – это порча самочувствия, обиды, оскорбления и прочие неэкологичные переживания, ухудшающие качество жизни и самого языка.

§ 2. Обида как причина неэкологичности коммуниканта

*Русский человек совершенно прозрачен
и совершенно беззащитен.*

Ст. Садальский

Чувство обиды, униженности и даже оскорбленности может вызывать грубая нетерпимость речевого партнёра или любого другого коммуниканта, даже при непрямом обращении к конкретному собеседнику. Оно может быть как взаимным, так и односторонним. Это особенно часто происходит в том случае, когда один из коммуникантов не знаком с книгами Д. Карнеги, теориями Г. Селье, К. Изарда, не обладает эмоциональной и экологической компетенциями. В таких случаях речевой партнер не сможет смоделировать ни свои, ни своего оппонента эмоции и перевести их на рациональные рельсы. Об этом в предыдущем параграфе уже было упомянуто.

Зачастую оскорбленность может и не иметь под собой никакого объективного основания: адресату может показаться, что говорящий хотел его оскорбить, а тот и не думал это делать. Просто «выпалил», не подумав о том, как его слово в душе адресата отзовется. Я выше уже много раз говорил о фундаментальном различии между прагматикой говорящего и прагматикой слушающего в одной и той же КЭС. Обида, оскорбление могут быть кажущимися. В научный обиход с некоторых пор вошло очень перспективное для коммуникологии терминопонятие *модус кажимости*.

Открытие этого модуса объясняется осознанием современным человековедением того факта, что нам не дано увидеть мир таким, какой он есть на самом деле [Семёнова, 2006]. Приведу ещё одно мнение: «...языковое мировидение – фикция, а каждый язык один и тот же мир видит и описывает по-иному; наивное мировидение – результат поверхностного наблюдения» [Шафиков, 2007, с. 250]. Для всех пользователей языка характерно в основном наивное видение мира. Этим и объясняется наивное его оценивание и наивное переживание этой оценки: сколько людей, столько и моделей мира, форм и способов его восприятия, эмоционального реагирования. Поэтому и трудно людям общаться друг с другом и особенно договариваться по спорным вопросам, например о войне и мире между ними. Этим же и объясняются сложности кооперативной деятельности людей, в первую очередь, между народом и властью: у власти всегда собственное мировидение и своя модель поведения во всех его видах.

Поскольку человек видит мир не таким, какой он есть, а таким, каким он ему кажется, то эмоции и рефлексия относительно этого кажу-

щегося мира оказываются неадекватными самому миру. Получается, что мы оцениваем не то, что есть на самом деле, а только то, что кажется. Поэтому и модальность общения, как правило, всегда категорична и потому неэкологична, т. к. вызывает недовольство партнёров по общению. Тем более что человек видит не весь мир, а только самую его малость. Поэтому эмоции часто не имеют реальной когнитивной подкладки, а являются тоже вымышленными, в том числе и эмоции оскорбления.

Эта мысль поддерживается В.П. Рудневым. Он пишет о так называемых «ножницах» между объективным и кажущимся мирами, между лезвиями которых находится каждый из коммуникантов в связи с тем, что каждый из них воспринимает мир не таким, какой он есть, а таким, каким он ему в данный момент кажется. Согласно В.П. Рудневу, у всех коммуникантов до некоторой степени раздвоенное восприятие мира [Руднев, 2011, с. 35]. Это неизбежно приводит к недопониманию или полному непониманию коммуникантами друг друга, а также к конфликтам, которые возможны в любой коммуникации. Это объясняется тем, что люди очень часто, вступив в общение, могут не знать, чем оно закончится.

Так, например, модальная / модусная рамка высказывания *Какой же ты осёл!* в определенной ситуации может характеризовать лишь какой-то один момент «ослиности», а не в целом весь набор ее признаков (упрямство или тупость, а не хвостатость, ушастость, копытность и др.). Эта модальная рамка декодируется следующим образом: *Ты плохой! (оценка) + Тебя можно сравнить с ослом, т.к. ты такой же упрямый* (в данном конкретном случае), т. е. *Ты как бы осёл* (интенсификация «плохости» через образность) = экспрессивность + *Поэтому ты мне не нравишься, т. к. это меня раздражает, и я хочу, чтобы ты об этом знал* (эмоции недовольства, раздражения) + *Я перехожу на сниженную лексику* (стилистика). Таким образом, в данной модусной рамке представлено субъективное восприятие мира через значение слова и коннотацию, смысл которых формирует четыре компонента: оценочный, экспрессивный (интенсивность через образ), эмоциональный и стилистический.

При проведении лингвистической экспертизы оскорблений необходимо учитывать презумпцию говорящего (хотел оскорбить или не хотел), презумпцию слушающего (хотел оскорбиться или не хотел), а также ту конкретную КЭС, в которой данный речевой акт имел место. Становится понятной вся сложность работы лингвиста-эксперта, и этот факт судебные инстанции должны учитывать. А при отсутствии жестких правовых норм такая экспертиза зачастую становится субъективной,

требуется повторная экспертиза другого эксперта, а иногда и группы экспертов. Нередки случаи, когда адресант искренне удивлён, что адресат «догадался» оскорбиться, хотя такого эффекта он и не планировал.

Коммуникологам уже известно, что люди общаются через обмен образами, а поскольку образное сознание у каждого индивида специфично, то и коммуникативные образы различны и являются препятствием для успешной коммуникации. Именно это препятствие часто провоцирует эмоции недовольства друг другом, приводя к конфликтам, эмоциональным ударам и даже к вербальным дуэлям. А в период девербализации, которая становится всё более и более характерной для нашего времени, – даже к реальным убийствам. А это уже не оскорбление убиенного, а оскорбление всего социума, особенно если убиенный – известный политический деятель, журналист, учёный. Примером источника подобных ситуаций является различное восприятие спортивных соревнований разными людьми: для фанатов – это реальная жизнь, в которой они сходят с удовольствием с ума; а другим безразлично все, что связано со спортом. И это тоже реальная жизнь, только другая. И как фанатам никогда не понять равнодушных к спорту, так и наоборот – для обычных людей спортивный фанатизм есть отступление от норм, а иногда и оскорбление. В современном футбольном социуме частотны случаи оскорбительного поведения фанатов, из-за чего их любимые команды наказываются или снятием с матча, или матчами без зрителей. Такие оскорбления тоже являются результатом излишне тензиональных эмоций некоторых любителей футбола. Реальной жизни так много, что в целом делает саму жизнь кажущейся, существует множество языковых миров, которые кажутся для большинства людей реальными.

Т.И. Семёнова утверждает: что внутри нас, то и снаружи. Но поскольку мы не можем вместить весь окружающий мир, поскольку вместить не слишком ёмкое, то все, что снаружи, – это действительно явная кажимость. С другой стороны, по моему мнению, внутри каждого индивидуума имеется некое собственное отражение внешнего мира, чего нет в окружающем мире [Семёнова, 2006]. Однако реальный мир (то, что снаружи) не может состоять только из того, что внутри, ведь человек может имитировать, симулировать, скрывать, фантазировать то, что у него внутри. Напомним, что внешнее проявление чувств отличается от реально испытываемых эмоций – здесь всегда имеет место рассогласование внутренней сферы человека и внешней симптоматики. Нередко это объясняется коммуникативной ситуацией, когда человек вынужден быть неискренним. Иногда это объясняется адап-

тивной функцией человеческого сознания, т. е. приспособлением к той или иной ситуации в социальных / личных целях. Так что в этом месте мы не можем согласиться с Т.И. Семёновой, хотя принимаем её позицию, согласно которой человек не видит реального мира никогда в целом. Он видит только кажущийся мир или его фрагменты, которые тоже могут быть кажущимися. В этом и заключается сложность языкового общения людей, в этом причина их частого несогласия друг с другом. Эта кажимость у каждого субъекта своя: отсюда и коммуникативные помехи / провалы / конфликты, особенно ярко проявляющиеся на межэтническом и межкультурном уровне, а теперь – и на межконфессиональном, не говоря уже о политическом (возраст, образование, гендер, конфессия и т. д.).

В этом мире все относительно, зависит от точки зрения и эмоционального индекса индивидуума, а они вариативны. Эту точку зрения я в свое время назвал эмоциональным дейксисом, потому что она всегда эмоционально нагружена (см. об этом: [Сребрянская, 2005]). Это особенно заметно на примере различных КЭС: не только ситуации могут создавать эмоции, но и сами эмоции, как отмечено в предыдущих частях данной монографии, могут создавать эмоциональные ситуации, ибо они конверсируемы и взаимопровокативны (протестные раздражительные эмоции способствуют созданию конфликтных ситуаций, а интимные ситуации провоцируют эмоции ласки, нежности, радости, счастья и другие положительные эмоции в различных комбинациях или кластерах).

Как известно из жизненного опыта, человек так устроен, что он не будет, по крайней мере, долго держать около себя людей не интересных, не приятных или не нужных ему. Мы тянемся только к тем, кто нам нравится, и навязчивых людей мы долго не терпим. Иногда же мы решительно порываем с многолетними друзьями, коллегами, супругами, как только появляется новый эгоистичный интерес.

В состоянии аффективного комплекса человек не осознает (не разумеет) своих решений. Зачастую эмоциональные решения являются глубоко ошибочными и приводят к нарушению многочисленных связей, планов. Именно поэтому и в сфере человеческих персональных и групповых отношений многое кажется, а потом перестает казаться, и на его смену приходит новое кажущееся. Все в этом мире нестабильно, потому и совершаются бесконечные межличностные трагедии: казалось одно, а оказалось другое. И так без конца. Выходит, что наши чувства и когнитивные рецепторы неправильно нас информируют о людях, и мы не видели их реальных настоящих. Мы видели их такими, какими хотели видеть и какими их себе «нарисовали» (вообрази-

ли). И вдруг в определенной ситуации открылись их новые валентности, и люди стали врагами.

Дж. Остин и Дж. Р. Сёрль давно уже заметили, что есть серьезные различия между тем, «какими вещи представляются нам и каковы они в реальности» [Austin, 1979; Searle, 1974]. Рекомендуется не замечать, не преувеличивать, не преуменьшать то, что видишь / слышишь, т. к. все вокруг субъективно и только кажется. Поэтому семантика слова, произносимого и слышимого, аппроксиматична, стохастична и часто не имеет никакой связи с реальными признаками, качествами объекта / субъекта. Окружающий мир создается языком человека и его мышлением, мир – это то, что порождается языком. Научная и наивная картины мира создаются языком, и ни та, ни другая не являются объективными, потому что они создаются человеком, а он не столько Homo Sapiens, сколько Homo Sentiens, Homo Mentiens, Homo Vulgaris (а был ещё и Homo Sovietikus с особым мироощущением, мировоззрением и мирозиданием).

Реального мира в языковой репрезентации не существует. И это надо признать раз и навсегда, как методологическое положение лингвистической науки и человековедения в целом. «Миры создаются при помощи слов, цифр, картин, звуков и любых иных символов в какой угодно среде» (Н. Гудмен) (цит. по: [Семёнова, 2006, С. 30–31]). По мнению В.П. Руднева, «человек все время находится, сам того не зная, в мифологическом мышлении» [Руднев, 2011, с. 35]. А это затрудняет общение людей друг с другом, потому что у каждого из коммуникантов свой набор мифологем и свои смысловые поля даже внутри одной КЭС. В этом плане ведут речь о факторе субъективизма в языке. Это тоже следует признать методологическим положением современной лингвистики [Иванов, 2004].

Поскольку язык является одновременно и результатом когнитивной деятельности, и ее средством, то он участвует в формировании модуса / модальности общения. Такая модальность и задает форму участия человека в различных КЭС: по одной только модальности (просодической, интонационной, лексико-семантической, стилистической, грамматической) коммуниканты без труда определяют эмоциональный настрой говорящего и его аксиологическую ауру, а также модусный вектор, от которого зависят результат общения, его эффективность. Это как раз проблема лингвистической бинарности «есть vs кажется».

Никем не оспаривается мысль о том, что «резиденцией» эмоций человека является сам человек, и от их наличия и качества зависят в целом весь модус самого человека, его модусное восприятие окружающего мира и самого себя в этом мире. Отсюда завышенная / занижен-

ная самооценка, отсюда и отношение к речевым партнерам, их коммуникативным поступкам и делам. По визуальному поведению речевого партнера любой человек может судить о его отношении к другим коммуникантам, потому что теловая семиотика излучает соответствующие информационные сигналы [Крейдлин, 2004, с. 18]. А поскольку они тоже кодируемы, то они легко реципиентом декодируются, быстрее, точнее, т. к. они наиболее искренни и естественны, в отличие от вербальных речений.

Все эмоции кодированы внутри данной этнокультурной общности, а многие из них, по мнению А. Вежбицкой, кодированы универсально, что и обеспечивает межкультурное эмоциональное общение [Wierzbicka, 1999]. Это особенно относится к теловым и паралингвистическим эмоциям (балет, пантомима, живопись, скульптура, архитектура и т. д.). Их семиотика универсальна и при наличии эмоциональной / эмотивной компетенции и коммуникативных умений легко декодируется, что обеспечивает адекватную эмоциональную отдачу, даже при когнитивных «расщеплениях» одного и того же смысла в разных этнокультурах.

Язык превращает мир в фикцию, поскольку все слова условны. Истина скрыта от человека, т. к. «все нормальные люди живут в шизо-реальности и строят шизокультуру» [Руднев, 2011, с. 5–6]. Это объясняется тем, что шизофреники осознают принципиальную безграничность валентностей слов, принадлежащих миру того или иного языка. У них они значительно шире, чем у нормальных людей, поэтому их креативность более неожиданна, а иногда и более точна. Вероятно сходство природы и словотворчества поэтов, прозаиков, проявляющееся в языковой игре, в приемах порождения сочетаний, открывающих новые семантические валентности языка. Приведём примеры: *путьки бятые* (Л. Петрушевская), *глокая куздра* (Л.В. Щерба), *colourless green ideas sleep furiously* (Н. Хомский), того же происхождения креативные языковые потенции журналистов, придумывающих новообразования разного типа: *клеттократия*, *дымократия*, *кардиограмма эфира*, *принуждение к митингу/миру*, *ночь длинных ковшей* (о носе торговых ларьков), *хирургическое невмешательство*, *опасный самострой*, *алкоматчики*, *капатрос* (Кадыров – патриот России), *пехотинец Путина*, *обжорная экскурсия по столовой Думы* и т. д. Такие сочетания тоже кажутся шизофреническими, но только на первый взгляд. Из дальнейших контекстов становится очевидной вся глубина языковой игры их авторов. Но, несомненно, все они неэкологичны в разной степени, вплоть до оскорбительности.

Кратко суммируем вышеизложенное. Среди многочисленных причин и источников различных обид от унижений, которые здесь подробно не рассматриваются, т. к. о них имеется множество специальных исследований, важнейшее место, по моему мнению, отводится модусу кажимости. Именно он является неизменным, облигаторным во всех речевых актах обиды, наверняка срабатывающим во всех коммуникативных актах, в случаях, когда обе коммуницирующие стороны не обладают схожими эмоциональным и экологическим интеллектами. Особенно если они лишены эмоциональной / эмотивной компетенции как важнейших компонентов коммуникативной компетенции. Во всех остальных случаях любая эмоциональная ситуация может спровоцировать обиду и, наоборот, кажущаяся обида может спровоцировать эмоциональную ситуацию. Иногда оба момента закливаются, и один провоцирует другого до неразрешимого конфликта. В связи с этим обида, несомненно, является предметом эмотивной лингвозологии, а также коммуникологии.

§ 3. Нетолерантность как признак неэкологичного общения

Легче быть нетолерантным, чем толерантным.

Житейская мудрость

Толерантностью можно всё испортить.

А. Гордон (ТВ: «Познер»)

В связи с социальными переменами в России и вызванной ими практической необходимостью улучшения качества различных видов человеческого общения, лингвистика, кажется, осознала смысл тезиса древних философов «Кто владеет языком, тот владеет миром...». Неудивительно, что конец прошлого тысячелетия и начало нового охарактеризовались интенсивными штудиями в рамках коммуникативистики – новой парадигмы отечественного языкознания.

Многие давние проблемы психолингвистики, стилистики и лингвистики стали переосмысляться с когнитивных и коммуникативных позиций [Сонин, 2002; Маслова, 2011]. Наряду с человековедением интенсивно развивается речеведение (см.: [Сиротинина, 2009]), базисными становятся терминопонятия «коммуникативное (речевое / языковое) поведение (сознание / мышление)», «коммуникативное пространство», «коммуникативная ситуация», «дискурсивное мышление» (см.: [Седов, 1999]), «дискурс» (интегральное понятие текста, погруженного в

определенную конситуацию общения): педагогический, научный, политический и мн. др., «коммуникативные партнеры».

Проблема эмотивности языка уже приобрела коммуникативную направленность. Поскольку роль эмоций в языке более не оспаривается, то их коммуникативная и семантическая функции стали предметом коммуникативистики / коммуникологии [Человек в коммуникации, 2010; Язык и эмоции ..., 2004; Эмотивный код языка..., 2004].

Поскольку в реальной коммуникации постоянно возникают эмоциональные ситуации, в которых речевые партнеры вынуждены реализовывать эмотивный потенциал всех единиц языка, в том числе и супrasegmentных, а художественная коммуникация является моделью реальной, то в ней воспроизводятся типичные реальные эмоциональные ситуации. Перед коммуникативистикой и лингвистикой эмоций стоит актуальная задача изучения эмотивных речевых актов, эмотивных высказываний и их типологизации в свете теории и семиотики эмоций.

Естественно, что на повестку дня таких исследований ставится и задача описания категориальных эмоциональных ситуаций. Напомним, что под КЭС понимаются типичные жизненные (реальные или в художественном изображении) ситуации, в которых задействованы эмоции коммуникантов: речевых партнеров, наблюдателя или читателя. Все они время от времени попадают в единое эмоциональное поле (пространство, время). Их эмоции реализуются в рамках координат «Я (здесь, сейчас) – Ты или Я (здесь, сейчас) – Ты – Он (наблюдатель, читатель)».

Рассмотрим первую систему координат, когда «Он» не участвует в эмоциональной коммуникации типа (категории) диссонанса, нарушения равновесия, дисконтакта, дисгармонии и т. д. Такие отрицательные КЭС экспрессивны и прагматичны в современных условиях существования мирового сообщества (природные катаклизмы, техногенные катастрофы, теракты, деформация нравственных и моральных ценностей и т. д.).

Эти и им подобные социальные условия рождают агрессию людей. Источников агрессии много. Помимо вышеназванных, это и жесткая конкуренция, и глобализация (которая разрушает моноэтнические и монокультурные социумы, что не может не вызывать раздражения у их представителей), и возрастающие национализм, расизм, неприятие ксенокультурных коммуникативных норм (сценариев) и мн. др. «Агрессор – не только тот, у кого в руках дубинка или стингер. Агрессия пронизывает и мирную жизнь, проявляя себя в скрытых и открытых нарушениях правил человеческого общежития...» [Шаронов, 2004, с. 5–6].

Всё вышеперечисленное является рефлексией на нетолерантное поведение человека. Нетолерантность ассоциативно связана с толерант-

ностью. В свете когнитологии эти два дуальных понятия представляют собой семантическое единство, и то определение, которое было дано в предыдущих параграфах, естественно, предполагает, что отрицание всех его перечисленных качеств обозначает нетолерантность, т. е. нетерпимость, неприятие, отрицание, несогласие с любым иным мнением. Такое отношение коммуникативный партнер может терпеть до определенного момента, а именно до того, как это неприятие не задевает, не оскорбляет его чувства, не унижает его достоинство, т. е. переходит на его личную территорию, прежде всего, его privacy. Другими словами, нетолерантность не может быть терпима слишком долго и провоцирует бунт, т. е. конфликт. Поэтому среди различных КЭС и выделяются её нетолерантные типы. Например, коммуникативный садизм [Волкова, 2014].

В качестве иллюстрации нетолерантного отношения к окружающему миру и людям в нём приведём высказывание, принадлежащее Мерил Стрип, американской актрисе. За годы своей жизни она убедилась в справедливости слов, что легче быть нетолерантным, чем толерантным. И она решила изменить стиль своей жизни, перестать быть толерантной, заставив всех считаться с её собственным отношением. Вот что она сказала в своём интервью одному из американских журналов два-три года назад. Прожив долгую артистическую жизнь и испытав все прелести толерантности, т. е. терпимости к своему окружению, она восстала против толерантности: *Я больше не собираюсь терпеть многое, и не оттого, что я стала заносчивой или высокомерной, нет, лишь потому, что я достигла определенного жизненного этапа – этапа, на котором я больше не хочу тратить время на то, что не удовлетворяет меня, или на то, что задевает меня, причиняя мне боль. Я больше не собираюсь терпеть цинизм, чрезмерную критику, жесткие требования любого рода. У меня больше нет желания удовлетворять тех, кому не нравлюсь я, любить тех, кто не любит меня, и улыбаться тем, кто не станет улыбаться мне в ответ. Я больше не посвящу ни единой минуты тем, кто лжет или пытается манипулировать мною. Я решила больше не существовать в притворстве, лицемерии, лжи и дешевой, неискренней похвале. Я больше не потерплю ни частично образованных, ни заносчивых ученых. Я не собираюсь разбираться со сплетнями, я терпеть не могу конфликты и сравнения. Я верю в то, что мир состоит из противоположностей, в то, что мир разнообразен, поэтому я стараюсь избегать людей с характером жестким, не способным приспособиться к окружающему. Я презираю предательства и неверность в дружбе. Я не смогу поладить с теми,*

кто не способен на настоящий комплимент, не способен ободрить и вдохновить своими словами, не смогу поладить и с тем, кто не любит животных. Преувеличения утомляют меня. И да, помимо всего прочего, я больше не потерплю тех, кто не заслуживает моего терпения (URL:<http://vk.com/gaifoks>).

Данный текст вызывает множество вопросов: как на практике она себе представляет своё дальнейшее общение со своими близкими, родными, коллегами, рецензентами, зрителями? Знает ли эта актриса истину «Жить в обществе и быть свободным от него нельзя?». Как она предполагает жить дальше в этом обществе? Не станет ли с момента её декларации её жизнь бесконечно конфликтной? Или всё-таки она смягчится и в некоторых коммуникативных ситуациях будет считаться с обществом в широком смысле этого слова?

Мне очень понятны её чувства и эмоции, т. к. люди в основной своей массе потребители: всем что-то от тебя надо и все хотят подчинить тебя себе. Но контрверзой являются социальная норма, культура общения, правила коммуникации. Заставить всех, весь мир, подчиниться её требованиям очень похоже на некий терроризм в отношении других личностей.

Мерил Стрип подняла очень интересный вопрос, который достоин широкого обсуждения именно с позиций эмотивной лингвоэкологии: люди должны найти «золотое сечение» в общении друг с другом, а её позиция противоречит всем выработанным до настоящего времени правилам, максимам, прагматическим и этическим рекомендациям и всем параметрам экологичного общения. Не думаю, что её коллеги обрадуются такому члену их творческого коллектива. С другой стороны, я знаю, многим людям хотелось бы воздвигнуть вокруг себя какие-то ограждения от посягательств homo различных видов, поэтому как сгусток протеста против вредоносности бесконечной толерантности («тебя ударили по правой щеке, подставь левую») мнение Мерил Стрип достойно внимания.

Поскольку агрессия многолика, мы ограничимся рассмотрением, во-первых, только ее речевых форм, представленных в художественных произведениях как депозитариях человеческих эмоций, а во-вторых, в более мягких ее видах: неприязнь, раздражение, возмущение (и другие эмоции группы гнева).

В исследовании КЭС возможны различные методики. Так, например, интерес представляет анализ всех КЭС внутри какого-либо одного художественного произведения, с выявлением динамики кластерности реализуемых в них эмоций и их смысловой доминанты. Или рассмотрение КЭС внутри ряда (или всех) произведений одного и того

же автора. Или сопоставление КЭС ряда авторов одной эпохи – разных эпох, одной культуры – разных культур и т. д. Такие исследования могут дать интересные факты о художественных КЭС как модели реальных КЭС, их языковой упаковке, варьировании их кластерного наполнения, доминирующих эмоциях и их коммуникативных смыслах в каждой конкретной КЭС. И самое главное – об их типичности, повторяемости, моделируемости и инвентаризуемости, что приведёт к созданию единой библиотеки КЭС. Общеизвестно, что базовые эмоции универсальны для всех лингвокультур, но различаются они языковым / речевым и культурным проявлением, а также их экологичностью / неэкологичностью.

Рассмотрение 16 новелл Эдгара По (американского писателя, основоположника жанра ужасов) с точки зрения сюжетных КЭС позволило выделить 6 коммуникативных ситуаций с доминантной эмоцией «страх» в дискурсах убийства, безумия, беспробудного пьянства, фантастических сил, наигранного веселья в ожидании смерти, неутешно раскаяния за совершенное злодеяние.

Каждая из них – КЭС отдельной новеллы. Эти КЭС находятся в тесной логической и эмоциональной взаимосвязи друг с другом как монокластеры суперкластера полиструктурной КЭС, эксплицирующей страх / ужас, объединяющий все 16 новелл этого автора и формирующий личностную эмоциональную картину неэкологичного мира Э. По. Внутри каждого из этих монокластеров установлены разные наборы эмоций семантики страха / ужаса. Так, доминанту «ужас» в его новелле “The Cask of Amontillado” КЭС формирует такой кластер эмоций: безмерное удивление, беспокойство, мстительность, ярость, ужас. В КЭС данной новеллы сгруппированы такие тенциональные эмоции: антипатия, смущение, безразличие, раздражение, отвращение, ненависть, бешенство, ярость, ужас, страх, раскаяние. Исследование показало, что одни и те же ситуации повторяются от минимум в двух до максимум в 6 новеллах, что, несомненно, указывает на стабильно мрачные, т. е. неэкологичные эмоциональные предпочтения Э. По. Другими словами, доминантная КЭС «ужас /страх» является для новелл Э. По ин-тертекстуальной.

Другой тип ситуаций – поэтапно-сюжетная КЭС внутри отдельно художественного произведения. Например, в рассказе Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», в котором через череду типичных ситуаций показан мучительный процесс эмоциональной рефлексии Иваном Ильичем собственного ухода в небытие. В динамике эмоциональных кластеров переживаний этого персонажа происходит нарастание их напряженности (тенциональности), оказывающей эмоциогенное воздей-

ствие на читателя, которое также возрастает по мере развития сюжета. От одной ситуации к другой происходит усиление мысленной вербализации всех эмоций самого Ивана Ильича и его домочадцев. Вербалика и авербалика его осознания неотвратимо надвигающейся смерти из имплицитных форм трансформируются в эксплицитные формы, вовлекая и наблюдателя (читателя) в эмоциональное пространство Ивана Ильича. Внешняя эмоциональная толерантность всех соучастников этой КЭС является неискренней, тает на его глазах и глазах читателя, т. к. они все с нетерпением ожидают кончины Ивана Ильича, хотя и скрывают это от него, но не от читателя. Персонажи повести обмениваются (а-)вербальными эмоциональными ударами, а читатель эмпатирует Ивану Ильичу, понимая, что такое может случиться и с ним.

Итак, внутри одного художественного произведения череда КЭС составляет определённую для него парадигму переживаний, изображаемую автором с помощью обширного эмотивного фонда языка и стиля. Все произведения одного автора образуют другой тип парадигм их КЭС. Все художественные произведения всех авторов нашей планеты, от древних до современных, составляют мегапарадигму КЭС, и она может быть сведена к трём реальным коммуникативным ситуациям: «Жизнь», «Любовь» и «Смерть», которые являются чрезвычайно значимыми для каждого человека и потому облигаторно тензиональными.

Эти три глобальные мегаКЭС объединяют всю гамму (библиотеку) эмоций, переживаемых человеком в реальной жизни через конкретные КЭС. Фактически любой речевой акт есть эмоциональная адаптация коммуникантов друг к другу. А если адаптация по разным причинам отсутствует, это приведет к усилению переживаемых обеими коммуницирующими сторонами эмоций. В случае неудачи это приводит к эмоциональным дуэлям, которые являются кульминацией эмоциональной тензиональности общения. Такие вербальные дуэли сопровождаются эмоциональными страйками (ударами). Эти последние – суть свидетельство конфликта и отсутствия эмоциональной толерантности у одного или у обоих партнеров.

Это особенно заметно, когда коммуниканты гендерно противоположны. Установлено, что на всех этапах коммуникативного процесса гендерные различия усугубляют эмоциональный фактор дуэльности (нетолерантности) общения (см. подробнее: [Гетте, 2002]). Так, например, установлено, что женщины в общении на многие вербалии и авербалии реагируют обидой, более склонны к фатическому (чисто эмоциональному) общению, к разговорам «по душам», эмоционально реагируют на прерывание их звукового потока. Их коммуникативная активность осуществляется в основном за счёт эмоциональной составляющей.

Коммуникативная эмоциональность характерна и для мужчин, но у них порог самоконтроля (эмоциональной сдержанности) значительно выше. Этот факт положительно влияет на степень взаимной толерантности во время вербальных дуэлей, т. к. является антистимулирующим фактором для продолжения конфликта. Но не всегда и не во всех КЭС.

Поскольку, как установлено гендерной лингвистикой, процесс коммуникации у женщин, в отличие от мужчин, **всегда** является выражением их эмоций, у них очень высокий уровень вербализации и авербализации при более низком (в сравнении с мужчинами) уровне эмоционального самоконтроля [Горошко, 2001]. Отсюда такое бурное, порой экстремальное эмоциональное реагирование – злость, ненависть, ярость, мстительность, что характеризует неэкологичность женской коммуникации (см., напр., поведение миссис Флетчер в рассказе С. Барстоу «Ярость»). Замечено, что женщины чаще испытывают физическую потребность в эмоциональном споре, скандале, крике, они склонны использовать в нём свои эмоции как аргументы или контраргументы. Всё это говорит об их потенциальной нетолерантности в эмоциональной коммуникации. Даже если женщина прекратила спор первой, она нередко остается несогласной, злопамятной. Отсюда и мстительность как сильная женская эмоциональная черта.

Гиперболизация как положительных, так и отрицательных эмоций у женщин-коммуникантов (как вербальных, так и просодических) также препятствует толерантности обеих конфликтующих сторон в эмоциональной коммуникации (Бондалетов, 2012). К таким факторам относится и всегда развернутый монолог как озвучивание собственных эмоций, который трудно прервать [Гетте, 2002, с. 18–24]. Такая яркая гендерная идентификация эмоциональной вербалики женщин позволяет говорить об эмоциональном гендеролекте, отличном от эмоционального гендеролекта мужчин, более толерантного в целом, но колеблющегося от одной к другой КЭС, что подтверждается как реальной, так и художественной коммуникацией.

Амплитуда таких различий у обоих гендеролектов зависит не только от внутрикультурных, но и от межкультурных КЭС. А. Вежбицкая достаточно глубоко вскрыла различия в эмоциональной семантике англосаксов, русских, поляков и немцев и показала, как взаимный детерминизм языка и культуры отражается в культурных нормах эмоционального коммуникативного поведения языковой / речевой личности и как это поведение связано со стереотипами мышления / сознания личности в различных сценариях эмоций у разных народов [Вежбицкая, 1996, 1999]. Данные гендерной лингвистики позволяют это суждение А. Вежбицкой экстраполировать и на эмоциональные гендеролекты в

межкультурной коммуникации, и на такой их параметр, как экологичность / неэкологичность. Перенос проблемы эмоциональной толерантности на арену межкультурной коммуникации усложняет её изучение [Shakhovskiy, 2005], т. к. чисто эмоциональные (психологические) гендерные различия умножаются на языковые, культурные и стереотипные, ассоциативные различия. А это представляет интерес для отдельного исследования.

Недовольство как эмоциональная реакция на какое-либо действие, в том числе вербальное, редуцированное до рационального, является лучшим примером эмоциональной толерантности. Вежливость (как позитивная, так и негативная) во всех её стилистических проявлениях: мейозис, эвфемизм, митигация, политкорректность, преуменьшение и т. д. – является толерантно формирующим фактором всех типов человеческого общения: межперсонального, группового (малые и большие группы), массового, межкультурного, этнического и др. Полностью подчинить холодному рассудку страсти, кипящие в эмоциональной коммуникации, удастся только очень расчетливым, коварным и лживым личностям (см., напр., «Коварство и Любовь» Ф. Шиллера, все драмы В. Шекспира, в которых изображены такие коммуникативные ситуации).

Эмоциональные рефлексии на нетолерантность в общении изучены давно и общеизвестны:

1. Лесть всегда приятна и принимается даже в случаях типа «облить грязью похвал». Критика всегда неприятна и обидна. С ней не согласны вербально-бурно или по умолчанию (со страстями внутри).

2. Находясь в одинаковых условиях, люди имеют разные личностные картины одного и того же мира, т. е. фактически живут в своих разных мирах. Даже называя одни и те же объекты единого мира, они выражают разное к ним эмоциональное и рациональное отношение, вплоть до противоположного. Один только этот факт уже нарушает баланс эмоциональной толерантности в общении людей друг с другом, т. к. только по этой причине они уже недопонимают друг друга. На это очень сильно влияет модус кажимости: каждый воспринимает один и тот же мир субъективно, по-своему, как он ему кажется, представляется.

3. Различный эмоциональный дейксис у разных языковых личностей тоже препятствует их эмоциональной толерантности друг к другу.

4. Человек не может выйти из своего языкового круга, формирующего мир общения, как из своей шкуры [Литвак, 2009, с. 267]. Поэтому ему трудно терпеть других, легче быть нетолерантным в разной степени тензиональности. Тем более что шкалы ценностей у разных людей не совпадают: проблема «Я vs Другой» – это проблема «Свое vs Чужое» («хороший vs плохой»). У англичан это закреплено, например,

в семантике слова *'foreign'* и словосочетания *'continental breakfast'* (плохой, т. к. не английский). Такая семантика изначально нетолерантна, а значит, и неэкологична. Получается, что в целом большинство людей неэкологичны в своем коммуникативном поведении с другими.

5. Человека не учат овладевать стрессовыми ситуациями и рационализировать свои эмоциональные впечатления в речах и делах (ибо слово – тоже дело).

6. Как отмечал А. Шопенгауэр, у всех людей есть прирожденный талант – надевать на своё лицо мимическую маску в обманных целях [Литвак, 2009, с. 117–118] (теперь об этой способности говорят «микрирует»). Речь идёт не только о *body language* (языке тела), но и о *verbal language* (языке слов). Симулирование и имитация эмоций в целях сокрытия для адресата раздражающей его информации может служить толерантным средством (сделать вид, что не заметил неискренности, лжи, вранья), а может и вызвать ещё большую его эмоциональную нетолерантность. Всё зависит опять-таки от конкретной КЭС.

7. Человеческие взаимоотношения проявляются через речевое поведение коммуникантов. Согласно этике общения, в результате любого речевого контакта у всех коммуникантов должно произойти повышение (улучшение) личной самооценки. Но в жизни так почти не бывает – «градусы» эмоциональной толерантности у всех разные. Оба речевых партнера всегда должны адаптировать эти «градусы» друг к другу (принцип кооперативности П. Грайса). Помощь в этом процессе может оказать знание техники амортизации (по М.Е. Литваку): соглашаться с оскорблениями и при этом не высказывать ответных, как бы «дуэлянт» их ни заслуживал. В отношениях с любимыми людьми надо закрепить в своём эмоциональном дейксисе позицию «недостатки любимого считаю слабостями», т. е. перевести их в другой психологический разряд, смягчить и не замечать.

Все эти и многие другие правила общения направлены на смягчение / избегание самоаффектирования в конфликтном диалоге.

8. К. Юнг справедливо заметил, что «так же, как тяжесть собственного тела мы носим, не чувствуя его, и ощущаем вес постороннего невесомого тела, – так мы не замечаем собственных ошибок и пороков, а видим чужие... У каждого человека есть “тень”, которую он не видит и отбрасывает на другого. Общаясь с последним, он фактически общается с самим собой» (цит. по: [Там же, с. 305]). Можно было бы назвать этот процесс эмоциональной проекцией экологичного, т. е. толерантного общения. Из этого наблюдения, которое должно быть введено в эмоциональную коммуникативную компетенцию [Shakhovskiy, 2005] толерантного / экологичного общения, следует, что мы изначально почти всегда несправедливы в своих эмоциональных суждениях о

других. Отсюда и библейское «Не судите, да не судимы будете», «Не лжесвидетельствуй», «Не возжелай ...» (т. е. не завидуй). Получается, что уже в Нагорной проповеди Иисуса Христа изложены основные принципы толерантного общения людей друг с другом. Да и вся христианская религия призывает терпеть и прощать.

9. Злоба, мстительность и зависть – главные источники вербальной эмоциональной нетолерантности людей. Светская мораль их не осуждает, а религиозная мораль призывает изгонять их из своей души и, следовательно, из речи своей.

Сложность заключается в том, что стрелки этих эмоций трудно перевести на вежливость, которую А. Шопенгауэр считал молчаливым соглашением игнорирования и неподчеркивания друг в друге моральной и духовной нищеты. Тем более что правила вежливости в КЭС злобы и зависти нарушает другое правило притворной, формальной и холодной вежливости – «будь искренен», что нарушает максимум искренности общения. А неискренняя вежливость, комплимент, лесть всё равно нарушают равновесие эмоциональной толерантности речевых партнёров. Это временная, сиюминутная толерантность по обоюдному у молчанию. В то же время неискренняя вежливость может поработать и на принцип амортизации конфликта, а может и обострить его, т. к. она способна оскорбить. Всё зависит от конкретной КЭС. Исследователи выделяют различные типы вежливости: теплая, холодная, официальная, формальная. Некоторые лингвисты, которые специально изучают невежливость, убедительно показывают, что в ряде коммуникативных актов невежливость оказывается более толерантной, чем отталкивающая, явно фальшивая вежливость.

Думаем, что в лабораторных условиях все типы КЭС предусмотреть невозможно: реальное эмоциональное общение людей намного разнообразнее типичных ситуаций, особенно в сфере конфликтного общения, в котором как раз и требуется эмоциональная толерантность. Но основные принципы толерантного балансирования все же необходимо закрепить в коммуникативной (эмоциональной) компетенции обучаемых. В любом случае обучаемые должны знать, что «побороть свой аффект – значит, в большинстве случаев воспрепятствовать его (временном) излианию и образовать затор, стало быть, сделать его опасным» [Литвак, 2009, с. 33]). Выхода, кажется, нет: и так плохо, и так. Но в любом случае техника амортизации (в том числе методика «айкидо») как отказ от ответной вербальной агрессии будет проявлением эмоциональной толерантности коммуникантов. Считаем эту технику главной речевой стратегией экологичного общения в условиях негативных КЭС.

И.А. Стернин прав, когда пишет, что обучение толерантному коммуникативному поведению – вполне реальная задача, связанная с формированием вежливости, навыков речевого этикета и культуры общения. Коммуникативные аспекты толерантности, к сожалению, ни в одном из госстандартов образования не предусмотрены. Лингвисты уже давно и настойчиво предлагают свои разработки по этой проблеме и привлекают к ним внимание авторов национальной программы по образованию [Шаронов, 2004 и др.]. Воспитанию толерантности при обучении родному и иностранному языку в школе и вузе, формировании коммуникативных качеств речи в аспекте толерантности, поведения в категориальных ситуациях эмоционального (вызывающего, манипулятивного и т. д.) диалога, обучении принципам толерантности в конфликтном дискурсе, способам создания семантики сотрудничества в детских и взрослых коллективах, тактикам и стратегиям толерантности в научной коммуникации, т. е. везде, где коммуниканты находятся в одной из КЭС, необходимо уделять специальное внимание в курсах коммуникативистики и научающей коммуникации.

Толерантность в действительности многопланова, и всем её коммуникативным механизмам обучить невозможно. Но какой-то минимум её постулатов для актуальных КЭС должен быть введён в содержание коммуникативной компетенции языковой личности. Решению проблем коммуникативной толерантности могли бы послужить специальные практические пособия по речевому преодолению эмоциональной нетерпимости к Другому, к инакости и по повышению эмоционального интеллекта коммуникантов [Goleman, 1997]. В социальных условиях, активно способствующих развитию и распространению агрессивного речевого взаимодействия, проблема эмоциональной толерантности к разнообразным эмоциональным речевым актам представляется актуальной для современной коммуникативной парадигмы языкознания – эмотивной лингвоэкологии.

Проблема нетолерантности как неэкологичности особенно стала острой и болезненной в последние несколько лет на межгосударственном уровне. События в Украине, Сирии, Турции, во Франции и Германии показывают, что нетолерантность приводит к разрушению прежних дружеских связей и отношений во всех сферах жизнедеятельности различных государств. Именно нетолерантность порождает образ врага – как внутреннего, так и внешнего, недоверие, подозрительность, что не может не оказывать негативного влияния на язык, который вынужден, по вине человека, порождать множество негативных номинаций. А это только укрепляет давно открытую лингвистами асимметрию позитивных и негативных словарных единиц, естественно, соотносящихся

с соответствующими понятиями и референтами, чаще всего не достаточно культурными. В свою очередь, многочисленная негативная лексика и фразеология, номинирующая новые контекстуальные понятия, провоцирует далеко не позитивные ощущения и психоэмоциональные переживания у членов социума. В результате этих процессов непозитивная коммуникация становится чуть ли не универсальной. Получается, что в концепции эмотивной лингвоэкологии непозитивное общение становится доминантным, т. е. экологически опасным для всех сторон. А учитывая все виды нетолерантности во всех видах общения, естествен вывод о том, что она является конфликтообразующим фактором коммуникации.

Толерантность всегда вызывает смешанные переживания типа «быть или не быть». Всегда мучает вопрос: «До каких пор я могу быть толерантным?» И второй вопрос, не менее мучительный: «А могу ли я быть со всеми нетолерантным, таким, какой я есть, и не приспособившись к каждому, с которым я вступаю в общение?» И так, проблема может быть сформулирована следующим образом: всегда ли толерантность полезна. В связи с этим многих историков и политиков до сих пор мучает вопрос: толерантен ли приказ И. Сталина № 2422? Победил бы Сталинград Паулюса без этого приказа? А споры pro et contra идут горячие (с одной стороны ..., с другой стороны...). Получается, что и толерантность соотносится с феноменом смешанных эмоций. Это очень важная проблема, которая требует специального внимания лингвистов-экологов. Всё вышеизложенное позволяет включить знание правил толерантного общения в когнитивные ресурсы рационализации эмоций.

§ 4. Речевой перебив как разновидность нетолерантного общения

*«Язык – дело тонкое, Петруха!» А потому
мы – лингвисты – продолжим
регистрировать филологическими сейсмостанциями
сотрясение речевой политической сферы России.*

По мотивам к/ф «Белое солнце пустыни»

Объединение целого ряда наук вокруг лингвистики выявило её центральное место в системе наук и стало свидетельством того, что она постепенно превращается в общенаучную дисциплину. Взаимосвязь лингвистики и экологии породила такую отрасль научного знания, как лингвоэкология. Одним из объектов лингвоэкологии языка и речи ста-

новится изучение процессов сохранения языка через его правильное использование и развитие или процессов порчи его пользователями. Эта проблема становится чрезвычайно актуальной в связи с эмоционализацией и экспрессивизацией социума и распространением агрессивности во многих сферах общения: от бытовой до публичной и профессиональной.

Из многочисленных исследований на эту тему уже стало очевидным, что лингвоэкология изучает двойственную функцию языка: правильное его использование сохраняет язык и здоровье человека, неправильное пользование языком может разрушать и сам язык, и здоровье коммуникантов. В этой связи лингвоэкология тесно переплетается с наукой о культуре речи, которая существует издавна и изучает правильность речи и ее чистоту. Отсюда возникает такое понятие, как «хорошая речь» – речь чистая, культурная, эстетически и этически выдержанная. Все это можно считать различными параметрами культуры речи [Сиротинина, 2009]. Поскольку вся речевая деятельность человека сопровождается эмоциями и чувствами, то их влияние на сохранение /разрушение самого языка и на сохранение / разрушение здоровья человека через неправильное использование им языка велико [Шаховский, 2010]. Анализ многочисленных текстов художественного, медицинского, политического, педагогического, делового дискурсов подтверждает эту мысль [Солодовникова, Шаховский, 2010].

Этот параграф посвящен анализу неэкологичности эмотивного бизнес-общения (далее БО), в частности установлению маркёров неэкологичного использования средств эмотивности в профессиональной бизнес-коммуникации (далее БК). Как выявилось, БК может быть не менее эмоциональной, чем бытовое и художественное общение [Цой, 2012]. Исследование показало, что ведущим мотивом в бизнес-деятельности выступает стремление к материальному благополучию, обогащению, достижению которого всегда сопровождается соответствующим интересом и его эмоциональным переживанием в процессе коммуникации.

Несмотря на стилистическую ограниченность и стандартизированность БК, в современном обществе наблюдается тенденция к трансформации указанного типа общения из профессионального в разговорно-обиходное [Сердобинцева, 2011]. Психологические факторы речевой деятельности бизнес-коммуникантов, наряду с низкой культурой речевого общения некоторых из них, приводят к обострению проблемы экологичности / неэкологичности использования эмотивов в деловом общении. Одним из речевых факторов, приводящих к неэкологичному использованию языка, является эмоциональный речевой перебив.

Как свидетельствуют лингвистические работы о речевых перебивах, существуют различные мнения об их природе и коммуникативной функции. Так, по мнению С.Ю. Тюриной, перебивание или прерывание трактуются как преднамеренные речевые действия, осуществляемые с целью реализации определенного коммуникативного намерения говорящего [Тюрина, 2003]. Перебивы рассматриваются как «накладывания реплик друг на друга» (overlapping) [Tannen, 1990, с. 205]. Перебив также определяется как одно из структурно-синтаксических средств связи наряду с такими стилистическими приемами, как подхваты и синтаксический параллелизм [Цирельсон, 2002]. Под перебиванием понимают «прерывающие интервентивные действия» в ходе смены коммуникативных ролей; перебив выступает в качестве ответа на произведенное прерывающее действие партнера [Аристов, 2001, с. 142]. В этом случае, как мы полагаем, речь идет о перебивах как реакциях на эмоциональный стимул. С другой стороны, перебив – это сигнал некооперативной стратегии, нарушение правил коммуникативного поведения [Граудина, Ширяев, 2006]. С этим трудно согласиться, поскольку, по моим наблюдениям, перебивы в БК свидетельствуют о повышении интереса в общении, самоутверждении, что говорит о высокой коммуникативной заинтересованности речевых партнеров.

Таким образом, следует различать понятия процессов перебивания и прерывания и результаты этих процессов (перебив и прерыв). Из вышеприведенного анализа подходов к обсуждаемому коммуникативному феномену следует, что перебив и прерыв – явления тождественные. Коммуникант перебивает, а значит, прерывает собеседника, т. е. прерывает, перебивая. С функциональной точки зрения, это стилистические приемы, обусловленные эмоциональным состоянием говорящих или их бескультурностью.

Принимая во внимание вышесказанное и опираясь на анализ коммуникативных ситуаций в сфере бизнеса, можно выдвинуть следующую гипотезу: в устной форме БК перебивы выступают в качестве одного из маркёров эмотивно неэкологичного БО и могут быть определены как аффективы, тем самым дополняется существующая классификация эмотивов [Шаховский, 2008].

Далее обратимся к психологической позиции в вопросе порождения перебивов в речи, являющейся релевантной для нижеследующего анализа речевых эмоциональных ситуаций в БО. Понятие перебива в психологии связано с понятием потребности человека высказаться и быть услышанным. Указанная потребность является одной из важных социальных потребностей человека. Она проявляется в любом типе устного непосредственного общения как в межличностном, так и в про-

фессиональном взаимодействии: в дружеской беседе, в ходе дискуссии ученых, деловой беседы производителей и т. д. Перебивание собеседника есть результат психоэмоциональной несдержанности, которая, в свою очередь, обусловлена потребностью человека высказаться и быть услышанным.

Другая точка зрения состоит в том, что перебивание рассматривается как ошибка слушания [Психология и этика делового общения, 2005]. Неумение слушать своего собеседника побуждает адресанта прерывать, перебивать адресата, что является невежливым, неэтичным и потому некооперативным.

В психологии отмечается, что непосредственная беседа людей строится по двум основным сценариям, в которых присутствуют перебивы [Егидес]. В первом выделяется доминирующая личность, лидер, тогда общение сводится к монологу с редкими комментариями или замечаниями других участников общения. Второй сценарий состоит в том, что при отсутствии лидера коммуниканты говорят практически одновременно, не слушая и перебивая друг друга.

В психологическом исследовании особенностей устной речи было установлено, что модель устного общения, построенная на прерывании речи, перебивании коммуниканта, является преобладающей, наиболее часто встречающейся в человеческом общении [Павлова, 2000, с. 252]. Автор делает вывод, что и в разговорном общении российских предпринимателей малого бизнеса превалирует разговорный стереотип, в котором велика доля перебиваний и прерываний коммуникантами друг друга. Этот факт объясняется «отсутствием устойчивого имиджа коммерческих фирм, правовой нерегламентированностью деловых отношений» [Там же, с. 272]. Перебивание рассматривается в психологии общения как одна из наиболее часто используемых тактик включения в разговор. Оно выражается в излишней активности (агрессивности) включения в разговор, в «необоснованном захвате канала говорения» [Грошев, 1998, с. 26].

Процесс перебивания собеседника носит авторитарный характер, что выражается в стремлении перехватить инициативу в речи, в доминировании перебивающего, что еще раз подтверждает неэтичность и, следовательно, неэкологичность перебивания в деловом общении. Заслуживает внимания тезис психологов о том, что перебивания имеют такие значения, как противопоставление, неуважение и самоутверждение. Перебивание в коммуникативном процессе оценивается как грубость, властность, склонность к соперничеству, подчинение себе собеседника [Там же], а значит, оно неэкологично с точки зрения норм культуры эмотивной речи. Получается, что перебивание способно вы-

звать негативные чувства и эмоции как у адресата (перебиваемого), так и у окружающих, наблюдающих беседу с перебиванием, – у наблюдателей. Это подтверждает нашу мысль о том, что перебивание делает коммуникативную ситуацию эмоциогенной.

Кроме этого, психологи также отмечают, что перебивание не всегда выступает как доминантный феномен. Прерывание речи и перебивание могут выражать интерес к обсуждаемой теме, сотрудничество, поддержку, согласие [Грошев, Щербак, 2008; Бендас, 2005], что может вызвать положительные чувства и эмоции у собеседника. Получается, что перебивы в эмоциональной коммуникации амбивалентны по своей коммуникативной функции, т. к. они вызывают как положительные, так и отрицательные эмоции и чувства у партнеров по общению.

Рассмотрим названные теоретические положения на примерах конкретных коммуникативных ситуаций. Первый пример взят из записи реальной коммуникации. Разговор происходит между прорабом строительной фирмы г. Волгограда и хозяином квартиры, в которой производится ремонт:

Хозяин: Здравствуйте, Игорь Викторович, как у вас продвигаются дела?

(Заходит в квартиру.)

Прораб: Здравствуйте, заканчиваем потихоньку.

Хозяин: Лишь бы было аккуратно. (Осматривает квартиру.) А почему вы мне все розетки сделали так высоко? Я же просил на уровне 40 см.

Прораб: Так мы вам не стали всю стену долбить, это бы вышло дороже.

Хозяин: В смете вы писали 40 см.

Прораб: Ну... это наш недочет...

Хозяин: Если ваш недочет, переделывайте! Я же просил...

Прораб (перебивает): Разве это можно переделать? Тогда надо закупать новые провода, розетки. Вы нам это оплатите?

Хозяин (раздраженно): Ни за что я больше платить не буду! Это ваш косяк! Вы должны переделать! И вообще я на материалы израсходовал больше, чем здесь есть. Вот смотрите, видите...

Прораб (перебивает): Если вам нужны были эти обрезки, мы могли их не выкидывать, а показать вам.

Хозяин: Не-э, ну, конечно, теперь ничего не докажешь...

Прораб (перебивает): Ничего лишнего мы не брали. То, что осталось, это обрезки, а...

Хозяин (перебивает): Переделайте мне розетки. Я не хочу, чтобы они были на самом виду. Смотрите... вот...

Прораб (перебивает): Заплатите – мы вам переделаем...

Хозяин (перебивает): Я платить ничего не буду и акт я не подпишу!

Прораб: Ну, тогда звоните директору и разбирайтесь с ним.

Данный отрывок иллюстрирует перебивание партнерами по общению друг друга, что вызвано их отрицательными эмоциями и чувствами. Хозяин недоволен выполненной работой, прораб раздражен отказом хозяина оплатить работу. Социальный статус и индивидуально-личностные особенности собеседников обуславливают нескончаемый поток перебивов. Письменная линейная фиксация беседы не позволяет показать одновременность перебивов в речи обоих коммуникантов. А при непосредственном наблюдении хозяин квартиры и прораб говорят почти одновременно: перебив одного собеседника накладывается на перебив другого. Письменная репрезентация дает ослабленное представление о перебивах и маркируется комментарием «перебивает». На очевидцев данное раздраженное и довольно агрессивное общение производит негативное впечатление. Ситуация вызывает у наблюдателя неприятное ощущение, которое обусловлено неэкологичностью вложения реплик коммуникантов друг на друга (одновременное говорение на повышенных тонах).

Второй пример – КЭС делового общения из художественной коммуникации. В следующем отрывке из романа Т. Устиновой «Персональный ангел» показано совещание менеджеров олигарха, которые обсуждают текущие дела по организации связей с общественностью.

– Я не понимаю всей нашей роли во всем этом замечательном деле, – начала Катерина. – Мне кажется, что у нас и роли-то никакой нет. Мы только прессу мониторим, но для этого не нужна пиар-служба. Две недели назад мы отправили на согласование наш план. И никакого ответа. Мы даже не знаем, в какой стадии там дела. Может, его заново надо переписывать от начала до конца...

– Я прошу прощения, что перебиваю, – вступила Юлия, ничуть не утратившая дружелюбия и спокойствия, – но скорее всего так и придется сделать. Это наша общая ошибка, мы сразу не договорились... Мероприятия придумаем мы, а вы их организуете и освещаете в СМИ.

В данном фрагменте степень эмоциональности перебива ниже, чем в предыдущем примере. В психологии это называется «мягкий способ перебива» [Грошев, 1998, с. 27] или «позитивное прерывание партнера» [Грошев, Щербак, 2008, с. 279]. Коммуникант специально проговаривает, что перебивает, т. е. предупреждает (*я прошу прощения, что*

перебиваю), внося тем самым оттенок вежливости и регламентированности и сглаживая истинное эмоциональное отношение к собеседнику. Это попытка сохранить стиль делового общения, не нарушить его статусность. Однако сам факт перебивания коммуниканта налицо. Юлия перебивает Катерину, поскольку ее раздражает сарказм Катерины (*я не понимаю всей нашей роли во всем этом замечательном деле*) и неуместность ее просторечного высказывания (*мы только прессу мониторим...*). Отрицательные эмоции коммуниканта порождают негативизм и у его собеседника, что в вербальном отношении эксплицируется через перебив. Аналогичные ситуации эмоционального перебивания речи бизнес-коммуникантов можно было бы умножить в данной статье (в моей картотеке их достаточно много).

Приходим к выводу, что основными принципами эмотивной экологичности с участием перебивов в ситуации БО выступают, во-первых, соблюдение жанрово-стилевых особенностей данного типа общения (последовательность говорения, отсутствие резких лексических и синтаксических эмотивов, логичность высказывания, поочередность вступления в речь, завершенность высказывания и др.), во-вторых, установка обоих коммуникантов на сглаживание / подавление агрессивных эмоций, возникающих в процессе интеракции, т. е. соблюдение принципа эмоциональной толерантности. Пример 1 иллюстрирует эмотивно неэкологичный перебив, когда нарушены все указанные принципы. Пример 2 показывает, что перебив может быть эмотивно экологичным, что свидетельствует об амбивалентности перебивов в БО. Однако в большинстве случаев, судя по данным картотеки, перебивы маркируют неэкологичную БК, являясь при этом негативным аффективом.

Модус экологичности эмотивного БО обусловлен также и статусом коммуникантов. Как показывает анализ коммуникативных ситуаций, перебивы выступают как аффективы, отражающие эмоциональное состояние коммуникантов, находящихся на высших ступенях социальной лестницы. Рассмотрим фрагмент из художественного произведения Т. Устиновой «Персональный ангел», в котором показана ситуация знакомства крупного бизнесмена Тимофея Кольцова с работниками пиар-агентства, нанимаемыми для проведения агитационной работы:

Вся речь Приходченко выражала готовность служить верой и правдой.

– Разрешите представить вам Катерину Солнцеву. Она руководит в нашей компании службой специальных проектов, и ей нет в этом равных. Катерина разработала и провела всю PR-кампанию Друбича. Это был известный промышленник, желавший, чтобы о нем знали все его соотечественники. Еще без нас она работала в

президентском штабе на прошлых выборах. Теперь мы полностью переключаем ее на этот проект и совершенно уверены, что...

– Большое спасибо, что встретились с нами, – оборвал его Кольцов. – К сожалению, время поджигает. Надеюсь, что мы работаем. – И медленно поднялся.

Олигарх Кольцов грубо перебивает собеседника, явно демонстрируя ему свое социально-профессиональное (институциональное) превосходство и одновременно выражая нежелание продолжать беседу. Авторская ремарка «оборвал» эксплицирует сему грубости перебива. Отсутствие желания поддержать разговор можно объяснить некоторой степенью раздраженности бизнесмена чрезмерным заискиванием собеседника, его стремлением угодить и излишним восхвалением своих сотрудников.

Преобладание перебивов в речи людей с высоким социально-экономическим статусом объясняется психологически. Люди, более успешные в социально-экономическом отношении, чувствуют себя свободнее и увереннее в ходе беседы, поэтому часто перебивают собеседников. Такой результат был получен в ходе психологического исследования влияния социального статуса на характер и частоту перебивания.

В речи участников высокостатусного бизнеса грубые перебивы могут сопровождаться и другими аффективами, такими как оскорбления, ругань, мат. Примером может служить сцена из художественного фильма «Meet Joe Black». Запись сопровождается комментариями на основе услышанного. Билл, владелец крупной компании, узнает, что один из его акционеров Дрю обещал продать компанию их конкуренту Бонтекью.

Drew: Good evening, Bill. I just wanted to say how appreciate I am of this, um, grand gesture...

Bill (грубо перебивает): Shut up and sit down! You are a useless sack of shit, Drew, you played footsie with John Bontecou so you could dismember my company to line your own pockets.

Drew: I don't know where you get that idea. The board agreed...

Bill (грубо перебивает, кричит): The board didn't know you were a mole who burrowed inside so you could bury us all.

Как видно из примера, руководители, директора, стоящие на высшей ступени иерархической лестницы в бизнесе, позволяют себе перебивать подчиненных им сотрудников, подчеркивая при этом свое институциональное доминирование. Такая демонстрация социального положения всегда эмоциогенна и провокативна. Отражение эмоционального состояния адресанта сообщения (недовольство, раздражение, злость, агрессия и т. д.) порождает негативные эмоции и чувства у адресата (чувство дискомфорта, неудобства, недоумения, неприязни,

злости и т. д.), что свидетельствует об эмотивной неэкологичности перебивов в сочетании с вульгарной и сниженной (обценной) лексикой высокостатусного БО.

Исследуя коммуникацию в сфере низкостатусного бизнеса (мелкого предпринимательства), приходим к мнению, что в настоящее время в современных социокультурных условиях указанный тип общения, как правило, маркирован эмотивной неэкологичностью: отсутствием эмоциональной толерантности, несоблюдением норм вежливости, пренебрежением стиливыми признаками делового общения и его этикой, что на практике реализуется в бесконечном потоке перебивов коммуникантами друг друга. Следующий пример иллюстрирует характер делового общения современных предпринимателей со своими работниками. Это подслушанный фрагмент из реального общения директора строительной фирмы г. Волгограда с подчиненными. Рабочие недовольны задержкой заработной платы. Разговор протекает в офисе директора.

– *Здравствуйте, Дмитрий Алексеевич.*

– *(Кивает головой.) Что хотели? По какому вопросу?*

– *По поводу зарплаты. Хотели узнать...*

– *(Перебивает директор.) Все вопросы в бухгалтерию.*

– *Так в бухгалтерии сказали, что вы не подписали акт.*

– *Какой акт? По какому объекту?*

– *Акт выполненных работ. В физикакадемии мы делали...*

– *(Перебивает директор.) Акты подписываю не я, а прораб. Так что все вопросы к нему.*

– *(Один рабочий не выдерживает и резко произносит.) Почему вы все друг на друга сваливаете? Кто нам деньги заплатит?*

– *Как прораб подпишет акт и сдаст его в бухгалтерию, деньги вы получите.*

– *Так вызовите прораба сюда... Он нам сказал, что ...*

– *(Перебивает директор и грубо отвечает.) Это не мои проблемы, что он там вам сказал, разбирайтесь сами. У меня других дел полно.*

– *(Договаривают.) ...так он нам сказал, что надо к вам идти разбираться.*

– *Я вам говорю, у меня полно других дел. Завтра я с ним поговорю. Всё. Свободны.*

Рабочие уходят недовольные.

Несомненно, данная коммуникативная ситуация эмоциогенна. Рабочие злятся на директора. Директор раздражен приходом рабочих. Статус и зависимость подчиненных не позволяют им перебивать директора. Последний же, наоборот, постоянно перебивает сотрудников, демонстрируя свое эмоциональное отношение к ситуации (раздражение и злость в голосе, интонации, лексике, синтаксисе, авербалике), неже-

вание продолжать разговор и выяснять обстоятельства дела. Директор выступает агрессивным стрессором для своих подчиненных. В данной ситуации нарушены все принципы эмотивной экологичности делового общения начальника и подчиненных.

Таким образом, анализ различных коммуникативных ситуаций в сфере бизнеса показывает преобладание эмоциональности в речевом поведении коммуникантов независимо от статуса бизнеса и иерархической подчиненности его участников. Эмоционализация устной БК на языковом уровне порождает такое новое средство эмотивности, как речевой перебив-аффектив, маркирующий неэкологичную БК. Перебив эксплицирует эмоционально-чувственные состояния коммуникантов. В ситуациях БО перебивание собеседника всегда эмоциогенно, т. е. вызывает, как правило, отрицательные эмоции и чувства у адресата и наблюдателя. Характер перебивов (частота перебивания, степень эмоциональной насыщенности перебива – мягкие и грубые перебивы) варьируется в зависимости от социально-экономического статуса общения, индивидуально-личностных особенностей собеседников, но в большей степени от их сиюминутного эмоционального состояния в процессе общения.

Перебивание собеседников в профессиональной деятельности, как и в бытовом общении, – это результат несдержанности партнеров в эмоциональном плане. Перебивы в речи деловых партнеров, как и оскорбления, возникают при отсутствии эмоциональной толерантности у общающихся и свидетельствуют об отсутствии у коммуникантов эмотивной компетенции.

Разрушительная энергия отрицательных эмоций – еще одно ярчайшее свидетельство влияния языка на конкретного человека и на общество в целом. Оно подтверждает мое убеждение в необходимости дальнейшей теоретической разработки нового направления – эмотивной лингвоэкологии, ибо эмоции, этические нормы коммуникативного поведения и здоровье человека конверсируемы.

Представленный в данном параграфе материал наводит на мысль о том, что неэкологичное общение в сфере бизнеса заточает коммуникативных партнеров в тесный языковой круг, в котором на бессознательном уровне происходит процесс трансформации целостности языковой личности профессионала. В результате распространения такого неэкологичного речевого поведения бизнесменов в современном российском социуме формируется так называемая языковая личность со сниженным эмоциональным интеллектом. А такая деформированная языковая личность может привести к разрушению нравственно-этических норм личностного и социального общения, воспроизводимого в неэкологичном общении людей.

Глава 2. НЕЭКОЛОГИЧНЫЕ ЭМОЦИИ В ЛЖИВОЙ КОММУНИКАЦИИ

§ 1. Лингвистика против homo mentiens

*У нас пристрастие к словам
Совсем не прихоть и не мания;
Слова необходимы нам
Для лжи взаимопонимания...*

*Возможность в душу лестью влезть
Никак нельзя назвать растением.
Мы бескорыстно ценим лесть
За совпадение с нашим мнением.*

И. Губерман

Ложь не всегда была сутью человеческого коммуникативного поведения. Общеизвестно, что животные, в отличие от современного человека, не лгут и не краснеют. Человек в далекие времена, когда он мало чем отличался от животных, т. е. был в полном смысле слова, как и они, частью природы, тоже не врал. Х. Шухардт в своей эмоциональной гипотезе происхождения языка считает первыми языковыми образованиями эмоциональные выкрики-восклицания (аффективы). Они были искренними тогда, ибо были жизненно важными.

Исследование ряда теоретических работ по лингвистике лжи и собственный эмпирический материал, включающий факты реальной и художественной коммуникации, позволяют утверждать, что вербальная ложь тоже эмоциональна (явно или скрыто) и базируется на эмоциях человека лгущего – homo mentiens (fallens) – в частности, как минимум, на эмоции определенного («шкурного») интереса.

Мнения разных языковых личностей (ЯЛ) об одном и том же событии, факте, явлении редко полностью совпадают. Истинным каждому из нас представляется только *наш* взгляд, *наше* восприятие и понимание, только наша интерпретация. И. Губерман этот исторический факт точно и емко объективировал в одном из своих четырехстиший, в котором все мнения он считает заблуждениями – основой всех споров:

*Между слухов, сказок, мифов // Просто лжи, легенд и мнений
Мы враждуем жарче скифов // За несходство заблуждений.*

Ложь в современном российском обществе особенно распространена, т. е. она провоцирует эмоции и поведение реципиентов, их восприятие информации, ее понимание. Психологи разработали концепцию спиралевидной модели понимания: слова раскручивают мысли

реципиентов и направленных на них высказываний в двух направлениях: в их предшествующий – видовой и индивидуальный – личностный опыт и в их последующий за данными высказываниями опыт. И если в предшествующем опыте реципиента уже определенный говорящий ассоциируется с какой-либо ложью, она становится континуальной. Ложь закрепляется в семантической памяти определенных языковых знаков и языкового сознания их пользователей через соответствующие фреймы, стереотипы, гештальты, ассоциации и коннотации (например, на слово «реформа»: ни одна реформа в нашей стране, вопреки обещаниям правительств, заверениям госчиновников, не улучшает жизнь рядовых граждан нашей страны, поэтому ее заменили на слово «оптимизация»).

Изначально язык служил системой ориентирования Homo Loquens в общении. А теперь он все больше превращается в систему дезориентации, разобщения людей. Язык считается путеводителем человека к самому себе и к другим. Но, как выясняется, путеводитель этот неблагоденный, потому как люди лгут не только другим, но и самим себе. Как утверждает В.Ф. Петренко, «грязная рубашка – теплее». Видимо, в этом и заключается интрига лживого общения как специфического коммуникативного жанра.

Ложь – это всегда разновидность несоответствия истине, действительной реальности, т. е. несоответствие между значением (смыслом) высказывания и его денотатом (референтом). Ложь – это всегда замена (подмена) референциальных соотношенностей. Используются и другие виды несоответствий в ложных коммуникативных актах: между прямым значением и переносным, между эксплицитным и имплицитным значениями (при общей форме их выражения), между узуальным (кодированным) иokkaзиональным (индивидуальным) значениями [Ганеев, 2004, с. 57–66].

В ложных коммуникативных актах адресант, используя кодированные знаки языка, преследует цель информировать адресата неправильно. При этом происходит наибольшее расхождение между интенциональной и финальной прагматикой одного и того же сообщения у адресанта и адресата. Она и в истинных (искренних) высказываниях никогда не совпадает полностью за счет того, что значения языковых знаков и пропозиций находятся не в языке, а в головах коммуникантов, и эти значения у них никогда не совпадают полностью.

Врут друг другу все – супруги, коллеги, дети и родители, особенно активно дети врут друг другу и учителям. Эта ложь наименее обидна и поражающа, в отличие от государственной лжи – источника психических травм и нездоровья населения всей страны. Целью лжи в лю-

бом случае является непосредственное или опосредованное манипулирование адресатом: обмануть его, создавая у него ложную ментальную картину (пропозицию, по Л. Витгенштейну), которая позволяет отодвинуть обратную связь на неопределенное время («Партия торжественно провозглашает, что нынешнее поколение советских людей *будет* жить при коммунизме!»).

Ложь, несомненно, является, социальным, правовым и нравственным злом. Теперь в определенных структурах уже специальное обучение проходят так называемые имиджмейкеры-манипуляторы общественным сознанием (пиарщики). Лжецы всегда побеждают, как ни странно. И в наше время тоже. Все знают, что реклама лжет (*брехлама*), чтобы обмануть покупателя, избирателя, и все равно люди покупают, выбирают фальшивки.

Лингвистика не может упразднить ложь и лживую коммуникацию, но она может установить прототипичные лживые средства языка, может выявить, как именно истина с помощью языка превращается в ложь, как нормальные слова становятся лживыми, рефлектируя коррелирующие с ними лживые понятия: *борьба хозяйствующих субъектов, демократия, реформа, управляемый суверенитет, монетизация льгот, деноминация денежных знаков* и мн. др. Россия давно уже висит «над пропастью во лжи» (В. Новодворская), и эмпирически «библиотека лживых слов» уже давно не только на слуху, но и в памяти, в языковом сознании русскоязычных людей старшего и среднего поколений. Молодое поколение в настоящий период активно к этой «библиотеке» приобщается через СМИ (особенно через Интернет).

Лингвистика может установить лживые валентности слова и его отличие от слов, у которых таких валентностей нет. Лингвистика может и должна составить перечень всех слов, структурных интоном, просодем и кинем, уличающих ЯЛ в лживости, чтобы противостоять манипулированию собой и зомбированию со стороны, прежде всего, СМИ и Интернета. Сюда включаются и прямые, и косвенные улики – маркёры лжи. Если с этой задачей лингвистика справится, то лживая речь и маркёры лжи, опознанные ее получателями, уничтожат друг друга [Вайнрих, 1987, с. 82], а у лживой информации ослабеет манипулятивная функция, и люди будут успешнее ей сопротивляться.

Другими словами, в языковую и в эмоциональную / эмотивную суб-компетенции ЯЛ необходимо с детства вводить знания о лживых языковых знаках, структурах и приемах их опознания: *точечные бомбардировки, лагерь беженцев, зачистка, восстановление порядка* и другие многочисленные случаи переноминации как средства лжи о

войне в Чечне. Их семантическое разоблачение – это проблема социолингвистической, правовой и нравственной экологии. Суть этих разоблачений заключается в опознании ложных пропозиций, неискренних высказываний.

Истинные личностные смыслы в лживых речевых актах (РА) всегда не выражены, скрыты, а те, что эксплицированы, являются ложными, манипулятивными, тенденциозными, дезинформирующими, т. е. неискренними. Скрытым смыслом можно считать «всякий смысл, вербально не выраженный в тексте сообщения, но воспринимающийся адресатом как подразумеваемый и интерпретируемый им на основании языковой компетенции, знаний о мире и имеющихся в тексте сообщения показателей» [Масленникова, 1998, с. 6]. В компетенции лгущего всегда имеется детерминанта системы скрытых смыслов, в качестве которой выступает интенциональность, т. е. намеренное введение говорящим скрытого смысла в свое сообщение. Введение таких смыслов приводит к кардинальным изменениям как в объеме передаваемой информации, так и в самом ее характере. Иллюстрацией к словам А.А. Масленниковой является, например, длительное манипулирование смыслами *может быть, еще живы*, намеренно создававшимися и транслировавшимися в официальных интервью господина Клебанова по ТВ о подлодке «Курск». Эти и другие вербальные примеры выдают правительственную методику дозированной подачи гражданам страны неприятной информации – щадящая ложь во имя преуменьшения своей вины в конкретной трагедии.

А. Меняйлов утверждает, что человек доверяет больше своей догадке, незаметно для него спровоцированной иерархией или конкретным собеседником, больше, чем прямому тексту. Другими словами, он больше доверяет косвенным, скрытым смыслам, чем прямым. Это свойство догадки специалисты по вербальному управлению массами с помощью обмана всегда используют очень активно. И об этом лингвисты обязаны известить эти самые массы, ибо плоды такой подознательной догадки всегда впоследствии горьки и печальны. Как убедительно доказывает А. Меняйлов и как показывает жизнь, с её помощью эти «управленцы» превращают людей «в предречённую всепланетную стаю» [Меняйлов, 2001, с. 311]. В своё время с помощью трёх «да» (да, да, нет, да) нас уже в такую стаю обращали, и смысловые галлюцинации не позволили нам тогда сделать правильный выбор (о гипотезе гипотезности нескольких «да» см.: [Там же, с. 340]).

Психолингвисты уже давно заметили, что цель любого общения состоит в том, чтобы «некоторым образом изменить поведение или со-

стояние реципиента (собеседника, читателя, слушателя), т. е. вызвать определенную вербальную, физическую, ментальную или эмоциональную (выделено мной. – В.Ш.) реакцию» [Красных, 2003, с. 122].

Ложь не только распространена в любой лингвокультуре, но и особенно популярна у власть предержащих. Как замечает А. Меняйлов, «на практике уничтожали (во все времена. – В.Ш.) лишь не изощренных во вранье, притворстве, хитрости. Лживые же всегда выживали, давали потомство и занимали ключевые посты во власти» [Меняйлов, 2002, с. 231]. А раз лживые у власти, особенно если они двумя руками держатся за ложное мировоззрение, искоренить ложь в обществе и в быту невозможно (см.: Дж. Оруэлл «1984»). С ней надо сосуществовать и учитывать ее в процессе коммуникации с этим обществом, ибо у него громадный генетический опыт лживости. Уже во времена Понтия Пилата верхом святости был обман, например, лживые клятвы и валютные махинации первопрестольного Храма [Меняйлов, 2002, с. 297].

Интересно, что любая мысль изреченная уже есть ложь. А с другой стороны, общение людей без лжи невозможно: «врут все календари» и все люди. Ложь в их общении – норма, она глобальна, различие касается лишь ее объема, силы, частотности. Особенно врут политики: *социализм* → «развитой социализм» → «социализм с человеческим лицом», «все для человека, всё во имя человека», «коммунизм в 1980 г.» и др. Напомню также и про РДС (Русский дом Селенга), МММ, «Раритет» и другие финансовые пирамиды, нагло рекламировавшиеся по государственному ЦТВ, т. е. при активном соучастии правительства и государства, и обогатившие чиновников за счет ограбления рядовых граждан. И все это происходило и происходит с помощью языка и официальной риторики.

Продолжают государственную ложь «прихватизация» и дефолт, деноминация и многодневное дозирование извращенной информации о гибели «Курска», о которой уже 12 августа 2001 г. было известно и правительству, и церковным иерархам. Тем не менее они по всей стране организовали молебны о спасении, зная о верной смерти всей команды «Курска». Официальное вранье достигло в стране таких размеров, что на сайте одной из республиканских газет Алтая появилась статья «Ложь как инструмент управления государством» [А. Адарин], а после событий в Беслане – статья «Хроника вранья» А. Хинштейна в «Московском комсомольце» (МК. 2004. 8–15 сент.). Даже сами СМИ не только это публично признают, но и, окончательно завравшись, уже призывают людей не верить своим публикациям. Ниже приводится отрывок из одного такого предупреждения:

Меньше четырех месяцев осталось до выборов губернатора. И, по заведенной недоброй традиции, с каждым днем, приближающим нас к этому событию, на наши головы выливается всё больше грязи и самого наглого вранья. Все это мы проходили, и не раз: и на мэрских, и на губернаторских выборах, и на выборах в облдуму, и перед выборами в горсовет. Тем обиднее будет оказаться обманутыми очередными заезжими жуликами-«пиарщиками». А жулики уже в Волгограде, их завозят предвыборные штабы некоторых кандидатов целыми командами из Москвы и даже из Сибири. Отработывая нехитрые гонорары, эти шустрые ребята намерены досыта попотчевать нас своим фирменным блюдом: ложью и провокациями. Не принимайте на веру каждое прочитанное или услышанное слово... Знайте: вас обманывают. Помните: перед выборами некоторые господа перестают стесняться любых средств в попытке опорочить соперника. Не идите у них на поводу (День за днем. 2004. № 268. С. 4).

Эта газета восхваляла О. Савченко, претендовавшего несколько лет назад на кресло губернатора, а позднее та же газета и тот же самый имиджмейкер Калачев его хулили (стал не нужен как претендент). Где же была правда, а где ложь? А может быть, и тогда, и сейчас – ложь? Это и есть так называемая «живая правда» журналистики. «Литературная газета» 29 февраля 2004 г. писала: «Можно ли жить не во лжи? Жить, может быть, и можно, но писать в современных СМИ без лжи нельзя». Почему никакая языковая полиция ложь СМИ не может остановить? Значит, ложь выгодна?

Евангелие долгое время не подвергалось контент-анализу на правдивость, и все события, описанные там, принимались за истинные догмы. Но лингвистический – смысловой и интертекстуальный – анализ при первом же приближении вскрыл множество фактов, соотносимых с нашей темой: см., напр., о фальшивке евангелистов – втором послании Петра, великой лжи про Пилата [Меняйлов, 2002, с. 342–343], о двусмысленности ряда фактов в Евангелии от Луки [Там же, с. 338], о выявленных фактах замалчивания, стилистической тайнописи [Там же, с. 339], затушевывания исторических фактов [Там же, с. 338], о множестве противоречий и нестыковок в субъевангелиях и их с Протоевангелием, выявленных А.Н. Меняйловым.

Исследование лингвистических и психологических механизмов лжи, лживых РА как специфического жанра намеренного искажения картины мира, многообразных тактических функций вербальной и авербальной лжи, способов и средств срывания масок-шоу со лжецов является очень перспективным и актуальным направлением лингвистики лжи и эмотивной лингвоэкологии.

Из данного параграфа совершенно очевидно, что:

- 1) ложь существует на всех уровнях человеческого общения;
- 2) жизненная практика и художественная отечественная и мировая литература доказывают: лживость является глобальной характеристикой большинства языковых личностей;
- 3) все ложные высказывания эмотивны и эмотиогенны, их мотивом является эмоция корыстного интереса;
- 4) трудности лингвистического опознания вербальной лжи обусловлены ее антропологичностью: ложь является поведенческой характеристикой человека, который по своей биологической норме – эмоциональный (*homo sentiens*) и лгущий (*homo mentiens (fallens)*).

Другими словами, исследование лживого поведения персонажей художественной коммуникации и чиновников властных структур в реальной коммуникации подтверждает гипотезу об инстинктивной способности человека ко лжи, которую прививает ему и развивает социальная среда. Эта гипотеза подтверждается также обширным концептуальным полем вербальной лжи, в котором удалось вычленить основные ее лексикализованные видовые и родовые понятия в русском и английском языках, подтвердить существование лживой лексики и лживого синтаксиса (структуры и интонации), проиллюстрировать функциональность лживых (симулятивных) эмоций на материале художественной коммуникации англоговорящих персонажей (данный язык объясняется специальностью и пристрастием автора данной книги).

Исследование позволило установить самый безобидный вид лжи – детская, за ним – по степени усиления параметра «вредность», «поражаемость» – идёт бытовая ложь.

Главный вывод, при всей его тривиальности, – ложь является нравственным злом, которое лингвистика может и должна разоблачать для улучшения политической и бытовой экологии страны и ее граждан.

§ 2. Над эмоциональной пропастью во лжи

Мысль изреченная есть ложь.

Афоризм

Наблюдения за лживыми речевыми актами (РА) в реальной и художественной коммуникации показывают, что эмоции накладывают свой отпечаток на все результаты человеческой деятельности, в том числе и вербальной. Они могут быть не только естественно (искренне) вы-

ражены, но и симитированы, симулированы, подделаны, скрыты. Неискреннее, а значит, ложное выражение эмоций, несомненно, возможно, т. к. все физиологические и лингвистические параметры эмоций внутри данной лингвокультуры для всех пользователей (а)вербального языка кодированы однозначно.

Как отмечают психолингвисты, эмоции «натянуты» на многомерный и многовековой опыт человека, в том числе и на его опыт лжи, а этот опыт в разных лингвокультурах различен. Так, утаивание правды о своих эмоциях, особенно нежелательных для «обнародования», является этической нормой для многих народов (в том числе и для русских, и для англичан). Но искусственное превращение внутренних негативных переживаний во внешние положительные (горе в радость) при их овнешнении является особым видом этнически узаконенной лжи, ставшей национальной традицией: социальная улыбка американцев и англичан, улыбка японцев на похоронах, веселые похороны испанцев и т. д.

Эмоции и ложь в разных культурах переплетаются довольно причудливо. У американцев и англичан улыбка в большинстве случаев неискренна, и это общеизвестный факт, и его можно учитывать как во внутренней, так и в межкультурной коммуникации. Т.В. Ларина досконально во всех категориальных ситуациях интеракционного общения англичан изучила все функции их улыбки и пришла к выводу, что главная из них – эмотивная, т. е. намеренная демонстрация формальных эмоций, это так называемая социальная улыбка [Ларина, 2003].

По экспрессивности своего речевого поведения современные англичане значительно превосходят русскую языковую личность. Это проявляется в гиперболизированной оценочности, коммуникативном оптимизме, коммуникативной неформальности, повышенной эмотивности, коммуникативной косвенности (уклончивости), субъективности.

Именно кодированностью объясняется и энергетика поддельных (лживых) эмоций: все аффективы (вербальные и авербальные) вызывают у коммуникантов одинаковые эмоциональные рефлексии. Поэтому психологи и говорят о направленном моделировании эмоций реципиентов со стороны продуцента сообщения и о возможности воспитания культуры эмоций (их проявлений). Ложь, действительно, может моделировать эмоциональное поведение партнера по коммуникации в направлении, нужном для отправителя (продуцента) лживых высказываний. Это особенно относится к лести, которая всегда являет-

ся определенным образом структурированной ложью. Лесть как ложь для всех, особенно для власть предержащих, всегда сладка, и потому власть особенно ценит угодничество и угодников (пособия по карьеризму советуют лстить начальству и властям как можно больше).

Человек, прошедший социализацию и инкультурацию, научен скрывать свои эмоции, контролировать их, подчиняться внутренним и общественным правилам культуры эмоций, которые могут противоречить их биологически мотивированной канализации. Однако некоторые эмоции далеко не всегда человек может скрывать или симулировать / имитировать. Например, такие глубокие эмоции, как ужас, страх, отвращение, испуг и некоторые другие, скрывать (а значит, солгать окружающим) просто невозможно, поскольку невербальная семиотика не может быть подделана и сокрыта никаким интеллектом, разве что специальными тренингами для специальных целей [Романов, Сорокин, 2004].

Трудно скрывать и подделывать (симулировать) эмоции в категориальных ситуациях доминирующего эмотивного тона (например, в семейной ссоре). Это трудно, потому что подкорковыми структурами, где находятся корни эмоций, сложно, а иногда и невозможно управлять, т. е. рационализировать эмоции.

Эмотивный радикализм общения, как правило, препятствует фальсификации эмоций, т. к. сажает рациональность на рефлексивный уровень, а это процесс, обратный рационализации эмоций. Поэтому в стрессовых ситуациях и возникают непреодолимые коммуникативные помехи.

Как говорил Талейран, слова даны нам, чтобы скрывать свои мысли. Но теперь точно уже известно, что и свои эмоции тоже. Однако body language (язык тела) разоблачает лживые эмоции очень успешно:

Лисицина села на самый край ни жива, ни мертва – от радости и, конечно, от страха. Брови епископа сурово похаживали вверх-вниз (Б. Акунин. Пелагия и черный монах);

He came into the room: her heart was beating wildly and her hands were shaking... Her heart sank; she felt on a sudden a cold chill pass through her limbs and shivered... His face was deathly pale... His dark eyes, immobile and inscrutable, seemed preternaturally large. He knew everything... Her lips trembled so that she could hardly frame the words. She was terrified. She was afraid she would faint... She wondered if he saw that was shaking in every limb... She was shattered... It was dreadful that she could not control the trembling of her lips (S. Maugham. Painted Veil).

Конечно же, настоящие писатели и художники давно осознали, что эмоции руководят всем поведением человека и всеми обстоятель-

ствами. Вот как об этом написал в свое время Л.Н. Толстой в дневнике (запись 25 января 1863 г.): *Прежде я думал и теперь еще больше убеждаюсь, что в жизни во всех отношениях людских, основа все-му работа – драма чувства, а рассуждение – мысль, не только не руководит чувством и делом, а подделывается под чувство. Даже обстоятельства не руководят чувствами, а чувство руководит обстоятельствами, т. е. делает выбор из тысячи фактов* (жирный шрифт мой. – В.Ш.).

Ложь, несомненно, является разновидностью вербальной агрессии. Она нарушает права человека. Она резко осуждается религией и моралью. Она занижает (унижает) психоэмоциональный статус её реципиента, его самооценку. Поэтому ложь обидна, презираема, интенсивно переживается Homo Sentiens, и потому она конфликтна. Неоспоримо, что конфликт – дитя вранья.

К сожалению, ложь неизбежна. Если «речь – зеркало души», то какова же душа у лжеца, особенно если он у власти? Речь человека глубоко информативна; даже тогда, когда человек сознательно не хочет давать о себе какие-либо сведения или старается что-то скрыть, замаскировать, завуалировать, информация о нем как о личности всё равно проецируется в его речь, а тонкий аналитик, слушая речь человека, способен читать его как раскрытую книгу. Люди уже усвоили основные параметры лжи в силу её актуальности для современной жизни, коммуникации. Ложь многолика. Она непрехотлива: «...чтобы солгать, ничего особенного не требуется, всё сгодится» [Варзониин, 2004, с. 19–22], она всеядна, она самостоятельна («человек не хочет, а лжет» [Там же]), она сильна (эффективна), т. к. правдоподобна (до поры до времени. – В. Ш.), она надежна как средство воздействия и превосходит другие средства. Всё вышеперечисленное указывает на её главное качество – она в последнее время всё чаще и чаще удобна.

Несколько лет назад на телеканале «Россия» шла передача о Вышинском и его похоронах. Какие трогательные слова о нём произнес В.М. Молотов, какими превосходными эпитетами и с соответствующей (кодированной) интонацией он награждал от имени тогдашнего правительства человека, которого он страстно... ненавидел. А народ слушал и неутешно плакал от потери генерального прокурора... Вся речь Молотова, слова и интонации были скрыто лживыми, но это было искусно скрыто. В этой же передаче обвинитель по шахтинскому делу Крыленко гневно клеймил инженеров, зал гневно вторил его эмоциям, поддерживал его, а сами инженеры очень эмоционально каялись в грехах, которых не совершали, оговаривая себя. Все они лгали, но ведь ложь обладает несомненным качеством самоидентификации: лгущий (Молотов, Крыленко, инженер) знает точно, что он в данный момент лжет.

В эмоциональной ситуации с заменой льгот государственные чиновники эпохи В.С. Черномырдина с экрана ТВ уверяли, что народ этого блага просто не понимает. А чего тут мы, народ, не понимаем? «Хотели как лучше, а получилось как всегда»: из общественного транспорта уже с 1 января 1999 г. выкидывали ветеранов и инвалидов, льготные лекарства (их списки от людей прятали), во-первых, выписывают с огромной нервозностью, а во-вторых, попробуй их получить в аптеках. Соцпакеты в январе и феврале не выдали, все цены на «фсё» повысили.

Что же мы в монетизации должны при этом понимать? Мы поняли эмоционально: самолет монетизации правительство в воздух подняло, а аэродром для его посадки забыло даже запланировать. Теперь правительству дали 2–3 месяца на его строительство.

Наше правительство с завидным постоянством продуцирует условия, в которых эмоции простых людей выполняют дезорганизующую функцию (ср. эмоции радостной перспективы у колонистов А.С. Макаренки и у всех советских людей в послевоенный период: восстановление разрушенного хозяйства, целина, космос, БАМ и мн. др.). Поэтому все наши реформы провальны: система языка (обещаний, планов – «громадьё...») vs реальность предметная, а их несовпадение – источник протестных эмоций человека, обманутого планами: «социализм с человеческим лицом», «квартиры каждой семье, а каждому члену семьи по отдельной комнате» и мн. др. Деноминация и прочие «радости» несовпадения референтно-предметных ситуаций и текстов-обещаний, трансформирующих эти ситуации в иной психоэнергетический тип – КЭС, указывающие на серьезные несовпадения ценностей и мировоззрения народа и власти – «слуг» этого народа. Их несовпадение ведет к коммуникативным сбоям в их вербальной интеракции и к деструктивным действиям.

Неужели у политтехнологов нашего руководства такой низкий эмоциональный интеллект, что они этой зависимости между коммуникативным диссонансом «власти – народ» и их деструктивными действиями в сфере социально-экономической политики не понимают и не корректируют её?!

Внешний маркер лжи – невыполненное обещание. Это самый явный маркер. Другим же её маркером является способность некоторых людей индуцировать в языковом сознании других людей (реципиентов) ложные картины (пропозиции) действительности и собственные / корпоративные эмоции и тем самым на короткое (или довольно длительное) время изменять ценности, мотивы, высказывания, поступки этих реципиентов, т. е. манипулировать ими.

Конечно, лингвистика лжи как отрасль науки ещё не сложилась окончательно. Работ чисто лингвистических на эту тему мало (см. библиографию в: [Болинджер, Вайнрих] и др.). Объясняется это многими причинами и, прежде всего, тем, что лживыми высказываниями людей руководят биологические, социальные, религиозные, психологические, политические, финансовые (экономические) и многие другие факторы. И среди них большое место занимает эмоциональный фактор.

Сотни тысяч (и более) страниц художественной литературы посвящены супружеским изменам – одной из форм лжи: Ирэн изменила Сомсу Форсайту (Дж. Голсуорси), Анна – Каренину (Л. Толстой), Китти – Уолтеру (С. Моэм) и т. д. до бесконечности, как и в реальной жизни. Описаний в художественной литературе момента обнаружения таких измен множество: это одна из наиболее напряженных КЭС. Ведут себя люди, оглушенные такой информацией, по-разному, но всегда очень эмоционально. Вспомним Уолтера из «Раскрашенного занавеса» С. Моэма, шекспировского Отелло, миссис Флетчер (рассказ «Ярость» Ч. Барстоу), Хелен Рид (из романа Д. Лоджа «Думает...») и др.

Приведу пример из последнего источника. Главная героиня этого романа Хелен Рид после смерти своего мужа узнает о том, что он изменял ей с ее теперешней студенткой (и не только с ней). Вот как сама Хелен описывает свое эмоциональное состояние сразу же после признания этой студентки (*фактически мне хотелось в бешенстве от его предательства визжать и бросать в эту студентку всем, что попало бы мне под руку, но внешне я сохранила своё достоинство и профессиональную выдержку*): *“I felt dizzy and hardly able to breathe. The raw breeze-block walls of the poky little office seemed to swell and contract, the gross, meaty nude on the Lucian Freud poster, and the black burnished figure on the Mapplethorpe, seemed to ripple and move obscenely. I struggled to conceal my dismay, to retain some dignity and professional poise. When she said, ‘I hope this isn’t going to prejudice my mark for the course,’ I wanted to scream and throw things at her, but I just said coldly, ‘That’s what external examiners are for.’ Then I terminated the interview”* (D. Lodge. Thinks...). Такое сокрытие истинных бурных эмоций можно назвать самоконтролем, самообладанием, и это – позитивное профессиональное качество эмоциональной языковой личности.

С другой стороны, эмоциональное двуличие, т. е. внешнее выражение положительных эмоций при внутреннем резко отрицательном отношении к собеседнику – яркое свидетельство лживости: *She gathered up her bag and they parted with mutual expressions of affection and good will. “Silly old bitch,” he said when the door was closed behind her.*

“Pompous old ass,” she hissed as she went down in the lift. But when she got into her magnificent and very expensive car and drove back to Montagu Square she could not hold back the heavy, painful tears that filled her eyes. She felt old, lonely, unhappy, and desperately jealous (S. Maugham. Theatre).

Выделены лживые (в первом предложении) и истинные (в основном тексте) эмоции этих персонажей, вербальные и авербальные. Внешне Майкл и Долли расстались приятелями, обменявшись добрыми словами взаимной симпатии, а за глаза они обозвали друг друга довольно злобно: «старая глупая б...» и «напыщенный старый осёл». Это было уже искреннее вербальное выражение их эмоций, за которым у Долли последовал поток мучительных слез от осознания своей старости, одиночества, несчастья и отчаянной зависти (кластерные эмоции).

Обман и ложь (как его разновидность) в громадном разнообразии широко практикуются в повседневной эмоциональной жизни людей, и поэтому в языке так много слов, фразеологических единиц, устойчивых словосочетаний – клише для номинации этих практик лжи. Художественная литература по праву может быть названа депозитарием человеческой лжи. У В. Шукшина есть рассказ «Правда», который на самом деле повествует о хитрости, ловкачестве председателя колхоза Аксенова. В своем выступлении на общем собрании он скрыл факт гибели свиней в хозяйстве по его халатности и говорил критически в свой адрес только по мелочам (умолчание правды как вид лжи). Потом в разговоре с другим председателем он еще раз соврал, уже прямо дезинформировал его о том, что он якобы вызвал комиссию на пересмотр акта о гибели свиней. В первом эпизоде ложь Аксенова прошла незамеченной на собрании, участники которого не знали о существовании такого акта, но не прошла мимо коллеги, который об этом акте знал. А во втором эпизоде Аксенов все же обманул и коллегу, частично реабилитируя себя (ложь во спасение лица своего). Оправдываясь, Аксенов просит новичка-коллегу: *Как только первый раз где-нибудь словчишь, скажи мне. Только по-честному. Мне охота узнать: проживешь ли ты без этого* (без вранья. – В.Ш.) *или нет?* (В. Шукшин. Правда).

Фактически ложь как субъективно-волевая истина вошла в жизнь людей разных лингвокультур по-разному, но неотъемлемым ее компонентом, и в каждом коммуникативном акте, художественном или реальном, она присутствует во всем многообразии ее функций: регуляции, глорификации, дезинформации, манипуляции, (само)защиты, диффамации, фатики и др. Например: «Ценностной доминантой русской коммуникативной культуры является искренность. Немецкое коммуникативное поведение в целом, напротив, отмечено ценностной доминантой Вежливости» [Ничипорович, 2002, с. 115]. Общеизвестно, что

вежливость препятствует искреннему выражению эмоций (см. о контрадикторных отношениях к английской и русской вежливости: [Ларина, 2003]). Вежливую улыбку немецких и английских коммуникантов русские расценивают как неискреннюю (т. е. лживую), и это вызывает у них отрицательные эмоции, препятствующие успешному межкультурному общению, в том числе и бизнес-общению.

Поскольку уже неоспорим факт, что художественная (виртуальная) коммуникация (текст) является слепком реальной коммуникации, реального языка Homo Loquens и его реального поведения, то презентация в художественной литературе лживых коммуникативных (речевых) актов, несомненно, объективный эмпирический материал для лингвистики лжи. Все виды эмоциональной лжи, все вербальные средства как репрезентанты ее манифестации и писателям, и лингвистам известны, равно как и её авербальные разоблачения. Поэтому мировая художественная литература является незаменимым учебным пособием по формированию у её читателей эмотивной компетенции для распознавания лживого эмоционального поведения речевых коммуникантов.

Тем не менее лингвистикой лжи эмоциональный аспект общения, в том числе и межкультурного, изучен еще крайне слабо. Белым пятном в теории эмоциональной лжи остается большой список проблем. Лингвистике и её новой парадигме коммуникативистике еще предстоит изучить и описать много неискренних образов сознания и их разнообразные материализации во всех жанрах человеческого общения. А сам по себе язык русский, несомненно, правдивый – И.С. Тургенев прав. Неправдивы некоторые из его пользователей. Лгут они, а не язык.

§ 3. Всеобъемлющая ложь как форма неэкологичного общения

*Люди наврали уже так много,
что перевернуть этот фонд вранья
и обмануть кого-нибудь ещё раз невозможно.*

Народная молва

Межкультурная коммуникация уже давно понимается как коммуникация не только межъязычная или разноязычная, но и как одноязычная / одноэтническая. Это всегда общение межвозрастное / гендерное / профессиональное / социальное / конфессиональное. Сюда же входит и общение власти с народом через её чиновников. Любое письменное / устное общение между разными группами людей осуществляется в форме языковых контактов.

Языковые контакты между людьми и государствами лингвистика изучала задолго до появления коммуникологии (Карлинский, Вежицкая, Вайнрих, Шаховский и др.). Ложь проявляется через языковые контакты. Она охватывает абсолютно все сферы человеческой деятельности и настолько многолика, что языку не хватает кодированных номинаций для ословления всех семантических конкретизаторов этого феномена. Эти конкретизаторы предполагают различные виды форм, процессов и результатов вранья. Существует мнение, что люди наврали уже так много, что перевернуть этот фонд вранья и обмануть кого-нибудь ещё раз невозможно, но, как показывает практика, это мнение ошибочно. И прав Н. Фоменко, который говорит: «Уж сколько раз русскому народу обещали, а ему всё мало», т. к. люди продолжают врать, и врать, и врать. Одним из результатов вранья являются конфликты. Их изучает специальная наука конфликтология [Конфликтология... 2006; Кара-Мурза, 2014 и др.].

Современное коммуникативное пространство, как межличностное, групповое, массовое, так и внутри- и межгосударственное, характеризуется повышенной экспрессивно-эмоционально-оценочной тензиональностью, даже турбулентностью. А в таком психоэмоциональном состоянии люди не способны контролировать, адаптировать, сдерживать свои эмоции в соответствующих коммуникативных ситуациях. Они должны обладать методикой эмоционального тьюнинга, а для этого им должен быть привит эмоциональный и экологический интеллект [Хомский, 1972; Goleman, 1997 и др.].

С древних времён античные риторы и современные лингвисты-прагматики Г.П. Грайс и Дж. Лич в своих максимах, а также Н.И. Формановская, А.П. Сковородников, И.А. Стернин, Д. Карнеги и др. пытались заложить в коммуникативную компетенцию человека знания, умения и навыки для правдивого эффективного общения. Фундаментальный труд О.И. Матяш и её коллег как учебное пособие инновационного типа выделяет два правила правдивого и успешного общения: золотое и платиновое [Матяш, 2011]. Лживое общение, однако, как показывают дискурсивные практики, тоже может быть успешным.

В условиях глобального агрессивного дискурса художественные, дипломатические, политические языковые нормы всё более становятся деформированными. В такой коммуникативной ситуации *ложь, враньё, обман, хитрость, коварство, мошенничество, жульничество, фейковость* и другие разновидности неправды нарушают экологические нормы общения, а языковые контакты между людьми и государствами становятся деструктивными, т. е. конфликтными. Приведу некоторые примеры вранья: *неоднократное переписывание истории*

*государства и ВОВ, ваучеризация, монетизация льгот, обесценивание вкладов, «Руку даю на отсечение», «Лягу на рельсы» (Б. Ельцин), Курск, Норд-Ост, Беслан, Новороссия, «В Крыму наших войск нет», «В Крыму были наши войска» (В. Путин), псковское тайное захоронение, телефонное право, «есть в стране кризис», «нет в стране кризиса», «мы достигли дна кризиса и идем по нему твердыми шагами», «мы достигли пика кризиса», «мы не достигли дна кризиса, есть еще зазор, который нам предстоит пройти, чтобы его достичь» (А. Кудрин), блат, взяточничество, приватизационные криминальные схемы, пособничество чиновников из правоохранительных органов в получении взяток, реклама, которую в народе и в СМИ справедливо называют «брехламой» и др. Интересно отметить, как язык тонко номинирует варьирование одного и того же понятия применительно к разным референтам неправды. Сразу замечу, что за каждой номинацией стоят реальные события, факты и люди (см. ленту ежедневных новостей в Интернете и их архив): *сокрытие правды, полуправда, искажённая правда, ложная правда, неправда, замалчивание правды, продление надежды, дробная правда о трагических событиях* (это, что, лингвопластика как изобретение чиновников?) (см., напр.: [Хинштейн, 2004]).*

Другими разновидностями вранья являются, например, лживые *скидки на товары, продукты и лекарства* (вначале владельцы магазинов повышают цены на 40%, а потом объявляют скидки на 5–10%), *заморозка / изъятие пенсий, договорные матчи, спортивные допинги, подмена гендера в женских командах, обесценивание вкладов (обманутые дольщики), чёрные риэлторы, сговор риэлторов, мошенничество в крупных размерах, благотворительный обман* и мн. др. Сонмы госчиновников, пересылающие наши заявления из одной инстанции в другую, изобрели утончённый вид вранья как авторский жанр – *отписка* без конкретики по факту жалобы, защищающая того, на кого жалуемся, и пересылающие эти жалобы ему же без проверки фактов. А тот чиновник, на кого жалуемся, тебя вызывает и нагло тебе говорит: «Жалуйся хоть в ООН. Твоя жалоба всё равно придёт ко мне». Это и есть то, что в народе и СМИ называют «чиновничьим беспределом», в результате которого люди становятся жертвами бюрократии. Общеизвестна также такая вопиющая характеристика чиновничества, как их безразличие к рядовым гражданам, если они не видят в общении с тобой никакой личной выгоды.

Турбулентная ложь на чиновничьем уровне – уже языковая и коммуникативная норма. Вот таковы языковые контакты между властью и народом. Чиновники – часть государственной власти, а народ – хозяин

этого государства, народ нанимает чиновников на работу, он – работодатель (это по Конституции РФ). А по сути – чиновники узурпировали власть над народом и превратили его в свою службу. Это называется институциональной реверсией [Ионова, Шаховский, 2014]. А поскольку такая реверсия поощряема, высоко оплачивается и награждается большими льготами, профессия чиновника становится в настоящее время самой престижной и привлекательной. Старшеклассники знают, что эта работа, как правило, бесконтрольна, легка, безответственна (синекура или, другими словами, чинорай). Именно поэтому опросы выпускников школ показывают, что большое их число собирается поступать в вузы, которые готовят государственных служащих. И это вопреки тому, что словосочетание «честный чиновник», по мнению некоторых СМИ, является оксюмороном.

Среди реквизитов вранья очень широко используется «детская кнопка». Особенно активно – в предвыборных кампаниях всех уровней и, прежде всего, районного / городского масштаба [Шаховский, 2009]. А после выборов многие мэры, губернаторы, депутаты обманывают своих избирателей, не выполняя своих обещаний и делая себя недоступными до следующей предвыборной кампании. О фейковых лекарствах даже не буду упоминать. Министр здравоохранения Скворцова, а до нее Голикова в СМИ называли цифру лекарств-подделок до 70%. И здесь людей обманывают. И хорошо, если эти лекарства, как минимум, не вредят, а в худшем случае они все равно травят здоровье человека. В любом случае, это обман, т. е. вранье широкого масштаба, не подлежащее ни наказанию, ни госконтролю. Включая и ежедневный рост цен на лекарства. А импортозамещение фактически не адекватно. Так, например, Брынцалов многие годы выпускал фальшивые лекарства, которые выдавались льготникам как аналог рекомендуемых врачами препаратов. Это было известно министерству здравоохранения, т. е. оно тоже участвовало в обмане населения. Бесплатное здравоохранение и образование также являются далеко не бесплатными, а всё более и более дорожают и для многих людей становятся недоступными, особенно для пенсионеров и инвалидов. К тому же и качество такого платного образования очень плохое.

В инвентаризацию обманного поведения чиновников обязательно надо включить симуляцию чиновничьей заботы о народе. Так, даже к 70-летию Победы до сих пор не все ветераны получили обещанные льготы, а им уже за 90. Аналогичная картина с очередями в детские сады. Особое место в этом инвентаре отводится коррупции по вертикали и горизонтали всех чиновничьих сфер, прежде всего, принуждению к взятке – откровенному её вымогательству. Как говорил А. Рай-

кин, *ви нам ни подмажешь, ми вам ни поедишь*. Особенный интерес представляют многочисленные факты *пособничества* высоких чинов правоохранительных органов взяточничеству. Это тоже реквизит обмана как формы вранья. В турбулентность и карусель всеобщего глобального вранья следует включить и теневую экономику, и зарплату в конвертах, о которых, конечно же, известно госчиновникам, которые иногда «крышуют» и то, и другое.

В 2014 г. всё население стало получать счета за капитальный ремонт жилья в необозримом будущем: графики не объявлены, перечень работ не обозначен. Люди считают, что это очередное изъятие денег у населения, как и облигации займов в СССР. В течение многих лет население ежемесячно платит за текущий ремонт, но его, как правило, не делают. Поэтому сбор денег на капремонт получил номинацию «деньгидой». Все это напоминает незабвенного Остапа Бендера, который изобрел более ста способов «относительно честного отъема денег у населения». Видимо, наши госчиновники прошли у него курсы повышения квалификации.

Речевые формулы порицания, обвинения, зачастую действующие вопреки защищающему правовому принципу презумпции невиновности:

ВЫ – ДОЛЖНИК!

Список квартир на ограничение (отключение) коммунальных услуг (электроэнергии) в Вашем подъезде:

1. Нет.

ЖИЛЬЦЫ ПОДЪЕЗДА № 2!

С 1.02.2013 г. Вы не имеете права пользоваться мусоропроводом, поскольку Вы испортили его функционирование, вылив в него взрывоопасное вещество. Как виновники, вы будете наказаны в следующем месяце штрафом. Выносите мусор вручную.

ДОЛГИ СЕГОДНЯ, ПРОБЛЕМЫ ЗАВТРА.

УК в последний раз НАСТОЯТЕЛЬНО рекомендует всем жителям дома в кратчайшие сроки погасить задолженности по квартплате.

Ярчайшие примеры подобной коммуникативной реверсии мы можем наблюдать не выходя из подъезда своего дома: *Ваше благополучие – в ваших руках!; А что вы сделали для сохранения жилого фонда?; Вы обязаны контролировать оплату коммунальных услуг жителями своего подъезда; требуем незамедлительно принять меры к устранению задолженностей по оплате коммунальных платежей в вашем доме; Вам будет выставлен счет за установление приборов общего пользования; бремя расходов на содержание общего имуще-*

ства – это ваша обязанность; капитальный ремонт – локален и не предполагает ремонт капитальных сооружений; замена труб и стояков общего пользования не входила в задачи капитального ремонта; ваши деньги на капремонт пойдут куда следует (орфография и стилистика сохранены. – В.Ш.). Обратите внимание на высокомерный, непререкаемый и неприязненный тон таких «эпистол». Он свидетельствует о пренебрежении чиновников к налогоплательщикам.

Обнаруживается пропасть непонимания и разобщенности между чиновниками и народом, которая уже находит отражение в новой фразеологии «слуг народа». Эта фразеология подчеркивает их новый статус и указывает на принципиальную отдельность этих «слуг» от представителей «народа», что видно из нижеприводимых реальных высказываний в подъездах домов объявлений от чиновников. Подтвердим данный тезис и такими образчиками общения чиновников с налогоплательщиками. Вот как они номинируют нас в своих обращениях: население; жители; электорат; квартиросъемщики; застройщики; жильцы подъезда; граждане обращающиеся; те, кто; опоздавшие; неплательщики; посетители; клиенты; граждане социально незащищенные, пенсионеры по старости, инвалиды и др.; В различных общественных учреждениях их работники обращаются с нами так: *поднимите ноги* (уборщица моет пол в коридоре), *мусор в корзину не бросать, воды не будет, очередь больше не занимает, вас не спрашивают, вас много, а я одна, я выполняю свои обязанности, ходят тут; я что, всех помнить должна?; ваша карточка никому не нужна* (в поликлинике никогда карточки нет на месте); *хватит мне напоминать, что вы меня наняли как налогоплательщик; я вам не тут; можете жаловаться, куда хотите* и др., и все это очень пассионарно и с ненавистью, типа «как хорошо, если бы вас не было». Многочисленные аналогичные ситуации встречаются ежедневно в кинофильмах, театрах, СМИ с соответствующими комментариями явно неэкологичной семантики.

Императивы и перформативы, используемые в вышеприведенных текстах, свидетельствуют о скудности выбора жанров и стилевых вариаций. Иногда все-таки осуществляется отход от чиновничьей нормы и демонстрируется «вежливая» семантическая необходимость: *УК информирует, рекомендуем, вам рекомендуется, просим, обращаемся с просьбой*. Однако часто попытки сделать «как лучше» заканчиваются «как всегда»:

Уважаемые собственники и наниматели жилых помещений! УК информирует, что в силу ст. 39, 154 Жилищного кодекса РФ, Вы обязаны нести бремя расходов на содержание общего хозяйства.

Те, граждане, кто не согласен с этим требованием, могут жить в другом месте. Просим принять информацию к сведению.

Вырабатываются специальные формулы-предупреждения, требования: *За безбилетный проезд штраф 100 рублей; Вход без пропуска карается дисциплинарным взысканием; Пропуск дежурства приравнивается к прогулу; Проезд 12 рублей, бесплатный – 100!* и др.

Целые тексты ежеминутно напоминают нам о грозной силе социальных институтов и нашем бессилии перед их произвольно присвоенной властью:

Передачи без указания фамилии и номера палаты уничтожаются без предупреждения!!! (объявление в больнице).

Кто опять сел в поезд с собаками без справок, можете сразу выходить, иначе будут применяться меры (объявление в поезде).

УК настоятельно рекомендует в кратчайшие сроки погасить задолженность, иначе к Вам будут приниматься административные меры (из объявления в подъезде).

В случае неоплаты за ЖКУ УК оставляет за собой право внести информацию о должниках в ЧЕРНЫЙ СПИСОК, а именно в НБКИ (Национальное Бюро Кредитных Историй), как недоброкачественных плательщиков, что впоследствии исключает каждому возможность получения кредита, займа, ссуды, а также ипотеки в любом финансовом учреждении (из объявления в подъезде).

Жителям, чьи квартиры не будут оборудованы в законный срок, будут применяться меры принудительной установки за счет жильца. Расходы будут взысканы в принудительном порядке (из распоряжения).

Требование, распоряжение, приказ, увещевание, предписание, принуждение – вот побудительные речевые акты, которые наиболее часто используются представителями сферы услуг.

В речевом арсенале самих представителей власти, всевозможных служб практически отсутствуют речевые обороты, маркирующие их истинное назначение (*для вашего удобства; создавать условия, способствовать, помогать, отчитываться* и др.). Не используются в разговоре с рядовыми гражданами и приемы рационального убеждения, формулы официальной вежливости редки, почти не употребляются слова возвышающей семантики (*уважаемый, граждане, господа, пожалуйста, спасибо, будьте любезны, позвольте*).

Сформировавшаяся фразеология властей на местах узнаваема, она пестрит регулярно используемыми формами отрицания и лексикой с негативной семантикой, угрозами: «*нехороший*» дом (почти как у Булгакова – «нехорошая квартира № 50»), *вы сами виноваты, долг, должник*

ки, должны, обязаны, выполнять требования, требуем, невозможно, нельзя, запрещено, не выдается, не принимается, неблагоприятная ситуация, не положено, приходите завтра и др.

Именно от коммуникативной позиции представителей власти зависит исход затянувшихся конфликтных ситуаций, для которых современные СМИ уже нашли хлесткие обозначения, сводящиеся, как правило, к семантическому полю войны, борьбы, боя: *коммунальные разборки, информационные войны, блокада информации, война квитанций, разборки в подъездах, бунты застройщиков, обиженные дольщики, неравная борьба, кабинетная зависимость* и др.

Типичным для них является иной стиль обращения к жителям, воплощенный в высказывании, ставшем уже визитной карточкой нерадивых «слуг народа»: *И не надо нам напоминать, что вы платите нам деньги!*

Напомню о существовании «пирамиды» МММ, которую поддерживало государство и ЦТВ, как и «Русский дом Селенга» с его телесериалом «Лёня Голубков»: «Я не халявщик, я партнёр!».

Многие черныбыльцы, афганцы и участники чеченских операций до сих пор добиваются положенных им по закону пособий. Но чиновники на местах всячески стараются уклониться от выполнения этих законов. Это ведь тоже обман?

Примером лживости как оружия коррупции является поведение всех главных чиновников районного масштаба, показанное в кинофильме А. Звягинцева «Левиафан». Городской глава, вызвав к себе начальника РОВД, прокурора, судью и главу ФСБ, сурово объявляет им: не будет меня, не будет и вас никого, прямо указывая им на единство действий в преследовании и уничтожении главного возмутителя их спокойствия. Запущенная в стране программа «Стопкор» фактически является номинальной. Как будут бороться с коррупцией те, кто являются её инициаторами и участниками? Кроме этого, некоторые СМИ иронично замечают, что борьба с коррупцией является чаще не целью, а орудием для сведения счётов.

В иерархию вранья попадают многочисленные крупные чиновники (Миноборонсервис), министры, управляющие компаниями ЖКХ (МК. 18.01.2016), артисты, врачи, учителя, супруги. Минкин обращает внимание на то, что за некоторыми церковнослужителями замечен такой же грех: *Зачем лукавить? Зачем божественному предприятию жить с перекошенными от постоянного вранья глазами?* (МК. 29.01.2016.).

Еще один реквизит вранья – эпатажное поведение известных артистов, провоцирующих повышенное к ним внимание. Этим особенно грешат А. Пугачёва, Н. Волочкова, Н. Королёва, Н. Басков, Л. Миляв-

ская, Валерия, С. Зверев и мн. др. Среди телеканалов в этом преуспел НТВ с его программами «Говорим и показываем», «Новые русские сенсации» и «Центральное телевидение». Это наиболее неэкологичные и провокативные ТВ-передачи, не возвышающие своим языком и видеорядом человека. В этих передачах постоянно роются в «грязном белье» артистов, в их закулисной жизни. Странно, что сами артисты с удовольствием повествуют с экрана обо всех своих похождениях. Это ложный и потому обманчивый способ привлечения к себе внимания, и непонятно, с какой совестью (скорее всего, нулевой) они потом поют песни о страстной любви и о добрых человеческих взаимоотношениях. Как можно поверить в искренность их текстов и сценических страданий? Многих телезрителей их эпатажное поведение отталкивает от концертов с их участием.

Ещё одно место, где регулярно обманывают людей, – это магазины: табло кассового аппарата может быть отвёрнуто от покупателей, продавец в чеке может выбить всё, что угодно ему на ужин, и получить деньги, т. к. обычно люди делают большие закупки и чаще всего не проверяют чеки, особенно длинные. Молодёжь, как правило, спешит в свои лимузины, а пожилые люди или плохо видят, или плохо чувствуют и тоже спешат отойти от кассы. Кроме этого, в магазинах часто перемаркируют залежавшиеся продукты, произвольно меняют ценники, что никто не контролирует: ОБХСС упразднен. Поэтому нетрудно получить пищевое отравление. Часты случаи обмана покупателей при выдаче сдачи.

Назову некоторые другие лживые языковые контакты, которые часто отмечаются в СМИ: особенно возмутительны так называемые предвыборные карусели, вбросы бюллетеней, досрочное голосование в армии, больницах, тюрьмах и других местах, голосование за деньги и за подарки, «голосующие покойники».

Маркёром лжи является утверждение «Враги. Везде враги». Ещё одним маркёром обмана в иерархии вранья является тотальное воровство («распил» бюджета) и другие его формы.

Разве не обманчивыми являются «добровольные» пожертвования родителей на нужды школы? При этом управленцы департамента образования настойчиво через СМИ утверждают, что все необходимые деньги для школьных нужд, в том числе и на учебники, и на ремонт, выделены бюджетом, и поэтому просят родителей сообщать о вымогательстве денег у них в школах. Неужели чиновники от образования не знают о подобных фактах? Знают, но лукавят. Так воспитываются двойные стандарты двуличия, лицемерия и другие неэкологичные качества, деформирующие личность, в том числе и языковую. Все слышат вра-

ньё, понимают его, учатся врать и участвуют во вранье, т. е. проходят «университеты лжи». Поэтому «люди ложь принимают, а над правдой задумываются» (Адарин).

Следующая ступенька вниз по анализируемой нами иерархии вранья – семья. На этой ступени процветают супружеская неверность, обманные романтические отношения. Певица Валентина Пономарёва поёт трогательно и задушевно романс: «Любовь – обманная страна, и каждый житель в ней – обманщик». Сотни песен, стихов, романов, кинофильмов посвящены этой самой обманной стране. И трудно её обойти, прожив длинную жизнь. Этот вид лжи и обмана, вранья стал естественной нормой: жизнь коротка (таково её оправдание), и такая ложь не очень порицается обществом. Этот вид вранья глобален, универсален для многих народов.

Получается, что враньё во всех его разновидностях, формах, объёмах и качествах – это изначально человеческий инстинкт, который можно затупить или заточить, т. е. развить, превратив в главное коммуникативное средство? Враньё начало своё существование с момента социализации человека. Животные же не лгут.

Враньё как предмет эмотивной лингвоэкологии требует продолжения литературного и научного исследования. Данный материал представляет собой научное исследование этого социального феномена. Литературное исследование вранья как специального объекта / предмета находим, например, у Л. Улицкой в её повести «Сквозная линия. Межвременье» (2002). Так, в самом начале Л. Улицкая раскрывает тайну вранья Одиссея, несколько десятилетий не возвращавшегося к своей жене Пенелопе. Она показала все его ухищрения и таланты в этом вранье. Это – о мужской лжи. О мужской лжи есть и другие исследования. О них ниже. А в самой повести Л. Улицкой речь идёт о разных видах женской лжи, обмана и т. д. В рассказе «Диана» Л. Улицкая приводит пример бытового вранья. Главная героиня её рассказа придумала истории смерти своих пятерых детей. Истории эти душераздирающие и вызывающие глубокое сострадание у её слушательницы. Когда через некоторое время эта слушательница узнаёт от своей подруги, что всё это ложь и что никогда у героини не было никаких детей, у этой слушательницы произошёл нервный срыв из-за обманутых переживаний. Несомненно одно: враньё часто приводит через языковые контакты к многочисленным и разнообразным конфликтам на всех уровнях человеческого общения.

В этой же повести проводится классификация женской лживости. В серии рассказов, составляющих эту повесть, автор анализирует женскую ложь в возрастном аспекте: дошкольном, школьном, подростковом, девичьем, женском.

Естественно, что имеются художественные произведения, посвящённые и мужскому вранью в рамках бытового. Здесь прежде всего уместно вспомнить почти всю отечественную и мировую художественную литературу о семейных отношениях, а также детективные романы. Можно назвать «Приключения барона Мюнхгаузена», пьесу Б. Шоу «Милый лжец», Яго из «Отелло» В. Шекспира как пример наиболее изощрённого, тонкого и коварного вранья, повесть Б. Акунина «Креативщик» (пример высокоинтеллектуального, талантливого и увлекательного вранья), Луку из пьесы М. Горького «На дне», который лгал ночлежникам ради их утешения, и мн. др. Во всех художественных произведениях их авторы и персонажи дают личностную характеристику вранья. Приведу всего лишь несколько примеров таких характеристик: ложь – *сладкая, убогая, ежедневная, постоянная, открытая, противная, непрекращающаяся, милая, скрытная, умная, хитроумная, коварная, подлая, безвредная, святая, спасительная, утешительная, смертельная, льстивая, завуалированная, талантливая, красивая, мерзкая, добрая, злая, ловкая, складная, беспричинная, упоительная, святая, скромненькая, нарядная, заурядная, откровенная, нелюбимая, страшная, смешная, всемогущая, униженная, своенравная, мимолетная, затяжная, дикая, ручная, будничная, парадная, вдохновенная, озорная, отравляющая, самозабвенная, очаровательная, заманчивая* и др. Конечно, здесь приведены далеко не все конкретизаторы семантики вранья, но даже из этого короткого списка видна неэкологичность – сиюминутная или отсроченная. Все эти эпитеты – «бантики» лжи, свидетельствуют о её полифоничности, поливалентности, филигранности, и потому она всеобъемлюща, голограмматична.

Синонимы вранья во всех сферах человеческой деятельности и его неэкологический эффект настоятельно требуют научного исследования, поскольку весь арсенал вранья (его виды, формы, реквизиты, специализации, их профили, включая политическую и дипломатическую ложь) вызывает языковую рефлексию. Язык обязан всем им присвоить своё имя, а значит, умножить объём негативной информации, как уже неоднократно отмечалось во многих работах по эмотивной лингвоэкологии.

Лингвистической науке ещё предстоит подробно изучить и описать модусный дисбаланс позитива и негатива у вранья. В любом случае это проблема эмотивной лингвоэкологии, поскольку, по словам Л. Улицкой, враньё – это отравка, а факты из литературных сюжетов про взрослую жизнь и факты из современной жизни упорно доказывают, что «вральное» качество личности, в том числе и языковой, деформирует эту личность и сам язык. Поэтому враньё является «ржавчиной на теле общества», и чтобы очистить его от этой ржавчины, нуж-

но знать о вранье всё. Отсюда следует, что названная проблема – это проблема не только языко-, но и человековедения.

Такое разнообразие лжи, её видов и форм имеет большое количество номинаций. Это явление / факт / событие – предмет изучения лингвистики с целью их разоблачения.

Из имеющихся научных и художественных исследований вранья напрашивается вывод о необходимости формирования экологических фильтров, которые невозможны без экологического интеллекта, а он тоже сам по себе не возникает. Над ним надо работать всему обществу.

Враньё, как отмечалось ранее, ржавчина нашего времени, всё более и более разъедающая наш язык и наше здоровье, т. к. искажает реальную картину мира у человека обманутого, дезориентирует его в этом мире, приучает жить в «сбитом фокусе», провоцирует нездоровые эмоции и переживания.

Качество, описываемое буквой, имеет много проявлений, «люди несовершенны, любят лезть и “прочитывают” слова в угоду той фальшивой картине мира, в которой они не кажутся полным дерьмом» [Меняйлов, 2002].

В настоящее время в СМИ и в речи политиков страны широко используются слова-«непонятки»: *логистика, дорожная карта, оптимизация, войска по информационным операциям, путём Онищенко, убить неведение (люди не знают правды и верят пропаганде)* и др. Рядовым же пользователям языка они не известны, поэтому многие люди, слыша эти слова по «зомбоящику», не понимают их и переживают неприятные ощущения от этого, но, как пишут СМИ, «реорле хавает» всё, что производит этот «ящик».

Самое живое слово – «будет»: ещё коммунисты в решениях своих съездов использовали как шаманское заклинание: *будет жить при коммунизме, будет каждой семье по квартире, будет каждому члену семьи по комнате*. Все планы, проекты, реформы являются мантрами-обещалками, в которых шаманствует слово *будет* до сих пор. Вот и «Русское радио» на FM каждые 15 минут радостно обещает: *Всё будет хорошо!* Спрашивается: кому и когда?

Ярким маркером лживости некоторых СМИ представляются такие явления, которые сами журналисты номинируют как *сброс / слив информации / дезинформация (деза), информационный шум, блокирование информации, шумовая информационная бомба*.

Суммируем отмеченное выше. Ложь в её бесчисленных шоу-масках и номинациях – это фундаментальная науковедческая проблема, т. к. она представляет собой серьёзную экологическую опасность как для человека, так и для самого языка. Люди вступают в необходимые кон-

такты друг с другом и с государством с помощью языка. Лживый язык разрушает здоровье как человека / общества, так и самого языка.

Если обобщить многочисленные теории, рекомендации, то можно вывести житейскую формулу языковых контактов: «Каждый человек ждёт уважения и доброго отношения. Главное – не обидеть человека». А враньё во всех его разновидностях и во всех иерархиях после его опознания очень обижает человека («за кого он / она / они меня держат?!»), оскорбляет, ранит сердце, душу, сознание. А значит, повторю, враньё не только неэкологично для конкретного человека, но и в целом представляет экологическую опасность для страны.

Литературный и научный анализ обмана указывает на триединство вранья, коррупции и воровства, которые в лингвистическом плане представляют собой понятийно-семантическое единство, т. е. триединный концепт.

Как показывает история становления и развития лжи в разных языковых культурах, ложь всегда была коммуникативно необходимой в начале в социальных верхах. В 1968-м или 1969 г. российские зрители были потрясены английским фильмом «Лев зимой», в котором все герои врали друг другу так виртуозно, что зрители периода социалистического реализма никак не могли разобраться, кто же прав. Ныне же благодаря всеобщей доступности информации ложь опустилась в социальные низы, пронизывает всё общество, стала частью общей коммуникативной культуры.

«В мире много зла, и если я не транслирую добро и музыку, то зачем я живу» (Марлин Лене). Хорошо бы, чтобы смыслом этих слов М. Лене и мыслями А. Минкина прониклись все участники и соучастники турбулентного вранья, от которого мутит душу и даже иногда, как пишет А.В. Минкин, тошнит, как перед рвотой.

§ 4. Коммуникация: информация vs пропаганда

*Жил-был человек,
обладавший широким кругозором.
Но со временем широкий кругозор
превратился в точку зрения.*

В Интернете шутят так...

Наблюдения показывают, что изменение ситуации в мире и, соответственно, коммуникативных потребностей сопровождается многообразными изменениями в самом языке и его различных подсистемах, в частности, появлением большого количества новой лексики (и

собственной, и заимствованной, и гибридной). В связи с этим следует упомянуть появление новых способов и средств лексической, семантической и синтаксической деривации (словообразования и преобразования, окказионализация и неологизация, смыслообразование: лексический и концептуальный блендинг, конверсия, инфиксация, лексическая, семантическая, акронимическая, синтаксическая компрессия). Приведу только два примера: было *рулевое колесо* – стало *руль*, было *тормозная педаль* – стало *тормоз* и другие компрессивы. Приведу также имена новых контекстуальных понятий, вызванных социально-экономическими причинами: *ампутация совести*, *двуногая саранча*, *хирургическое невмешательство*, *политическая арифметика* (А. Минкин); *политические гурманы*, *православнотое гражданское общество* (Н. Троицкий); *тотальная могилизация* (Дм. Пучков); *камера хранения* – израильский тип детского сада, *агрессивный мониторинг*, *медиаальная мясорубка*, *крымская весна* («Эхо Москвы»).

В современном коммуникативном пространстве СМИ значительное место занимает языковая игра / игра с языком с целью infortainment'a через создание лексических (*дебильник* (мобильник), *гейропа*, *слухмейкеры* (имиджмейкеры), *волчеризация* (ваучеризация), *бизнесменты*, *толерасты*, *лоховедение* [Еленевская, 2014, с. 7–27], *бабломёт*, *бабосы*, *православные патрули*) и концептуальных (*Крымнаш* в одно слово, как *советскоешампанское*, *поэтгражданин*, *юрийгагарин*, *околокремля*) блендов. Кстати, напомню, что игра с языком довольно часто использовалась и в начале прошлого века ещё В. Маяковским: *Нервы – / большие, / маленькие, / многие! – / скачут бешеные, / и уже / у нервов подкашиваются ноги!* Футуристы играли с языком тогда и по-другому: чаще с формой, композицией и абракадабрами. Теперь же в русском языке журналисты играют со слово- и смыслообразованиями / преобразованиями. В данном примере речь идёт о нервах отдельного человека – ср. с упоминанием нервного срыва в книге М. Кронгауза (2013).

Очень популярна в современном русском языке сознательная лексическая подмена «испорченных», дискредитировавших себя семиотических форм (эвфемизация, политкорректность). Примером такой политкорректной эвфемизации является оксюморон *системная оппозиция*. Изобретателям его можно порекомендовать любой толковый словарь русского языка, в котором зафиксировано слово *оппозиция*. Абракадаброй выглядит изобретённое недавно словосочетание *внесистемная оппозиция* (которую Р. Кадыров объявил врагами и предателями Родины). Другим примером является замена номинации такого почти ежегодного события, как уничтожение зараженных домашних животных и птиц: *отчуждение домашних животных / птиц*. К этому

же типу «хитрых» слов относятся и такие, как *оптимизация*, *дорожная карта*, *государство* (вместо *власть*) и др. В лексической сфере также к изменениям следует отнести такое явление, которое я бы назвал круговоротом лексических средств в хронотопе, а именно возврат историзмов, архаизмов и советизмов в современное коммуникативное пространство. Такая ситуация с круговоротом слов в природе позволяет сделать предположение о спиралевидной динамике языка, которая обозначает определенный возврат к прошлым формам и смыслам его функционирования: *народные ополченцы*, *сепаратисты*, *ГТО*, *ВДНХ*, *студенческие отряды*, *добровольцы*, *национальная гвардия*, *казачьи патрули*, *аннексия*, *совок*, *агитпроп* и др. Кроме слов, в обиходную и официальную речь возвращаются и некоторые старые произносительные нормы: *директорА*, *профессорА*, *шоферА* и др.

Такая динамика в сфере языка объясняет не только расширение исследовательской тематики лингвистики, но и выдвижение всё новых и новых проблем, например, проблемы межкультурной коммуникации [Леонтович, 2005 и др.], проблемы эффективности человеческого общения [Стернин, 2013 и др.]. Отсюда появление таких отраслей науки, как коммуникология [Матьяш, 2011 и др.], лингвопрагматика [Матвеева, 2013 и др.], речеведение [Сиротинина, 2013] и др. Все эти и другие проблемы только кажутся новыми. На самом деле, по мнению Б. Акунина, хотя человек и полон вопросов, но все ответы на них находятся в природе [Акунин, 2015]. Просто эти вопросы в разные века по-разному востребованы и получают различную интерпретацию.

Известно, что в меньшей степени подвержены изменению фонетическая, графическая и грамматическая системы современного русского языка. Тем не менее в ряде работ лингвисты фиксируют и описывают такие изменения, особенно заметные в интонационном рисунке речи телеведущих новостных программ (с уклоном в англоязычный просодический и фонационный стиль: например, ускорился темп их речи и увеличилась громкость говорения) (о конкретных случаях изменения грамматики в сторону речевых паттернов, а также примеры вышперечисленных изменений см.: [Шаховский, 2015]). Некоторые иллюстрации подобных изменений приводятся и в данном параграфе.

Целью данного параграфа является попытка сделать ещё один акцент на синергетике Слова, в голограмме которого переструктурируются смысловые конститuenty, адаптируясь к социальным изменениям в обществе и конкретной коммуникативной ситуации, всё время провоцирующих деривацию новых смыслов и новых семиотических знаков. Сюда же я отношу и внимание лингвистов к магии в материализации мифов и метафор, особенно в пропагандистских репортажах. По-

следние с помощью синергетики и магии (фасцинации) Слова модифицируют семиотико-смысловую картину мира русскоязычной действительности и её восприятия в разной степени поддавшихся этой магии адресатов. «Слушайте радио. Остальное – только видимость» («Эхо Москвы»). Выражаясь иначе, Словом можно как воспроизвести реальность, так и создать видимость другой реальности.

Социально-политические события в современном российском обществе высвечивают всё увеличивающуюся роль Слова во всех типах коммуникации, и особенно в пропаганде. Древние говорили, что *Слово лечит, Слово калечит, Словом можно убить*. Но в последнее десятилетие уже стало очевидным, что за Слово могут обвинить в измене Родине и даже убить. Примером тому являются многочисленные убийства журналистов и политиков, главным орудием труда которых является всего лишь только Слово (А. Политковская, Г. Старовойтова, Б. Немцов, многократное избивание О. Кашина, убийство С. Маркелова и А. Бабуровой и др.). Доказательством этого тезиса является и расстрел сотрудников «Шарли Эбдо» (Франция, 2015). В этом случае журналисты пострадали за креолизованные тексты критического характера.

К сожалению, можно констатировать, что у Слова появилась новая функция – смертогенная. Этот факт тоже можно отнести к динамике языка в современном социуме. В связи с этим безобразно интересным является оксюморонный неологизм *открыточное убийство*. Подобные убийства не могут не оказывать своего влияния на формирование такой доминантной эмоции в обществе, как страх. Всё это говорит о том, насколько бережно надо обращаться со Словом и насколько повышается роль лингвистики и лингвопрагматики как науки, ведущей просветительскую работу в коммуникативном обществе и когнитивно вооружающей его высокой лингвопрагматической компетентностью. Для этого необходима когнитивная вооруженность, особенно в сфере эмоционального общения, ибо общения без эмоций не бывает (см. подробнее: [Шаховский, 2015б]). Это позволит каждому здравомыслящему человеку сформировать у себя внутреннего цензора, самостоятельно критически осмысливать получаемую из массмедиа информацию и приводить её в соответствие / несоответствие с окружающим его миром.

Чтобы показать разницу между общением и пропагандой, поясню, что в последнем случае не ты ведёшь свою мысль за собой и не ты ведёшь своей мыслью других, а чужая мысль ведёт тебя и всех других, выравнивая разные мнения и искусно (технологично), особыми спецтактиками через сбитый фокус восприятия, манипулируя общественным сознанием. У толпы нет собственного мнения, поэтому надо людей

превратить в толпу и через пропаганду привить им одно-единственное мнение, выработать у них страховую устойчивость / обманную устойчивость / фрейкоустойчивость. Это и есть пропаганда, по-старому – *агитпроп* (этот советизм вернулся в современный коммуникативный обиход). В связи с этим в журналистской среде появились такие метафоры – смысловые синонимы: *пропаганда – медиамясорубка, патриотическая / идеологическая интоксикация, телеоргия* (политолог Белковский), *политический канал, печенки в мозг, политическая арифметика, впаривать* и т. д. Такие неологизмы соответствуют духу коммуникативного садизма, за который, по моему мнению, кто-то должен нести ответственность, т. к. формируемые через медиа вербальные маски могут прилипнуть к лику общества и конкретному медиапотребителю.

Интересной мифологемой представляется и такой журналистский креатив, как антитеза *точка зрения vs многоточие зрения*: по этому поводу в Интернете шутят так: *Жил-был человек, обладавший широким кругозором. Но со временем широкий кругозор превратился в точку зрения*. Шутка – довольно саркастичная. А *многоточие зрения*, как известно, в пропаганде исключено. Поэтому и возможны всеобщая *пятиминутка / час / инкубатор ненависти и смертогенный потенциал Слова*.

Поскольку в многочисленных официальных СМИ адресат чаще сталкивается с пропагандой, а не с информацией, то это затрудняет понимание, процесс восприятия, осмысления одних и тех же фактов и общение на злободневную тему между различными слоями общества, что провоцирует, порой, их неприязнь друг к другу. Это явный факт проявления магии и синергетики Слова, помещенного в определённый контекст и поданного с соответствующей просодией, фонацией и интонацией, что создаёт иллюзорный дискурс и реализует феномен кажимости. Всё это снижает доверие к Слову и мотивам описываемых событий. Ярким примером является так называемая информация о распятии мальчика, об изнасиловании мигрантами школьницы Лизы и др. В этом случае, по моему мнению, происходит явление де-семиотизации вербальных знаков языка, т. е. расхождение между семиотикой формы и смысла слова. Если один и тот же фрагмент действительности описать по-иному, другими словами, то ни информация, ни общение не смогут вызвать адекватные реакции / рефлексии, а пропаганде удастся убедить в реальности описанной (сконструированной по заказу) картины события, не существующей объективно.

В условиях социальных потрясений смысловики манипулируют общеизвестными формами языка, начиняя их новыми оттенками (коннотациями), смыслами и значениями, что помогает им достигнуть стра-

тегического эффекта, эмотивно-когнитивного и поведенческого реагирования получателя информации. В связи с этим вспомним презрительные слова Шалтая-Болтая в ответ на недоуменный вопрос Алисы:

... *Значит так: триста шестьдесят четыре дня в году ты можешь получать подарки на день нерождения...*

– *Совершенно верно,* – сказала Алиса.

– *И только один раз на день рожденья! Вот тебе и слава!*

– *Я не понимаю, при чем здесь «слава»? – спросила Алиса.*

Шалтай-Болтай презрительно улыбнулся.

– *И не поймешь, пока я тебе не объясню,* – ответил он. – *Я хотел сказать: «Разъяснил, как по полкам разложил!»*

– *Но «слава» совсем не значит: «разъяснил, как по полкам разложил!»* – возразила Алиса.

– *Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше,* – сказал Шалтай презрительно (о непонятном для Алисы слове «слава»). – *В.Ш.).*

– *Вопрос в том, подчинится ли оно вам,* – сказала Алиса.

– *Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин,* – сказал Шалтай-Болтай. – *Вот в чём вопрос!* [Кэрролл, 1924].

Некоторые лингвисты считают, что искажение правды, достоверности (вплоть до тотального вранья) полезно для людей на уровне межличностного и профессионального общения. Среди таких лингвистов стало расхожим мнение, что не врут только искренние, а потому и умные люди, а умные люди потому и умные, что через вранье получают то, что хотят в личном, профессиональном и общественном планах. В некоторых работах приводят даже высказывания как древних, так и менее древних мудрецов, а также некоторых ещё живущих, хотя и не мудрецов, но сторонников такого «одноточия зрений», которые доказывают, что все люди врут и что вранье помогает выжить и продвигаться вверх. Из таких работ выводится социальная необходимость вранья, полезность, а значит, его экологичность. Однако правда рано или поздно просочится сквозь кривду (лучше бы пораньше, чтобы поскорее разоблачить лжеца и своевременно поменять своё отношение к нему). Примером разрушительной функции лжи в межличностном общении является телесериал «И всё-таки я люблю» (канал «Домашний», февраль – март 2015 г.). В нём наглядно показана деструктивная роль лжи в личном, семейном счастье и социально-общественном плане. Как я уже упоминал выше, об этом же свидетельствует и фильм А. Звягинцева «Левиафан», в котором речь идёт о лжи на официальном, государственном уровне. Номо mentiens во власти всех уровней – явная деградация морали, нравственности и экологичности общества.

Значимость лингвистики как науки подчеркивает синхронизация её динамики с динамикой социально-экономической жизни общества и самой Природы. В ходе эволюции (динамики жизни) на Земле изменялись виды растений и животных, насекомых. Изменялся и человек: его рост, физическое и психическое здоровье, изменялись виды и качества его заболеваний. В наши дни появляются всё новые и новые болезни (*вирусы Зика, Эбола*). Доказательством служат примеры из дискурса «Медицина», в котором появилось много новых номинаций: *липидная биотехнология, озонотерапия, озонотерапевт, манифестация, курация, птичий грипп, свиной грипп, атипичная пневмония, биоэффективные липиды, DiaPer277, ингибитор SGLT2 (препараты от сахарного диабета), инсулин длительного действия / инсулин короткого действия, инсулиновая помпа, дапаглифлозин, глюкоберри, термокаутер, офтальмологический криоэкстрактор, инструмент для локального замораживания подкорковых структур, криотерапия, вирус Крона, бабочка* и др. [Маджаева, 2013] (категоризацию более полного списка таких номинаций на экологичные, неэкологичные и амбивалентные см. в приложении 2). Большинство из этих номинаций-вербалий неизвестны обывателю и не используются в обиходной речи, поэтому «встреча с ними» вызывает неприятные ощущения из-за их непонятности, а значит и неэкологичности. В то же время для специалистов эти термины и понятны, и экологичны.

В последнее время заметным фактом стало частичное или полное непонимание новых номинаций неспециалистами за счёт «ослышек» или фоновых накладок. Этот факт тоже объясняет коммуникативные риски и сбои, которые провоцируются неэкологичными или, как кажется, неэкологичными номинациями, а на самом деле для компетентных людей они вполне экологичны. Отсюда и сложность строгого разграничения экологичности и неэкологичности слова / высказывания / текста в зависимости от уровня компетентности слушающего / читающего / смотрящего в конкретной сфере коммуникации: для одного коммуниканта одно и то же слово в одной и той же коммуникативной ситуации может быть экологичным, а для другого – неэкологичным. Несовпадение пазлов вызывает, как минимум, помеху, а как максимум, провал в коммуникации. А их в динамическом функционировании современного русского языка становится всё больше и больше. Именно поэтому возникает проблема экологичности общения, например, врача и пациента, чиновника и гражданина (просителя), политика и народа.

Всё чаще как в устной, так и в письменной коммуникации наблюдаются изменения и стилистического характера: всё больше и больше в речи используются вульгаризмы, сленгизмы, жаргонизмы, которые

вкрапляются не только в обиходную речь, но и в официальную, вплоть до дипломатической и научной, что меняет синергетику такой стилистики. Разграничение функциональных стилей становится всё более размытым, и уже некоторые лингвисты ставят под сомнение саму проблему их разграничения, их дифференцирующих признаков и конкретизаторов, они превращаются в “fuzzy sets” [Zadeh, 1965]. Это особенно ярко иллюстрируется появлением новых жанров, жанровой диффузией во всех видах искусства. Напомню выступление министра культуры РФ Вл. Мединского о киносценариях, критикующих современную Россию, и высказывание бывшего министра культуры г. Москвы В. Каткова на встрече с молодёжью в тот же день. Примеры по лингвоэкологическим мотивам не привожу. Но ведь этику-то общения власти с народом никто не отменял.

Вспомним обнародование в средствах массовой информации осенью 2014 г. телефонных переговоров дипломатов ОБСЕ с литовскими, украинскими и американскими политиками, а также всевозможные проклятия высокопоставленных лиц Великобритании, США, Украины в адрес высших российских чиновников. По экологическим мотивам данные примеры в параграфе тоже не воспроизводятся.

К этому же ряду политической неэтичности относится и пример, приводимый ниже, когда на экранах первого канала ТВ переводчики вывели латинскими буквами *peregruzka* вместо *perezagruzka*. Была ли это «опечатка», безграмотность оператора или чьё-то намеренное искажение? Эта неправильность была замечена и исправлена, но в сознании зрителей она запечатлелась и оставила свой след в форме различных эмоциональных реакций, мыслей и последующих вербальных комментариев, вопросов и домыслов.

Можно привести пример и из спортивного дискурса. Во время комментирования лыжных соревнований на сочинской олимпиаде комментатор Д. Панкратов произносил фамилию Клаудии Нистад без буквы «д» и, якобы, не замечал этого. Или он это делал намеренно. Эта ошибка была также заметна и вызывала у аудитории те же мысленные вопросы. Если это небрежность, речевая ошибка, то это говорит об уровне речевой культуры и спортивной этики комментатора. Мною перечислялись и многие другие этические лингвоэкологические безобразия, звучавшие в репортажах с сочинской олимпиады [Шаховский, 2013].

Такая небрежность, осознанная или неосознанная, в речи всей коммуникативной вертикали и горизонтали также является приметой нового в функционировании русского языка, приводящей к коммуникативным рискам, которыми так обеспокоена О.Б. Сиротинина. Они не мешают коммуникации, но оживляют её, правда, не совсем экологично.

В последнее время лингвисты возвращаются к этико-эстетическому пониманию языка как системы возможностей конструирования текстов / высказываний, особенно в аспекте модуса экологичности языка и речи (см.: [Эмотивная лингвоэкология... , 2013]). Новые знания об этом модусе реализуются в конкретных коммуникативно-эмоциональных ситуациях, т. е. в коммуникативной практике («Экология языка и коммуникативная практика», 2013–2016). Такие ситуации изучаются речеведением.

Поэтому возникает вопрос – как же рассматривать экологичность языка и речи? Экологический и эмоциональный интеллект не работает у человека, когда он находится в состоянии аффекта (страх, ненависть, гнев). Это ещё одно доказательство вредности аффекта для адекватной коммуникации, т. к. аффект выступает психологической призмой, искажающей восприятие мира и человека воспалённым сознанием. В свою очередь, такая картина мира провоцирует искажённое сознание / мышление и, соответственно, речевые произведения / поступки. Это касается не только отдельной лексики, но и текстов в публицистике и художественных произведениях.

Эмоционализация мира коммуникации способствует увеличению деструктивного общения, а следовательно, и деструктивизации эмоциональной картины мира. В свою очередь, это ухудшает экологию языка, культуры, общения, т. к. нарушает его этические нормы. В этом плане надо различать экологию языка / речи, экологию культуры речи [Сквородников, 2014] и экологию человека, на здоровье которого негативно влияет нездоровье языка, как уже неоднократно упоминалось (а это является основным тезисом эмотивной лингвоэкологии). Получается, что неэкологичное общение становится нормой, что противоречит параметрам экологичности и истинным потребностям здорового общества.

Тем не менее этот фактор динамики коммуникативных запросов / потребностей общества в новых номинациях и рефлексии изменяющегося мира нужно учитывать в коммуникативной практике. Далеко не все названные в данном параграфе и оставшиеся за её пределами инновации смогут закрепиться в новой норме функционирования русского языка. Коммуникативный потенциал всех современных инноваций в системе русского языка объясняется их социальными и политическими потенциалами и рефлексиями коммуникантов.

На все эти изменения надо обращать внимание в обучающей коммуникации детского и взрослого русскоязычного населения, чтобы избежать бесконечных коммуникативных рисков, обусловленных непониманием или недопониманием новых слов, новых смыслов, новых коннотаций и интонаций. Для этого необходимы не только специальные

научные исследования, но и дидактические пособия, которые ограждали бы коммуникантов от подобных неэкологичных практик, чтобы уметь, с одной стороны, ориентироваться в новой лингвистической реальности, с другой стороны, своевременно её корректировать и особенно противодействовать лингвоцинизму и лингвистическому юродству. Ведь даже юмор и вежливость могут быть агрессивными и провоцировать эмоциональные события / ситуации, которые, в свою очередь, провоцируют аффективную деривацию языка и аффективное разрушение здоровья человека.

Российские события и новые русскоязычные номены также оказывают определенное влияние на глобализацию мира, т. к. они комментируются всеми мировыми СМИ. В этом я вижу лингвокультурную и экологическую опасность для современного человека.

Через СМИ изменения в языке, его семиотическом коде, различных подсистемах языка происходят постоянно, т. к. и в глобальном мире, и конкретно в России ежедневно происходят события различного рода, которые требуют и номинации, и комментирования, и оценивания. Эти изменения связаны, прежде всего, со сменой ценностей как в нашей стране, так и в других политических и лингвокультурах.

Все эти изменения усиливают синергетический потенциал Слова, его магическое воздействие, когда даже старая форма обрастает новыми ассоциациями, коннотациями, смыслами в соответствии с новыми коммуникативными потребностями.

Всё вышесказанное свидетельствует о громадном энергетическом потенциале Слова, на что указывала ещё А. Ахматова: *Ржавеет золото / И истлевает сталь, / Крошится мрамор – / К смерти всё готово. / Всего прочнее на земле / Печаль / И долговечней – царственное Слово.*

Проведённое исследование убедительно подтверждает справедливость так долго замалчиваемой и резко критикуемой в советское время гипотезы Сепира – Уорфа о том, что с помощью языка может создаваться новая реальность силами пропаганды. Поскольку Слово является основной единицей языка, такую функцию – функцию создания новых событий, новых реальностей и даже новой картины мира (того же самого, который окружает нас) – можно приписать и к многообразным функциям Слова.

Это объясняется вскрытыми сравнительно недавно огромными коммуникативными потенциалами Слова (Слово всегда готово к коммуникации), его синергетикой, магией и пассионарностью. Именно поэтому Слово является поистине царственным и именно поэтому его так ак-

тивно используют в медийном дискурсе для манипулятивных целей. С помощью этой царственности Слова создаются возможные и невозможные миры, кажимость превращается в реальность, в которой происходят различные события и порождаются различные ситуации, как бы объективно реальные.

Уверен, что гипотеза Сепира – Уорфа давно уже стала объективной реальностью и широко используется в прикладных целях для достижения планируемого эффекта в восприятии окружающей действительности за счёт сбитого информационного фокуса. Следовательно, синергетика Слова как самоорганизующейся системы может нарушаться сбиванием информационного фокуса через обманную информацию. А это чревато нарушением всей системы языка и его функций.

Коммуникологами установлено, что информация, повторённая 1000 раз, опускается в глубинное подсознание и становится убеждением, а не просто верой, и уже никто не может переубедить такого человека ни в чём, т. к. она превращается в инстинкт толпы, а у толпы общие, «правильные» мнения. Этот факт объясняется различиями между коммуникацией, информацией и пропагандой. У пропаганды «светлые» цели и «тёмные» методы, тактики, приёмы, которые вызывают у адресата планируемые ассоциативные мысли, а сам он превращается в информационного «тролля», или в «быдляка», который всегда готов принять внушение. СМИ утверждают, что век информации – век мусора, а в мусоре, как известно, найти что-нибудь ценное и достоверное сложно, тем более, что одно и то же СМИ даже в течение одного и того же дня по одному и тому же событию / факту даёт разную / противоречивую информацию. В итоге – дезинформация и дезориентация, которые вызывают неэкологичные эмоции у медиапотребителя.

Исправить сбитый фокус информации практически невозможно со стороны, пока человек сам не осознает в практике своей жизни, что он обманут. Значительное влияние, препятствующее этому осознанию, оказывают официальные рейтинги как психологический феномен. Этот феномен обладает психоэмоциональной fascinaцией. Мир правильно / неправильно расставленных слов регулируется чиновниками как в своих устных выступлениях, так и в комментариях журналистов. Журналисты изображают, а не отображают факты. А изображают они их в соответствии, чаще всего, с заказом этих чиновников. Журналисты домогаются информации у власти. Получается, что от того, как расставлены слова (правильно или неправильно), у адресата окружающий его мир будет реальным или кажущимся. Последний называется лингвистической реальностью (а не объективной, истинной реальностью).

Часть VI

ЭКОЛОГИЯ ПОЗИТИВНОГО ОБЩЕНИЯ

Глава 1. ГЛОРИФИКАЦИЯ КАК НОРМА ПОЗИТИВНОГО ОБЩЕНИЯ

§ 1. Гибкая стабильность языковой нормы

*Любая сложная система,
будь то язык или человек,
не столько развивается,
сколько деградирует.*

А. Гордон (ТВ: «Познер»)

Поскольку язык является стохастическим феноменом, у него не может быть ригидных норм, регулирующих пользование языком в различных дискурсах. А учитывая дискурсивность эмоций, их всепроникающую коммуникативную сущность, они не могут не расшатывать существующие языковые нормы вплоть до их нарушения и даже разрушения, особенно когда речь идет о так называемом лингвициде [Шаховский, 2000]. Такого типа расшатывание языковых норм, прежде всего, касается необычной сочетаемости языковых / речевых единиц, открывающей новые дистрибутивные валентности, включая эмотивные. В результате открытия новых эмотивных валентностей речь порождает новые эмотивные знаки. Примером такой эмотивной синтаксической деривации является речетворчество журналиста А.В. Минкина: *двуногая саранча, ампутация совести, нехирургическое вмешательство* и т. д. Такое речепроизводство может приводить как к возвышению, так и к унижению языком [Шаховский, 1998б, 2009]. И то и другое происходит через интенциональное нарушение семантических, синтаксических и этических норм человеческой коммуникации, поэтому, с учетом еще и иноязычного вмешательства, его влияния на культуру речи, а также свободного обращения СМИ с великим русским языком, перед современной лингвистикой стоит серьезная проблема возвращения разбалансированных разными факторами норм в экологическое русло пользования русским языком в разных дискурсах.

Как было показано раньше, определяющим модусом экологичной / неэкологичной коммуникации является именно эмоциональный модус общения: положительные эмоции и соответствующая эмотивная лексика в основном формируют экологичное общение, а отрицательные эмоции и негативная эмотивная лексика – неэкологичное. Что же ка-

сается смешанных эмоций, то этот вопрос недостаточно еще изучен, но уже можно предположить, что определить экологичность / неэкологичность высказывания тоже не всегда сразу возможно. Требуется обращение к пропозиции и ситуации конкретного высказывания, а также к характеристикам конкретной эмоциональной языковой личности.

Если исходить из дихотомий «язык – речь», «система – норма», то язык есть система возможностей, а речь – действительность их реализации. На вопрос ребенку: *Вовочка, что ты делаешь?* получаем ответ: *Рисую*. Взрослый, улыбаясь, поправляет дитя: *Рисую*. Но Вовочка говорит: *Нет слова «рисуть», а есть слово «рисовать»*. Вовочка реализовал возможное, не подозревая о действительном нормативном варианте, и тем самым создал экспрессивное слово. Но оно экспрессивно лишь для взрослых, а для ребенка это обычное слово. Созданный им экспрессив для него – норма. На этом примере видно колебание нормы экспрессивности одного и того же слова у разных коммуникантов.

Суффиксы русского языка *-чик, -щик, -тель* являются признаками лексем со значением *nomina agentis*: *учитель, ваятель, строитель, банщик, носильщик, летчик, разведчик* и т. д. Однако синонимичность суффиксов не позволяет нам вольно ими распоряжаться: **учильщик, *бантель, *строильчик* (такую деривацию языковая норма не разрешает).

Во все времена языковая норма была заботой мыслящего ядра нации, и разного рода отклонения от нее (возможные и невозможные) вызывали в обществе бурную реакцию. Что есть норма? Что считать критерием нормы? Языковую норму принято толковать как некую совокупность коллективных реализаций языковой системы, принятых обществом на определенном этапе ее развития и осознаваемых им как правильные и образцовые [Косериу, 1963, с. 174–176]. Известно, что существенным признаком нормы является ее вариантность. Вариантность определяет специфику норм языка, а норма, со своей стороны, устанавливает число допустимых вариантов, в этом их диалектическая взаимосвязь. Норма и вариантность соотносятся как необходимость и свобода, заключающаяся в свободе выбора языковых форм в пределах возможного. В противном случае носитель языка рискует быть непонятым.

С точки зрения теории, с одной стороны, существенным признаком нормы является ее стабильность, с другой – наличие вариантов есть свидетельство непрерывного развития языка, его обогащения, иными словами, свидетельство динамики нормы [Шаховский, 1990]. Это диалектическое единство статичности и динамичности М. Докулил образно и метко назвал гибкой стабильностью нормы [Dokulil, 1951/52, с. 135].

Еще в 1938 г. на Международном конгрессе лингвистов в Копенгагене Б. Гавранек предложил различать кодификацию (устойчивую часть нормы, зафиксированную в словарях и учебных пособиях) и норму как тенденцию к изменению и развитию [Навтанек, 1938, с. 151–156]. Если кружком изобразить центр – статистическую, кодифицированную часть нормы, то вокруг него расположатся по окружности варианты разной степени приближенности к центру: варианты I, II, III степени и т. д. Варианты I степени будут более всего претендовать на то, чтобы быть зафиксированными в нормативных грамматиках и словарях, остальные же могут иметь разную степень существования (допущены – не допущены). Возникает вопрос о том, как определить эту степень близости к общепринятой, кодифицированной норме. Нередко толкование принадлежности к норме связывается с частотностью употребления варианта, что является, по моему мнению, в корне неверным подходом к решению проблемы. В нашей стране, начиная от Предуралья до Дальнего Востока, очень многие *ложат документы в портфели; одевают пальто (во что?), едят «пальцами», режут ножницами, делают ремонт, заключают договоры* (последнее подобные «грамотеи», сторонники частотности, превратили в норму). При таком подходе легко разрушить само ядро, устойчивую кодификацию и допустить разгул неграмотных вариантов.

Термин М. Докулила *гибкая стабильность нормы* никак не свидетельствует о ее развале. Нельзя не согласиться с Э. Бенешем в том, что факт принадлежности языкового средства к норме решает не частота его встречаемости, а то, является ли применение этого средства при определенных условиях необходимым, возможным или оно вообще исключено [Benes, 1968, с. 298]. Признание нормативности языкового знака должно опираться на непереносимое наличие трех признаков: 1) соответствие языкового выражения возможностям системы литературного языка; 2) общественное одобрение данного языкового выражения; 3) в последнюю очередь – частота употребления. Наша страна ликвидировала неграмотность, начиная с 1917 г., но это не значит, что она стала стопроцентно грамотной в высоком смысле этого слова.

Но это уже другой аспект размышлений, требующий специально исследования. С одной стороны, национальный русский язык создан народом, А.С. Пушкиным, с другой стороны, есть слои общества, не соответствующие его культурной и экологической норме. Они теперь, к сожалению, распоряжаются русской языковой нормой, вернее, созданными ими «вариантами», изо всех сил стремящимися быть ко-

дифицированными благодаря частотности употребления. Состояние нормы современного русского языка свидетельствует, к сожалению, о превалировании второго и третьего признаков принадлежности к норме, поскольку частотность употребления «ненормального» одобряется обществом сверху донизу: в средствах массовой информации (не за круглым столом, а в формате круглого стола – более солидно), в речах политических деятелей, особенно эмоциональных [Шаховский, 1998а]: (*риски* – несуществующее множественное число от слова *риск* – политический неологизм; *озвучивание идей* (для глухих, видимо); предприниматели говорят о *властях предержжащих*, не подозревая, что слово *власть* в русском языке не имеет множественного числа, и оно в этом сочетании не склоняется, т. к. никогда не употреблялось слово *власти*, но словосочетание *власть предержжащие*). В настоящем речупотреблении, куда ни взгляни, всюду – *власти*. Их множество невольно наводит на мысль об отсутствии власти как таковой. *Власти города* – сколько их, кто такие? Это обыкновенная администрация города. К сожалению, эти *власти* стали почти нормой.

Обвал языковых норм происходит по всем уровням языковой системы: 1) в просодике: дикторы и ведущие на радио и телевидении за редким исключением (Владислав Флярковский, Александр Хабургаев, Виктор Татарский, Леонид Азарх) изжили полностью интонационный рисунок русской речи, придав ему восходящий вопросительный характер, не свойственный русской речи; 2) в орфографии: грамотеи «кликбеза» упростили толстовское *Война и мир*, исказив смысл названия, в котором ни о каком мире как антитезе войны нет и речи; 3) в словообразовании: беспредел (неверность слова легко доказать: есть предел – нет предела; *бес-* стал, таким образом, префиксом к именам абстрактным – *бессовесть, бестолк*); но – *беспредельно(-сть)* и т. д.; вместо *безразлично* – *без разницы, без понятия* (фразы, монстры ответов, очень употребительны) и мн. др.; 4) в лексике: *нехоть, трендяшки, печалька, алкоматчики* (см. приложение 2); 5) в стилистике: *гадюшники* (С. Иванов о ночном сносе московских ларьков); *Нечего трясти бумажками, приобретенными жульническим путем* – С. Собянин о документах частных предпринимателей на строительство этих ларьков, выданных чиновниками Московской мэрии. Таков современный стиль общения высокопоставленных чиновников с народом (см. также часть V монографии); 6) в орфоэпии: нередко неэкологично выглядит в выборе слова научная терминология. Так, некоторые философы оперируют термином *кажимость* (затрудняюсь в ударении), но

если вдуматься, то это, по всей видимости, одна из характеристик в сопоставлении сущности и явления: способность казаться, быть видимым (о явлении), им удобнее сказать *кажимость*. А некоторые писатели называют друг друга *писателя* (М. Веллер); 7) в речупотреблении: а) в медицине прижился термин *физикальные* изменения в организме. Были опрошены доктора наук Петербургской военно-медицинской академии, которые отстаивали этот полуприличный термин, не желая заменять его на *физиологические*; б) в политике придумали номинацию *русскоязычное* население. Теперь уже только русские называются *русскоязычными*, а не русскими. Но нерусские должны быть *русскоговорящими, говорящими по-русски, на русском языке. А -язычными* норма называет только *иноязычных, косноязычных, разноязычных*, но не *-язычное население*.

Лингвисты придумали термин *безэквивалентная лексика*, равнозначный *беспределу* (*эквивалент – «безэквивалент», вместо эквивалент – нет эквивалента: неэквивалентная лексика*). Правильным должно быть словосочетание *неэквивалентная лексика*. Но первое стало торжествующей нормой, научным термином.

Равнодушие к нормам русского национального языка со стороны общественности, ропщущей только у себя дома на кухне, равнодушные филологов разного рода, в особенности русистов, за исключением В.В. Колесова, грозит утратой основы нашего культурного фонда, если мы, филологи, не объединим свои усилия каждый на своем поприще, как это делают французы. К сожалению, Год русского языка прошел незаметно и забыт, мы ответственны за всю эту языковую грязь. Нет языка – нет нации. Языковая норма – признак духовного здоровья нации, а здоровье надо беречь.

Языковая норма под влиянием речевых допущений может со временем меняться, особенно в произносительном аспекте. Нередко эти изменения превращают нейтральное слово в экспрессивно-оценочное или даже в эмотивное. За счет этих речевых допущений, которые со временем могут стать нормативными, т. е. кодифицированными, расширяется эмотивный фонд языка. Таким образом, понятие нормы не является ригидным, а гибкость нормы позволяет языку варьировать одну и ту же лексическую / синтаксическую форму между нейтральным и эмотивным смысловым содержанием. А это не всегда порождает экологичные номены.

Одним из экологических факторов, которые влияют на динамику языковой нормы, являются негативные события, происходящие вокруг человека, и те, о которых его информирует СМИ. Полный перечень не-

гативных событий, который можно составить по данным СМИ, естественно, «оречевляется при помощи языковых знаков» [Тарасов, 2014, с. 25], вызывает вербальные комментарии разных СМИ, а также комментарии этих комментариев и т. д. до бесконечности. Эти комментарии и сами события не могут не вызывать негативного отношения как к самим событиям, так и к комментариям о них и словам, их номинирующим. Это разрушает экологию языка и культуры речи, а также экологию здоровья граждан и экологический имидж страны как внутри нее, так и за её пределами. И, следовательно, в целом ряде случаев можно говорить уже не только о гибкости языковой нормы, но и о «перегибах» в ней. Эти «перегибы», прежде всего, связаны с неэкологичными упаковками порождаемых в СМИ эмотивно-негативных номинаций.

§ 2. Глорификация в позитивном общении

Иди всегда, иди всегда дорогою добра.

Ю. Энтин

Среди многочисленных функций языка как средства мышления и общения незаслуженно забытой является эмпатическая функция. Между тем она, будучи осознанной всеми *homo loquens* и адекватно используемой в диалогах различных культур через их языки, может стать последней соломинкой в спасении человечества от губительных конфликтов. Из-за политических и экономических неурядиц в российском мультиязыковом обществе имеет место явная недооценка роли языковой культуры и языкового воздействия на сознание, нравственность, ментальную и практическую деятельность россиян.

Практика показывает, что человек инстинктивно нуждается в поощрительном оценивании всей своей деятельности, он ожидает его. В связи с этим представляется необходимым сделать специальный акцент на глорификационной функции языка, которую, к сожалению, нельзя найти ни в одном словаре лингвистических терминов. Не упоминается она и в работах Р. Якобсона, разработавшего классификацию основных функций языка.

Эмпатическая функция языка призвана возвышать человека, совершенствовать его, развивать в нем лучшие черты характера, относящиеся к общечеловеческим ценностям: совесть, добролюбие, дружелюбие, любовь к ближнему, эмпатию, добродетель, милосердие, толерантность, способность к покаянию (искреннее осознание и признание своей вины), кооперативность, уступчивость и др.

Эмоционально-смысловые взаимоотношения между людьми (как одной культуры, так и разных) могут и должны регулироваться при помощи эмпатической функции их языков, которая воспитывается и закладывается в коммуникативную компетенцию просветительной, дидактической и герменевтической речевой деятельностью, ибо все это свершается с помощью слова, а слово творит дело (ибо слово – тоже дело). В этом заключается величайшая функция слова, самого необыкновенного дара для человека. «Слова убеждают больше, чем золото и оружие» – эту древнейшую истину надо сделать частью сознания и языкового мышления любого речевого партнера независимо от его профессиональной деятельности.

Прежде всего, это необходимо делать через вербалику массмедиа, поскольку существует более сотни каналов и тысячи программ на любой вкус, а также через деятельность образовательных учреждений, воспитание на положительных примерах экологичного общения политиков друг с другом и с народом, на базе высоконравственных речевых тактик и стратегий нужно добиваться миролюбивой, доброжелательной доминанты общения, необходимо отказаться от образа врага в любом его виде и месте через изменение сознания (речевого мышления), речевых и акциональных поступков.

Примером такого массмедиального возвышения языком и глорификации через детское сознание является вся музыкальная деятельность композитора В.Я. Шаинского, 90-летие которого отмечалось 12 декабря 2015 г. в программе А. Малахова. В зале присутствовала многочисленная аудитория его друзей, коллег и почитателей его необыкновенного таланта – дарить и детям, и взрослым радость, возвышать их позитивную чувственность (сенсуальность). В адрес юбиляра было высказано очень много искренней благодарности от участников этой передачи, рассказано о его творчестве, его неиссякаемом таланте, о том, как он создавал свои бессмертные детские песни. Прозвучали отрывки из его песен в мультфильмах (или полностью). Все его песни жизнерадостные, весёлые, счастливые, светлые, улыбчивые, добрые, лёгкие, запоминающиеся навсегда. Их пела вся страна – дети и взрослые. Они повышали настроение, они звучали даже из детских игрушек, во всех детских мультфильмах, в исполнении ансамбля имени В.С. Локтева. Взрослые песни В.Я. Шаинского были очень лиричными, духовно-подъёмными. Они звучали в каждой семье и сплывали семью, а также семью и всю страну. Они были всенародно любимыми. Думаю, что у всех, кто смотрел эту передачу, она вызвала эмоции радости, счастья и гордости. Эта передача позволила повысить самооценку ее участни-

ков и улучшить настроение. Именно в этом и заключается эффективность позитивного общения (все собеседники должны по окончании общения повысить свою самооценку и оценку друг друга) и его главный фактор.

Неспроста на последнем праздновании дня МВД (ноябрь 2015 г.) по Центральному телевидению выступал хор МВД, который с большим воодушевлением при участии И. Кобзона исполнил детскую песню В.Я. Шаинского «Чунга-Чанга». Зажигательная мелодия этой песни в исполнении взрослых мужчин вызвала восторг всего зала. Такое искусство в полной мере реализует все компоненты экологической функции языка: эмпатический, эмоциональный / эмоциогенный, глорификационный. Поэтому все позитивные функции языка можно обозначить гиперонимом *экологическая функция языка*.

Где же теперь современные аналогичные песни для детей? Почему теперешний детский хор поёт: *Ах, какой мужчина ... Хочу дочку и сына; Ах какая ж ты зараза, отказала мне два раза* и т. д.

Г. Гийом открыл лингвистам всего мира истину, заключающуюся в том, что язык и ксеноязык – это не только его система, на чем так долго настаивали Ф. де Соссюр и его последователи, но и история, культура, нравы, традиции народа, на данном языке говорящего. Л. Вайсгербер, а до него и В. фон Гумбольдт называли макрокомпонент языка «духом народа». Именно этот дух и был долгое время исключен из практики обучения ксеноязыку и из теоретических изысканий по языкознанию. Это не могло не приводить к коммуникативным неудачам (помехам и провалам), особенно при кросскультурном вербальном и невербальном общении.

Исследование лингвистической проблемы дискурса привело ученых к различению контекстных пресуппозиций вербального общения. Одной из них является сам человек говорящий – языковая личность. В. фон Гумбольдт уже в начале прошлого века утверждал, что нет языка вне человека, как и человека вне языка. Он также утверждал, что язык и культура тесно взаимосвязаны, ибо язык – часть культуры. Об этом много писала В.Н. Телия, сумевшая создать фундаментальный труд, в котором она «вытащила» на поверхность языка его культурный код [Большой фразеологический словарь, 2006].

Антропоцентрическая парадигма языкознания шагнула еще дальше в осознании единства языка, человека говорящего и порождаемых им текстов. От тезиса «за каждым текстом стоит система языка» лингвисты пришли к осознанию факта: человек – автор и / или получатель этого текста. Это позволило создать в теории языка новое направле-

ние – лингвокультурологию, а на ее базе – концептологию. Разработана проблема концептуализации, вербализации, семантизации и на их базе категоризации смыслов и их конкретизаторов, в том числе культурных, знание которых необходимо для адекватного и успешного общения [Степанов, 1997].

Как известно, любой автор и / или получатель текста является представителем определенного этноса. Отсюда и важность ксенокультурных знаний для общения полинациональных этносов. Эти знания добывает сопоставительная контрастивная лингвистика, а «раздает» их практическая лингвистика через образовательные учреждения и массмедиа. К настоящему времени «добыча» явно превышает объем «раздачи»: современная лингвистика «затарила» огромные запасы лингвокультурологических знаний, невостребованных языковыми общностями и индивидами.

Вектор просветительской функции языкознания должен быть направлен, прежде всего, на положительные эмоции языковой личности, ибо стержнем каждой личности является ее эмоциональный тренд (Жинкин, Додонов, Вилюнас, Зинченко и др.). Этот личностный эмоциональный тренд входит в эмоциональный индекс нации как лингвокультурного сообщества. Например, эмоциональным индексом США является патриотизм, в Японии – трудолюбие. Долгое время национальной ценностью в Китае была кропотливость. К сожалению, в России многие годы и многие власти мучаются над созданием национальной идеи. По данным Института психологии РАН, доминантным эмоциональным индексом в России является всё возрастающая агрессивность.

Общеизвестно, что мир един, а его эмоциональное картирование и интерпретация мультинациональны. Кроме этого, известно, что языковое пространство не покрывает эмоциональное ни в одной лингвокультуре. Отсюда и различие в эмоциональных картинах единого мира у различных народов: эмоциональный остаток, не поддающийся вербализации на ксеноязыке, – один из опаснейших источников межнациональных взрывов, поэтому перед лингводидактикой встает задача разработки концепции взаимопонимания при различии языков.

В этой концепции голос эмоций должен иметь общую смысловую базу, и ее надо создавать. Поэтому роль современных компаративистов необычайно важна в процессах становления этой базы. Лингвистические знания помогают человеку осознать его назначение на Земле: сохранение мира, сохранение природы как среды обитания человека, совершенствование его лучших качеств, стремление к радости кросскультурного общения. В этом и заключается возвышающая функция языка.

Все тексты, порождаемые языком, должны ориентировать на радостную перспективу, по А.С. Макаренко, согласно которому позитивные эмоции должны доминировать в общении людей и возвышать их. Реализации этой функции должны служить искусство, наука, нравственное телевидение и этико-экологичная журналистика.

Радует, что в последнее время в различных СМИ появляются глобифицирующие аспекты возвышения человека: на радио «ЭХО Москвы» запущена программа «Добро на радио» (см. «ДОБРЫЙ БАННЕР»). Всё чаще передаются песни, восхваляющие добро и призывающие к добру, даже из прошлого арсенала. Например, песня Шуры:

*Твори добро на всей земле,
Твори добро другим во благо,
Не за красивое спасибо
Услышавшего тебя рядом.*

Эта песня не может не ориентировать подрастающее поколение на добрые дела и позитивное общение: единство формы и содержания текста, музыки и исполнения конкретным певцом вызывает приятные, благородные эмоции в душе слушателя.

На «Юмор FM» несколько раз в час передаются *Хорошие* новости («Ховости»). Всё радио нацелено на формирование у его слушателя доброго настроения, добрых чувств и настроя на добрые дела. Регулярно также на этом радио объявляется: «На “Юмор FM” всегда *хорошая* погода». Этим же целям служит и телеканал «Культура», к примеру, телепередача «Романтика романса», специальные программы, посвященные любимым композиторам любимых песен (Арно Бабаджанян), любимым певцам (Муслим Магомаев), и многие другие передачи, возвышающие чувственность человека. Передачи, которые поистине можно назвать духоподъемными, облагораживающими (ср. с песнями *Чем выше любовь, тем ниже поцелуи*, а также с «юморинами» и «кривыми зеркалами», в которых весь юмор построен на человеческом низе и соответствующих инстинктах). Такие программы, на мой взгляд, увы, не возвышают человека, а язык, используемый в них, не знаком с глобифицирующей функцией.

В очередной раз многие телезрители ставят вопрос перед руководством СМИ о соответствующих экологических фильтрах развлекательных программ: развлекаясь, человек не должен опускаться до уровня своего пращура, а должен подниматься до высот эмоционального и экологического интеллекта.

Доказательством того, что люди тянутся именно к последнему – к удовольствию от высокого уровня культуры через искусство, в данном случае через знакомство с картинами гениального русского художника Валентина Серова, выставившимися в течение трех месяцев в Третьяковке. Нескончаемые очереди жителей России в этот музей еще раз показали жажду людей к эстетической экспрессии. Это подчеркивает также стремление людей к самовозвышению в своих чувствованиях.

Использование лексики глорификации, возвышающей человека-гражданина и его личную самооценку, должно быть одним из важнейших условий успешного общения государственной власти с гражданами страны. В общении СМИ с аудиторией должна доминировать этическая составляющая. Хорошая речь коммуникантов – свидетельство этичного коммуникативного стиля, смысл которого состоит в повышении самооценки всех речевых партнеров, в возвышении их языком, а не в унижении адресатов информацией [Хорошая речь, 2001].

Вопреки устойчивому мнению о том, что в информационном поле и коммуникативном пространстве современной России преобладают негативные тексты, замечу, что пробиваются, медленно, но верно, и ростки позитива. Мониторинг текстов разных жанров и стилей сквозь призму эмотивного анализа выявил существование экологических текстов. Проиллюстрировать это можно следующим примером. Вместо назойливой и зачастую обманной рекламы в упаковку продукции с 2007 г. генеральный директор компании “SPLAT” регулярно вкладывает письма к покупателю, в которых эмоционально рассуждает на одну из волнующих его тем. В этом письме он указывает свой электронный адрес. Из серии интервью с руководителем названной компании, размещённых в Интернете, известно, что он лично регулярно читает письма клиентов, отвечает на них, а также рассылает наиболее интересную корреспонденцию сотрудникам своей фирмы, чтобы поддерживать «живую связь» и знать об эмоциях-оценках продукции как клиентов, так и персонала компании. Было проанализировано 38 текстов «Писем из упаковки» Е. Дёмина, генерального директора “SPLAT”, повторенных на официальном сайте компании (URL: <http://www.splat.ru/letters/>). Целью данного экспериментального анализа необычного жанра, изобретённого Е. Дёминым, была выборка ключевых слов этих рекламных писем. Выяснилось, что среди них не оказалось ни одного неэкологичного ключевого слова. С одной стороны, этого и не должно было быть в рекламе, целью которой является фасцинация, аттрактивность со скрытой

обманностью. Но никакой обманности в выявленных ключевых словах не установлено, т. к. был проведён и пилотный эксперимент по закупке более 10 видов продукции. Некоторые из купленных продуктов содержали на упаковке шуточные «задоринки», целью которых было вызвать улыбку, любопытство и желание поскорее вскрыть и попробовать. Приведём эти слова: *бережность, доверие, «подход малых дел», счастье мужчины и женщины, как сделать жизнь простой и интересной, голос сердца, совесть, бережное и духовное отношение, ценность времени, воспитание терпения, воспитание детей, дети – наше будущее, все мы родом из детства, ценность и цена, нужность вещей, надежда, Родина, освобождение от страха, бестрашие быть собой, уважение к здоровью, воля, культура отказа, человеческое в человеке, любимые люди, рождение детей, эстафета добрых дел, набор ценностей и внутренний компас, жизненные уроки, которые нас делают лучше, предусмотрительность и смелость, твёрдость мужского слова, уверенность, определённости, надёжность, слово = репутация, умение держать удар, твёрдость воли, прочность духа, умение радоваться простым вещам, приоритеты, брать и делать, беречь время, называть вещи своими именами, экология будущего, благодарность родителям за их чистоту, порядочность и самоотдачу, быть умным – значит быть интересным для других умных.*

В каком СМИ, в каком театре, в каком художественном произведении современных писателей можно встретить такие добрые, духовно-подъёмные, оздоравливающие, возвышающие и т. д. слова?! (Ср. также с лексикой, фразеологией и малым синтаксисом приложения 2 данной книги.)

Очевидно, что эмоциональные национальные коннотации и ассоциации, вызываемые темами, поднимаемыми в письмах этого жанра данной компании, маркированы позитивностью и, следовательно, экологичностью. Даже в качестве грамотного маркетингового хода такой приём воздействия на потенциальных клиентов не может не вызывать интереса в силу своей оригинальности. Эмотивный анализ также указывает на такие положительные эмоциональные смыслы, которые транслируются текстами «Писем из упаковки», как уважение, симпатия, любовь, честность, смелость, благодарность, гордость, радость. Доминанта целого кластера положительных эмоций очевидна в тексте «миссии» компании “SPLAT”. Это, как представляется, любовь.

Когда вкладываешь всю душу в то, что создаешь, получаешь поистине бесценный результат. Когда веришь, что нет ничего невозможного, и самые смелые желания обретают форму, понимаешь, что твой путь пройден не зря.

Мы искренне верим – каждый способен изменить мир к лучшему. Создавая продукты под маркой SPLAT, мы знаем, что всё тепло, вложенное в них, сделает ваш день ярче, счастливее и добрее. Помогать людям быть здоровыми, красивыми и успешными – наша миссия.

Евгений Демин, генеральный директор SPLAT.

В этом небольшом по объёму эмотивно-экологичном тексте названы эмоции, которые транслирует и хочет вызвать у своих клиентов компания “SPLAT”: *вера, смелость, искренность, тепло, счастье, добро, успех* (в тексте они выделены подчёркиванием). Эти эмоции эксплицируются в тексте, прямо номинируются. Группа эмоций, которую испытывают в своей работе специалисты компании, – это *вера, искренность, тепло*. Группа эмоций, которую компания хочет вызвать у своих клиентов, это: *счастье, добро, успех*. Согласно развиваемой мною концепции эмотивной лингвоэкологии, данный текст является и положительно эмотивным, и положительно эмотиогенным, и абсолютно экологичным и для здоровья языка, и для здоровья человека. Группа эмоций, которые не названы прямо, но описаны и имплицитно выражены в тексте, – это симпатия, уважение, бережность, радость, восторг, интерес, удовольствие, гармония, удовлетворение.

При этом и формируемый образ компании, и воплощаемый образ ее руководителя, и эмоциональный стиль общения с клиентами отвечают параметрам экологичности общения. Избранная риторика способствует экологизации эмоционального пространства, а исходящие от личности руководителя компании импульсы являются экологичными. Существование описанного экологичного стиля общения является оптимистичным сигналом о тенденции к выравниванию экологического баланса в сфере эмоциональной коммуникации и о возможности экологизации современных homo sentiens (подробнее см.: [Колоцова, 2016, с. 153–157]).

Все это приметы позитивного, т. е. экологичного общения не только людей друг с другом, но и предпринимателей с потребителями их продукции, некоторых СМИ с их зрителями /читателями/слушателями. Благотворную реальность люди создают сами вопреки госструктурам. Это еще не «ветер перемен», но уже некоторые намеки на него. Люди хотят нормального общения и сами борются за него. Среди этих людей – мы, лингвисты.

Глава 2. ЭКОЛОГИЯ РОМАНТИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

§ 1. Амбивалентная экологичность вербальной и невербальной любви

*Я боюсь твоей любви, / То холодной, то горячей.
Я боюсь твоей любви, / То слепой, то слишком зрячей.
Я боюсь твоей любви, / Как огня боятся люди.
Я боюсь твоей любви / И боюсь, что ты разлюбишь.*

В. Добрынин

*Любовь как ртуть: можно удержать её
в открытой ладони, но не в сжатой руке.*

Д. Паркер

Любовь – когда любят по-настоящему, *люблю* имеет одно значение, когда не любят – это слово пустое. По звуковой форме оно то же самое, но во втором случае оно семантически ничего не значит: у него нет прежних референтов. На эту тему написано много художественных произведений.

В рассказе американского писателя Дж. Апдайка «Завтра, завтра, завтра» повествуется о том, как частое употребление слова *люблю* (*love*) стирает его семантику и превращает в слово-пустышку. Если при первых употреблениях фразы *I love you* это слово вызывает у адресата чувственную реакцию (нежность, удовольствие, радость, восторг, восхищение, желание ответить таким же словом), то постепенно слово становится лишь звуком, за которым не стоит никакого референта. Вначале оно минимизирует свою экспрессию и интенсивность до слова *like* (ср.: *I love/like apples / pizza / cakes / pies / coca-cola / MacDonalds / restaurants / fashion dress / sunny weather / rain, etc.*) Поэтому учитель, беседуя со своими старшеклассниками, советует им как можно реже использовать слово *love* вне соответствующих ситуаций [Updike, 1982, p. 13].

В русском языке, например, появилась в 90-х гг. XX в. калька *заниматься любовью* (*сексом*) от англ. *to make love* (*let's make love, make love to me*). Из данного примера видно, что слово *love* получило в таком контексте значение *sex* (*coumte*), так что, с одной стороны, с этим словом происходит семантическое растяжение, с другой – семантическая деинтенсификация. С третьей стороны, происходит полная десемантизация (десемиотизация), когда это слово значит практически всё, т. е. ничего конкретного. В такой своей функции слово *люблю* напоминает местоимение *this/that* (*это/то*). Фактически в на-

стоящее время это слово в большинстве коммуникативных ситуаций является словом «ватной» семантики, не содержащим никакого чувственного компонента семантики и не соотносимым с романтической коммуникативной ситуацией. А для русского языка словосочетание *make love* вообще стало обозначать просто секс, исключив из него все душевно-этические мотивы.

Вывод напрашивается сам по себе: нужно бережно обращаться со всеми словами в экологических целях, но это слово требует особо осторожного использования, потому что в романтической коммуникации [Ренц, 2011] частое и не к месту использование этого слова приводит к разрушению романтики отношений. Поэтому в одном из рассказов, услышанных мной в радиокнижке, мужчина, устав от бесконечных излияний своей возлюбленной, пишет ей письмо, в котором просит её использовать слово *любовь* в обращениях к нему как можно реже: не рассказывать ему так часто, как она его сильно любит, не повторять в течение дня многократно, какую любовь он вызывает у неё, не описывать подробно, какой именно кластер эмоций она переживает в своей любви к нему. Он пишет ей, что все эти подробности раздражают его, хотя он действительно тоже её любит, но считает, что о своей любви не надо так много говорить. Её надо чувствовать и наслаждаться переживаниями этого таинственного чувства. Мужчина просит свою подругу не убивать их взаимную любовь бесконечными разговорами о ней.

С этим мнением перекликается один из любовных пассажей произведений Б. Акунина. Так, в романе «Фрегат Беллона» героиня Алина в разговоре с неожиданной незнакомкой – дочерью генерала, которая сказала ей, что она влюблена, задала ей несколько вопросов. Перед этим она предупредила девушку о том, что по её ответам определит, любит ли она действительно своего избранника. Первый вопрос был таков: «Можете ли Вы прожить 5 минут без мысли о своём возлюбленном?». Девушка ответила: «Да» (она не всегда думает о нём). На второй вопрос «Есть ли у Вас постоянный страх за его жизнь? Бойтесь ли Вы всё время, что с ним может что-то произойти, что он может искалечиться или погибнуть, и Вы можете потерять его навсегда?» девушка ответила, что её избранник достаточно молод и ловок, и она не очень боится, что с ним может приключиться что-то опасное. Алина спросила девушку, сравнивает ли она своего любимого с другими мужчинами, на что генеральская дочь ответила ей: «Мой друг достаточно красив и обаятелен. И я, конечно же, часто сравниваю его с другими мужчинами, но он значительно лучше всех, и поэтому никто другой меня не привлекает».

Выслушав ответы своей собеседницы, Алина сказала девушке: «Вы не выйдете за него замуж, так как Вы его не любите. Возможно, Вы всего лишь влюблены в него, но это скоро пройдёт». Девушка была несказанно удивлена, но Алина ей объяснила, что настоящая любовь – это беспрестанные мысли о любимом, никогда не прекращающийся страх за его жизнь и нежелание сравнивать его ни с кем даже в мыслях, не то что на деле, ибо он заранее лучше всех во всех отношениях и всегда во всех состояниях. Девушка не поверила Алине, но дальнейшее развитие событий подтвердило справедливость её прогноза. Позже эта девушка влюбилась в совсем другого человека, а именно в Олега Ильича, у которого была настоящая любовь с Алиной. Все попытки молоденькой девушки влюбить в себя взрослого Олега Ильича и даже открыто предложенная постель с ней были очень вежливо, но твёрдо отвергнуты. Не каждый мужчина, даже солидного возраста, может принять откровенно предлагаемое нагое тело молоденькой девушки.

Этот эпизод так описан Б. Акуниным, что нельзя ему не поверить: не было у девушки настоящей любви, а было всего лишь желание секса и стремление победить Алину и соблазнить её друга. Образ Олега Ильича свидетельствует о том, что человек может и должен сдерживать свои сексуальные порывы. Тем более их вербальное проявление. Ибо только такое владение своими эмоциями способствует экологичному общению людей и не разрушает ни их здоровье, ни язык, которым они пользуются при неэкологичном общении.

Многие произведения, посвященные художественному исследованию любви, неопровержимо доказывают факт существования ее неэкологичности: любовь, которая раздражает, вызывает неприятные ощущения, портит настроение, а следовательно, вредит здоровью.

Ещё одним параметром экологичной любви одного человека к другому является его постоянное желание находиться рядом с любимым, всё время быть вместе, как можно чаще прикасаться к любимому (в данном случае речь идет о так называемом *body language of emotions*), но это тоже язык – невербальный.

К невербальным манифестациям любви уже неоспоримо относятся такие таксоны, как мимика, кинесика, жестика, просодика, интонация, проксемика, физиогномика, окулесика, элементы соматикона, габитус, гаптика, визуалистика (напр.: улыбка, взгляд, выражение лица, прикосновения, объятия, поглаживания, прижимание друг к другу, различные любовные знаки-символы: приглашение, подарки, цветы, вздохи и мн. др.) [Романов, Сорокин, 2004]. Проблеме невербальной коммуникации посвящено много работ, как самостоятельных монографий, так и диссертаций обоих уровней. Особого внимания заслуживают мо-

нографии и многочисленные работы исследователя невербальной коммуникации Г.Е. Крейдлина в теоретико-прикладном плане [Крейдлин, 2004], монография Ю.А. Сорокина и А.А. Романова [Романов, Сорокин, 2004], специальное теоретическое исследование И.Н. Горелова [Горелов, 2009]. Этой же проблеме посвящены и некоторые разделы докторских диссертаций [Ренц, 2011; Волкова, 2014] и др. Ученые пишут также и об агрессивности любви, и многочисленные художественные произведения подтверждают этот факт.

Если продолжить тему экологичной любви, то следует обратиться к исследованию Т.Г. Ренц, в котором были обнаружены и описаны различные гаптические знаки (одновременно требующие изменения дистанции между коммуникантами), характеризующие невербальное поведение романтических партнеров. Такое поведение номинируется и описывается через вербальные знаки: объятия (заклупить в объятия, обнять за плечи, талию и т. д.), прикосновение рук (взять(ся) за руку(и), поцелуй, прикосновение рукой к щеке партнера / голове / волосам, контакт «голова к голове» / «щека к щеке», различные виды поглаживаний, похлопываний) и др. В романтическом общении данные невербальные знаки приобретают особую, сенсуальную семантику, что подтверждается контекстами эмоциональных ситуаций, авторскими ремарками. Трактовка того или иного прикосновения очень неоднозначна и зависит от контекста ситуации, характера взаимоотношений партнеров, манеры исполнения, а не от самой по себе конфигурации прикосновения. Речь идет о ситуативной / контекстуальной семантике гаптического знака, который может, очевидно, появиться у любого невербального компонента, используемого в различных ситуациях. Причем семантическая структура одного и того же гаптического знака в отдельной коммуникативной ситуации может иметь одно или несколько значений [Ренц, 2011, с. 184].

Научное и художественное исследование романтической коммуникации позволило предположить, что гаптические невербальные сигналы, используемые на начальных этапах, являются симптоматичными. Они выполняют функцию установления контакта (фатическая функция языка), которую можно охарактеризовать как физический канал и психологическую связь между адресантом и адресатом, обуславливающие возможность установить и поддерживать коммуникацию. Прикосновения включаются в группу невербальных знаков, посредством которых подтверждается перспектива развития романтических отношений. При этом количество таких знаков возрастает в процессе общения, и, как показывает большинство примеров, уже со второй встречи можно

сделать выводы о том, в каком направлении будут развиваться отношения. В представленной ниже коммуникативной ситуации тактильный контакт имеет место уже при первой встрече коммуникантов, однако его семантику нельзя назвать «романтической», хотя ситуация общения рассчитана на кооперацию и взаимодействие участников интеракции: *Moving toward her, he gently shook her shoulder... She quickly tried to apologize, but Joshua wasn't having it. When he'd touched her shoulder, he'd felt the burning heat of her body right through her clothing. "I'm no doctor," he told her. "But it looks to me as if you have a fever, and probably some of whatever bug is going around these days"* [Connor].

В дальнейшем невербальном поведении романтических партнеров можно наблюдать изменение семантики знаков. В процессе развития романтических отношений знак, имеющий определенные значения на этапах инициации или оценивания, на более поздних этапах (познания, интенсификации отношений, формализации отношений) приобретает иную семантику и начинает интерпретироваться по-другому при сохранении прежней формы. Так, прикосновение рук может изначально быть функциональным / социальным / дружеским, а впоследствии передавать чувства и эмоции романтических партнеров, становясь интимным (любовным) прикосновением. Семиотическая динамика интимизации романтического общения детерминирована интенциями участников взаимодействия, их отношением друг к другу, изменением эмоционального состояния в процессе общения [Ренц, 2011, с. 185–186]. Рассмотрим известный уже жестовый знак – прикосновение к плечу:

Jasmine yawned. "If you don't want to cuddle, I'm going home. I have a busy day tomorrow."

"I never said I didn't!" Joshua gently touched her shoulders, and was rewarded with a kiss on his cheek [Connor].

Как и в предыдущем случае, прикосновение к плечам собеседницы представлено в тексте авторской ремаркой *gently touched her shoulders*. Однако данный прагматический контекст определяет семантику этого знака как интимную, романтическую: *gently* – нежно, модифицирующее наречие приобретает иную эмотивную коннотацию. Ориентиром отнесения кинемы к той или иной модальной разновидности являются не только данные анализа ее семантической структуры. Признавая очевидное соответствие в указанных примерах двух семантических структур – структуры собственно кинемы и структуры значений вербальных единиц, коррелирующих с ней, считаю, что одним из весомых аргументов включения кинемы в определенный класс модальных единиц является прагматический контекст, в котором данный знак (кинема) реализуется.

Многочисленные гаптические знаки – объятия, поцелуи, различные прикосновения и т. д. – транслируют «романтическую», интимную семантику, увеличивают остроту восприятия эмоций, удаляют двусмысленность в общении романтических партнеров [Ренц, 2011, с. 189]. Они, по словам Г.Е. Крейдлина, сочетаются «с очень близкими, интимными отношениями между партнерами, и в сенсуальном контакте касания передают смыслы “любовь” и “сексуальное желание”» [Крейдлин, 2004, с. 318].

Изучение динамики романтической коммуникации позволило выявить следующую закономерность: независимо от того, какие этапы выделяются в развитии романтических отношений той или иной пары, наибольшее количество гаптических знаков приходится на этап интенсификации, а их максимальная интенсивность достигается в ситуации признания в любви. Следует отметить тот факт, что в рамках данной ситуации наблюдается не только увеличение количества тактильных контактов, но и их качественное изменение – они становятся более чувствительными, способными стать катализатором «пробуждения» чувств и эмоций у партнера. С одной стороны, можно утверждать, что интерактант использует их неосознанно, под влиянием собственных эмоций и чувств. С другой стороны, есть основания предполагать, что их употребление инициатором общения является преднамеренным, целенаправленным и ориентировано на то, чтобы вызвать у объекта воздействия положительное эмоционально-психологическое состояние [Ренц, 2011, с. 190].

Любовные авербемы имеют национально-культурный характер. Этот тезис наглядно обоснован и богато проиллюстрирован Г.Е. Крейдлиным. В первой главе цитируемой выше книги автор приводит и многочисленные примеры не любовных авербем, а передающих многообразную семантику невербального общения на различные темы. В примерах Г.Е. Крейдлина мной выделены таксоны авербалики: *Она всё крепче начала его прижимать к себе, хотела еще что-то сказать и не могла; Она сжала его руки сильнее, требуя, чтобы он молчал; дрогнувшим голосом* (Г.Е. Крейдлин называет аналогичные авербемы «голосовыми гендерными манифестациями»); *потрепал меня по руке; стал целовать ей руки; похотливый поцелуй.*

Из его книги следует, что невербальные манифестации любви варьируют не только от человека к человеку внутри гендера, но и между гендерами, что представляется довольно трудным, иногда лакунарным феноменом для интерпретации, межкультурной коммуникации и особенно для перевода (см.: [Крейдлин, 2004, с. 23–132]).

В романтическом общении огромную смысловую роль, модифицирующую семантические конкретизаторы слова-значения *любовь*, выполняют бесчисленные песни о любви: «Выпьем за любовь», «Я наполню свой бокал...», «Я буду твоим плащом, чтобы ты не намочла, я буду твоим дождём, чтобы ты не сторела ...», «Любовь нечаянно нагрянет ...», «Я назову тебя зоренькой», «Я для тебя живу и умираю...», «Я люблю тебя до слёз...», «Хочешь, я назову тебя облаком» и др. Все эти и многие другие слова о любви наполнены нежностью, заботой, тоской, страданием, восхищением, обожанием и т. д., когда любовь в начале или в разгаре. Эти эмоции усиливаются и превращаются в страдания во время краткосрочных или длительных ссор влюблённых, появляются новые конкретизаторы личностных любовных смыслов.

Семантическая картина этих смысловых конкретизаторов меняется в случаях угасания любви или её предательства. Тогда личностные смыслы этих же слов, их метафор, сравнений опустошаются полностью, рационализируются. И бывшие влюблённые уже не переживают ушедшую любовь, а иногда даже рады её уходу, личностные смыслы романтики обнуляются и более ничего не значат для тех же бывших влюблённых. Не зря поётся: «не обещайте деве юной любви вечной на земле», а в другой песне мы слышим: «вот и сошлись два одиночества / И разожгли у дороги костёр / А костру разгораться не хочется / Вот и весь разговор...».

Взрослые люди знают, что если бы Ромео и Джульетта встретились, когда им было бы 30 или 35 лет, между ними не возникло бы такой неистовой любви, их любовь тоже привела бы к трагедии, но только меньшей.

Итак, любви вечной не бывает: от огненной, ненасытной, жадной, неистовой она переходит к более спокойным тонам, сбалансированным в разных пропорциях с рациональной. Потом либо трансформируется в уважение и бережность, либо гаснет совсем, и люди либо ищут новую любовь, либо отказываются от неё навсегда, что, несомненно, находит свое выражение в языковых номинациях во время вербального и невербального общения. Напомню песню Игоря Николаева: «...Она жила со мной не любя / прости и отпусти .../ быть может и ты ... пойдёшь за новой мечтой ...».

Таким образом, слово *любовь* и его синонимические замены, в том числе контекстуальные, в одних и тех же песнях, одними и теми же людьми в разных эмоциональных ситуациях переживаются по-разному вплоть до противоположного – экологичные vs неэкологичные. Они в разных стадиях романтической динамики имеют различные личностные смыслы: переливающиеся через край, наполняющие по-разному

«бокалы любви» и становятся семантическими и личностными пустышками – звуковыми нефонематическими звуками, обезличенными смыслами, упакованными в словесные, синтаксические формы. Слово *любовь* изначально аксиологически положительно и экологично, фактически имеет несколько модусов как экологичности, так и неэкологичности. В случае его неэкологичности оно вредоносно, т. к. обладает негативным энергетическим потенциалом и может сопровождаться неэкологичными эпитетами, портящими атмосферу языка.

Таким образом, данный краткий анализ семантики и функций слова *любовь* требует от всех коммуникантов, как романтических, так и неромантических, очень бережного отношения к использованию в соответствующих эмоциональных ситуациях, чтобы не причинить друг другу физическую и моральную травму.

§ 2. Полимодусность романтической коммуникации

*Чаще смотрите на облака, на звёзды,
устанавливайте в себе такую тишину, как там, в вышине.
А на обстоятельства смотрите как бы издали и сверху,
словно вы умерли и просматриваете свою жизнь из другого мира.*

А. Мень

В данном параграфе рассматривается метод стилистического анализа эмотивных повторов как средства формирования экологичных / неэкологичных высказываний в романтической коммуникации. Ученые многократно обращались к рассмотрению стилистических приемов и средств в различных типах дискурса (Москвин, 2000; Максименко, 2005 и др.). Среди экспрессивных средств большой интерес представляет повтор (или повторение), который является важным структурным, смысловым и эстетическим средством, способствующим экспрессивности романтического общения. В зависимости от принадлежности повторяемой единицы тому или иному уровню языка выделяют повтор звуковой, морфемный, лексический, морфологический, синтаксический, а его стилистическая функция в значительной степени зависит от лексического значения повторяющихся элементов.

Рассмотрение повтора связывалось с его традиционным изучением в разделе синтаксиса (И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин, А.Н. Гвоздев, В.М. Жирмунский, Б.В. Томашевский и др.), хотя ограничение фигур повтора рамками синтаксической стилистики не вполне оправдано, на мой взгляд. В семантическом плане повтор характеризуется наличием

дополнительных смыслов и возможностью субъективно-модальных коннотаций, в стилистическом – широким спектром экспрессивных возможностей. Как явление синтаксические повторы широко распространены именно в разговорной речи, где их реализация связана с целым комплексом объективных факторов (ситуативность, неподготовленность, неофициальность общения).

Романтическое общение – общение всегда эмоциональное, эмотивность является его доминантной характеристикой. Как показывает данное исследование, высокая степень эмотивности романтического дискурса обусловлена тем, что все его единицы так или иначе эмотивно маркированы. Эмотивность, как известно, многомодусна: она то положительна, то отрицательна, то амбивалентна, а то и смешана так, что не всегда понятна её идентичность. Эмоции являются неоспоримо ведущим параметром экологичности / неэкологичности любой коммуникации, в том числе романтической. Повтору при этом отводится очень важная роль романтизации общения людей. Повтор наиболее ярко сигнализирует об эмоциональном состоянии говорящего, его коммуникативном намерении и страстном желании добиться нужного ему эффекта [Шаховский, Ренц, 2013]. Романтическая беседа всегда пассионарна.

В качестве повторяемых средств используются не только лексемы с эмотивной семантикой (эмотивы), нейтральные слова, приобретающие эмотивные коннотации в тексте (коннотативы и потенциативы), но и эмоционально-экспрессивные грамматические формы, специфические синтаксические конструкции, особые способы построения высказывания и т. д. Являясь средством выражения эмоциональных коммуникативных смыслов, они рассредоточены в высказывании, сгущаясь в определенных местах по воле говорящего для решения поставленных им коммуникативных задач.

По мнению В.Г. Гака, эмотивный повтор – явление достаточно редкое [Гак, 1998]. Однако данное наблюдение не относится к романтическому стилю общения. Анализ материала, проведенный Т.Г. Ренц (её картотека примеров включает около пяти тысяч фрагментов романтических диалогов из английской художественной литературы), показал, что романтические высказывания участников исследуемой коммуникации насыщены эмотивными повторами разных уровней и разноречивой эмотивной семантикой: не только позитивной, но и негативной, а также смешанной оценочности [Ренц, 2011].

Подтверждено многочисленными работами по эмотивной лингвоэкологии, что именно эмоции в конкретной коммуникативной ситуации определяют выбор говорящим эмотивных знаков, с помощью которых передаются разновекторные эмоциональные состояния и отно-

шения. Суть установленного учеными принципа эмоциональной коммуникации заключается в том, что эмоции переживаются участниками взаимодействия лично, а в процессе коммуникации каждый речевой партнёр индивидуально прибегает к самым различным языковым и стилистическим средствам по своему выбору, в том числе и к эмоциональному повтору.

Ш. Балли связывает роль повтора с отражаемыми речью эмоциональными импульсами, которые проявляются в том, что мысль повторяется соответствующее число раз: сколько импульсов, столько и повторений. Эмоциональный повтор может быть вызван волнением, сильными эмоциями, эмоциональной доминантой, воздействующими на работу прагматических фильтров и затрудняющих их работу при порождении эмотивного высказывания. Кроме того, повтор может быть обусловлен и эмоциональной интенцией, например, в риторической и аргументативной целях, для экспрессивизации высказывания, эмоциональный повтор может выполнять функцию эмоциональной аргументации.

Повторение эмотивов, находящихся в непосредственной близости друг к другу или на некотором расстоянии, всегда связано в речи коммуникантов с их чувственными ощущениями. Как показывает анализ художественной литературы, это явление типично не только для русской лингвокультуры, но и для англоязычной. Поэтому ниже приводятся примеры на английском материале, что объясняется профессией автора работы.

Прежде всего, повтор используется для того, чтобы выделить какую-то одну эмоциональную мысль или подчеркнуть контраст между двумя идеями. Приведём примеры: *“I love you, Eleanor” said Philip. I love you with all my heart and soul. I will always love you, until the day I die* [Arnold, 1981, с. 326] (такой принцип повторения лежит, как известно, в основе анафоры и других родственных ей фигур); *I love you and you hate me* [Cooper, 1986, с. 102] (используется сложная антитеза, основанная на абсолютных антонимах *love – hate*, сопровождаемая изменением субъекта действия *I – you*). Комбинация двух идей обращает на себя внимание симметричным расположением противопоставленных друг другу слов в каждой соответствующей части фразы, одним и тем же количеством слогов в противопоставляемых словах. Такая семантическая оппозиция, оформленная специальным приемом – стилистическим повтором, связана с усилительной (экспрессивной) и воздействующей функциями и указывает на противоречие, конфликтность эмоционально-психологического состояния говорящего. Высказывания подобного рода являются в нашей терминологии неэкологичными.

Для некоторых высказываний романтических партнеров характерна конвергенция повторов, т. е. их скопление в одном диалоге в рамках одной коммуникативной эмоциональной ситуации. Этим, прежде всего, характеризуются ситуации признания в любви, что обусловлено важностью темы общения и вызывает у коммуникантов эмоциональный взрыв, вербализуемый различными стилистическими средствами: *“I love you, like you love music,”* replied Charlie [Bronte]; *“I need to tell you something. It’s time for me to speak up, while you’re still here with me. I love you, Liz. I always have. I can’t imagine living without you. I love your every breath. I love you with my whole heart. I love you, and I wouldn’t hurt you for the world. Do you hear me? Do you understand? Please don’t treat me differently than you usually do”* [White, 1998]; *“I need to tell you something. It’s time for me to speak up, while you’re still here with me. I love you, Liz. I always have. I can’t imagine living without you. I love your very breath. I love you with my whole heart. I love you, and I wouldn’t hurt you for the world. Do you hear me? Do you understand? Please don’t treat me differently than you usually do”* [Там же].

Интенсивная конвергенция таких стилистических приемов, как звуковой повтор в виде аллитерации (*me...me...my...me; love, like, love; tell, love, while, still, always, living, world, please; you, your, usually; whole, heart, hurt*), повтор морфем, слов и фраз (*with, without; you... your; I love you; do you*), повтор конструкций (параллельные конструкции *do you hear me, do you understand* построены синтаксически одинаково), сравнение (*I love you, like you love music*), гипербола (*I love your every breath*), антитеза (*with you, without you*), использование эмотивных фразеологизмов и эпитетов-интенсификаторов (*I love you with my whole heart*) и др., актуализирует, выводит на первый план эмоциональное состояние адресанта – волнующую страсть.

Все стилистические приемы, в том числе и различные виды повторов, кластерно используемые говорящим, призваны оказать влияние на собеседника, усилить значение произносимых слов в ситуации признания в любви. Эффект усиления выразительности и выделения ключевого эмоционально-смыслового элемента в виде повтора фразы *I love you* достигается в дискурсе, эксплицитно выражающем пропозицию *I love you*. Находясь в экзистенциальной ситуации любви, *homo amans* проявляет дискурсивную инициативу, манифестируя собственные чувства и апеллируя к чувствам и эмоциям партнера.

Анафорический эмотивный повтор может вполне использоваться также и в рациональной аргументации. Модальность следующего фрагмента речи, в котором реализуется установка говорящего «проинформировать о своих чувствах», отличает строгая логичность и доказатель-

ность, но даже здесь говорящий, видимо, уже неоднократно переживший свои романтические эмоции и, вроде бы, описывающий их рационально, всё время спотыкается об эмоциональные ассоциации – эпенезы: “*My love for him is based upon knowledge and understanding. I only thought I knew and understood him better than this. <...> I love his gentleness and thoughtfulness.*” <...> “*He doesn't get angry easily; I love the fact that, even though he's color blind, he still enjoys flowers; I love the way he never gives up fighting when he knows he's in the right; I love his sense of beauty – you can hear it in his music; I love his sense of humor, even when the jokes aren't that funny; I love the fact that he values God's opinion above anyone else's; I love his sense of justice, and integrity – even when he walked out that door, I knew he was doing what he thought was right,*” finished Charlie. “*I loved him even then*” [Bronte, www]. Такой прием повторения подчеркивает симметричность структуры высказывания, ритмичность темпа речи, перечислительный, внешне нейтральный характер интонации. Как и предыдущий текстовый фрагмент речи, это высказывание отличается конвергенцией стилистических приемов, дающих возможность выразить и понять эмоциональное состояние говорящего в конкретной ситуации, хотя он старается говорить о нём рационально. Ведущее место среди приемов и средств, выполняющих функцию экспрессивизации романтического общения, как экологического, так и неэкологического, занимает анафорический лексико-синтаксический повтор *I love* и *I love his sense*, фиксирующий в данном высказывании эмоциональную доминанту с положительным модусом экологичности. Вариативность и повторяемость эмотивных средств являются ярким примером глорификации одного коммуниканта другим в глазах третьего лица, что является экологичным для всех трех сторон.

Ряд повторяющихся по структуре и нанизываемых друг на друга предложений не кажется однообразным, поскольку такая количественная интенсификация связана с экспрессивностью высказывания. Я солидарен с Т.Г. Ренц, которая считает, что экспрессивность выявляет себя необходимым соучастием эмоционально окрашенной мысли: экспрессивный знак соответствует некоторой психической реальности, удовлетворяет чувственной потребности говорящего и улучшает (или не улучшает в зависимости от эмоционального состояния другого речевого партнёра в конкретной романтической коммуникации) самочувствие адресанта и адресата, т. е. соответствует (или не соответствует) экологическим нормам общения и свидетельствует об экологической компетенции (или некомпетенции) говорящего [Ренц, 2013]. Немаловажным является и наличие / отсутствие у романтических партнёров

экологического интеллекта (см. об эмоциональном интеллекте выше). Именно при таких условиях романтического общения и проявляется эколого-прагматическое действие эмотивного знака языка. Сам же по себе он остается только прагмаэкологической возможностью (потенциалом). Отсюда следует, что эмоции создают эмоциональную ситуацию, а эмоциональная ситуация вызывает соответствующие эмоциональные образы (экологические / неэкологические), которыми и обмениваются коммуниканты.

Эмотивные повторы в романтическом общении имеют функцию усиления, давая говорящему возможность наиболее полно передать свои чувства, координируют его и воздействуют на адресата, заражая транслированным эмоциональным импульсом, т. е. индуцируя в его сердце адекватные эмоциональные смыслы и переживания.

Еще одним видом стилистического повтора является повтор семантический, который эксплицирует положительный модус эмотивности романтического общения. В работах ученых (В.Г. Гак, О.Е. Филимонова и др.) указывается, что при выражении эмоций и оценок нередко проявляется закон триады: трехкратное семантическое повторение эмотива, указание на три особенности объекта или предмета, которому дается оценка: “*You are kind and gentle and good*” [Darcy, 1993]; “*You are so frank, so splendid, so wonderful!*” [White, 1998]; “*And you are a wonderful nurse, and listener and excitement maker*” [Connor].

Такая синтаксическая организация романтических реплик в совокупности с амплификацией и полисиндетоном усиливает впечатление от сказанного, т. е. способствует интенсификации высказывания и качественным, и количественным способом. Здесь представляется уместным говорить об эмотивной плотности романтического высказывания, т. е. о высоком эмоциональном накале позитивной экологичности, улучшающей самочувствие речевых партнёров и притягивающей их друг к другу, насыщенности высказывания эмотивами, семантика которых усиливается семами восхищения. Такие высказывания, несомненно, приводят к повышению самооценки адресата. Добавим также, что чрезмерное употребление эмотивных повторов с положительным модусом экологичности может, однако, неожиданно иметь отрицательный эффект и в результате выступать маркером неэкологического общения: “*I love you, Andrea, I really love you. I love you more and more every day.*” Andrea looked at him, her *hurt and bewilderment written large on her face* [Leclaire, 1993].

Добавлю также, что различные виды повтора могут выступать языковыми показателями отрицательного модуса эмотивности в исследуемом типе общения. Возьмем, к примеру, следующее высказывание

одного из участников романтической коммуникации: *“Look at me! My life is useless... no! I take that back! My life was needless! I wish I hadn't been born! Let God go play with someone else's life, and leave mine alone!”* said Charlton in a loud voice, getting up from the table and going to the door [Bronte]. На общем фоне аллитерирующих звуков *look, life, needless, useless, let, play, else, leave, alone; me, my, mine*, создающих соответствующий характер изложения, появляются такие зоны напряжения, как *back, been, born; God, go*. Адресат не может не замечать увеличения звуковых повторов, характер которых меняется, через что он осознает связь используемых созвучий с темой высказывания.

Помимо повторов фонетического уровня, данный фрагмент речи насыщен эмотивной лексикой, передающей взволнованность говорящего. Эмотивное содержание и эмотивное восприятие такой реплики гармонично (т.е. понятие экологии общения включает в себя и параметр гармоничности) согласуются друг с другом за счет выразительной силы местоименного (*I, my, me, mine*), лексического (*life*) и тематического повтора параллельных синтаксических конструкций *My life is useless, My life was needless*, направленных на самодиффамацию. Отрицательный модус эмотивности высказывания реализуется, прежде всего, на уровне семантического повтора эмотивов *useless / needless*, которые сближаются с восклицанием *I wish I hadn't been born*, обладающим наибольшей степенью экспрессивности в данной реплике.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что отрицательный модус эмотивности может быть вербализован посредством повторения эмотивных единиц с положительным индексом. Рассмотрим следующий пример: *You are the most beautiful, the most desirable woman I have ever met in this world* (C.R. Murphy. Follow Your Heart). Из коммуникативной ситуации, в которой используется комплимент, построенный на основе лексико-семантического повтора, ясно, что адресат не реагирует на слова адресанта, т. к. ее эмоции отключены в силу безразличного отношения к говорящему и не находят позитивного отклика в её эмоциях. Поэтому высказывания адресанта представляются неэкологичными в данной квазиромантической ситуации. Иными словами, комплиментарное высказывание является ликоущемляющим для адресата, т. е. интенциональная экологичность общения становится неэкологичной. Этот пример является ярким доказательством взаимообусловленности эмоций и ситуации общения, о которых говорилось ранее.

Употребление повторов не ограничено рамками внешней речи: кластеры повторяемых эмотивных знаков представляют собой одно из ярких стилистических проявлений и во внутренней речи участников романтического общения. В приведенном ниже примере иллюстрируется

конвергенция повторов различного уровня – лексического, синтаксического, семантического: *“How could I have been so stupid?” he asked himself. “How could I be so stupid as to fall in love with a woman who is playing me for a fool against my brother? So stupid! So stupid! She doesn't love me. She doesn't care about me”* [Connor]. Контекст рассматриваемой ситуации показывает, что стимулом внутренней речи здесь является ревность, вызванная некоторыми поступками собеседницы, а реакция – «ответ» партнера на провокационный стимул – представлена в виде высказывания с эмфатическими интенсификаторами. Разнообразии эмоций адресанта (гнев, раздражение и т. д.) проявляется в ряде эмоциональных высказываний, плотность которых достаточно высока, а их диффамационный вектор направлен на самого себя. Несмотря на то, что переживаемые субъектом эмоции остаются замкнутыми в его мыслительной сфере, внутренняя речь оказывается не менее эмоциональной, чем внешняя. Полный тождественный повтор синтаксической конструкции *How could I be so stupid* и лексической единицы *stupid* с интенсификатором *so*, эксплицирующие эмоции раздражения, гнева, ярости, а также семантический повтор *She doesn't love me. She doesn't care about me* выступают средством увеличения эмотивной силы и экспрессивизации скрытой вербализации негативного переживания эмоционального состояния субъекта, снижения его самооценки и вызванного этим ухудшения его самочувствия.

В заключение подчеркну, что повторение эмотивов в романтической коммуникации является регулярной закономерностью, характеризующей данный тип коммуникации, а их стилистические ресурсы весьма значительны. Конвергенция разноуровневых повторов актуализирует два модуса рассматриваемого типа общения: положительный и отрицательный и, соответственно, экологичность / неэкологичность романтического общения. Интенциональная экологичность романтической коммуникации, реализуемая путем чрезмерного использования стилистических повторов и интонационных модуляций, может трансформироваться в неэкологичность, нарушая тем самым самым кооперативность и этичность общения. Выступающий кластерно эмотивный повтор эксплицируется как во внутренней, так и во внешней речи, участвует в процессах глорификации и диффамации адресата, адресанта и наблюдателя.

К этому добавлю, что повтор, и не только в романтической коммуникации, может являться еще одной разновидностью эмотивных средств языка. Другими словами, повтор – это эмотив, который увеличивает количество и разновидность кодовых знаков эмотивности (среди эмотивов до сих пор выделялись слова, ФЕ, синтаксические структуры – аффективы и коннотативы. Повтор является стилистическим приемом / средством эмотивности и, следовательно, ещё одной ипо-

стасью эмотивов, как и выделенный раньше перебив как эмотив). Всё отмеченное выше доказывает, что романтическая коммуникация может действительно рассматриваться как наиболее многомерный мodus экологичности.

§ 3. Знания, ориентирующие на позитивность коммуникации

*Ибо всякое естество зверей и птиц,
пресмыкающихся и морских животных укрощается
и укрощено естеством человеческим,
а язык укротить никто из людей не может:
это – неудержимое зло;
он исполнен смертоносного яда.*

Новый Завет, Соборное послание святого апостола Иакова,
3-я глава

Лучше зажечь свечи, чем ругать темноту.

Э. Стивенсон на похоронах своей жены

Сталкер страдает, но без эмоций.

А.В. Меняйлов

Прочтение вышеприведенного эпиграфа из Нового Завета вскрывает истинную сущность нашего языка: его изначальную злобность и неукротимость. Он является источником основных наших бед и конфликтов, ибо показывает, что, с одной стороны, язык от природы не воздержан, зол и провоцирует негативную рефлексию на окружающий мир и на людей, общающихся друг с другом. С другой стороны, такое общение является деструктивным и не только для самого человека, но и для языка, т. к. язык вынужден изобретать всё новые и новые злобные номинации и тем самым ухудшать свое качество, увеличивая асимметрию между позитивными и негативными оценочными знаками языка. Этот факт уже давно установлен лингвистами: негативно-оценочные знаки явно преобладают над позитивно-оценочными в кодовой системе языка [Карцевский, 2001]. Отсюда возникает проблема: может ли человек всё-таки волевым усилием и с определенной когнитивной вооруженностью справиться со своими эмоциями и сменить вектор общения во всех его видах на позитивный. А поскольку это прежде всего касается использования соответствующей эмотивной лексики, то данная проблема, несомненно, должна входить в круг проблем эмотивной лингвоэкологии.

Не зря существует поговорка «Язык мой – враг мой». Известно также: «Человек учится говорить 3–4 года, а молчать учится до конца дней своих». Трудно, конечно, молчать, когда вокруг тебя много раздражителей, трудно не реагировать на несправедливость, обман, непорядочность, пакости, предательство, оскорбление (очное и заочное), сплетни, слухи, скандалы вокруг твоего имени, игнорирование, замалчивание твоих заслуг [Шаховский, 2012 б, с. 90–112]. В свое время Э. Кант рекомендовал людям: «Нельзя использовать человека в качестве средства для достижения своих целей». Другими словами, он осуждал user'of, а их в современной рыночной жизни расплодилось с излишком – это мое личное мнение, основанное на наблюдениях, а также на многочисленных конкретных фактах, комментируемых современными бесчисленными СМИ.

Помимо этого, многочисленны раздражители социально-экономические и политические, вызывающие отрицательные эмоции у людей, которые смотрят ТВ и следят за СМИ (см. об этом ниже). Многие россияне уже отказываются, в целях сохранения своего здоровья, следить за этим негативом. Кроме того, многие люди отказываются и общаться с другими людьми, чтобы не получить лишнюю отрицательную энергетику, которой заряжено современное общество. В.Г. Гак неоднократно утверждал, что коммуникации без эмоций не бывает [Гак, 1998]. Тем более что лингвистикой эмоций доказан тезис о том, что человек не homo sapiens, а homo sentiens.

Одним из доказательств этого факта является неистребимость мата, бесполезность всякой борьбы с ним. В 2014 г. Госдума своим законом запретила мат в общественных местах, художественной литературе, но на улицах этот закон не сработал: как матерились, так и матерятся даже дети дошкольного возраста, не говоря уже о взрослом населении, включая политиков всех уровней.

Но уже в январе 2015 г. Министерство культуры РФ само внесло законопроект в Думу о смягчении наказания за мат и разрешении его в кинофильмах. Мат не обязательно является формой выражения эмоций, он может быть просто и специфическим русским артиклем или связкой [Шаховский, 2015 б, с. 112–124]. Наиболее ярким примером является повесть Дм. Быкова «Списанные», в которой с полной орфографией, без всяких точек и «запикивания» приводится полновесный мат члена Общественной палаты, юристов, бизнесменов, киносценариста. В звуковом варианте этот роман читает артистка Х без всякого стеснения, как естественную нормативную речь [Быков, 2012]. Данное произведение является не единственным примером. Я уже приводил в одной из своих работ произведение И. Шоу «At the Top of the Hill»,

в котором журналисты и спортсмены – интеллектуалы, американская молодежная элита все время использует 80 дериватов от знаменитого в 90-х годах прошлого века слова ‘fuck’. Однако мы, лингвисты, в своих научных работах и публичных выступлениях матом не пользуемся. И не только мы. Следовательно, без него, в принципе, можно обойтись, а здесь примером является фундаментальный труд о мате В.И. Жельвиса, который исследовал мат на материале 19 языков [Жельвис, 1997] и, тем не менее, ни одного матерного примера не привел (ср.: [Сковородников, 2013]). Еще одним примером является реприза В. Винокура о том, как слесарям одного ЖЭУ приказом запретили использовать мат под страхом лишения месячного оклада, где артист в лицах изобразил «муки творчества», их попытки («пытки») общаться в экстремальной ситуации (прорыв трубы с огненной водой в многоквартирном доме) нормальным человеческим языком. В определенных профессиональных сферах мат является не инвективой, а средством общения.

Лингвисты из Бристольского университета, проанализировав английскую литературу XX в., пришли к выводу, что общественные умонастроения и политическая обстановка в различные времена по-разному отражаются в выборе слов, сообщает немецкая газета «*Süddeutsche Zeitung*». Как говорится в статье, учёным удалось установить, что к концу XX в. в литературе снизились почти все эмоции, кроме страха. В своём исследовании учёные, изучив свыше пяти миллионов книг, сконцентрировали внимание на шести различных категориях настроений: гневе, антипатии, страхе, радости, удивлении и печали. Частота появления в тексте слов с позитивным или отрицательным значением колебалась в зависимости от того, были ли написаны книги во времена социальной беззаботности или же в беспокойные годы. Так, больше всего слов, означающих радость, можно найти в произведениях 1920-х и 1960-х гг. (URL: <http://suche.sueddeutsche.de/> (дата обращения: 15.01.2015)).

Эмоционализация мира и, прежде всего, российского общества, приводящая к трансформации личности, его психоэмоционального здоровья и психологии поведения, очень встревожила не только психологов, но и психолингвистов. В основном, как известно, коммуникация человека осуществляется вербально. Но, как показывает последнее пятилетие, существенную роль в вытеснении вербального общения играет теловая и акциональная коммуникация.

В литературе уже неоднократно утверждалось, что цивилизация началась якобы с того момента, когда дикарь, не говорящий ещё ни на каком языке, впервые вместо того, чтобы отомстить своему соплеменнику за обиду камнем или дубинкой, издал угрожающий звук. Похо-

же, что в настоящее время теловые и сопутствующие им акциональные (с помощью тела) типы общения нередко выдвигаются из периферии в центр межличностной коммуникации. Кроме того, все большее распространение получают эти типы общения на групповом, институциональном и даже межгосударственном уровнях.

Подтверждением этой мысли является статья «Сейчас взорвусь» [Владыкина], а также книга «Русский язык на грани нервного срыва» [Кронгауз, 2013]. На мой взгляд, в последнее время российское коммуникативное общество уже перешло эту грань и находится далеко за ее пределами.

В указанной статье Т. Владыкиной дан краткий обзор психоэмоционального состояния российского общества, отмечается его возросшая до предела агрессия, называются причины деформации общества в целом и его культуры. В сфере психоэмоционального общения возник и такой феномен, как девербализация эмоций [Карасик, 2009; Клушина, 2014], или девербализация как отказ от словного общения и возврат к эпохе дикарской коммуникации. Примеров тому в нашей теперешней жизни предостаточно. Некоторые факты: киллеры убивают людей безо всяких эмоций, т. к. они не испытывают их по отношению к назначенной жертве, с которой они, как правило, даже не знакомы. Это тип рационального убийства человека.

В статье «Сейчас взорвусь» приводятся факты, полученные в 2014 г. в Институте психологии РАН, и делается следующий вывод: «Россия не стала конфликтнее, злее, наглее и во многом потеряли способность к самоконтролю» [Владыкина].

Недовольство властью некоторой части населения тоже порождает агрессию. Как известно, любая власть стоит на двух ногах: строгость и справедливость (Б. Акунин. Звездуха). А если власть строга к одним слоям населения и добра к другим, закрывает глаза на их преступления в различных проявлениях, то такая власть несправедлива и вызывает недовольство. И чем больше несправедливость власти, тем агрессивнее становится общество от этой несправедливости.

По моему мнению, многим представителям населения чуждо знание об эмоциональном интеллекте, эмоциональном тьюнинге, экологическом интеллекте, экологичном мышлении, т. к. в государственной системе образования в настоящее время отсутствует воспитательный элемент, а некоторые наши СМИ, смакующие происходящие бесчисленные катастрофы, уносящие жизни десятков и сотен людей, вызывают кластеры отрицательных эмоций у населения.

Как отмечает проф. Е.Ф. Тарасов, языковое сознание представляется собой опосредованный языком образ мира той или иной культуры,

т. е. «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Тарасов, 1996, с. 187]. В другой своей статье ученый справедливо замечает, что алфавит эталонов сенсорных качеств человека никто еще не разработал, и они даже еще не дефинированы [Тарасов, 2014].

Возникает вопрос: какие знания о мире, какие образы формируются у человека после перцептивного восприятия таких событий и таких комментариев о них? Можно ли при этом говорить о кооперативном, доброжелательном общении людей друг с другом, власти с народом, т. е. не только институциональном, но и горизонтальном общении? Пояснения на этот счет дает нам В.З. Демьянков: «Чем кооперированнее общение людей, тем более согласованны их действия: когда мы наблюдаем адресность высказываний, в действиях собеседников наблюдается системность, одни высказывания приводят к другим. Именно в таких случаях поведение собеседников согласованно, “кооперированно”, в значении: направлено на выполнение одной общей задачи. Поэтому-то, видимо, и говорят об ‘общении’» [Демьянков, 2005, с. 31]. Исходя из вышеизложенного, со всей очевидностью можно утверждать, что ни о каком системном общении, ни о какой согласованности в решении единой задачи в современных условиях коммуникации не может идти речи.

Перед современной наукой всерьез встал вопрос об исследовании проблемы рационализации эмоций. Об агрессии, деструктивном общении, ненависти, мести, поругании, проклятиях и многих других аспектах этой проблемы написаны сотни кандидатских и докторских диссертаций. Медики обратили внимание на ухудшение здоровья населения, повышение смертности по этой причине, увеличение числа психиатрических больных. По данным министра здравоохранения В. Скворцовой (2015 г.), до 70% населения России, включая и школьников, страдают психическими расстройствами. Это факт неблагоприятной экологической атмосферы не только в сфере коммуникации. Появилось специальное исследование о шизореальности [Руднев, 2011]. Написаны тысячи статей об изменении ценностей – и культурных, и физиологических; о процессах деградации человека как личности, о деформации языковой личности под влиянием Интернета и других гаджетов. Даже в Госдуме уже раздаются голоса с требованием ограничить подачу негативной информации в СМИ до одной трети. Там тоже поняли деструктивное воздействие не только на имидж страны, но и на ментальное и психическое здоровье населения России в силу отрицательной эмоциогенности такой информации.

Открыты новые направления в науке – об оздоровлении психоэмоциональной ситуации в стране: эколлингвистика, педагогическая эколо-

гия, психологическая экология, экология медицины и др. Таким образом, лингвистика тоже занялась проблемой рационализации эмоций, у неё имеются уже значительные наработки по экологизации эмоций, т. е. по их обузданию, сдерживанию. И теперь дело за государственными структурами всех уровней – поинтересоваться этими наработками и рекомендациями психоллингвистов, лингвистов, лингвоэкологов, психоэкологов, педагогических и медицинских экологов.

В.Н. Телия своими фундаментальными лингвокультурологическими исследованиями смогла проникнуть в семантическую / смысловую глубь слова и ФЕ, «раскопать» и вытянуть на поверхность (эксплицировать) культурный код русского языка, который абсолютно лишен всякой агрессии и деструкции [Большой фразеологический словарь, 2006]. Достижения отечественной и мировой лингвистики в исследовании эмоций [The Language of Emotions, 1997] убедительно доказывают, что эмоции являются центральным фактором личности человека, а мои собственные исследования и исследования моих учеников убедили меня в том, что человек далеко не *homo sapiens*, а *homo sentiens* [Шаховский, 2008 а], ибо все его ментальные, вербальные, теловые и акциональные поступки мотивируются и движутся эмоциональными инстинктами и чувствованиями.

Следовательно, рационализация эмоций действительно является глобальной и очень сложной проблемой, которую, тем не менее, надо решать сообща. Выше я уже упоминал о дикаре, который рационализировал свой агрессивный инстинкт нечленораздельным звуком, ставшим со временем фонематичным семиотическим знаком угрозы. Но за истекшие миллионы лет, как показывает коммуникативная практика, человек практически от эмоциональных звуков перешел к эмоциональным словам, которые со временем зарядил разрушительной энергией [Шаховский, 2008 б].

В настоящий период *homo sentiens* все более возвращается на исходную дикарскую позицию и сопровождает свои вербальные угрозы, на всех уровнях, бросанием в своего врага, но уже не камня, а снарядов и хитроумных (фосфорных) бомб, не говоря уже о ядерных. Неужели мир действительно развивается по пресловутой спирали и человек, достигший фантастических успехов в научно-техническом прогрессе, деградирует до дикаря, обвешанного технологичными гаджетами и хакерскими изощрениями? Отмеченное выше требует срочно-го **лингвохирургического** вмешательства, потому что слово обладает значительно большей убойной силой, чем вся военная техника. Правильное владение словом способно было и, я уверен, в настоящее время может изменить ситуацию, если журналисты всех СМИ будут спе-

циально подготовлены и вооружены технологией возврата слову позитивной прагматической энергетике. Другими словами, надо научиться рационализировать свои эмоции.

Рационализацией, я полагаю, можно считать такой уровень контроля над своими эмоциями, который позволял бы человеку обуздать их, воздержаться от них или, как минимум, смягчить и перевести из чувственной сферы в «этом мире бушующем» в логическую сферу. А под «когнитивной вооружённостью» [Тарасов, 2014, с. 28] я понимаю системные знания всех коммуникантов о способах, средствах, приёмах, методиках и методах владения своими эмоциями и регулирования / моделирования эмоций собеседника (слушающего / пишущего / смотрящего). Ниже я попытаюсь кратко, можно сказать, пунктирно перечислить некоторые из тех когнитивных ресурсов (знаний), которыми наука уже обладает и которые уже можно внедрить в курс воздержания от бурного проявления эмоций. В этот курс можно было бы включить те задачи / проблемы, которые необходимо в ближайшее время начинать решать сообща как гражданскому обществу в целом, так и государственным структурам.

Начнём с того, что первой ступенью рационализации эмоций является их номинация. Рационализированными являются эмоции и в песенных стихах, и в художественной литературе о любви и ненависти, грусти, печали и прочих эмоциях. Тексты этих художественных произведений могут быть эмоциогенными, но сами по себе эмоции в них рационализированы, потому что они осмыслены авторами и исполнителями, которые уже не переживают их и не выражают, а описывают. Описание эмоций – это ещё одна ступень их рационализации. Аналогично вся мировая художественная литература, посвящённая страстям человеческим, представляет собой их рационализацию, т. к. здесь они уже не спонтанны, не инстинктивны, а обдуманы авторами и персонажами. Выражение эмоций в них, сколь бы грубым оно ни было, тоже уже рационализировано, т. к. выражено в осмысленных словах (правда, это осмысление имеет разную степень глубины).

Однако речь должна идти о такой рационализации эмоций, которая не является эмоциогенной, но при этом не разрушает ни язык, ни здоровье коммуникантов. Известно, что человек, выражающий даже уже рационализированные им эмоции, может разрушать себя изнутри тем, что загоняет свои истинные эмоции вовнутрь себя. В таких ситуациях он их может подменять, смягчать. Примером является еще один роман Б. Акунина, повествующий о правнуке Э.П. Фандорина – Олеге, который живет уже в наше время и подвергается всем его эмоционально-трагическим воздействиям, но не выпускает эмоций наружу, а, загоняя

их вовнутрь, переживает их и страдает от них. Этим он отличается от своего прадеда – Эраста Фандорина, который такие эмоции просто игнорировал. Такое игнорирование эмоций Эрастом Петровичем очень ярко представлено в романах Б. Акунина «Планета Вода», «Алмазная колесница», где Эраст Петрович показан как образец владения своими эмоциями, воздержания и полного их сокрытия, т. е. их рационализации на вербальном и акциональном уровнях внешнего реагирования на беспредельные раздражители. Классическим образцом такого реагирования на неприятную ситуацию является опять-таки правило поведения Эраста Фандорина: *Если перевернулась телега, стань на голову, чтобы поменять ситуацию.* Это правило известно давно: во всем, даже самом плохом, надо находить что-то хорошее и на нем строить свою дальнейшую жизнь и свои дальнейшие взаимоотношения.

На этих примерах показана саморегуляция человека, который не может не реагировать на современный окружающий мир, особенно в сфере криминального бизнеса. Другое дело, когда речь идет об имитации, симуляции эмоций. Здесь воспроизводится только их оболочка, говорящий их не переживает, а слушающий может декодировать их с эмоциональной «начинкой», зарядом, нагрузкой.

Напомню, что психология уже давно предложила коммуникативному миру методику тренинга айкидо [Литвак, 2009]. Но эта методика, к сожалению, в учебных заведениях при подготовке специалистов разных профилей не используется. В учебных программах всех образовательных учреждений отсутствуют предметы «Коммуникология» и «Речевая практика», которые могли бы способствовать решению проблемы позитивной коммуникации.

Психологией также разработана и практикуется методика выведения человека из стрессовой ситуации, когда он входит в ступор, – это, как правило, бывает при различного вида катастрофах, терактах и в других случаях гибели близких людей. Приведем примеры некоторых таких рекомендаций:

«Если близкий вам человек находится в ступоре (остановившийся взгляд, неподвижность и т. п.) – не отпускайте его одного. Обнимите и поезжайте домой вместе с ним, рассказывая о своих планах словами: “Сейчас сядем в такси, поедем домой, я всё время буду с тобой” и т. д.

Если в ступоре находится незнакомец – вы можете ему помочь, просто подойдя поближе, взяв за руку, начав разговаривать: “Кто вы? Могу ли я чем-то вам помочь?” Можно похлопывать человека по плечу, прикрыть чем-то тёплым, если началась дрожь, побуждать разговаривать. Слез бояться не следует: выражение эмоционального аффекта – это гораздо лучше, чем ступор» (URL:<http://www.miloserdie>).

ru/articles/pravila-pervoj-psihologicheskoy-pomoshhi/print (дата обращения: 23.01.2015)).

К сожалению, эти рекомендации не всегда эффективны для снятия агрессии человека и других эмоций, входящих в кластер гнева. В литературе имеется специальная работа, посвящённая проблеме утешения, в которой приводятся и другие рекомендации, как поступать с человеком в его несчастьях и других эмоциональных кризах [Романов, немец, 2006]. Все вышеперечисленные источники приводят рекомендации по психологической реабилитации человека, попавшего в эмоционально неприятную ситуацию, в том числе и коммуникативную.

В вышеупомянутой статье «Сейчас взорвусь» предлагаются несколько путей снятия агрессивной напряжённости в российском обществе:

- курсы обучения контролю над агрессией;
- позитивная психология;
- реформирование системы образования и патриотического воспитания для создания позитивного образа своей страны и народа – повсеместное создание центров патриотического воспитания с разъяснением смыслового содержания концепта «патриотизм» и приведение этого содержания в соответствие с жизнью в стране.

Для этого, прежде всего, нужно изъять из коммуникативного обращения во всех СМИ и из политических речей понятия «образ врага» (как внешнего, так и внутреннего) и «пятая колонна». Этим сейчас, к сожалению, грешит большинство СМИ. Человек не может быть дружелюбным и жить без страха, если ему всё время твердят о том, что все страны – враги и внутри страны существует «пятая колонна». Такая информация получила название «сбитый фокус» восприятия и понимания.

Как в стране, так и во всех коллективах людей необходимо воспитание позитивной психологии, позитивного мышления / сознания, экологического интеллекта и позитивного коммуникативного поведения. Для этого необходимо научить людей притормаживать, сдерживать, скрывать свои эмоции в соответствующих коммуникативных ситуациях и переводить их стрелки на неодушевленные предметы.

В последние несколько лет этой проблеме посвящён ряд очень интересных публикаций (см., напр.: [Леонтович, 2015 и др.]), а также работы по конфликтологии и о способах и приёмах предупреждения конфликта и выхода из него [Кара-Мурза, 2013]. Речь идёт, конечно же, не только о межперсональных конфликтах, но и о групповых, а также о межгосударственных и межконфессиональных конфликтах, которые мы наблюдаем в последнее десятилетие с особой тревогой, если не сказать больше. И такая ситуация не способствует экологизации взаимо-

отношений людей как на вербальном, так и на паралингвистическом, акциональном уровнях коммуникации.

Позитивное общение, конечно же, предполагает толерантность. Без толерантности невозможно позитивное общение. Мало освободить человека от того, что делает его несчастным – неврозов, фобий, депрессии и всех эмоциональных рисков, нужно ещё и специально развивать позитивные состояния самого человека. Для этого необходимо с раннего детства развивать в ребёнке, подростке, студенте и во всех трудовых / профессиональных коллективах такие позитивные качества характера, как добродетель, совесть, порядочность, доброжелательность, милосердие, правдивость, честь, сочувствие, верность во всех своих параметрах, преданность, вежливость, искренность, чистоплотность, дружелюбность, целомудрие, терпеливость, великодушие, сдержанность, скромность, отзывчивость, благородство, достоинство, гармоничность, взаимопонимание, добропорядочность, солидарность, уважение к старшим, любовь к природе, к Родине, тяга к чтению, этичность, способность к покаянию (признанию своей вины), умение искренне извиниться и др.

Без соответствующей когнитивной экологической компетенции невозможно избежать конфликтов, скандалов, судебных исков о защите чести и достоинства, которые сейчас проникли во все сферы жизнедеятельности человека. К моему большому сожалению, они сейчас процветают и в мире нашей лингвистики, и других наук в связи с её коммерциализацией и личной неприязнью некоторых учёных друг к другу (завистью и местью).

Напомню, что имеется фундаментальное исследование Д. Гоулмана об эмоциональном интеллекте и его пяти конститuentах [Goleman, 1997]. С помощью этой монографии разработаны 5 практических шагов адаптивной коммуникации, которые названы «эмоциональный тьюнинг». В связи с этим напомню слова древнегреческого мыслителя Аристотеля о гневе, который он считал самой разрушительной эмоцией не только для того, на кого он был направлен, но и для того, кто гневается.

В связи с этим на ум приходит «социальная улыбка» американцев. От неё приятно любому собеседнику, но что на самом деле чувствует улыбающийся, никому не известно. К сожалению, «социальная улыбка» в России ни в одном учреждении так и не прижилась, даже в социальном, т. к. в русском сценарии эмоций она не предусмотрена изначально и, следовательно, её тоже нужно прививать с детства, чтобы не видеть вокруг себя угрюмые, злобные, грустные лица. Но привить улыбку на лице без изменения ситуации в обществе не удастся.

Полагаю, что при всей практической трудности преодоления внешнего негативного проявления эмоций общество должно дать человеку когнитивные ресурсы для самостоятельного сопротивления своей привычке к злобным высказываниям и взаимным оскорблениям. Конечно, существуют в изобилии медицинские препараты седативного характера, притупляющие чувственное реагирование человека на внешний мир и, следовательно, смягчающие речевые формы эмоциональной реакции. Но в данной работе проблеме предлагается решать внутренним сознательным воздействием на свой эмоциональный / экологический интеллект, на эмоциональное / экологическое мышление и его речевую презентацию через эмоциональный тьюнинг. Для этого необходимы воспитание и самовоспитание в человеке внутреннего лингвоэкологического цензора своего вербального поведения.

Поэтому, конечно же, надо вводить в коммуникативную компетенцию человека знания не только о языке, но и о культуре вообще и о речевой культуре в частности. Кроме того, каждому коммуниканту необходимы такие составляющие коммуникативной компетенции, как эмоциональная, эмотивная, экологическая и человеческая.

Лингвистикой эмоций разработано содержание таких компетенций. Эмотивной лингвоэкологией предложено понятие экологического мышления и экологического интеллекта и выработаны параметры экологического общения людей: доброжелательность, вежливость, кооперативность, этичность, сочувствие, адаптивность и др. [Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве, 2013].

В стране давно уже работает Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам («ГЛЭДИС»), организатором и руководителем которой является проф. М.В. Горбаневский. По образцу данной Гильдии в 27 субъектах РФ созданы центры лингвистов-экспертов, участвующих в судебных разбирательствах и направляющих свои заключения правоохранительным и судебным органам об экологичном / неэкологичном вербальном поведении подследственных. На таких процессах, как правило, присутствует большое количество зрителей, которые познают, в чём заключается неправильность (неэкологичность) вербального поведения; кроме того, эти процессы активно комментируются в СМИ. Тем самым коммуниканты получают необходимую компетенцию и делятся ею со своими коллегами и родственниками. Таким образом, данная Гильдия проводит воспитательно-просветительную работу по экологическому воспитанию граждан страны, а также ориентирует и конфликтующие стороны на экологичный выход из конфликтов.

Современной психологии в дидактиках всех типов образовательных учреждений по аналогии с дресс-кодом нужно ввести и этико-эмоциональный код культуры позитивного общения людей друг с другом. И, прежде всего, власть должна научить своих многочисленных чиновников позитивно общаться с народом: не вымогать, не хамить, вести приём граждан по графику, выполнять обещания, своевременно реагировать на все запросы и жалобы, а не заниматься пустыми, формальными отписками, не запускать отписки по бесконечным чиновничьим кругам (подробнее см. часть V, § 3).

Разумеется, полная рационализация эмоций невозможна, потому что человек есть не *homo sapiens*, а *homo sentiens*. Но какие-то культурно-этические нормы эмоционального общения, понижающие градус его напряжённости, должны быть введены как обязательные в коммуникативном обществе.

Хорошо понимаю трудность разрешения проблемы рационализации эмоций, особенно в практическом плане. Однако это не значит, что эту проблему надо замалчивать. Её нужно продвигать из периферии в центр научно-исследовательской тематики, к ней необходимо привлекать общественное мнение и мнение государственных структур. Этой цели и посвящена данная работа.

Как говорил Л.Д. Ландау, лучше притворяться счастливым, чем чувствовать себя несчастным. Действительно, лучше казаться, чем быть. Но это для других, а не для себя. И в этом трудность решения данной проблемы. Тем более что на мнение Ландау известно мнение Шекспира: «Уж лучше быть, чем слыть».

Прошу читателя не ожидать от предлагаемых чужих и моих собственных рекомендаций по обузданию своих и чужих эмоций быстрого положительного результата.

Из начальных строк данного параграфа явствует, каким злом является для человека его собственный язык. А поскольку человек – существо биосоциальное, этой враждебностью невольно может быть пронизано и всё общество, если не требовать от человека подчиняться этическим и экологическим нормам общения друг с другом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение многих веков не существовало понятия «экология» и самого термина, люди совершенно не осознавали того, что значит для них эмоция, и, разумеется, не было такой науки, как лингвистика эмоций – раздела антропоцентричной лингвистики. Поэтому только с появлением последней и благодаря интеграции ряда наук могла появиться эмотивная лингвоэкология.

После того как Н. Хомский обосновал свою теорию “Competence and Performance” и запустил в научный обиход понятие языковой компетенции, лингвисты долго не принимали эту теорию, но начали размышлять о совершенствовании человеческого общения. На начальной стадии понятие «языковая компетенция» включало в себя только знание языка, всех его «этажей», правила пользования ими. Этого было достаточно для внутриязыкового общения. Но как только человечество вышло за границы внутрикультурного общения, возникла необходимость ксенокультурных знаний. Появился такой компонент языковой компетенции, как страноведческий (культуроведческий), без которого не может быть адекватной коммуникации в ксеносфере.

Достижение лингвокультурологии оформилось в науку концептологию, которая занималась концептами, концептуализацией мира, её лексикализацией и семантизацией. И здесь homo loquens вдруг осознал, что общение без эмоций невозможно. Именно тогда логично из всех предыдущих парадигм лингвистики появилась лингвистика эмоций, получившая название «эмотиология». Она выявила ещё две компетенции, необходимые для эффективного человеческого общения: эмоциональную и эмотивную. Таким образом, в понятие «коммуникативная компетенция» уже включалась не только языковая компетенция, но и страноведческая, культуроведческая, лингвокультурологическая, эмоциональная и эмотивная. Языкознание было теперь готово обратить внимание на среду обитания говорящего человека, на место человека в этой среде и на роль языка в их взаимодействии друг с другом. К этому времени уже работал термин «экология» в его первом значении («природоохранение»). С учётом же человеческого фактора коммуникации (прежде всего эмоций) лингвистика начала связывать её вначале с социологией, а потом и с валеологией.

Как показано в первой части книги, основами концепции эмотивной лингвоэкологии можно считать триаду *лингвистика – экология – валеология*. Однако предтечей этой новой отрасли языкознания всё-таки явился весь вышеперечисленный ряд наук, каждый элемент которого породился из предыдущего. Это монолитное единство, составляющее

динамику движения языкознания от практики к теории, привело затем и к формированию теории эмотивной лингвоэкологии (ЭЛЭ). Эта наука является не суммой всех перечисленных здесь наук, а суммативным их знанием. Рождение ЭЛЭ обусловлено требованием времени и теоретически обосновывает практику современного человеческого общения не только в одноязычном, но и в многоязычном континууме. Меняющийся мир не может не влиять на коммуникацию – её многочисленные формы, средства, тактики и стратегии.

Это действительно «основы», потому что за пределами книги осталось множество проблем, требующих специального исследования, для того чтобы человечество, наконец, научилось правильно вести себя во всех видах / типах общения – межперсональном, групповом, институциональном, межгосударственном и др.

Человечество, к сожалению, пытается в своём общении к девербализации и акциональному общению. Многолетние наблюдения за этим процессом заставили автора обобщить их и включить в книгу наиболее острые, по его мнению, проблемы.

В книге вычленяется перспективная проблематика ЭЛЭ, демонстрируются наиболее плодотворные методы и методики её исследования. Кроме этого, подчёркивается тесная взаимосвязь ЭЛЭ с процессами, происходящими в обществе и с человеком в нем, а также во всех типах человеческой коммуникации, прежде всего, в медийной сфере. Медиафера не только отражает всё происходящее в современной российской действительности, но и рефлектирует это происходящее через собственное восприятие. Эта рефлексия требует новых номинаций (креатем), референтами которых являются новые события, их оценивания через эти номинации и комментирования, которые, в свою очередь, комментируются другими СМИ через оценочные креатемы.

Естественно, что как дескрипция различных событий в стране (природные и технократические катаклизмы, политические события, теракты, войны и т. д.), так и эмоциональная реакция на них высвечивают огромную роль эмоций в обеспечении жизнеустойчивости человека. В книге подробно анализируется и иллюстрируется энергетическая мощь эмоций.

Эмоции человека обладают *амбивалентной* энергетической мощностью, в связи с чем, будучи транслируемыми языком, могут быть как экологичными, так и неэкологичными для человека, его языка, культуры и социума. В этом и заключается двунаправленная ценность эмоций: и положительная, и отрицательная. Знание об этом должно быть заложено в коммуникативную компетенцию в виде эмоциональных, эмотивных и экологических конституентов.

Как показано в книге, все эмоции дискурсивны, т. е. зависят от конкретной ситуации, события, факта и конкретной языковой личности, общности (социума), темы, соответствующих комментариев, в которых используются соответствующие ситуации, соответствующие эмоции, уже существующие в языке или создающиеся в данной ситуации (креатемы). Языковые и речевые знаки провоцируются исходной ситуацией и, в свою очередь, провоцируют новые эмоциональные ситуации, которые, в свою очередь, провоцируют деривацию новых креатем.

Автором проведена первичная работа по выделению основных типов дискурсов. С одной стороны, единицы (слова и словосочетания) каждого из выделенных дискурсов использованы в разных разделах книги в качестве иллюстративных примеров. С другой стороны, они объединены в приложении 2, так что читатель получит определённое представление о дискурсивности эмоций, коррелирующих с эмоциями современного социума. В перспективе возможно создание тематического словаря дискурсов. В книге описаны роль эмоций в развёртывании уже существующих дискурсов, возникших несколько ранее за счёт новой реальности современного социума, а также их роль в формировании совершенно новых дискурсов, соответствующих значимым / ключевым природным, политическим, экономическим и другим факторам. Подчёркнута важность проблемы кооперативного общения в условиях новых, агрессивных коммуникативных эмоциональных ситуаций – общения, которое невозможно без настройки коммуникантов друг на друга. В книге такая настройка называется эмоциональным тьюнингом – разновидностью адаптирующей функции языка. Предлагается вводить в коммуникативную компетенцию языковой личности теоретические знания и практические навыки психолингвистического феномена эмоционального тьюнинга во время научающей коммуникации. Всё это должно сформировать эмоциональную, эмотивную и экологическую компетенции как компоненты коммуникативной компетенции говорящего. Это объясняется тем, что эмоции являются мотивационной основой сознания / мышления / речи. В книге показано, что наше мышление базируется не столько на языке, сколько на субъективных, в том числе и эмоциональных, понятиях, которые задаются эмоциональным дейксисом говорящего и его эмоциональным ментальным стилем, входящими в его эмоциональный интеллект. Роль вербального и невербального эмоционального кодов двойка: эксплицитирование в разной степени аппроксимации внутренних переживаний говорящего и, одновременно, направление понимания реципиента в определённое эмоционально-интеллектуальное русло.

В книге рассмотрены роль эмоций в общении, их участие в формировании экологичного / неэкологичного общения, что можно называть модусом экологичности, с учетом того, какие эмоции переживает человек в конкретной эмоциональной ситуации и какие языковые средства выбирает он в зависимости от эмоций и ситуации. Этот выбор осложняется ещё и тем, что отсутствует прямая зависимость между положительной эмоцией и экологичностью коммуникации, отрицательной эмоцией и неэкологичностью коммуникации. Исследование продемонстрировало, что экологичность / неэкологичность зависят не только от амби- / поливалентности эмоций, но и от наличия так называемых смешанных эмоций, когда одновременно реализуются несколько эмоций со смешанными знаками позитивности-негативности. Полагаю, что распознавание конститuentов смешанных эмоций относится к высшему уровню сложности – зависимости, существующие между эмоциями и их экологичностью, ещё предстоит досконально исследовать. Предлагается предварительное решение этой проблемы. Принципы регуляции отрицательной тональности общения, проблема балансировки векторов гармонизации и деструкции общения – это проблема природной семантики слова или приобретения (наведения) её из ситуации.

Модус экологичности общения является компонентом вычленимой в работе экологической компетенции как компонента коммуникативной компетенции. Экологический компонент зависит от наличия / отсутствия у коммуникантов экологического интеллекта (знания о параметрах экологичности, её маркёрах, кодированных для данного коммуникативного социума), тесно взаимосвязанного с эмоциональным интеллектом.

Наличие экологического и эмоционального интеллектов необходимо для правильной ориентации в многообразных экологических посылах и вызовах. Поэтому обучать нужно не только ориентации в экологических посылах, но и адекватному их восприятию, интерпретации и реагированию на них.

Несомненно, существуют люди с врожденной лингвистической и экологической способностью к адекватной реализации такой компетенции. Для всех остальных, особенно для будущих журналистов, необходимы теоретическая подготовка и специальные тренинги для формирования экологичной коммуникативной компетенции со всеми ее конститuentами. И только тогда, когда люди овладеют «золотым» и «платиновым» правилами коммуникации («Говори так, как ты хочешь, чтобы говорили с тобой»; «Говори так, как того хочет твой речевой партнер» – так учит современная коммуникология), они смогут, наконец,

более эффективно и безболезненно общаться. Пока же большинство коммуникантов спотыкается о коммуникативные помехи и попадает в провалы, даже совершает ненамеренно коммуникативные преступления (конфликты, оскорбления, убийства).

Защита эмоциональной сферы человека от языка, на котором он говорит, возможна при условии формирования коммуникативно-экологической компетенции языковой личности любого социума. Это необходимо делать потому, что коммуницирующие стороны через энергетическую мощь эмоций оказывают воздействие на *ratio*- и *emotio*поведение друг друга, что оказывает и соответствующее влияние на сам язык. Именно аспект зависимости здоровья человека и здоровья его языка от эмоций, которые человек испытывает в конкретных КЭС и которые руководят изобретением и использованием новых экологических / неэкологических креативов, поднимается в исследовании. Если же теоретические знания об экологии коммуникации и не обеспечат умения избегать коммуникативных сбоев, провалов, различного рода травм, то, возможно, они облегчат и ускорят поиск средств по их ликвидации, а также научат общающихся превентивно использовать терапевтические ресурсы Слова. Однако одних теоретических знаний об экологичной коммуникации недостаточно, т. к. необходимы еще соответствующие умения и навыки экологичного общения. У всех коммуникантов конкретного социума должны быть единые правила коммуникации по аналогии с правилами дорожного движения. Каждый коммуникант должен владеть экологическим кодом общения.

Многочисленные коммуникативные ситуации демонстрируют случаи нервного срыва и у пользователей языка, и у самого языка, настойчиво указывают на необходимость перемещения проблемы экологичности языка и экологичного интеллекта / мышления / сознания в центр исследовательской тематики и практических действий представителей науки, культуры, общественных организаций, правительства, профессиональных корпораций, особенно СМИ.

Однoboкoe использование ключевых слов только в негативных целях объясняется тем, что в современных СМИ имеется очень много негативной информации, вредной для здоровья, особенно детского. Негативные слова – это хотя бы какая-то информация, а новояз – вообще обрезание информации, т. е. её сокрытие или искажение. Развитие данной тенденции наиболее очевидно на примере Интернета. Там происходит навязывание негатива, через него не продрапаться к нужной информации. Как правило, всё это оформляется в новояз юридствующих и изуродованных креативом.

Конечно, экологичная коммуникация существует. Однако баланс сдвинут в сторону негатива. Это нарушает впечатление о языке. СМИ должны учитывать, как такой негативный язык влияет на здоровье. Если говорить с читателями только на таком негативном языке, то есть вероятность, что язык скукожится, как шагреневая кожа, до узкого круга только негативной лексики, а вся положительная часть вначале уйдёт в маргинал, а потом постепенно сотрётся и забудется. Такое однoboкoe использование языка оказывает негативное психоэмоциональное воздействие на читателя, слушателя, зрителя и на общество в целом, ведёт к деформации языковой личности, а также к формированию вездесущего образа врага. Это, в свою очередь, приводит к постоянному ощущению страха, боязни и деструкции человеческого сознания. Возникает иногда и ощущение коммуникативного садизма.

Напрашивается вполне естественный вывод о том, что СМИ должны использовать средства митигации в подаче негативных фактов. Для этого надо бы пересмотреть языковую политику в разграничении коммуникации, информации и пропаганды и активизировать терапевтическую, а не разрушительную функцию языка. То есть сделать общение экологичным. Такой терапевтический эффект может быть достигнут при единственном условии – многочисленности точек зрения на происходящие события и факты. Только это развивает креативность мышления, позволяет читателю, слушателю, зрителю учиться сопоставлять разные мнения, анализировать их, соотносить с собственными наблюдениями и вырабатывать свою позицию, время от времени ее корректировать опять-таки через многоточие зрения. При верной самоориентированности и правильном эмоциональном саморегулировании адресат отметит неэкологичные послылы и вызовы, зафиксирует своё внимание на правильном русском языке. Русский язык достаточно богат для передачи любой информации и без прибегания к мату, оскорблениям и девербальным акциям, которыми так изобилует поведение некоторых отечественных и зарубежных политиков.

Именно СМИ являются тем местом, в котором изобретаются и из которого разлетаются по уже существующим дискурсам креативы, с помощью которых они (СМИ) в дальнейшем формируют новые дискурсы. Разумеется, в книге поднимается проблема ответственности СМИ за их речевое поведение, проблема падения авторитета СМИ из-за их системной неэкологичности и негативного реагирования получателей на информацию. А это и есть унижение языком в коммуникативном пространстве современной России. Однако, если у старшего и среднего поколений унижение языком вызывает неприятие информации, осуждение, протест против такого речевого поведения СМИ, то молодое поко-

ление россиян считает, что тот язык, который они слышат вокруг себя и которым они пользуются сами, и есть естественный русский язык.

В книге также анализируется взаимодействие социальных событий и языкового поведения журналистов. Эта интеракция иллюстрируется через эмотивные окказионализмы и неологизмы (концептуальные и лексические бленды) как негативное отражение этих событий. Объясняется их провокативная функция и соответствующее влияние на психоэмоциональное здоровье адресата. Иллюстрируются семиотические изменения в динамике русского языка.

Богатый иллюстративный материал современных медийных креативов позволяет поднять вопрос создания «Словаря эколого-эмотивных лингвем». Фиксирование внимания его пользователей на позитивной его части позволило бы, по моему мнению, укрепить экологию языка и культуры речи, а также экологию здоровья граждан и экологический имидж страны как внутри нее, так и за её пределами. В то же время его негативная составляющая обращала бы внимание пользователей таким словарём на речевые «перегибы», связанные с неэкологичными упаковками, порождаемыми в СМИ. Полагаю, что при всей практической трудности преодоления внешнего негативного проявления эмоций общество должно дать человеку когнитивные ресурсы самостоятельно сопротивляться желанию своего языка к злобным высказываниям и взаимным оскорблениям и уметь адекватно пользоваться лингвопластикой языка. Для этого необходимо воспитание и самовоспитание в человеке внутреннего лингвоэкологического цензора своего вербального поведения.

Примером позитивного общения является романтический его тип. Стилистические ресурсы такого типа общения (choice & combination) мотивируются ярко позитивным вектором эмоций романтических коммуникантов. Пожалуй, романтическая коммуникация может действительно рассматриваться как наиболее многомерный модус экологичности. В романтической коммуникации голос эмоций всегда имеет общую эмоциональную базу: векторы эмоций коммуникантов направлены друг к другу в позитивной упаковке, и потому такое общение является наиболее экологически безопасным, терапевтическим как для коммуникантов, так и для их языка. В этой концепции голос эмоций должен иметь общую позитивную эмоционально-смысловую базу, ее надо создавать и желателно создавать во всех типах человеческого общения. Все тексты, порождаемые языком, должны ориентировать на радостную перспективу. Позитивные эмоции должны доминировать в общении людей и возвышать их. Реализации этой функции должны служить искусство, наука, нравственное телевидение и этико-экологичная журналистика.

Целесообразно выделить ещё одну функцию как языка, так и эмоций – экологическую. Она условно распадается на собственно экологическую (здесь можно говорить о здоровьесохранении языка) и её подвид – коммуникативную (собственно здоровьесохранение или охрана здоровья коммуникативной личности от разрушительного воздействия языка). Обобщённо это можно сформулировать следующим образом: в современной коммуникации необходимо осуществлять охрану как самого языка, так и охрану от него же.

Проблема нетолерантности как неэкологичности проявляется в российском социуме на различных уровнях, т. е. непозитивная коммуникация становится чуть ли не всеобщей. Получается, что в концепции эмотивной лингвоэкологии непозитивное общение становится доминантным, т. е. экологически опасным для всех сторон. А с учетом всех видов нетолерантности во всех видах общения естествен вывод о том, что она является мощным конфликтообразующим фактором коммуникации.

Как показано в книге, это же относится и к сфере бизнеса. Бытовавшее долгое время мнение о том, что бизнесу чужды эмоции и что стиль общения в бизнесе всегда рационален, в современном социуме оказывается ошибочным. Анализ различных коммуникативных ситуаций в сфере бизнеса обнаруживает наличие эмоциональности в речевом поведении коммуникантов независимо от статуса бизнеса и иерархической подчиненности его участников. Эмоционализация устной бизнес-коммуникации на речевом уровне порождает такое новое средство эмотивности, как речевой перебив-аффектив, маркирующий неэкологичную бизнес-коммуникацию. Перебив эксплицирует эмоционально-чувственные состояния коммуникантов. В бизнес-коммуникации перебивание собеседника всегда эмоциогенно, т. е. вызывает, как правило, отрицательные эмоции и чувства у адресата и наблюдателя.

Особо негативное влияние на все сферы и аспекты человеческого общения оказывает широко распространенная ложь. Исследование ряда теоретических работ по лингвистике лжи и эмпирический материал, включающий факты реальной и художественной коммуникации, позволяют утверждать, что вербальная ложь тоже эмоциональна (явно или скрыто) и базируется на эмоциях человека лгущего – *homo mentiens (fallens)*, в частности, как минимум, на эмоции определенно («шкурного») интереса.

В данной работе подчеркивается, почему феномен эмотивного значения продолжает оставаться актуальнейшей проблемой психолингвистики, когнитивистики, а теперь и эмотивной лингвоэколо-

гии. В общих чертах здесь перечисляются основные характеристики этого нового языковедческого направления (объект, предметы – проблемы, задачи, параметры), предложен довольно полный понятийно-терминологический аппарат и ключевые слова – скрепы этой научной дисциплины.

Объектом эмотивной лингвоэкологии является модус экологичности общения всех видов в зависимости от эмоциональных валентностей – амби-, поливалентностей, их ситуативных семантических конкретизаторов смысловых нюансов, варьируемых конкретными эмоциональными языковыми личностями.

Целью же данного нового направления лингвистики выступают выявление и описание всех параметров экологичного / неэкологичного общения, их включение в эмоциональную / эмотивную и экологическую компетенции языковой личности, разработка понятийно-терминологического аппарата и методов, методик и приёмов её исследования.

Главной задачей эмотивной лингвоэкологии, таким образом, является смена негативного вектора общения на позитивный для прекращения или сдерживания негативных эмоций с целью сохранения здоровья как самого языка, так и его пользователей. Данная наука может быть определена как одна из экономических категорий, поскольку от модуса эмоций, реализуемых в позитивном или негативном общении, зависит здоровье человека, его самочувствие, которое не может не влиять на качество его профессиональной деятельности.

Материал данной книги показывает, что методика определения модуса экологичности (экологичная – неэкологичная номинация) определяется по нескольким параметрам: 1) собственная интроспекция исследователя, т. е. его лингвистическая интуиция и эмоциональная / эмотивная компетенция; 2) переживания, ощущения пользователя, связанные с событием, фактом, действием (как вербальным, так и невербальным), которые вызывают определенные ассоциации. В свою очередь, эти ассоциации коррелируют с номинациями этих событий и семантикой этих номинаций, на которую наслаиваются негативные коннотации. Последние со временем, а иногда и мгновенно, закрепляются за семантикой данной креатемы. Через эти коннотации, выросшие из соответствующих ассоциаций, номинация события становится языковым символом самого события, регулярно воспроизводящим негативные / позитивные ощущения, переживания; 3) языковые символы (креатемы), воспроизводящие в сознании коммуникантов определенные эмоциональные ситуации, которые четко классифицируются на негативные и позитивные. Естественно, что негативные ситуации и связанные

с ними креатемы вызывают различного рода переживания от дискомфорта, недовольства до гнева, страха, стресса. Такие эмоциональные переживания оказывают отрицательное влияние на самочувствие коммуникантов и воздействуют негативно на их здоровье. Кроме этого, негативные креатемы увеличивают асимметрию между положительным и отрицательным корпусами словарного состава языка. А это ухудшает качество языка, т. к. в речевом обиходе чаще используется его негативный корпус; 4) языковая эмоциональная личность, определяющая модус экологичности неологических креатем. Одна и та же эмоциональная ситуация и коррелирующие с ней номинации могут вызывать различные, даже противоположные переживания. При этом учитывается фактор доминирования модуса переживания: неестественно, чтобы отрицательное событие внутри своей страны вызывало у коммуникантов положительные переживания, например такие слова-символы, как *Курск*, *Норд-ост*, *Беслан* и др.; 5) фактор комментирования новоявленных креатем многочисленными пользователями медиaprостранства по уровню негатива или позитива в них.

Суммируем полученные результаты по нескольким направлениям.

1. Показана история становления эмотивной лингвоэкологии через кластирование наук: риторика, культура речи, психолингвистика, лингвистика эмоций, страноведение, лингвокультурология, концептология, коммуникология, речеведение, экология, валеология.

2. Введены понятия: *экологическое сознание / мышление / интеллект / воспитание / опасность / безопасность речи для здоровья человека, экологическая функция языка, деэкологизация общения, экологическая функция эмоций, экологический компонент коммуникативной компетенции, внутренний экологический цензор* и др.

3. Введены новые номинации человека говорящего: *homo sentiens, homo mentiens (fallens), homo vulgaris, homo debiliens*.

4. Добавлен экологический компонент в состав коммуникативной компетенции.

5. Доказана роль эмоций (положительных, негативных, смешанных и амбивалентных) в модусе экологичности языка и речи.

6. Продемонстрировано развертывание существующих дискурсов и формирование новых под влиянием общественного, политического и экономического давления, доказано спиралевидное развитие языка: уход определенной части лексики на периферию, возврат советизмов, замена испорченных слов на эвфемизмы ватной семантики (т. е. непонятные, потому вызывающие неприятные ощущения, чувствования и, соответственно, раздражение).

7. Выявлена роль СМИ в формировании неэкологичных креативов как результата эмоционально-экспрессивно-оценочной рефлексии фактов, событий, явлений.

8. Проиллюстрировано превалирование в речепотреблении негативной (неэкологичной) лексики, заимствованной из СМИ.

9. Показано распространение неэкологичности во всех профессиональных сферах человеческой деятельности и во всех видах общения, включая политическое, дипломатическое, религиозное, массмедийное, деловое, спортивное, не говоря уже о бытовом и художественном. Происходит сужение сферы экологичного общения.

10. Показана роль эмоционального интеллекта в механизмах эмоционального тьюнинга для рационализации эмоций (тьюнинг на позитив).

Подчёркивается настоятельная необходимость усиления внимания государства и общества к проблеме смены негативного вектора общения на позитивный, к проблеме экологического воспитания родителей еще до рождения их ребенка, экологического воспитания детей в семье и в обществе и особенно экологического воспитания чиновников всех государственных структур и, в первую очередь, СМИ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агрессия в языке и речи: сб. науч. ст. / ред. И. А. Шаронов. – М.: РГГУ, 2004.

Азнаурова, Э. С. Очерки по стилистике слова / Э. С. Азнаурова. – Ташкент: Фан, 1973.

Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособ. для студ. фак. иностр. яз. вузов / Е. Е. Анисимова. – М.: Академия, 2003.

Аристов, С. А. Прагмалингвистическое моделирование мены коммуникативных ролей: дис. ... канд. филол. наук / С. А. Аристов. – Тверь, 2001.

Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

Баранов, А. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М.: Ин-т РЯ АН СССР, 1991.

Барашевская, А. Ю. Одиночество как проблема коммуникативной лингвоэкологии / А. Ю. Барашевская, В. И. Шаховский // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 1–14.

Барашевская, А. Ю. Семантика одиночества в разножанровой коммуникации: магистер. дис. ...: 44.04.01 «Педагогическое образование», магистер. прогн. «Языковое образование (ин. яз.)». – Волгоград, 2016.

Бахтин, М. М. Риторика в меру своей лживости / М. М. Бахтин // Собрание сочинений. – М.: Рус. словари, 1996. – Т. 5. – С. 63–70.

Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – (Из истории сов. эстетики и теории искусства).

Бендас, Т. В. Гендерная психология / Т. В. Бендас. – СПб., 2005.

Бердяев, Н. Судьба России / Н. Бердяев. – М.: Прогресс, 1990.

Берлизон, С. Б. Эмоциональное значение – особый компонент смысловой структуры ФЕ / С. Б. Берлизон // Вопросы лексико-семантической системы языка: тез. докл. – Киев, 1971. – Ч. 1. – С. 10–18.

Болинджер, Д. Истина – проблема лингвистическая / Д. Болинджер // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987.

Боронин, А. А. Психосемиотические метаморфозы в словесной коммуникации / А. А. Боронин // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 2 (10). – С. 133–139.

Боронин, А. А. Инвариант в текстовой проекции: интерпретация персонажных субъектов в условиях эксперимента / А. А. Боронин // Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 2. – С. 28–35.

Боронин, А. А. Полиреальность и речевое общение / А. А. Боронин, А. М. Сологуб // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 2. – С. 151–157.

Брехман, И. И. Валеология – наука о здоровье / И. И. Брехман. – 2-е изд., доп., перераб. – М.: Физкультура и спорт, 1990.

Вайнер, Э. Н. Валеология: учеб. для вузов / Э. Н. Вайнер, 2001. – М.: Флинта: Наука, 2001.

Вайнрих, Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрих // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987.

Варзаева, М. А. Освоение теории «смешанных ощущений» в творчестве В. А. Жуковского / М. А. Варзаева // Ярославский педагогический вестник. Сер. «Филология». – 2012. – № 4. – С. 218–221.

Варзаева, М. А. Способы образования «смешанных эмоций» в элегиях В. А. Жуковского, объединенных мотивами разочарования и миолетности юности / М. А. Варзаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013 (а). – № 1 (19). – С. 39–42.

Варзаева, М. А. Элегии В. А. Жуковского на смерть в контексте теории о «смешанных эмоциях» / М. А. Варзаева // Ярослав. пед. вестн. Сер. «Филология». – 2013 (б). – № 2. – С. 178–181.

Варзонин, Ю. Н. Homo homini frater / Ю. Н. Варзонин // Homo mendax: игра с личностью или со смыслами. – Тверь, 2004. – С. 19–22.

Васильева, А. Н. Основы культуры речи / А. Н. Васильева. – М.: Рус. яз., 1990.

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. / А. Вежбицкая; отв. ред. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М.: Рус. словари, 1996.

Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая; пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – 780 с.

Вежбицкая, А. Культурная обусловленность категории «прямота» vs «непрямота» / А. Вежбицкая // Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003.

Вежбицкая, А. Англоязычные сценарии против «давления» на других людей и их лингвистические манифестации / А. Вежбицкая; пер. Дементьева В. В. и Ковелевой Е. Б. // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Наука, 2007. – Вып. 3: Жанры и культура.

Веккер, Л. М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов / Л. М. Веккер. – М.: Смысл, 1998.

Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху: моногр. / И. Т. Вепрева. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Труды Ин-та рус. яз. – М.: Л., 1950. – Т. 2. – С. 41–68.

Владыкина, Т. Сейчас взорвусь. Психологи нарисовали портрет современного россиянина [Электронный ресурс] / Т. Владыкина. – URL: <http://www.rg.ru/2013/12/10/portret.html> (дата обращения: 29.01.2015).

Волкова, П. С. Эмотивность как средство интерпретации смысла художественного текста (на материале прозы Н.В. Гоголя и музыки Ю. Буцко, А. Холминова, Р. Щедрина) / П. С. Волкова. – Волгоград, 1997.

Волкова, Я. А. Невербальная агрессия в когнитивно-дискурсивной парадигме / Я. А. Волкова // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах Ставроп. отд. РАЛК. – Вып. 9. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2011. – С. 56–63.

Волкова, Я. В. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: дис. ... д-ра филол. наук / Я. В. Волкова. – Волгоград, 2014.

Воронина, Т. В. Воздействие слова на человека [Электронный ресурс] / Т. В. Воронина. – URL: <http://www.ratayana.com/index.php/likbez/95-2010-02-10-17-00-45.html> (дата обращения: 20.06.2012).

Гак, В. Г. Повторная номинация, ее структурно-организующие и стилистические функции в тексте / В. Г. Гак // Языковые преобразования. – М.: Яз. рус. культуры, 1998. – С. 524–535.

Ганеев, Б. Г. Орфография аллофонии в языке и речи / Б. Г. Ганеев // Филол. науки. – 2004. – № 3. – С. 57–67.

Гетте, Е. Ю. Гендерный аспект современных коммуникативных процессов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Ю. Гетте. – М., 2002.

Глотова, Г. А. Человек и знак. Семиотико-психологические аспекты онтогенеза человека / Г. А. Глотова. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990.

Голев, Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. – Барнаул: АГУ, 1999. – С. 11–58.

Голев, Н. Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: АГУ, 2000. – С. 6–11.

Головин, Б. Н. Основы культуры речи: учеб. пособие / Б. Н. Головин. – М.: Высш. шк., 1980.

Горбаневский, М. В. В начале было слово ... (малоизвестные страницы истории советской лингвистики) / М. В. Горбаневский. – М.: Изд-во УДН, 1991.

Горбаневский, М. В. Словом можно убить, словом можно спасти / М. В. Горбаневский // Русская речь. – 2003. – № 6. – С. 52–67.

Горбаневский, М. В. О феномене нового новояза в России начала XXI века: к постановке проблемы / М. В. Горбаневский // Социальные

варианты языка–VI: материалы междунар. науч. конф. Нижний Новгород. 16–17 апр. 2009 г. – Ниж. Новгород: Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2009.

Горбаневский, М. В. Топонимическая плесень / М. В. Горбаневский // Экология языка и речи: материалы Междунар. науч. конф. (17–18 нояб. 2011 г.) / отв. ред. А. С. Щербак. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. – С. 18–23.

Горелов, И. Н. Основы психолингвистики: учеб. пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2005.

Горелов, И. Н. Невербальные компоненты коммуникации / И. Н. Горелов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2009.

Горошко, Е. И. Языковое сознание (ассоциативная парадигма): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. И. Горошко. – М., 2001.

Гоулман, Д. Эмоциональное лидерство: эмоции как фактор корпоративного успеха / Д. Гоулман, Р. Бояцис, Э. Макки // Действенное лидерство: пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. – С. 32–56.

Граудина, Л. К. Культура русской речи: учебник для вузов / Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. – М.: Изд-во «Норма», 2006.

Гридина, Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996.

Грошев, И. В. Проявление половых различий в общении и склонности перебивать собеседника / И. В. Грошев // Вестн. Тамб. гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». – 1998. – № 2. – С. 26–33.

Грошев, И. В. Половозрастные и гендерные особенности процесса общения: явление перебивания речи собеседника (обзор исследований) / И. В. Грошев, А. А. Щербак // Вестн. Тамб. гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». – 2008. – № 3 (59). – С. 271–281.

Грошев, И. В. Половозрастные и гендерные особенности процесса общения: явление перебивания речи собеседника (обзор исследований) / И. В. Грошев, А. А. Щербак // Вестн. Тамб. гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». – 2008. – № 3 (59). – С. 271–281.

Девкин, В. Д. О неродившихся немецких и русских словарях / В. Д. Девкин // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 85–97.

Девкин, В. Д. Эстетический аспект. Сниженность / В. Д. Девкин // Школа В. Д. Девкина. Описание разговорной речи: проблемы и перспективы / сост. И. П. Амзаракова, В. А. Савченко; под ред. И. П. Амзараковой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Абакан: Изд-во Хакас. ГУ им. Н. Ф. Катанова, 2010. – С. 88–95.

Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989.

Демьянков, В. З. Кооперированность общения и стремление понять собеседника / В. З. Демьянков // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация: сб. ст. / Ин-т языкознания РАН. – Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. – С. 28–36.

Деннет, Д. С. Фон языка в мышлении / Д. С. Деннет // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: хрестоматия. – Барнаул, 2001. – С. 190–198.

Димитрова, Е. В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Димитрова. – Волгоград, 2001.

Егидес, А. П. Психология синтонного общения [Электронный ресурс] / А. П. Егидес. – URL: <http://nkozlov.ru/library/psychology/d385/>.

Еленевская, М. Двухязычный юмор иммигрантов: языковая игра и социальная адаптация (на примере смеховой культуры русскоязычных израильтян) / М. Еленевская // Вестн. РУДН. Сер. «Лингвистика». – 2014. – № 3. – С. 7–27.

Жанры речи – 4 / ред. Дементьев В. В. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2005.

Жельвис, В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В. И. Жельвис. – М.: Ладомир, 1997.

Жоль, К. К. Мысль. Слово. Метафора: Проблемы семантики в философском освещении / К. К. Жоль. – Киев: Наук. думка, 1984.

Золотарева, Ю. А. Языковые преступления и языковые манипуляции в аспекте отношений субординации и суперординации / Ю. А. Золотарева // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XI Междунар. науч. конф. Ульяновск, 12–15 мая 2010 г. – М.: Ин-т языкознания РАН; Ульяновск: Ульян. гос. ун-т, 2010. – С. 37–38.

Иванов, В. В. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему / В. В. Иванов. – М.: Яз. славян. культуры, 2004.

Ионова, С. В. Основные направления эколингвистических исследований: зарубежный и отечественный опыт / С. В. Ионова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2010. – № 1 (11). – С. 86–93.

Ионова, С. В. К вопросу о признаках экологичности текстовой коммуникации / С. В. Ионова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2011. – № 1 (13).

Ионова, С. В. Признаки экологичности и проблема их выделения в лингвоэкологии / С. В. Ионова // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – С. 89–97.

Ионова, С. В. Речевая культура и язык институциональной реверсии / С. В. Ионова, В. И. Шаховский // Экология языка и коммуника-

тивная практика [Электронный ресурс]. – 2014. – № 1. – URL: <http://www.sfu-kras.ru>.

Казарян, Л. Г. Поэтические тексты в процессах духовной «экологизации» общества / Л. Г. Казарян // Экология человека. – 2005. – № 5. – С. 28–31.

Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант // Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3.

Кара-Мурза, Е. С. «так... воспринимается ли эта информация как чернящая, умаляющая, унижающая деловую репутацию?» (лингвистическая экспертиза как инструмент понимания конфликтогенного текста) / Е. С. Кара-Мурза // Понимание в коммуникации – 4: сб. материалов науч.-практ. конф. – М., 2009а. – С. 142–151.

Кара-Мурза, Е. С. «Дева обида» политического дискурса: речевые преступления в парадигме лингвистической эмотиологии / Е. С. Кара-Мурза // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009б. – С. 253–272.

Кара-Мурза, Е. С. Лингвоконфликтология как направление в духе экологии языка / Е. С. Кара-Мурза // Экология языка и коммуникативная практика. – Красноярск: СФУ. – 2014. – №2. – С. 55–68.

Кара-Мурза, Е. С. Лингвоконфликтология: основные понятия и вузовские варианты / Е. С. Кара-Мурза // Журналистика и культура русской речи: науч.-практ. журнал. – 2011. – № 2 (58). – С. 64–79. Продолж.: № 3 (59). – С. 54–73. Закл.: № 4 (60). – С. 64–79.

Кара-Мурза, Е. С. Юридизированные эмоции как причины и последствия речевых конфликтов / Е. С. Кара-Мурза // Эмотивная лингвозкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – С. 178–191.

Карасик, В. И. Девербализация / В. И. Карасик // Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты: сб. науч. тр. к юбилею В. И. Шаховского. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2009. – С. 166–174.

Караулов Ю. Н. О состоянии современного русского языка / Ю. Н. Караулов // Русская речь. – 2001. – № 3. – С. 25–30.

Карлинский, А. Е. Основы теории взаимодействия языков / А. Е. Карлинский. – Алма-Ата, 1990.

Карманова, З. Я. Феноменология слова: слово vs мысль: моногр. / З. Я. Карманова. – М.: ТЕЗАУРУС, 2010.

Карцевский, С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. О. Карцевский // Введение в языковедение: хрестоматия: учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 2001. – С. 76–81.

Кашкин, В. Е. Коммуникативная мимикрия и социальная власть / В. Е. Кашкин // Эссе о социальной власти языка. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С. 21–29.

Кислякова, Е. Ю. Категория инакости в межконфессиональном общении: лингвозкологический аспект / Е. Ю. Кислякова // Эмотивная лингвозкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – С. 201–209.

Клаус, Г. Сила слова / Г. Клаус. – М.: Прогресс, 1967.

Клименко, И. Экология культуры [Электронный ресурс] / И. Клименко. – URL: <http://bogolub.narod.ru/aq/klimenko/otvet6.htm>.

Клушина, Н. И. Кроссвордное письмо: девербализация эмоций в современной медиакультуре / Н. И. Клушина // Слова ў кантэксте часу: да 85-годдзя прафесара А. І. Наркевіча: зб. навук. прац / пад агул. рэд. В. І. Іўчанкава. – Минск: Выд. цэнтр БДУ, 2014. – Т. 1. – С. 338–343.

Козырева, М. М. Общественная лексика в речи образованных носителей английского и русского языков: функционально-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. М. Козырева. – М., 2013.

Колесов, В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб., 2004.

Колосова, Н. Г. Экологичность коммуникативного стиля *homo sentiens* (на материале текстов рекламы компании SPLAT) / Н. Г. Колосова // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. – 2016. – № 2. – С. 153–157.

Кононова, И. В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. В. Кононова. – СПб., 2010.

Конфликтология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академ. Проект: Альма Матер, 2006.

Косериу, Э. Синхрония, диахрония, норма / Э. Косериу // Новое в лингвистике. – М., 1963. – Вып. 3.

Костомаров, В. Г. Формы овеществления текста / В. Г. Костомаров // Русская речь. – 2005а. – № 2. – С. 47–57.

Костомаров, В. Г. Конструктивно-стилевые векторы / В. Г. Костомаров // Русская речь. – 2005б. – № 1. – С. 52–61.

Костомаров, В. Г. Некоторые теоретические вопросы культуры речи / В. Г. Костомаров, А. А. Леонтьев // Вопросы языкознания. – 1966. – № 5. – С. 3–15.

Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность / В. В. Красных. – М., 2003.

Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной: дис. ... д-ра филол. наук / Г. Е. Крейдлин. – М., 2000.

Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – М.: Нов. лит. обозрение, 2004.

Крейдлин, Е. Г. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации / Е. Г. Крейдлин. – М.: Яз. слав. культуры, 2005.

Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. – СПб.: Астрель: Согрус, 2013.

Кротов, А. В. 134 вопроса, 134 ответа обо всём / А. В. Кротов. – М.: «Гео-МТ», 2001. – С. 26–27.

Крысин, Л. П. Иноязычное слово в роли эвфемизма / Л. П. Крысин // Русский язык в школе. – 1998. – № 2. – С. 71–74.

Купина, Н. А. Креативная стилистика и практическая филология / Н. А. Купина // Стилистика сегодня и завтра: материалы конф. – М.: Фак. журналистики МГУ, 2014. – Ч. 1. – С. 140–144.

Ларина, Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах / Т. В. Ларина. – М., 2003.

Ларина, Т. В. Англичане и русские: язык, культура, коммуникация / Т. В. Ларина. – М.: Яз. слав. культур, 2013.

Леонтович, О. А. Проблемы виртуального общения [Электронный ресурс] / О. А. Леонтович. – URL: www.irex.ru/press/pub/polemika/07/leo/ (дата обращения: 19.09.2009).

Леонтович, О. А. Позитивная коммуникация: постановка проблемы / О. А. Леонтович // Вестн. РУДН. Сер. «Лингвистика». – 2015. – № 1. – С. 164–177.

Леонтович, О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О. А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2005.

Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М., 1975.

Литвак, М. Е. Психологический вампиризм / М. Е. Литвак. – Ростов н/Д.: Феникс, 2000.

Литвак, М. Е. Психологическое айкидо: учеб. пособие / М. Е. Литвак. – Изд. 19-е. – Ростов н/Д.: Феникс, 2009.

Лихачев, Д. С. Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачев ; сост. и общ. ред. Г. А. Дубровской. – М.: Дет. лит., 1989. – С. 107–108.

Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. Антология / под ред. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 279–288.

Лихачев, Д. С. Экология культуры / Д. С. Лихачев // Прошлое – будущему. – Л.: Наука, 1985.

Ломоносов, М. В. Краткое руководство к красноречию. Книга 1, содержащая риторику / М. В. Ломоносов // Избранная проза. – М.: Сов. Россия, 1986. – С. 344–410.

Лукашевич, Е. В. Перспективы исследования когнитивного стиля в прикладной психолингвистике массовой коммуникации / Е. В. Лукашевич, Е. А. Погодаева // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 10. – С. 91–100.

Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.

Маджаева, С. И. Медицинские терминосистемы: становление, развитие, функционирование: дис. ... д-ра филол. наук / С. И. Маджаева. – Волгоград, 2013.

Масленникова, А. А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. А. Масленникова. – СПб., 1998.

Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В. А. Маслова. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2011.

Матурана, У. Древо познания: биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела; пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Матьяш, О. И. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О. И. Матьяш, В. М. Погольша, Н. В. Казаринова [и др.]; под науч. ред. О. И. Матьяш. – СПб.: Речь, 2011.

Меняйлов, А. В. Понтий Пилат: психоанализ не того убийства / А. В. Меняйлов. – М.: КУДИЦ Образ, 2002.

Миловатский, В. С. Об экологии слова [Электронный ресурс] / В. С. Миловатский. – URL: kladina.narod.ru/milovatskiy/milovatskiy.htm (дата обращения: 26.08.2008).

Мир лингвистики и коммуникации [Электронный ресурс]. – 2012. – № 1 (26). – URL: <http://tverlingua.ru>.

Михайлова, М. С. Представление понятия «толерантность» в дискурсе / М. С. Михайлова // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Междунар. науч. конф. г. Волгоград, 8 февр. 2011 г. / сост.: А. В. Простов [и др.]; ВолГУ, ВГПУ. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. – С. 148–151.

Молодкин, А. М. О некоторых эколлингвистических подходах к исследованию языковых контактов и языковой эволюции / А. М. Молодкин, С. Ю. Максимова // Эколлингвистика: теория, проблемы, методы. – Саратов: Науч. книга, 2003. – С. 20–24.

Ничипорович, Е. А. Константы культуры в повседневном интернациональном общении / Е. А. Ничипорович // Межкультурная коммуникация и перевод: материалы межвуз. конф. – М.: МОСУ, 2002. – С. 101–104.

Норман, Б. Ю. Русский язык в задачах и ответах: сб. задач / Б. Ю. Норман. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 384 с.

Основы лингвистического мониторинга медиапространства региона: учеб. пособие по спецкурсу для студентов-филологов / В. А. Брылева, О. С. Волкова, С. В. Ионова и др.; отв. ред. Е. Ю. Ильинова; ВолГУ. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2011.

Остринская, Н. Н. Лексические средства создания эмоционально-экспрессивной тензиональности художественного текста (на материале французского языка) / Н. Н. Остринская // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 10 (95). – С. 12–16.

Павлова, Н. Д. Коммуникативная функция речи: интенциональная и интерактивная составляющие: дис. ... д-ра психол. наук / Н. Д. Павлова. – М., 2000.

Панченко, Н. Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале англ. яз.): дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Панченко. – Волгоград, 1999.

Петрова, Н. В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования англо-американского короткого рассказа: моногр. / Н. В. Петрова. – Иркутск: ИГЛУ, 2004.

Пищальникова, В. А. История и теория психолингвистики. Ч. 3. Психопэтика / В. А. Пищальникова. – М.: АСОУ, 2010.

Пищальникова, В. А. Психопэтика / В. А. Пищальникова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999.

Платон. Собрание сочинений: [в 4 т.] / Платон; общ. ред. А. Ф. Лосева [и др.] – М.: Мысль, 1990. – Т. 1.

Пословицы и поговорки про одиночество [Электронный ресурс]. – URL: <http://millionstatusov.ru/poslovitsi/cat/odinochestvo.html> (дата обращения: 8.04.2013).

Психология и этика делового общения: учебник для вузов / под ред. В. Н. Лавриненко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юнити-Дана, 2005.

Пузырёв, А. В. Проблемы экологии и русского языка в системном осмыслении / А. В. Пузырёв // Экология русского языка: материалы 1-й Всерос. науч. конф. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Беллинского, 2008. – С. 6–8.

Пузырёв, А. В. Лингвоэкология (эколингвистика) с точки зрения субстратного подхода к языку / А. В. Пузырёв // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – С. 77–89.

Пылаева, Е. М. Эколингвистика как новое направление в языкознании XXI века / Е. М. Пылаева // Вестн. Перм. гос. техн. ун-та. – 2011. – № 5. – С. 106–113.

Рацибургская, Л. В. Уникальные части в заимствованных словах / Л. В. Рацибургская // Русский язык в школе. – № 1. – 1995. – С. 73–76.

Ренц, Т. Г. Коммуникативные ситуации романтического общения / Т. Г. Ренц // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 1. – С. 333–337.

Ренц, Т. Г. Романтическое общение в коммуникативно-семиотическом аспекте: моногр. / Т. Г. Ренц. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011.

Ренц, Т. Г. Экологичность романтической коммуникации / Т. Г. Ренц // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. монография / науч. ред. проф. В. И. Шаховский; отв. ред. Н. Н. Панченко. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – С. 388–394.

Романов, А. А. Лингвоэкологическая профилактика вербальной агрессии в профессиональной коммуникации [Электронный ресурс] / А. А. Романов // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журн. – 2012. – № 3 (29). – URL: <http://tverlingua.ru>.

Романов, А. А. Эмоциональная личность в профессиональной коммуникации [Электронный ресурс] / А. А. Романов, А. П. Костяев // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журн. – 2010. – № 3 (20). – URL: <http://tverlingua.ru>.

Романов, А. А. Дискурс утешения: лингвопсихологический анализ / А. А. Романов, Н. Г. Немец. – М.: ИЯ РАН, ТвГУ, 2006.

Романов, А. А. Соматикон: аспекты невербальной семиотики / А. А. Романов, Ю. А. Сорокин. – М.: ИЯ РАН, ТвГУ, 2004.

Руделёв, В. Г. Проблемы экологии современного русского языка. Задачи и трудности / В. Г. Руделёв // Экология языка и речи: материалы Междунар. науч. конф. (17–18 нояб. 2011 г.) / отв. ред. А. С. Щербак. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. – С. 15–17.

Руднев, В. П. Введение в шизореальность / В. П. Руднев. – М.: Аграф, 2011.

Седов, К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистический аспекты / К. Ф. Седов; под ред. д-ра филол. наук О. Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Селье, Г. Стресс без дистрессов / Г. Селье. – М.: Прогресс, 1979.

Семёнова, Т. И. Лингвистический феномен кажимости: моногр. / Т. И. Семёнова. – Иркутск: ИГЛУ, 2006.

Сергеева, О. В. Домашний телевизор: экранная культура в пространстве повседневности / О. В. Сергеева. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2009.

Сердобинцева, Е. Н. Законы общей экологии и язык / Е. Н. Сердобинцева // Экология русского языка: материалы 1-й Всерос. науч. конф. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Беллинского, 2008.

Сердобинцева, Е. Н. Профессиональная лексика русского языка: структурно-семантический, функционально-стилистический и когнитивный аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2011. – 41 с.

Сёрль, Дж. Р. Природа интенциональных состояний / Дж. Р. Сёрль // Философия, логика, язык: пер. с англ. и нем. / сост. В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1986. – С. 151–169.

Симонов, П. В. Эмоциональный мозг / П. В. Симонов. – М.: Наука, 1981.

Сиротинина, О. Б. Хорошая речь / О. Б. Сиротинина; под ред. М. А. Кормилициной и О. Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2001. – С. 222–228, 241–245.

Сиротинина, О. Б. Основные критерии хорошей речи / О. Б. Сиротинина // Хорошая речь / под ред. М. Л. Кормилициной, О. Б. Сиротининой. – Изд. 3-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – С. 16–29.

Сковородников, А. П. Об экологии русского языка / А. П. Сковородников // Филологические науки. – 1992. – № 5–6. – С. 104–111.

Сковородников, А. П. Лингвистическая экология: проблемы становления / А. П. Сковородников // Филологические науки. – 1996. – № 2. – С. 64–69.

Сковородников, А. П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии / А. П. Сковородников // Речевое общение: специализированный вестник. – Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 2000. – Вып. 3 (11).

Сковородников, А. П. Конфликт этического и эстетического в художественных и публицистических текстах как проблема эколингвистики (субъективные заметки) / А. П. Сковородников // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике. – 2013. – С. 347–357.

Сковородников, А. П. О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка [Электронный ресурс] / А. П. Сковородников // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 1. – С. 194–222. – URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/01/Skovorodnikov.pdf> (дата обращения: 14.01.2015).

Сковородников, А. П. Экология современного русского языка и роль средств массовой информации в этом процессе [Электронный ресурс] / А. П. Сковородников. – URL: www.gazeta.sfu-kras.ru/node/307 (дата обращения: 26.08.2008).

Слово года [Электронный ресурс]. – URL: www.snob.ru/profile/27356/blog/69362 (дата обращения: 01.09.2014).

Солодовникова, Н. Г. Средства нарушения экологичности предвыборного газетного коммуникативного пространства / Н. Г. Солодовникова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 10 (34). – С. 44–47.

Солодовникова, Н. Г. Лингвоэкология: объект, предмет и задачи / Н. Г. Солодовникова, В. И. Шаховский // Русский язык, литература в школе и вузе. Киев, 2010.

Сонин, А. Г. Когнитивная лингвистика: становление парадигмы: моногр. / А. Г. Сонин. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2002.

Сорокин, Ю. А. Нужна ли нам лингвоэкология? / Ю. А. Сорокин // Вестн. Томского государственного университета. Сер. «Филология». – 2008. – № 2. – С. 24–30.

Сребрянская, Н. А. Дейксис и его проекции в художественном тексте: дис. ... д-ра филол. наук / Н. А. Сребрянская. – Волгоград, 2005.

Стернин, И. А. Основы речевого воздействия: учеб. пособие / И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2012.

Стернин, И. А. Правила и приемы речевого воздействия / И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2013. – 127 с.

Тарасов, Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 7–22.

Тарасов, Е. Ф. Прологомены к теории языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 4 (22). – С. 24–35.

Тюрина, С. Ю. Лексико-фонетические характеристики связующих элементов дискурса в английской деловой речи (на материале фраз вежливого прерывания разговора): дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2003. – 194 с.

Уфимцева, А. А. Лексическое значение: принципы социологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986.

Ушакова, Т. Н. Слово в действии. Интенд-анализ политического дискурса / Т. Н. Ушакова, Н. Д. Павлова. – СПб.: Алетейя, 2000.

Федосюк, М. Ю. Научно-методический семинар «Экология языка и культура речевого общения» / М. Ю. Федосюк // Русский язык в школе. – 1995. – № 6. – С. 106–107.

Филимонова, О. Е. Язык эмоций в английском тексте. Когнитивный и коммуникативный аспекты: моногр. / О. Е. Филимонова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001.

Фуко, М. Безумие, отсутствие творения / М. Фуко // Фигуры Танатоса: Искусство умирания: сб. ст. / под ред. А. В. Демичева, М. С. Уварова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – С. 203–211.

Хомский, Н. Язык и мышление / Н. Хомский; пер. с англ. Б. Ю. Городецкого. – М.: Изд-во Московского университета, 1972.

Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилициной и О. Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2001.

Хроленко, А. Т., Бондалетов, В. Д. Теория языка: учеб. пособие / А. Т. Хроленко, В. Д. Бондалетов. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 510 с.

Цирельсон, Н. Ю. Взаимодействие иницирующих реплик и реплик-редакций в диалоге: на материале современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук / Н. Ю. Цирельсон. – М., 2002. – 195 с.

Цой, А. И. Лексические средства эмотивных вкраплений в бизнес-коммуникации / А. И. Цой // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2012. – № 2 (66) – С. 25–28.

Человек в коммуникации. – Волгоград: Перемена, 2010.

Черенков, А. С. Интеракционально-прагматические характеристики категории речевого противодействия во французском дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011. – 22 с.

Чудакова, М. О. Язык распавшейся цивилизации: материалы к теме / М. О. Чудакова // Маризетта Чудакова. Новые работы. 2003–2006. – М., 2007.

Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А. П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 254 с.

Шаленко, В. Н. Философемы и конфликтогеми / В. Н. Шаленко. – СПб.: Изд-во «Компания Спутник +», 2010.

Шаронов, И. А. Многоликая агрессия / И. А. Шаронов // Агрессия в языке и речи: сб. науч. ст. – М., 2004.

Шафиков, С. Г. Языковые узоры и мировидение, или Есть ли душа у пейзажа? / С. Г. Шафиков // Языковые единицы в парадигматике и синтагматике. – Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. – С. 250–268.

Шаховский, В. И. Что такое эмотивное значение? / В. И. Шаховский // Проблемы изучения слова: семантика, структура, форма: сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1990. – С. 47–53.

Шаховский, В. И. О роли эмоций в речи / В. И. Шаховский // Вопросы психологии. – 1991. – № 6 – С. 111–117.

Шаховский, В. И. Эмоция как культурогенное свойство лингвистического знака / В. И. Шаховский // Лингвистический знак как когнитивное и культурогенное образование: тез. междунар. конф. – СПб. – Самарканд: Самарканд. гос. пед. ин-т, 1992.

Шаховский, В. И. Возвышение языком / В. И. Шаховский // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: тез. докл. 2-го Междунар. конгр. Симпозиум 7. Многоязычие Северного Кавказа и проблема этнолингводидактики. – Пятигорск: Пятигор. гос. лингв. ун-т, 1998а.

Шаховский, В. И. О переводимости эмотивных смыслов художественного текста / В. И. Шаховский // Перевод и коммуникация. – М., 1998б.

Шаховский, В. И. Эмоции – мысли в художественной коммуникации / В. И. Шаховский // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград, 1998в.

Шаховский, В. И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации / В. И. Шаховский // Филологические науки. – 1998 г. – № 2.

Шаховский, В. И. Экспрессивность как норма функционирования языка / В. И. Шаховский // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и в школе: материалы 3-й Всерос. шк. мол. лингвистов. – М.; Пенза: ИЯ РАН, 1999.

Шаховский, В. И. Лингвидид или деривация русского языка? / В. И. Шаховский // Проблемы обучения иностранных граждан на современном этапе: лингв. и метод. материалы. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 156–157.

Шаховский, В. И. Когнитивные ресурсы эмоционально-языковой личности / В. И. Шаховский // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 11–16.

Шаховский, В. И. Эмоциональная / эмотивная компетенция в межкультурной коммуникации (есть ли неэмоциональные концепты?) / В. И. Шаховский // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания: сб. науч. тр. – Волгоград: Колледж, 2002а. – С. 3–10.

Шаховский, В. И. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности / В. И. Шаховский // Вопросы языкознания. – 2002б. – № 5. – С. 38–56.

Шаховский, В. И. Эмоции – мотивационная основа человеческого сознания / В. И. Шаховский // Языковое бытие человека и этноса. – М.; Барнаул: АГУ, 2003. – Вып. 6. – С. 215–222.

Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004.

Шаховский, В. И. Социальная интеракция власти и народа через языковую игру: сб. ст.: науч. чтения, посвящ. памяти проф. В. Г. Гака. Волгоград, 27 янв. 2005 г. / В. И. Шаховский. – Волгоград: ВолГУ, 2005а. – С. 19–28.

Шаховский, В. И. Эмоции во лживой коммуникации / В. И. Шаховский // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных. – М.: МАКС Пресс, 2005б. – С. 133–147.

Шаховский, В. И. Эмоциональная толерантность в межперсональном речевом общении / В. И. Шаховский // Русистика: сб. науч. тр. – Киев, 2006. – Вып. 5–6. – С. 62–67.

Шаховский, В. И. Голос эмоций в русском политическом дискурсе / В. И. Шаховский // Политический дискурс в России. 1996–2006: хрестоматия / сост. В. Н. Базылев. – М., 2007а. – С. 168–174.

Шаховский, В. И. Какими словами «оплодотворяют» людей российские СМИ? / В. И. Шаховский // Русистика. – Киев, 2007б. – Вып. 7.

Шаховский, В. И. Унижение языком в контексте современного коммуникативного пространства / В. И. Шаховский // Мир русского слова. – 2007в. – № 1–2. – С. 40–45.

Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций: моногр. / В. И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008а.

Шаховский, В. И. Эмоциональный тыюнинг в речевом общении / В. И. Шаховский // Язык. – Сознание. – Культура. – Социум: сб. докл.

и сообщ. междунар. науч. конф. памяти проф. И. Н. Горелова. – Саратов: Наука, 2008б. – С. 478–482.

Шаховский, В. И. Энергетическая мощь эмоций и дискурсивные нормы / В. И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. – 2008в. – № 7. – С. 39–42.

Шаховский, В. И. Эмоциональные валентности журналиста А. В. Минкина. Коммуникативный стиль и тональность писем к Президенту / В. И. Шаховский // Проблеми загального, германського та слов'янського мовознавства. – Чернівці: Книги – ХХІ, 2008г. – С. 351–356.

Шаховский, В. И. Многоязычие человеческих эмоций / В. И. Шаховский // Психолингвистика в ХХІ веке: результаты, проблемы, перспективы: XVI Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 2009. – С. 252–253.

Шаховский, В. И. От лингвистики эмоций к лингвоэкологии / В. И. Шаховский // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы 10-й междунар. науч. конф. – Ульяновск, 2010а. – С. 57–59.

Шаховский, В. И. Роль эмотивности в медиаэкологии / В. И. Шаховский // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире – 5: сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г. Г. Слышкин, И. С. Бессарабова; ФГОУ ВПО «ВАГС». – Волгоград: Изд-во Волгогр. акад. гос. службы, 2010б. – С. 223–226.

Шаховский, В. И. Лингвоэкология: объект, предмет и задачи / В. И. Шаховский, Н. Г. Солодовникова // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – Киев, 2010в. – № 1 (31). – С. 22–29.

Шаховский, В. И. Роль эмоции в формировании экологичности массмедиакоммуникации / В. И. Шаховский, Н. Г. Солодовникова // Человек в коммуникации: мотивы, стратегии и тактики: кол. моногр. / отв. ред. В. И. Шаховский [и др.]. – Волгоград, 2010г. – С. 20–35.

Шаховский, В. И. Мат как коммуникативная «приправа» (в аспекте эмотивной лингвоэкологии) / В. И. Шаховский // Экология русского языка: материалы 2(4)-й Междунар. науч. конф. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского, 2011. – С. 79–92.

Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2012а.

Шаховский, В. И. Семантика и семиотика оскорбления в конфликтной коммуникативной ситуации [Электронный ресурс] / В. И. Шаховский // Мир лингвистики и коммуникации. – 2012б. – № 1 (26). – URL: <http://tverlingua.ru>.

Шаховский, В. И. Функциональная амбивалентность русского мата как проблема эмотивной лингвоэкологии / В. И. Шаховский // Экология языка и речи: материалы Междунар. науч. конф. (17–18 нояб. 2011 г.) / отв. ред. А. С. Щербак; М-во образования и науки РФ; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012 в. – С. 38–41.

Шаховский, В. И. Изгнание милосердия / В. И. Шаховский, С. В. Ионова // Стратегия России. – 2012 г. – № 3 (99). – С. 39–48.

Шаховский, В. И. Экологическое пространство языка: критические аспекты / В. И. Шаховский, С. В. Ионова // Экология русского языка: материалы 5-й междунар. науч. конф. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского, 2012д. – С. 311–324.

Шаховский, В. И. Модус экологичности в эмоциональной коммуникации / В. И. Шаховский // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В. И. Шаховский; отв. ред. Н. Н. Панченко; редкол.: Я. А. Волкова, А. А. Штеба, Н. И. Коробкина. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013а. – С. 53–61.

Шаховский, В. И. Экология эмотивного языка: теоретические и практические аспекты / В. И. Шаховский // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013б. – № 1. – С. 233–245.

Шаховский, В. И. Стилистический повтор как фактор экологичности / неэкологичности романтического общения / В. И. Шаховский, Т. Г. Ренц // Лингвистика речи: медиастилистика: кол. моногр., посвящ. 80-летию проф. Г. Я. Солганика. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2013в. – С. 255–268.

Шаховский, В. И. Кластер семных конкретизаторов семантического признака неэкологичного слова-понятия *одиночество* / В. И. Шаховский // Язык и экология: коммуникативная практика. – Красноярск, 2015а. – Вып. 4.

Шаховский, В. И. Голос эмоций в языковом круге Homo Sentiens / В. И. Шаховский. – М.: ЛИБРОКОМ, 2015б.

Штеба, А. А. «Здоровье языка» в аспекте эмотивной лингвоэкологии [Электронный ресурс] / А. А. Штеба // Языковые и филологические исследования: электрон. науч. журн. – 2012. – Вып. 4. Т. 2. – С. 21–25. – URL: <http://www.language-and-philological-researches.ingnpublishing.com>.

Щеголев, И. «Сегодня интеллектуалам России нужна комфортная среда обитания. Нужна экология интеллекта» [Электронный ресурс] / И. Щеголев // Comnews, 21.10.2009. – URL: <http://www.comnews.ru/node/50422>.

Экология русского языка: материалы Всерос. науч. конф. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2012.

Экология языка и речи: материалы междунар. науч. конф. (17–18 нояб. 2011 г.) / отв. ред. А. С. Щербак; М-во образования и науки РФ, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012.

Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В. И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013.

Эмотивный код языка и его реализация. – Волгоград, 2004.

Эпштейн М.Н. наброски к экологии текста // Контарии. – 1997. – № 13. – С. 3–41.

Эпштейн, М. Н. Однословие как литературный жанр / М. Н. Эпштейн // Континент. – 2000. – № 104. – С. 279–313.

Эпштейн, М. Н. Мат – язык тех, кто ничего не может / М. Н. Эпштейн // Огонёк. – 2009. – № 31 (5109). – С. 43–44.

Эпштейн, М. Н. О живом / М. Н. Эпштейн // Звезда. – 2011. – № 8. – С. 13–18.

Язык и эмоции в лингвокультурологическом аспекте. – Волгоград: Перемена, 2004.

Austin, J. Other minds / J. Austin // Philosophical papers. – 3-d. ed. / ed. by J. O. Urmson and G.J. Warnock. – Oxford university press, 1979. – P. 76–116.

Benes, E. Die Ausklammerung im Deutschen als grammatische Norm und als stilistischer Effect / E Benes // Muttersprache. Zeitschrift zur Pflege und Erforschung der deutschen Sprache. – 1968. – №. 10.

Bowers, C. A. Philosophy, Language, and the Titanic Mind-Set [Электронный ресурс] / C.A. Bowers // Language & Ecology. – 2007. – V. 2. – No.1. – URL: <http://www.ecoling.net/journal.html> (date of access: 17.04.2012).

Dokulil, M. Kotazke normy spisowniho jazyka a jej kodifikace / M. Dokulil // Slovo a slovesnost. – 1951/52. – № 13.

Fonagy, I. Gamme semantique des coups de glotte dans le francais moderne / I. Fonagy // Le francais dans le monde. – 1979. – № 143. – P. 43–47.

Goleman, D. The Emotional Intelligence. Why It Can Matter More than IQ? / D. Goleman. – Bentam Books, 1997.

Haugen, E. The Ecology of language / E. Haugen. – Standford: Standford University Press, 1972.

Haugen, E. The Ecology of Language / E. Haugen // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment (eds. Fill A., P. Muehlhaeusler). – L., N.Y.: Continuum, 2001. – P. 57–66.

Havranek, B. Zum Problem der Norm in der heutigen Sprachwissenschaft und Sprachkultur / B. Havranek // Actes du Quatrieme congres international de linguists. – Copenhaque, 1938.

Kiklewicz, A. Language functions in the ecolinguistic perspective. New Pathways In Linguistics / A. Kiklewicz ; ed. by S. Puppel, M. Boguslawaska-Tafelska. – Olsztyn: Institute Of Modern Languages and Literature & University Of Warmia And Mazury, 2008. – P. 23–45.

Lakoff, R. Psychoanalytic Discourse and Ordinary Conversation in and use of language / R. Lakoff; ed. by Fasold R. – Washington, 1983.

Larue-Tondeur, J. Ambivalence et énantiosémie / J. Larue-Tondeur // Thèse de doctorat. – Nanterre, 2009.

MacLeod, Al. Dog as Self and Other. Comparisons to Canines as a Practice of Dehumanization [Электронный ресурс] / Al. MacLeod // Language and Ecology. – 2009. – V. 3. – No. 1. – URL: <http://www.ecoling.net> (date of access: 04.03.2012).

Pinker, S. The Language Instinct. How the Mind Creates Language / S. Pinker. – N.Y., 1994.

Postman, N. The Humanism of Media Ecology / N. Postman // Paper presented at the First Annual Convention of the Media ecology Association. June 16, 2000. – N.Y.: Fordham University, 2000.

Shakhovsky, V. I. Emotional problems of speech partners in the intercultural communication / V. I. Shakhovsky // Theory of Practice of Communication: RCA, Bulletin 3. – Rostov-on-Don, 2005. – P. 106–110.

Searle, J. R. Minds, brains and science. – Harvard university press. – Cambridge, Mass, 1974.

Stankiewicz, E. Problems of Emotive Language / E. Stankiewicz // Approaches to Semantics / ed. by Th.A. Sebok, Monton and Co. – London, 1964. – P. 239–246.

Stevenson, Ch. L. Meaning: Descriptive and Emotive / Ch. L. Stevenson // The Philosophical Review. – 1948. – V. XLVII, № 2. – P. 127–144.

Stevenson, Ch. L. Some Pragmatic Aspects of Meaning / Ch. L. Stevenson // Reading in Semantics. – Illinois, 1974. – P. 17–25.

Tannen, D. You just don't understand. Women and Men in Conversation / D. Tannen. – New York, 1990 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.barnesandnoble.com/w/you-just-dont-understand-deborah-tannen/1001864034?ean=9780060959623>.

The language of emotions. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamin Publishing house, 1997.

Wierzbicka, A. Emotions across languages and cultures: diversity and universals / A. Wierzbicka. – Cambridge University Press, 1999.

Zadeh, L. A. Fuzzy sets / L. A. Zadeh // Information and Control. – 1965. – V. 8. – P. 338–353.

Лексикографические источники

Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка / З. Е. Александрова. – М.: Рус. яз., 1989.

Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://slovari.yandex.ru> (сокр. – БЭС).

Большой англо-русский и русско-английский словарь. 2001 [Электронный ресурс]. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus/597366/loneliness (дата обращения: 1.04.2013).

Большой русско-английский фразеологический словарь [Электронный ресурс]. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА: С. И. Лубенская. 2004. – URL: http://phraseology_ru_en.academic.ru (дата обращения: 01.04.2013).

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Использование. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.

Головин, С. Ю. Словарь практического психолога [Электронный ресурс] / С. Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1998. – URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/25/word/odinochestvo> (дата обращения: 13.05.2014).

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1 / В. И. Даль. – М.: Рус. яз., 1978.

Душенко, К. В. Любовь – это дыра в сердце / К. В. Душенко. – Изд. 3-е, испр. – М.: Эксмо, 2005.

Жеребило, Т. В. Термины и понятия лингвистики. Общее языкознание. Социоллингвистика: словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – М., 2011.

Мокиенко, В. М. Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.

Мультитран [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.multitran.ru/c/m.exe?a=3&&s=but&sc=0&l1=1&l2=2> (дата обращения: 08.04.2013).

Мюллер, В. К. Англо-русский словарь. 1995 [Электронный ресурс] / В. К. Мюллер. – URL: <http://www.correctenglish.ru/ebooks/dictionaries/muller/> (дата обращения: 01.04.2013).

Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. – URL: http://enc-dic.com/new_philosophy/Odinochestvo-850/ (дата обращения: 13.05.2014).

Новый большой англо-русский словарь. 2001 [Электронный ресурс]. – URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/eng_rus_apresyan/ (дата обращения: 08.04.2013).

Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1986.

Плущер-Сарно, А. Большой словарь мата / А. Плущер-Сарно. – СПб.: Лимбус Пресс, 2005.

Словарь символов [Электронный ресурс] // Толковые словари: образовательный ресурс. – URL: [http://oasis\[dog\]plib.ru](http://oasis[dog]plib.ru).

Степанов, Ю. С. Константы: слов. рус. культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Яз. рус. культуры, 1997.

Сущенко, Е. А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / Е. А. Сущенко; под ред. Л. Г. Татарниковой. – СПб.: Петрополис, 2011.

СЭС: Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – Изд 3-е. – М.: Сов. энцикл., 1984.

Толковый словарь русского языка онлайн [Электронный ресурс]. – URL: <http://formaslov.ru/> (дата обращения: 27.01.2014).

Универсальный русско-английский словарь [Электронный ресурс]. – URL: http://universal_ru_en.academic.ru/1778328 (дата обращения: 08.04.2013).

Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. – М.: Астрель: АСТ: А. И. Федоров, 2008. – URL: <http://phraseology.academic.ru/> (дата обращения: 08.04.2013).

Эпштейн, М. Н. Вызов мату, или Новый любовный словарь [Электронный ресурс] / М. Н. Эпштейн. – URL: Культура письменной речи. <http://www.grammar.ru/KOL/?id=1.42>. (дата обращения: 26.09.2010).

CDIQ: Cassell Dictionary of Insulting Quotations / By Jonathon Green. – Cassell, 2000. – Paperback.

Cowie A.P., Mackin R. & Mc Caig I.R. Oxford dictionary of English Idioms. – Oxford University Press, 1998.

DORO: Dictionary of Russian Obscenities. – Cambridge, Mass., 1971. Roget's Thesaurus in Dictionary Form. – N.Y., 1965.

SDORO: Short Dictionary of Russian obscenities. Compiled by D. A. Drummond and G. Perkins. Second, revised edition. Berkley Slavic specialities. – Berkley, 1980.

SPCS: Soviet prison camp speech / Meyer Galler, Harlan Marquess, 1972.

GBI: The Giant Book of Insults: Incorporating 2000 Insults for All Occasions and 2000 More Insults by Safian L. Citadel, 2000.

The Insult Dictionary: How to Give 'em Hell in Five Nasty Languages / By Passport Books. McGraw-Hill, 1988. – Paperback.

Webster's Revised Unabridged Dictionary. 1913 [Электронный ресурс]. – URL: <http://resource=Webster%27s&word=loneliness&use1913=on&use1828=on> (дата обращения: 08.04.2013).

ZPRS: Za predelami russkix slovarej. – Flegon, 1973.

Литературные источники

- Адарин, А. Ложь как инструмент управления государством [Электронный ресурс] / А. Адарин. – URL: <http://ad.listock.ru>.
- Акунин, Б. Бох и шельма / Б. Акунин. – М.: АСТ, 2015.
- Пушкин, А. С. Евгений Онегин: [роман в стихах, критика] / А. С. Пушкин; сост. С. Селиванова. – М.: Эксмо, 2006.
- Акунин, Б. Беллона / Б. Акунин. – М.: Роман, 2012.
- Акунин, Б. Пелагия и белый бульдог / Б. Акунин. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2001.
- Акунин, Б. Пелагия и чёрный монах / Б. Акунин. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006.
- Быков, Д. Списанные / Д. Быков. – М.: ПрозаиК, 2012.
- Губайловский, В. А. Книжная полка Владимира Губайловского / В. А. Губайловский // Новый мир. – 2008. – № 1. – URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/1/gu18.html.
- Данилевский, Г. Царственный узник [Электронный ресурс] / Г. Данилевский. – URL: <http://www.asbook.net/radioshow/> (дата обращения: 22.01.2016).
- Замятин, Е. И. «Мы» / Е. Замятин. – М., 1989.
- Кэрролл, Л. Алиса в Зазеркалье / Л. Кэрролл; пер. В. А. Азова. – М.– Пг.: Изд. Л. Д. Френкель, 1924.
- Лысенко, Б. Нецензурные выражения на стенах рейхстага / Б. Лысенко // Известия. – 1996. – № 171. – С. 3.
- Меняйлов, А. В. Сталин: посвящение волхва / А. В. Меняйлов. – М., 2001.
- Меняйлов, А. В. Понтий Пилат: Психологический анализ не того убийства / А. В. Меняйлов. – М.: КУДИЦ Образ, 2002.
- Минкин, А. Под властью маньяков: механизм общественной деградации / А. Минкин // Моск. комсомолец. – 2011. – 6 нояб.
- Минкин, А. В. Научим верить / А. В. Минкин // Моск. комсомолец. – 2016. – 29 янв.
- Минкин, А. В. О вежливости [Электронный ресурс] / А. В. Минкин / А. В. Минкин // Моск. комсомолец. – 2011. – 20 июня. – URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2011/06/19/598542-o-vezhlivosti.html>.
- Минкин, А. В. Письма президенту / А. В. Минкин. – М.: Хранитель, 2007.
- Минкин, А. В. Пушкин. Онегин / А. В. Минкин // Моск. комсомолец. – 2013. – 20 сент.
- Минкин, А. В. Книжки жги – спасай Россию [Электронный ресурс] / А. В. Минкин // Моск. комсомолец. – 2016. – 18 янв. – URL: <http://www.mk.ru/authors> (дата обращения: 22.01.2016).

- Миронова, Т. Песнь среди гвалта / Т. Миронова // Сов. Россия. – 1996. – 21 сент. – С. 3–5.
- Моэм, С. Подводя итоги / С. Моэм. – М.: Радуга, 1985.
- Новодворская, В. И. Над пропастью во лжи / В. Новодворская. – М.: АСТ, Олимп, 1998.
- Платонов, А. П. Юшка [Электронный ресурс] / А. П. Платонов. – URL: <http://ilibrary.ru/text/1192/p.1/index.html> (дата обращения: 31.01.2014).
- Русские заветные сказки в обработке А. Н. Афанасьева [Электронный ресурс]. – URL: www.hobbitaniya.ru/afanasyev/zavetskazki.php.
- Хинштейн, А. Хроника вранья [Электронный ресурс] / А. Хинштейн // Моск. комсомолец. – 2004. – 8–15 сент. – С. 5. – URL: <http://ilibrary.ru/text/981/p.1/index.html>.
- Чехов, А. П. Тоска [Электронный ресурс] / А. П. Чехов. – URL: <http://ilibrary.ru/text/981/p.1/index.html>.
- Шендерович, В. Т. Здесь было НТВ и другие истории / В. Т. Шендерович. – М., 2002.
- Янс, Г. Политическая проституция сменила пол [Электронный ресурс] / Г. Янс. – URL: <http://www.mk.ru/specprojects/free-theme/article/2013/03/15/826727-politicheskaya-prostitutsiya-smenila-pol.html>.
- Updike J. Tomorrow and tomorrow and so forth = Завтра, завтра и так далее: сб. рассказов для чтения на англ. яз. для студ. ст. курсов: учеб. пособ. / J. Updike; обраб. и коммент. Э. М. Гжанияц, С. Н. Агроскиной. – М.: Просвещение, 1982.
- Arnold, F. H. Not My Will / F. Arnold. – Chicago: Moody Press, 1981.
- Barstow, S. The Fury / S. Barstow // Moscow News. – 2001. – № 3–4.
- Bronte, J. Greatest of These. 1055 p. [Электронный ресурс] / J. Bronte. – URL: <http://judithbronte.com>.
- Connor, J. Jasmine [Электронный ресурс] / J. Connor. – URL: <https://www.fictionpress.com> (дата обращения: 02.04.2016).
- Cooper, J. Riders / J. Cooper. – L.: Corgi Books, 1986.
- Darcy, L. A private arrangement. Richmond, Surrey: Mills & Boon Modern Romance, 1993.
- Leclair, D. A Wholesale Arrangement. Thorndike Press, 1993.
- Lodge, D. Thinks... / D. Lodge – L.: Penguin Books, 2002.
- Maugham, S. Of Human Bondage / S. Maugham. – L.: Penguin books, 1992.
- Maugham, S. The Painted Veil / S. Maugham. – L.: Allen, 2004.
- Maugham, S. Theatre / S. Maugham. – М.: Менеджер, 2000.
- Mitchell, M. Gone with the wind / M. Mitchell. – Pan Books, 1979.
- O'Connor Fl. Short stories / Fl. O'Connor – М.: Mezhdunar. odnos., 1980.
- OZON.ru: Русская потаённая литература. Изд-во «Ладомир» [Электронный ресурс]. – URL: www.Ozon.ru/content.

Shakespeare, W. Romeo and Juliet / W. Shakespeare. – М.: Higher School Publ. House, 1972.

White, M. Spring Song / M. White. – Thorndike Press, 1998.

Updike, John. Tomorrow, tomorrow and so forth / John Updike // American short stories. – М., 1982. – P. 6–16.

Источники цитируемого материала

Телерадиовещание (2010–2015 гг.) *Радиопередачи (2013–2015 гг.)*
ТВ – 1–4-й каналы. «Эхо Москвы»

Периодические издания г. Волгограда

Газеты: «Аргументы и факты»
«Блокнот»
«Волгоградская правда»
«Город героев»
«Земля героев»
«Новая газета»
«Первая газета»
«Парк памяти»
«Хорошая компания»

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Понятийно-терминологический аппарат эмотивной лингвоэкологии

АДАПТИВНОСТЬ

адаптивная способность человека
адаптивное общение
адаптирующая функция языка
интенциональный тьюнинг / адаптация
моментальная / отсроченная регулятивная реакция
обучаемость тьюнингу
тьюнинг как знаниевый компонент коммуникативной компетенции
тьюнинг на позитив
эмоциональная адаптация речевых партнёров
эмоциональная дезадаптация
эмоциональная дезадаптация личности
эмоциональный тьюнинг

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ

амбивалентная ценность эмоций человека
амбивалентность эмоционально-смысловой потенции
амбивалентные / поливалентные КЭС (коммуникативно-эмоциональная ситуация)

(А)СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

социальная улыбка
социально-политическая обусловленность
социально-экологические фильтры
формулы вежливости

ВРАГ

образ врага
образ врага как идеологема
образ врага как мифологема

ДЕВЕРБАЛИЗАЦИЯ

девербализация
девербализация эмоций
невербальные «дуэли»

ДЕСТРУКТИВНОСТЬ

деструктивная информационная среда

ДИСКУРС

виндиктивный дискурс
глобальность агрессивного дискурса
дискурсивная эмотемность
дискурсивное развёртывание / деривация
дискурсивное развёртывание семантики слова / текста
дискурсивность эмоций
трансформация дискурса
эмоциональное многоголосие (полифоничность) дискурса

ЗАГРЯЗНЕНИЕ ЯЗЫКА

антропогенное загрязнение языка
загрязнители языка / речи
коэффициент загрязнённости речи (текста)
языковая грязь

ЗДОРОВЬЕ

валеология
здоровье человека
здоровье языка
здоровьеразрушающий фактор
психоэмоциональное здоровье

ИНФОРМАЦИЯ

довербальные информационные структуры эмоционального сознания
информация vs коммуникация
информация vs пропаганда
перцептивное восприятие негативной информации
созидательное воздействие хаоса
эмоциональная рефлексия
эмоциональная согласованность информации и ситуации
эмоциональное резонирование

КОГНИЦИЯ

взаимодействие когниции и эмоций
когнитивные ресурсы
когнитивный / эмоциональный диссонанс

КОММУНИКАЦИЯ / ОБЩЕНИЕ

аффективная коммуникация
векторы гармонизации / деструкции общения
гендерная (не)экологичность эмоциональной коммуникации
гибкая и подвижная норма общения
инвективное общение
коммуникативная задача
коммуникативная намеренность
коммуникативная эмоциональная ситуация (КЭС)
коммуникативный садизм
коммуникативный стиль
кооперативное общение
мена отрицательной тональности общения на положительную
неэкологичная коммуникация
неэкологичность эмотивного бизнес-общения
общение эмоциональными образами
позитивизация общения
позитивная / негативная тональность общения
позитивный / негативный вектор общения
понижение стилистической / экологической нормы общения
потеря позитивных ценностных ориентиров
регуляция негативной тональности общения
тензиональность общения
функционально-коммуникативная оптимальность
экспрессивизации общения
эмоциональные взаимоотношения
эмоциональная коммуникация
эффективность эмоционального общения

КОМПЕТЕНЦИЯ

депозитарий эмоциональной / эмотивной компетенций

КОНГРУЭНТНОСТЬ

конгруэнтность слова и дела
конгруэнтность эмоции и ситуации

КОНФЛИКТ

амортизация конфликта
выход из конфликта
конструктивное преодоление конфликтной ситуации

конфликтное общение
неэкологичность коммуникативного конфликта
юридические регуляторы конфликтов

КРАСНАЯ КНИГА или **КРАСНЫЙ СПИСОК СЛОВ**

КРЕАТЕМА

креатема
креативная стилистика
креативная функция языка
креативный класс (креакл)
эмоциональные креатемы

ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ

дизлингвоэкологическая деятельность
зона лингвоэкологической чрезвычайной ситуации
лингвоэкологическая ниша
лингвоэкологическая опасность / безопасность
лингвоэкологическая ответственность СМИ
лингвоэкологическая экспертиза
лингвоэкологические нарушения / преступления
лингвоэкологический императив
лингвоэкологический мониторинг
лингвоэкологический совет
лингвоэкологический эталон
лингвоэкологическое право
этическая лингвоэкология

ЛОЖЬ

иерархия лжи
институциональная ложь
лживые валентности слова
над эмоциональной пропастью во лжи
обманутые ожидания
обманутые переживания
послевыборная забывчивость претендентов
предвыборные шоу-маски
предвыборная мимикрия
турбулентное враньё
эмоционально-эстетическая маска

МАТ

амбивалентная функция мата
аргументативная функция мата
гедонистическая функция мата
катарсический эффект мата
мат как коммуникативная приправа
мат как компонент современной коммуникации
мат как аффектив / деструктив
пандемичность мата
примитивизация общения
срамословие
фасциативность мата
эмоциогенность мата

МОДАЛЬНОСТЬ

модальные коннотации
модус кажимости
экологическая модальность
эмотивная модальность

НЕРВЫ

за гранью нервного срыва

НКП (новое контекстуальное понятие)

концептуализация / лексикологизация / семантизация НКП

ПАРАМЕТРЫ / МАРКЕРЫ

маркеры текущей повседневности
параметры экологичности / неэкологичности

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ

запуганность
недопустимость публичных оскорблений
нервозность
привыкание к страху / жестокости
психологическая обстановка
психологический климат общества
психосоматический коррелят

психоэмоциональное «выгорание» личности
психоэмоциональный статус
психоэнергетический вред
растерянность
рефлексия чувств
снятие агрессивной напряжённости
страх
страхоустойчивость
ступор (находиться в ступоре, выводить из ступора)
фактор привыкания
чувственная сфера
чувственная температура общения
чувственный код
чувственный компонент семантики
эмоциональная доминанта сознания
эмоциональное сознание
эмоциональные образы
эмоциональный дейксис
эмоциональный индекс / тренд
эмоциональный координационный центр
эмоциональный ментальный стиль

РЕЧЬ

качества хорошей речи
речевая вседозволенность
речевой перебив как эмотив

СЛОВО

магическая власть слова
негативная психоэнергетика слова
семные конкретизаторы эмоционального признака слова
смертогенный потенциал слова
эмоциональная энергия слова
энергетическая мощь (потенциал) слова

СМИ

авторитетность слова в СМИ
глорификационные / диффамационные тактики и стратегии
СМИ
манипулятивность СМИ

массмедийная прагматика
массмедийное поведение
массмедийная авторитетность
медиапространство
медийная экология
стилистика медийной экологии
сужение экологичного лексикона
эмоции в современных СМИ

СМЫСЛ

искажённое смыслообразование
сбивание информационного фокуса
сбитый фокус восприятия
смысловики
эмоционально-смысловая энергетика

ТЕКСТ

возвышенные текстоощущения
текст-сообщение
текст-мнение
текст как эмотив
эмоциогенный текст

ТОЛЕРАНТНОСТЬ

градусы эмоциональной толерантности
нетолерантное поведение
нетолерантность речевого перебива
неэкологичность нетолерантности
повышение социального уровня (не)терпимости
толерантность (вынужденная)
эмоциональные реакции на нетолерантность

ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

адаптирующая функция языка
креативная функция языка
здоровьесберегающая функция языка
терапевтическая функция языка
этологическая функция языка
эмотивная функция языка
экологическая функция языка
эмпатическая функция языка

ЧЕЛОВЕК

homo obscenus / impudicus / indecens / turpis / mentiens / vulgaris / soveticus / sentiens
возвышение самооценки человека
другая языковая личность
неэкологичная языковая личность
человек – часть природы
элитарная языковая личность
эмоциональная жизнь человека
эмоциональная эгоцентричность человека
эмоциональная языковая личность
энтропия личности

ЭКОЛОГИЧНОСТЬ

асимметрия экологичности / неэкологичности
внутренняя экологическая цензура
кодификация экологичности / эмоций
национальная экологическая безопасность
несовпадение экологии смысловых полей
(не)экологичность текста
(не)экологичный заряд
неэкологичные номинации
неэкологичность поведения коммуникантов
семиотическая экологичность
факторы экологичности
эгоэкология
экологизация коммуникативного пространства
экологическая валентность слова
экологическая компетенция
экологическая культура
экологически опасное / безопасное слово
экологические пазлы
экологические / прагматические фильтры
экологический интеллект
экологическое воздействие
экологическое воспитание
экологическое сознание коммуникантов
экологичное мышление
экологичность (этичность) публичной эмотивной коммуникации

экологичные / неэкологичные функции эмоций
экологичный климат (общения)
экология
экология гармоничности
экология здоровья языка
экология коммуникативного взаимодействия
экология негативного общения
экология политической семантики
экология пользования языком
экология речем
экология эмоционального сознания

ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ксенокультурная дискурсивность эмоций
культура речи
культурная / нравственная экология
культурно-этические нормы
культурный код языка
культурные референты эмоций
культуросфера эмоций
культуросфера экологии
сохранение духовных скреп нации
эмоциональная (меж)культурная память

ЭМОЦИИ

снятие эмоциональных проб
(само)моделирование эмоций
библиотека эмоций
взрыв эмоций
выброс эмоций
голос эмоций
декодирование пред- / постэмоциональных сигналов
динамика психоэмоционального климата
динамическая эмоциональная эквивалентность
загонять эмоции вовнутрь
излучатель эмоциональных стимулов
имитация эмоций
индуцирование эмоционального образа
канализация эмоций
коммуникация эмоций

конституенты эмоционального интеллекта
многоязычие эмоций
нейтрализация эмоционального «экстрима»
пассионарные толчки
позитивное / негативное эмоциональное давление
поле эмоциональности
положительные (экологичные) и отрицательные (неэкологичные) признаки и конкретизаторы
понимание эмоционального / эмоциональное понимание
промысливание эмоций
противоположные эмоции
смешанные эмоции
сублимация эмоций
суммативность кластерности эмоций
трансляция эмоционального миропонимания
целостное / двойственное эмоциональное переживание
эмоции группы гнева
эмоциональная аргументация
эмоциональный след памяти
эмоциональный страйк / строук
эмоциональный стрессор
эмоциональный мотив
эмоциональный интеллект
эмоциональный гендеролект
эмоциональные последствия
эмоциональные впечатления / ощущения
эмоциональные импульсы
эмоциональное благо
эмоциональное двуличие
эмоциональная языковая картина мира
эмоциональная память
эмоциональная прагматика
эмоциональная интенция
эмоциональная выдержка
эмоциональная гармония / дисгармония
эмоциональная дуэль
эмоционализация мира
эмоционализация семиотических знаков языка и речи
эмоциональный модус экологичности
эмоциональный раздражитель

энантиосемия и антонимия эмоций
энергетическая мощь эмоций

ЭМОТИВНОСТЬ

многомодусность эмотивности коммуникативных задач
осознанная эмотивная обработка («переупаковка») высказывания
ситуативная эмотивность
ситуации доминирующего эмотивного тонуса
эмотивная / эмоциональная валентность
эмотивная креативность медийного дискурса
эмотивная лингвоэкология
эмотивная плотность текста
эмотивная синтаксическая деривация
эмотивная экстремальность
эмотивное значение
эмотивно-когнитивные механизмы
эмотивные повторы
эмотивный радикализм
эмотивный фонд языка
эмотивный язык

ЭТИЧНОСТЬ

(не)реагирование государственных структур на неэтичные высказывания публичных деятелей
этичный коммуникативный стиль

ЯЗЫК / ЛИНГВИСТИКА

болезни языка
больной / здоровый язык
буферная емкость лингвосистемы
возвышение (глорификация) языком
вульгаризация / деэкологизация языка
давление на языковую среду
деинтеллектуализация языка
дигрессия языковая / речевая (лингводигрессия)
индивидуальная языковая картина мира
интра- / интер- / транслингвальный аспекты
лингвистическое хулиганство / юродство
лингвицид

лингвогомеостаз
лингвонарциссизм
лингвотоксикология
обценный язык
осознанное / бессознательное унижение языком
положительное / негативное влияние языка
расшатывание языковых норм
унижение языком
ущербный языковой круг
фантомный язык
чистота русского языка
эмоциональные валентности языка и человека
эстетизация и этизация языкового пространства
язык агрессии
язык вражды и ненависти
язык как естественная среда
языковые преступления

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Асимметрия экологических (+) и неэкологических (–) номинаций современных дискурсов (фреймовая структура)

Предупреждение. Вся лексика, фразеология, свободные и устойчивые словосочетания, фразы цитируются по различным источникам – СМИ: ТВ (все каналы), газеты федеральные и региональные, журналы, радиопередачи (больше всего «Эхо Москвы»), Интернет; художественная литература, современные песни, театральные постановки, спортивные, политические, экономические, медицинские, конфессиональные, научные, информационные комментарии, а также комментарии комментариев. Некоторые из последних получают последующие комментарии во всех СМИ с подключением к ним читателей, зрителей, не только журналистов, но и рядовых граждан страны.

Многие из них могут быть распределены по отдельным дискурсам, внутри которых можно выделить отдельные темы, а есть и такие номинации, которые включены в данном словнике в «разнотемные».

Энергетическим центром деривации креативных номенов являются СМИ, которые я условно называю «осиным гнездом», т. к. большинство креативных номенов являются неэкологичными и, следовательно, «пора-

жающими» ratio и emotio и провоцирующими нездоровые ощущения у адресатов. А это не может не воздействовать на их здоровье, а также здоровье языка, т. к. многие креативы – на грани нарушения языковых и этических норм. Прежде всего это касается экологом, образованных новым для современного русского языка способом деривации – блендингом. Поэтому прошу не судить строго, если встретится повтор или неправильное, с вашей точки зрения, отнесение той или иной экологемы к той / иной теме и к экологичным / неэкологичным номинациям: некоторые из них могут легко трансформироваться в зависимости от КЭС из экологичных в неэкологичные и наоборот. Точно так же одна и та же экологема разными адресатами может восприниматься полярно по параметру «экологичность».

Мотивом изобретения новых номенов, конечно же, являются соответствующие коммуникативные ситуации (социально-политические, экономические, конфессиональные, бытовые, правовые и т. д.). Эти ситуации провоцируют эмоции журналистов и государственных чиновников. Их рефлексия на события является мотивом и интенциями порождения ими вербальных креативов, которые постепенно накапливаются и кластируются в дискурсы, со временем дробящиеся на микродискурсы. Последние по мере продолжения креативной деятельности журналистов могут формироваться в отдельные дискурсы. В данном списке, например, от дискурса «СМИ» отпочковались такие дискурсы, как «Украина», а из него, в свою очередь, выделился дискурс «Крым». Другими крупными дискурсами являются «РПЦ» (конфессиональный дискурс), дискурс секс-меньшинств, «Кадыров-дискурс» и др.

В книге показано и доказано, что ситуация рождает эмоцию, эмоция рождает номинации-креативы, последние рожают эмоции, которые, в свою очередь, рефлексированы в новых номинациях. И так «ходит песенка по кругу». В этом проявляется тесная круговая взаимосвязь ситуации и эмоции, с одной стороны, и ratio и emotio, с другой стороны.

В данный словник включены далеко не все креативы из картотеки, собранной мною из всех перечисленных выше источников и конкретно названных в библиографическом списке. В данный словник включены и примеры из разных разделов данной книги: они в известной степени взаимодополняемы. Естественно, что вся обценная лексика и фразеология, широко используемые в современном коммуникативном пространстве России, здесь не цитируются по экологическим соображениям.

ФРЕЙМ ДИСКУРСА «СМИ»

Экологически маркированные	Неэкологически маркированные
+	–
Слот 1 «Разнотемные номинации»	
Белая роза (чистая и искренняя любовь), благочестивая уважительность, внутренний редактор толерантности / экологичности, внутренняя интеллектуальность, сеточка счастья / добра, центр патриотического воспитания, очередь на Серова	Арест, антиязык, безмолвный свидетель, деревянный макинтош, вдохновенная пошлость, депутаты, заказные убийства, избивание журналистов, гибридное государство, насилие, настоящие киприоты России, осиротевшие родители, ограбление, обвинение, образование у барной стойки, право на воздух, процент соотношения совести и здравого смысла, подстилка богемная, «сакс-скандал», «страна-малина», узник совести, вообразилия, шуматоха, выдвигенщина, думрак, застелье, килогоды, лоховоз, люмпеллигенция, молчевидец, мразья, музоль, опоздунья, очередь на Серова
9	34
Слот 2 «Нелюбовь»	
–	«Любовь-ненависть», нелюбовь, «убойная любовь»
	3
Слот 3 «Информация»	
Медиагруппы, медийный, медиальный, медийный концерн, экология изложения факта / события, инфотеймент	Агрессивная информационная среда, антиязык, блокада нежелательной информации, дезинформация, жулики-пиарщики, журнаглисты, журнализы, журналоги, СМИситители, СМИюги, смысловики, стереть информацию, стрессоизлучатель, трепортер, трепортаж, политический журналист, взбесившийся принтер, жулики-пиарщики, лжурналист, непроверенная информация, противоречивая информация, пробная информация, затемнение / двуличие / усиление / смягчение информации; информационная война; информационная демократия / вилка / помеха, инфомафия, информационный тролль / шум / пожар, информационная бомба, инфотира, информароссия, войска по информационным операциям, попытка словами, сброс информации, «сгорающие сообщения», фейк-новость, фотобомба, эффект привыкания, стереть информацию, быдлак, гестапки, депардировать, ебелдосы, интеллигены, квартирания, клепто- / дыморатия, коммутанты, креакл, Меркози, оболдайсы, сталинобус, ховости, кривизна мнений
7	60

Слот 4 «Политика»	
Репутация, внутренняя интеллектуальность, добрый баннер, информационная демократия, пластилиновый полицейский	Репутация, антисанкции, выборочное правосудие, двойные стандарты, иноагент, кадыринг, кладезь проблем, машина / инкубатор / минута / час ненависти, пармезанский, перезагрузия, Пехтинг (критика), политический гурман, премьерзидент, рейтинг первого лица, санкции, саммитомания, стартап, танализация, тандем, телепузики (о политиках на экранах ТВ), турецкий след, политика / ночь длинных ковшей, швыряние/бросание/кидание тортами/яйцами в оппозиционеров, несправедливый суд, закручивание конфликтов, внесистемная оппозиция, наведение конституционного порядка, отказ в регистрации партии «Парнас» (и других оппозиционных партий для участия в выборах всех уровней), демшиза, тандемология
5	37
Слот 5 «Выборы»	
–	Административный ресурс, вбросы бюллетеней, выборы на крови, карусель, подкуп избирателей, подмена протоколов голосования, суверенная демократия, Хериановая доля, чурова победа, чуровщина года, подарки избирателям и др., метание / кидание / бросание в оппозиционеров, срывы встреч оппозиционных кандидатов
	15
Слот 6 «Патриотизм»	
<i>«Патриотизм – национальная идея»</i>	<i>«Патриотизм»</i>
Кадыров – патриот России, духовно-нравственная карта (Кадыров), центр патриотического воспитания, патриотическое движение, патриотичные смайлики	Бюджетный патриотизм, инкубатор патриотического воспитания, Кадыров – национальная опасность России, лжепатриотизм, патриотический инкубатор, поп-патриотизм, хейтриотизм, непатриотичные смайлики, духовно-нравственная карта (Кадыров), кадыризация, кадыринг, зачёт Кадырова, пехотинец Путина, «Макаревича на “Смак”», поп-патриотизм
5	15
Слот 7 «Кадыров»	
Кадыров – патриот России, Патриотизм – национальная идея, духовно-нравственная карта (Кадыров)	Кадыров – национальная опасность России, кадыризация, кадыринг, духовно-нравственная карта (Кадыров), зачёт Кадырова, пехотинец Путина, чеченский резерв, спецвойско
3	8

Слот 8 «Испорченные слова»	
–	Вертикаль, выборы, голубой, коммунист, милиция, новое мышление, перестройка, план, проект, реформа, системная и несистемная оппозиция, чиновник <i>12</i>
Слот 9 «Враг»	
–	Внутренний и внешний враг / враги, все вокруг враги, враг народа, государственный изменник / предатель, изменник, «пятая колонна» <i>8</i>
Слот 10 «Война / армия»	
–	«Ампутация совести», амазонки / дамы / женщины Сердюкова, «битва над телами», боевики, взрывы снарядов на военных складах, «вежливые люди», «зеленые человечки», горячая точка, гибридная/ психологическая/секретная война, дедовщина (изощренная), дело «Оборонсервиса», дружественный огонь, закручивать спираль конфликтов, изуродование солдата Сысоева, камуфляж без шевронов, милитаризм, обвал потолка в казарме, оборотни в погонах, «пушечное мясо», самоубийства в армии, транспортировка тел убитых солдат (груз 200 / печальный груз / «черный тюльпан»), ядерный пепел, ДНК-экспертиза расчлененных трупов (война, катастрофы), бочковая косая фосфорная бомба <i>31</i>
Слот 11 «Криминал / преступление»	
–	Криминальный, криминалитет, криминализованный, бандитствующая полиция, расстрелы в школах / учреждениях, бомбист, криминирующий, криминальный интернационал, организованная преступность, приватизационные схемы разворовывания, сращивание криминала с госструктурами, расстрел, самоубийство, серийные расстрелы, убийство А. Политковской (Немцова, Маркелова, Бабуровой и др.), избиение О. Кашина, коррупция во власти (незко), картельный сговор, коррупция / коррупционный скандал, нецелевое использование бюджетных средств (казнокрадство), «распил бюджета», отстрел чиновников, посредничество во взятке <i>25</i>

Слот 12 «Игра»	
–	Афера, игорная мафия, игорные клубы, игра власти в социалку, игра на первобытных инстинктах, игровая эпидемия, одорукий бандит, пиар-игра/ игроки на рынке, банковские игроки <i>10</i>
Слот 13 «ЖКХ / УК»	
–	Заоблачные тарифы, качество воды со знаком +, капремонт, неубранные дворы/подъезды/свалка, налог на свет, текущие крыши, ямы, колдобины, мусорки, разбитые дороги, рассыпающиеся дома, падающие балконы, протекающие крыши, рвущиеся трубопроводы, нереагирование на жалобы жильцов, защита УК госчиновниками и правоохранительными органами всех уровней, полный беспредел, беззащитность граждан <i>18</i>
Слот 14 «Конфликтность»	
–	Межнациональные / межконфессиональные / межгосударственные конфликты, разжигание национальной розни <i>4</i>
Слот 15 «Катастрофы»	
–	Авиакатастрофы, бунты в тюрьме, взрыв Невского экспресса, взрыв, выкуп террористам за освобождение, взрывы в московском метро / храмах / шахтах / жилых домах / рынках / общественном транспорте / вокзалах / самолетах, гибель от рук террористов, гибель подлодки «Курск», грабежи, групповое изнасилование, гуманитарные катастрофы, нападение, горящие шахты, детское рабство/детское сексуальное рабство/детская проституция / педофилия, землетрясение, крушение, музейные кражи, массовые беспорядки, «Норд-ост», наводнение, одиночные пикеты, обстрелы, отказ от детей, природные катаклизмы, продажа в рабство, пожар (детские дома, дома престарелых, соборы, клубы), расстрел детей, распродажа детей на органы / торговля детьми / человеческими органами, эпидемия (птичий, свиной грипп, вирус Эбола, вирус «Корона», «Зика»), стихийное бедствие, черный ящик <i>43</i>

Слот 16 «Ложь / вранье / обман»	
–	Видимость, двойная игра, делание вида, запоздалая / дробная правда, инсинуация, комплимент (как вариант лжи), конвейер вранья, лжесвидетельство, лицемерие, ловкачество, лукавство, манипуляция (манипулирование), мистификация, наговор, небылица, обман / неправда/неискренность / уловка / ухищрение / сокрытие правды / симуляция (эмоций), оговор, опорочивание, перевираание, полужошь, лживые обещания, полуправда, притворство, тенденциозность, увертка, уклончивость, умолчание; фальсификация, мошенничество 36
Слот 17 «Мигранты»	
–	Лагерь беженцев, поток беженцев, сексуальное насилие беженцев, миграционный кризис, мигрантские джунгли, нелегальные мигранты, неконтролируемая миграция, «понаехали тут», депортация 9
Слот 18 «НКП» (новые контекстуальные понятия)	
–	Бананотехнологии, благоподлость, благородный гнев, великое стояние (пробка), «гражданинпоэт», «двуногая саранча», доносема, дорожная карта, ё-мобилизация, злобро, злодчество, имитационная демократия, клеветнический туризм, квест-игра, книзменность, конвейер вранья, мазохизм в коммуникации, мерзоблагостный, музоль, неглянец, неопатия, новотека, хирургическое невмешательство, оптимизация, «околокремля», пищевой геноцид, препторы, прихватизация, нехоть, «пришлем врача» (он вас полечит), принудительное добро, продление надежды, профессиональные пессимисты, словесные протезы, стабилизец, «слова слиплись» / склеенные слова, «советовскоешампанское» / «советиношампанское», стабильная нестабильность, холодная ярость, циничка, цифровое слабоумие, цифровая зависимость, «зерновой рубль», продуктовый крематорий, Межрождественье, «исчадие добра», «ужас восторга», свекрёща, саинтурист, ублюди, словопийца, эпиродия, килогоды, новые бедные, первопрохладец, пчеловек 58

Слот 19 «Пресса»	
Инфотеймент 1	Желтая / красная/черная / цветная пресса / революция, жулики-пиарщики, клеветнический туризм, просоветский антикоммунист (о де Голле), «оборонный объект» (школа в Европе), останкинская двустволка, папарацци, светлые цели и темные методы, словесные протезы, спецотряды зомбирования, «сгорающие сообщения», смысловики (пропагандисты), смысловики; «убийственный народ», медвепут 22
Слот 20 «Протест»	
–	Акционизм, акционист (Павленский), анатомия / гинекология протеста, акция протеста, Басманный суд, Болотное дело, забастовка, могильщик оппозиции, наномитинг, принуждение к митингу, проблема дальнобойщиков, протестная голодовка, протестная мода, протесты пенсионеров / врачей / учителей / бюджетников / дальнобойщиков / академиков / журналистов (в Европе), Хамовнический суд, ходорки, флэшмоб без штанов, вспышки недовольства 25
Слот 21 «Радио “Эхо Москвы”» (эхоизмы)	
–	Америкосы, атмосфера ненависти, веселенькие похороны, «вашингтонский обком» / «Эхо Вашингтона», вирус зла, вирус Явлинского, выборочная гуманизация, вывернуться мехом вовнутрь, гавно нации, газпода, говношоу / мёт, завистливые козлы, законодательные фрики, имитационные выборы, кремлевские чуваки, люди-валенки, манипулируемые лохи, назначение цели ненависти, безнадежно глупо, «Нью-Йоркский комсомолец», немцовомост, околокремля, нетолерантные запретные законы, Никифоров-лох, Обама-Чмо, Орлеанская девственница, памятник тщеславию, «по уши в волне», пиндосы, пропагандоны, путем Онищенко, ритуал лжи, сбитый фокус восприятия, светлые цели и темные методы, сволота, святоблуды, социальная терпимость, транспортная блокада, турбулентное время, убить неведение, узник совести, «убийственный народ», чеченский резерв, флешмоб, эффект привыкания, эхонутые, точечный отстрел, коллектор-убийца, кидбург, асоциальное го-

Слот 30 «Шутливые /ироничные номинации»	
Грязницы, джигурдашка, себяшка (В. Жириновский), себяка (М. Н. Задорнов), неустаюноша, предприятель, счастливичный, водятел, трендяшки, свекрёша, скрупулительный, шоубиз, бабушка-трансформер 13	Обалдайсы, олигофренд, губка-боб – квадратные штаны, бабосы, бабальоны, ботинок, дружестанец / вражестранец, ксерануть, опоздун, печалька, писюк (сленг), печеньица/печенюшка, скрупулительный, факсануть 16
Слот 31 «Американизмы»	
<i>Американизмы</i>	<i>Алкогольные американизмы</i>
Вкусмайлики, выдринкать, герла, герленыш, герлица, герловы, герлуха, герлушка, драйв, ремейково / ремейковый, тренди / трендить / трендовый, трендинг, френдовый, футболеутоляющее 17	Выдринкать, дринч, дринканутый, дринкать, дринкач, дринк-команда, дринкованный, дринчать, задринчать, надринкованный, надринчанный, надринчаться, удринчаться 13
Слот 32 «Алкогольные русизмы»	
–	Алколодранец, алкогольвица, алконавт, алкоматчики, буходные, расслабухать, трезвое опьянение, пьятница, закусерий 9
Слот 33 «Деархивация»	
<i>Деархивация (возвращенцы)</i>	<i>Деархивация</i>
Алтын, ВДНХ, волонтеры, ГТО, добровольцы, двойные стандарты, консенсус, национальная идея, начальная военная подготовка, пионер, пионерский горн, средневековое варварство, студенческие отряды, школьные сочинения 14	«Бандеровцы», ватник, император / царь, империя, консенсус, партизан/партизанское движение, просоветский антикоммунист (о де Голле), санкции, фашистские организации, фашисты/нацисты 13

Слот 34 «Забывтые слова»	
Взаимопонимание, герой, гордость, добро, добродетель, дружба, достижения/ трудовые успехи, жалость, милосердие, невиновность, повышение производительности труда, подвиг, радость, сердоболие, совесть, сострадание, сочувствие, справедливость, стыд, стыдливость, участие, человеческое достоинство, урожай, честь, чистота, порядочность 27	–
Всего положительных номинаций: 102 Всего отрицательных номинаций: 751 Всего номинаций: 853	

Персонали: Е. Андреева, С. Белковский, Д. Быков, М. Веллер, В. Кара-Мурза, Дм. Киселёв, А. Минкин, А. Орех, Г. Павловский, С. Пархоменко, М. Ситтель, В. Соловьев, В. Шендерович, А. Нарышкин, А. Поздняков, М. Ганнопольский, В. Жириновский, Т. Фингелгауэр, С. Доренко, Е. Киселев, Ю. Латынина – авторы и произносители экологических / неэкологических креатем.

ФРЕЙМ ДИСКУРСА «УКРАИНА»

Данный дискурс отделился как самостоятельный от дискурса «СМИ» в результате его обширного развертывания. Внутри данного дискурса можно было бы также выделить в качестве самостоятельного дискурс «Крым». В дальнейшем он, несомненно, отпочкуется от дискурса «Украина» в силу того, что Крым больше не принадлежит Украине.

Экологически маркированные	Неэкологически маркированные
+	–
Слот 1 «Разнотемные номинации»	
300 белых КраЗов, волонтеры, временное перемирие, гуманитарный конвой/коридор, ДНР, добровольцы,	Гибель журналистов, гибридная / психологическая война, зеленые человечки без шевронов, нравственное помешательство, обмен пленными, Правый сектор, сбитый «Боинг»

контрактники, ЛНР, минские договоренности, национальная гвардия, Новороссия, мягкая сила 13	8
Слот 2 «Майдан»	
Майдан 1	Анти-Майдан, Майдан, Евромайдан, майданутый, майданюк, майданная власть, размайданить 7
Слот 3 «Крым»	
Энергетический мост / туннель 2	Блокаут, «крымнаш», открымзить, открымить, праздничный торт к 8 Марта, псевдо / продуктовая блокада, «светнаш», энергоблокада, вежливые люди 10
Слот 4 «Прозвище»	
–	Бандеровцы, гривро, колорады, национал-предатели, пропагандоны, титушки (это собирательный термин, которым на Украине более полугодом обозначают молодых людей спортивного телосложения и в спортивных костюмах, выступающих в роли провокаторов либо «зачищающих») гражданские акции, слово произошло от фамилии спортсмена Вадима Титушко, ставшего прообразом типичного «титушки»-провокатора), шоколадный олигарх, Укрофа, укрофашисты, укропы, укры, фашисты, националисты, девушка с косой, гривро 15
Слот 5 «Политика»	
Минские договоренности 1	Беженцы, гомодиктатура, декоммунизация, ленинопад, минские договоренности, наведенный риск, слив Новороссии, арест Н.Савченко, срыв перемирия, бомбёжки жилых кварталов, контрактники, национальная гвардия, киевские снайперы, нарушение временного перемирия 14
Слот 6 «ТВ»	
–	Бессмертный полк, дружественный огонь, ротожопье, телехунта, украинские силовики и каратели, гденукович, пропагандоны, смыслотики, тайные захоронения, информационная война, марш пленных в Донбассе, обмен пленными, обменный фонд,

	гибель журналистов российских СМИ, арест российских добровольцев-офицеров, гибридная война, мобильный крематорий 17
Всего положительных номинаций: 17 Всего отрицательных номинаций: 71 Всего номинаций: 88	

Персонали : А.Б. Аваков, В. Захарченко, В. Кличко, П. Порошенко, М. Саакашвили, И. Стрелков, Ю. Тимошенко, А. Яценюк, Н. Савченко – авторы и произносители вышеприведенных креатем.

ФРЕЙМ ДИСКУРСА «ЭКОНОМИКА»

Выделение экологических номинаций является условным, т. к. многие изначально экологичные в процессе их функционирования образуют негативными ассоциациями, которые со временем трансформируются в негативные коннотации. Следовательно, они приобретают негативную семантику и переходят в разряд неэкологических (это касается и дискурса «Медицина»), поэтому они могут быть указаны в обеих колонках как амбивалентные (эко/неэко).

Экологически маркированные	Неэкологически маркированные
+	–
Слот 1 «Разнотемные номинации»	
Бартер, дачные амнистии, добро- / дешеволет, дорожная карта, индекс экономической безопасности, логистика, паркомат, сити-менеджер, снижение налогов для дальнотбойщиков, стабильность, Таможенный союз, тендер, топ-менеджер, формальная экономика, честный магазин, чистая зарплата, экономический форум, экономика, эскиморс, kiss and ride 22	Автостерва, агрокрематорий, божмаркет, вампоэкономика, веселая депрессия, бюджетник, льготник, минималка, порешать проблему / вопрос, социалка, ксерануть, факсануть, стабилизец, обжорная экскурсия по столовым Думы, вкусмайлики, счастливочный, волатильность 18

Слот 2 «Деньги / финансы»	
Зерновой рубль, зернозолотой, реструктуризация долгов 3	Валить деньги, валютный кризис / контроль, демонизация денежных знаков, деньгидой, задолженность по зарплате, золотой парашют, лондримат (банк, отмывающий грязные деньги), монетизация, отмывание денег, пилить / распиливать бюджетные деньги, полет / падение / закат рубля, психологический рубеж рубля / доллара, РосПил, рубль плавающий, сладкие деньги, манипулятор, долговая яма, нехитрые гонорары, реструктуризация долгов, финансовые аппетиты, налоговые законы, налог на электроэнергию, новые долги, ценовые войны, удешевление квартир из-за девальвации рубля 30
Слот 3 «Криминал»	
–	Мэриозы, нарконеизависимость, ойлгархия, оперативки 4
Слот 4 «Банки»	
Банк-регулятор 1	Кризисный управляющий банком, обманутые вкладчики / дольщики, санация банков, сдербанк, финансовые аппетиты, fishing (воровство банковских карт) 7
Слот 5 «Бизнес»	
Амнистия по экономическим преступлениям, налоговые каникулы для малого бизнеса, дилер	Голодообразующее предприятие, короли госзаказов, кошмарить бизнес, налогообложение, бизнес-империя, «гадюшники», опасный самострой, «помидорами не отделаешься», «бумажки, полученные <i>жюльническим</i> путём», алкоматчи, качать зерно, влапудам, капитализация счастья, дилер, черные риэлторы, сговор риэлторов, закапывание / сжигание / растаскивание продуктов, дистрибьютор фальшивок, продуктовое эмбарго, путем Онищенко, улучшайзинг, планолизировать, сидеть на трубе, уничтожение еды, экспертизерша, чайкоменеджер (прилетел, наорал, нагадил и улетел), газпода, водятел, предприниматель, автостервис, архитектуртка, ё-дороги, ё-мобиль, уазбука, хамелеард, квартирания 39
3	

Слот 6 «Кризис»	
–	Банкротство, вредные продукты, дефолт, дно / пик кризиса, запрещенка, импортозамещение, коррупция-опарыши, кризис трубы, кризисный пик, культ кризиса, налог на электроэнергию, нехитрые гонорары, обманутые вкладчики, оптимизация, повышение тарифов, рост цен, санкционка, санкции / антисанкции (экономические, политические, военные, научные), продуктовая инфляция, секвестр, снижение прожиточного уровня, стресс-тест, ускорение девальвации, страна на коленях, экономика больна, экономический пессимист, экономика в кольце проблем 29
Слот 7 «Обман»	
Приватизация 1	Прихвизация, белая зарплата, закрытая безработица, игроки на рынке, изъятие денег из кошельков, картельный сговор, неформальная экономика, нецелевое использование средств (казнокрадство), сговор коррупционеров, суррогатное спиртное, хамеры-грабители, черные риэлторы, черный вторник / пятница / четверг и т. п., откатстрой, пектинг, спайс, суррогатное / спиртное / сырьевое проклятие, убитые квартиры, экономикадзе, экономическая хунта, стервис, кокалонизация, отравоядные 27
Слот 8 «Пенсионеры»	
–	Лишение работающих пенсионеров индексации пенсий / различных льгот, пенсия по старости, период дожития, повышение пенсионного возраста, протестные выступления Кубани против отмены льгот за проезд, социальная обида, социальная терпимость 8
Всего положительных номинаций: 30 Всего отрицательных номинаций: 162 Всего номинаций: 192	

Персонали : С. Алексашенко, Е. Гайдар, С. Глазьев, Т. Голикова, С. Гуревич, В. Нечаев, А. Силуанов, А. Улюкаев, Е. Ясен, Г. Греф, Э.Набиуллина.

ФРЕЙМ ДИСКУРСА «РПЦ» (Русская православная церковь)

Дискурс «РПЦ» также является выходцем из макродискурса «СМИ» в силу повседневной активности Патриарха Кирилла и активизации деятельности РПЦ во всех государственных (светских) сферах. Журналисты активно комментируют эту деятельность и порождают соответствующие креатемы, большей частью неэкологичные, т. к. они носят критический характер.

Экологически маркированные	Неэкологически маркированные
+	–
Благочестивая милость, закон Божий, религиозоведение, сакральность, ТВ-канал «Спас»	Агрессивное поведение верующих, «Божья воля», православные активисты / патрули / радикалы / дружинники / отряды; барражирование вертолёт с иконой Казанской Божией Матери, доставленной из Петербурга, над г. Волгоградом после трёх терактов; попытки отобрать Исаакиевский собор в Петербурге, вмешательство в образование и искусство (музеи, кино, театры, литературу), вражда между конфессиями, запрет рок-фестиваля «Кубана», коммунисты-перевёртыши (участвуют в молебнах, крестятся, стоят с зажжёнными свечами, участвуют в крестных ходах), коррупция в РПЦ, котриарх, отмена спектакля «Тангейзер», панк-молебен, попытка отменить концерт «Серебряного дождя», попытки запрета хиджабов в школах/вузах, православная нетолерантность; православные рублевцы, православные фанатики, неприязнь к атеистам, религархия, религиозные комиссары / фанатики, религиозный гнев, святобесие, канал Н. Михалкова «Бесогон», сатаньяк, удобоверие, религарх
5	32
Всего положительных номинаций: 5 Всего отрицательных номинаций: 32 Всего номинаций: 37	

Персонали: Патриарх Кирилл, протоиерей Андрей Кураев, протоиерей Дм. Смирнов, В. Чаплин (бывший пресс-секретарь РПЦ).

ФРЕЙМ ДИСКУРСА «МЕДИЦИНА»

Выделение экологических номинаций является условным, т. к. многие изначально экологичные в процессе их функционирования образуют негативными ассоциациями, которые со временем трансформируются в негативные коннотации. Следовательно, они приобретают негативную семантику и быстро переходят в разряд неэкологичных.

Экологически маркированные	Неэкологически маркированные
+	–
Глюкометр, инсулин длительного действия, инсулин короткого действия, инсулиновая помпа, криогеника, криомедицина, криотерапия, криоэкстрактор, наногенетика, неонатология, подиатр, «святая святых» (ядро клетки хозяина), фасциальная терапия/диагностика, «штаб-квартира» (клетка хозяина)	–
15	
Слот 1 «Разнотемные номинации»	
Интернет-аптека	Виртуальные пилюли, вирус «Корона», демографическая ситуация, клятва Герострата, «лечение» или «мучение», лекарственный беспредел, марихуана, массовые отравления, многочисленные самоубийства онкобольных по вине Минздрава, наркоман, «проститня» в белых халатах, пандемия свиного и птичьего гриппа, спайс, эпидемия под микроскопом
1	14
Слот 2 «Детские»	
Гули-гули (сигнал диспетчеру о том, что бригада скорой помощи освободилась), папа (зав. отделением), телепузики (см. «колобок» – слот 5)	Бабка-нарушка (пожилая пациентка с нарушением мозгового кровообращения), поиграть в войнушку (разбудить соседей на вызов, чтобы они помогли спустить больного на носилках), стукалка (дефибриллятор)
3	3
Слот 3 «Шутливые / ироничные номинации»	
–	Валенчик (лежачие больные), клизматрон, консервы (пациенты, находящиеся на консервативном лечении), НЛЮ (неподвижно лежащий объект), парашютист (падение с высоты), сектор приз (встретить аварию по пути на подстанцию), скрипач (резаные раны на предплечье, напоминающие положение смычка при игре на скрипке), хабитус (состояние больного), цветомузыка (машина скорой помощи с включенными звуковыми и световыми сигналами), девочки (пожилые пациентки, не достигшие 85 лет), кремлевский курсант (олигофрен), титан мыслей (больной, страдающий слабоумием), фиалка монмартра (женщина-бомж, обладающая харак-

	терным запахом), генитально, ханастезиолог, херминатор, экстазм, эскуляпус 18
Слот 4 «Критические»	
–	Намордник (медицинская маска), ремки (реаниматологи) 2
Слот 5 «Литературные»	
Зайчик (больной с обморожением костей), колобок (больной с выраженным асцитом), флинт (больной с ампутированной ногой) 3	–
Слот 6 «Заболевания»	
–	Атипичная пневмония, ВИЧ, вирус / лихорадка Зика, диабет бородатых женщин, диабет голодных, лихорадка / вирус Эбола, «медовый месяц», «молчаливый убийца» (о сахарном диабете), птичий грипп, раковая опухоль, свиной грипп, СПИД, СПИД-западня, СПИД-истерия, чума XX века, чума беспутных 18
Слот 7 «Симптомы заболеваний»	
–	«Барабанные палочки», больной N, синдром бабочки, синдром аффективного расстройства (САР) 4
Слот 8 «Природные»	
«Феномен утренней зари» 1	«Медовый месяц» 1
Слот 9 «Сленговые номинации»	
Завести больного (восстановить синусовый ритм после остановки сердца), гороскоп (свежие анализы) 2	Водолаз, загрузить пациента (вести психотропные препараты), ложки (пациенты преклонного возраста, опирающиеся на палочку и шаркающие тапками по коридору), перелить пациента (вести слишком много растворов внутривенно), размочить бабушку (добиться возобновления мочеотделения у пациента с почечной недостаточностью), сделать скворечник (провести трепанацию черепа), суицидальный психоз, факир (степень ожога) 8

Слот 10 «Нейтральные»	
БАДы, дженерик, ЭКО (экстракорпоральное оплодотворение)	
3	Всего положительных номинаций: 25 Всего нейтральных номинаций: 3 Всего отрицательных номинаций: 68 Всего номинаций: 96

Персонали: Р. Акчури, И. Белобородов, С. Бубновский, С. Готье, доктор Лиза (куратор хосписов), Э. Иманбаев, Е. Малышева, Г. Онищенко, Е. Ройзман, Л. Рошаль, С. Фёдоров и др.

ФРЕЙМ ДИСКУРСА «ИНТЕРНЕТ»

На примере данного дискурса можно предложить структуру презентации экологических / неэкологических номинаций в виде следующей схемы – все номинации кластировать по принципу «нейтральные (последний раздел в сплошную строчку) vs экологически маркированные». Последние, в свою очередь, кластировать по принципу «позитивные – негативные». Можно выделить дискурсивные гнезда «шутливо-юмористические vs шутливо-ироничные / саркастичные». К каждому из них относить термины с явно позитивной vs негативной семантикой.

Экологически маркированные	Неэкологически маркированные
+	–
Личка, репост, репостить, пост, ретвит, сеточка счастья 6	Блогиня, дезигнер (за счет неблагозвучной формы), демотиватор, забанить, ИМХО, инобуквица, кибердружинники (доносчики), копипаст, кэш, лифтолук, медиабаинг, муравьи, оффтопик, пиктура, расшаривать, ретвитнуть, сабдж, селфи (из-за излишней рекуррентности, из-за гибели многих людей), селфи-марафон, сетевой хомячок, спам, тайтл (избыточная лексика), торрент, тошнота текста, трафик сайта (двойная актуализация семантики), троллинг, файервол, флуд, фотожаба, фотосессия, фотошоп, хакеры, хвастограмм, цифровое слабоумие, чатиться, сетература, сетез, электронный кошелёк 38

Слот 1 «Шутливо-юмористичные»	
Банщик, блогиня, куки, коп (от копирайтер), модер (от модератор), соцсетчивый, сосед (от домоседа), чатиться 8	Вампьютер (ирон.), вампьютеризация (ирон.), ви-диот, копипаста Интeрнета, лайк, лайкать, лайкбище, лайкнуть, лайчущий, морда, муравьи, пусточа-титься, трафик сайта, роллить 14
Слот 2 «Нейтральные»	
Сайт, чат, аватар, бан, биткоин (электронные деньги), блог, блоггер, веб-сервис/ страница/сайт, виджет, вики, виртуальный, встречный текст, гаджет, джипег, дис-трибутив, домен, дорвеи, зак, Инстаграм, плагин, провайдер, профиль, рерайтинг, Рунет, скрипт, социальные сети, твиттер, тег, трейлер, флеш-анимация, Wi-Fi 33	
Всего положительных номинаций: 14 Всего нейтральных номинаций: 33 Всего отрицательных номинаций: 52 Всего номинаций: 99	

Персоналии : А. Волож (Yandex), Т. Бернерс-Ли, С. Брин (Google), Б. Гейтс, С. Джобс, П. Дуров и др.

ФРЕЙМ ДИСКУРСА «СПОРТ»

Экологически маркированные	Неэкологически маркированные
+	-
Айскартинг, айс-клайминг, брумбол, буер, велолыжи, евроспорт, женские прыжки на лыжах с трамплина, лыжный хафпайп, паралимпиада, паркур, руфер, скид-жоринг, сноукайтинг, спорт для инвалидов, фрисби, фут-бэг, хоккeрн, хэдис, чайрли-динг, неустаюноша 20	Антидопинговый контроль, «грязный» спортсмен, договорной матч, допинг, допинговый скандал, ки-берспорт, кипяток мировой лыжни, по уши в до-пинге, принуждение к допингу, футболеутоляющее (футбол + болеутоляющее), футбол, женский фут-бол, майка Тарасова, мельдоний 14
Слот 1 «Паралимпийский спорт»	
Баскетбол / регби / теннис / керлинг на колясках, пара-триатлон, парасноуборд, сурдлимпийские игры 7	-
Всего положительных номинаций: 27 Всего отрицательных номинаций: 14 Всего номинаций: 41	

Персоналии : Т. Бах, Дж. Блаттер, Е. Исинбаева, С. Коэ, Ю. Липницкая, В. Мутко, Е. Плющенко, А. Сотникова, М. Сафин, М. Шарапова, Г. Хиддинг и др.

ФРЕЙМ ДИСКУРСА «НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ»

К сожалению, в прессе не функционируют никакие положительные экологемы в комментариях, посвященных науке и образованию. Отмечается также многолетнее отсутствие лауреатов Нобелевской премии по различным разделам науки (теоретическим и прикладным). Дискурс характеризуется лексической бедностью.

Экологически маркированные	Неэкологически маркированные
+	-
-	Девальвация ВАК, диссернет, диссергейт, диссеркэт, коррумпированные диссоветы, кримина-лизация науки, лингвистические банды, нано-технологии, «научная проститня», написание дис-сертаций по заказу, отъем имущества РАН, плагиат, протестные акции ученых, разгон академии, «ре-форма» РАН, система «Антиплагиат», бананотех-нологии, банкет Чубайса, гонорары депутата Гос-думы за лекции, стремление госчиновников к на-учным дипломам, торговля диссертациями, «утеч-ка мозгов», ФАНО, «эффективность» вузов, сли-ние вузов, сокращение вузов, десциенция, книзмен-ность, книгeр, диссертационная помойка 30
Всего отрицательных номинаций: 30 Всего номинаций: 30	

Персоналии : А.А. Абрикосов, А. Аганбегян, Ю. Апресян, Ж. Алферов, М. Котюков, Дм. Ливанов, Л. Рошаль, В. Садовничий, В. Фортв и др.

ФРЕЙМ ДИСКУРСА СЕКС-МЕНЬШИНСТВ

Дискурс секс-меньшинств возник неожиданно перед сочинской Олимпиадой после принятия Думой Федерального закона «О запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовер-

Научное издание

ШАХОВСКИЙ Виктор Иванович

ТРИАДА ЭКОЛОГИЙ –
ЧЕЛОВЕК, ЯЗЫК, ЭМОЦИИ –
В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ

МОНОГРАФИЯ

Подписано к печати 16.11.16. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Уч.-изд. л. 22,5.

Издательство ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27